

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

1 (71)

Январь – Февраль – Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2021

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2021
  - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2021
  - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

1 (71)

January – February – March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2021

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem), Prof. *Carlo Lippolis* (Torino),
Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow), Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow),
Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow), Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow),
Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow), Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk),
Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk), Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow),
Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

**Поздравляем с юбилеем
Николая Андреевича Макарова!**

22 декабря 2020 г. исполнилось 65 лет Николаю Андреевичу Макарову, академику, вице-президенту РАН, директору Института археологии РАН, члену-корреспонденту Германского археологического института, члену-корреспонденту Американского археологического института. Юбилей ученого и организатора науки такого масштаба вызывает особый интерес в кругу профессиональных археологов и сердечное желание единомышленников выразить свою высокую оценку уже сделанного юбиляром в науке.

Коллеги, друзья и ученики от всей души поздравляют дорогого Николая Андреевича с замечательным юбилеем и желают ему крепкого здоровья, бодрости духа, новых открытий и творческих успехов в научной и организационной деятельности.

Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 7–21
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 7–21
©Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-7-21

ГОРГИППИЙСКИЕ ЧЕРЕПИЧНЫЕ КЛЕЙМА С ЛЕГЕНДОЙ АРХΕΙΑ

С.Ю. Сапрыкин

МГУ им. М.В. Ломоносова; Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
mithridates@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена черепичным клеймам из боспорского города Горгииппии, которые имеют легенду ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙ[.]. Автор считает, что предложенные ранее трактовки этих клейм как обозначения дворца или здания государственного значения, как выражения «черепица для власти» или прилагательного ἀρχεῖα для характеристики самой черепицы – неприемлемы. Он оспаривает и предлагаемое А.В. Ковальчук определение их как дорического генитива личного имени Ἀρχεῖας, встречающегося исключительно в Беотии и не засвидетельствованного на Боспоре, тем более в форме дорического диалекта. Он приходит к выводу, что это клейма двух типов, которые сохранили сокращения имен двух фабрикантов-эпонимов ΑΡΧΕΙΣ = Архестрат и ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ = Археанакт с традиционным для боспорской фонетики вокализмом –ε = ει или ι = ει, в том числе и в IV в. до н.э. Один из штампов клейма ΑΡΧΕΙΑ имеет в конце лунарный знак, обозначавший половину (долгое время его несправедливо считали значком сокращения имени). Это дает основание автору предполагать, что клейма Архес(трата) и Археа(накта) соответствуют типологии боспорского черепичного клеймения середины – третьей/начала последней четверти IV в. до н.э. Их появление стало результатом активизации строительства в городе Синдская гавань, преобразованном в полис Горгииппию. Расширение строительства в Горгииппии и появление клейм ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙΣ связано с развитием строительного дела и подъемом ремесла на Боспоре при Перисаде I.

Ключевые слова: классическая археология, кровельная черепица, черепичные клейма, Боспор, Горгииппия, Синдская гавань, Пантикапей, Гермонасса, агонистический каталог, греческая ономастика, имена Архестрат, Археанактиды, Археанакт, Архий, Архей, Беотия.

Данные об авторе: Сапрыкин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

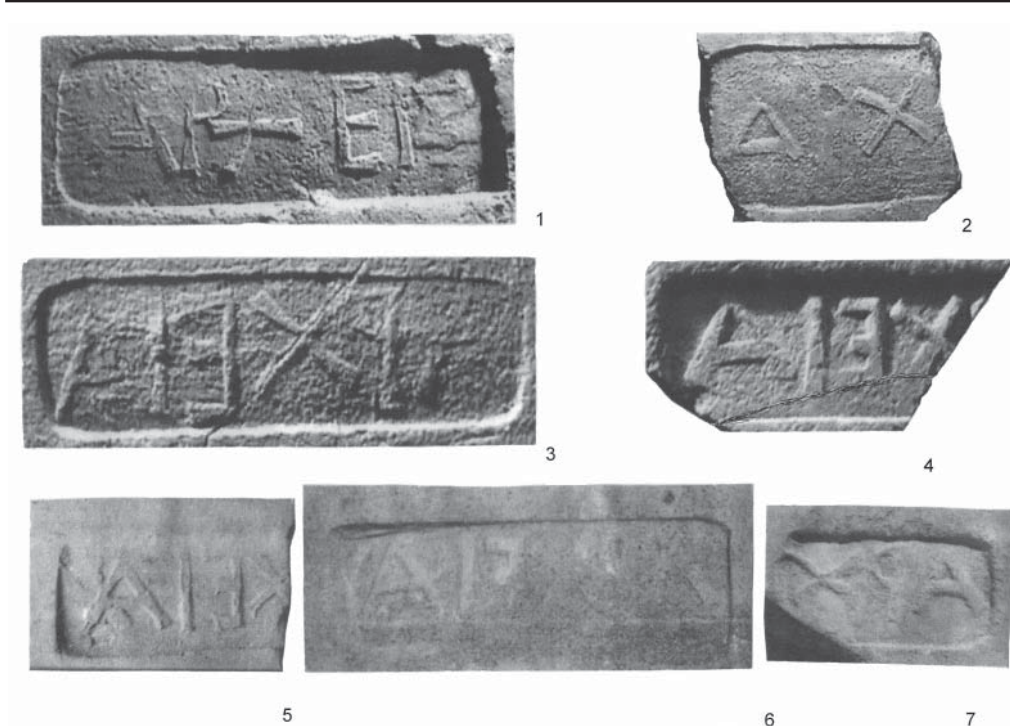

Рис. 1. Черепичные клейма ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙΣ. Горгиппия (по В.И. Кацу и А.В. Ковальчук)

Fig: 1. Tile stamps ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙΣ. Gorgippia (after V.I. Kats and A.V. Kovalchuk)

Среди боспорских клейм на черепице особую группу составляют штампы с легендой ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙ. (рис. 1, 1–7). При составлении свода клейм IOSPE III клеймо ΑΡΧΕΙΑ было помещено в раздел неопределенных оттисков. Однако, на основании того, что оно хранилось в Новороссийском музее и, по-видимому, происходило из Анапы, Б.Н. Граков высказал мнение, что это клеймо горгиппийское, а клейменная им черепица предназначалась для какого-то здания общественного или государственного значения в Горгиппии (IOSPE III. 7, 10)¹. Мнение исследователя о горгиппийском происхождении клейм оказалось полностью справедливым, они действительно засвидетельствованы исключительно в Горгиппии и на ее периферии. В.И. Кац предположил, что подобные клейма относятся к фабриканту ΑΡΧΕ², а позднее поддержал точку зрения Б.Н. Гракова и продатировал их серединой IV в. до н.э., точнее серединой – второй половиной этого столетия³. К настоящему времени выявлено тридцать плоских керамид с означенными клеймами, двадцать их оттисков на плоской черепице и четыре штемпеля, из которых три (ΑΡΧ, [Α]ΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙΑ) ретроградные и один (ΑΡΧΕΙ(Α))

¹ Граков 1959, вводная статья (рукопись). Цит. по: Кац 2011, 181–193.

² Кац 2007, 335.

³ Кац 2011, 182, табл. 2, 1–4; 2015, кат. №№ 1872–1890.

обычного типа⁴. А.В. Ковальчук уточнила распределение штампов по группам и количество клейм в каждом из четырех штампов: штамп 1 – ΑΡΧ (два клейма) – по палеографии идентичен штампу 2 – ΑΡΧΕΙΑ (пять клейм) + свыше десяти клейм, опубликованных В.И. Кацем, штамп 3 – ΑΡΧΕΙΑ (шесть клейм) + один оттиск, опубликованный В.И. Кацем, по написанию букв отличается от штампа 2, но в целом они близки, штамп 4 – ΑΡΧΕΙ(Α) (три клейма) + два оттиска в каталоге горгиппийских клейм В.И. Каца. Исследовательница отметила присутствие их в комплексах из Горгиппии на раскопе «Горком» 1988–1989 гг. конца IV – начала II в. до н.э. вместе с боспорскими черепичными клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ, клеймами Метродора и Эвмела, амфорными родосскими клеймами 220–180 гг. до н.э. и 180–150 гг. до н.э. Такие клейма выявлены на раскопе «Заповедник» 1981 г. вместе с клеймами Горгиппа, Перисада I, Эвмела, фабриканта ΒΟΣ. Черепица с клеймом ΑΡΧΕΙΑ была найдена на некрополе Горгиппии как часть заклада погребения 16 на ул. Терской вместе с оттиском черепичного клейма Эвмела. Клеймо ΑΡΧ[ΕΙΑ] зафиксировано среди находок из дома № 10 (пом. 72) вместе с клеймами ΒΟΣ и ΓΟΡ, а также монетами 340–250 гг. до н.э.⁵ На этом основании клейма ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ было предложено датировать концом IV – третьей четвертью III в. до н.э., а по характеру шрифта III в. до н.э.⁶

Б.Н. Граков считал, что легенда клейм служила обозначением правительственного здания в Горгиппии, где располагались полисные власти. Ведь термином τὸ ἀρχεῖον Ксенофонт называет постройки государственного значения (Хен. Суг. I. 2. 3). На Боспоре τῶν ἀρχείων – это охраняемые гарнизонами правительственные здания или резиденции Левкона I (Polyaen VI. 9. 2). Если исходить из такого понимания термина, то клейма ΑΡΧΕΙΑ – это номинатив или аккумулятив множественного числа τὰ ἀρχεῖα, т.е. «дворцы», «резиденции». Однако практика клеймения черепицы в древней Греции показывает, что названия построек, для которых предназначалась черепица, как правило, поставлены в клейма в родительном падеже, о чем свидетельствуют черепичные штампы из Спарты и других городов⁷. К тому же прочтение легенды (τὰ) ἀρχεῖα подразумевает не одно, а несколько резиденций. У Эвмела, который имел владения в Синдике (Diod. XX. 26), могли быть резиденции в Горгиппии и на Раевском городище. Однако на Раевском городище клейм ΑΡΧΕΙΑ не найдено, там обнаружены только клейма Эвмела⁸. Поэтому трактовать клейма ΑΡΧΕΙΑ как обозначение правительственных зданий, дворцов или резиденций Спартокидов представляется сомнительным.

⁴ Кац 2011, 182, табл. 2, 1–4; 2015, кат №№ 1872–1890; Ковальчук 2017, 241–249. В.И. Кац выделил один неретроградный штамп, который читается слева направо ΑΡΧ (рис. 1, 2) (Кац 2011, табл. 2, 2). Клеймо обломано, его можно считать аналогичным ретроградным клеймам ΧΡΑ > ΑΡΧ (рис. 1, 7) (Ковальчук 2017, рис. 1, 1) или еще одним штампом неретроградного клейма ΑΡΧ[ΕΙΑ] (см. Кац 2011, табл. 2, 1; Ковальчук 2017, рис. 1, 4). Последнее, впрочем, маловероятно, шрифт этого клейма отличается от палеографии клейм ΑΡΧΕΙ, но практически полностью совпадает со шрифтом ретроградных клейм ΧΡΑ > ΑΡΧ.

⁵ Алексеева 1997, 122, табл. 59, 14–17.

⁶ Ковальчук 2017, 241–249.

⁷ На это правильно обратила внимание А.В. Ковальчук (Ковальчук 2017, 247: клеймо в таком случае читалось бы как τῶν ἀρχείων или τοῦ ἀρχείου). О клеймах на черепице с названиями построек см. Wase 1905/1906, 344–350; Nilsson 1909, 65; Сапрыкин 2020, 25–27.

⁸ Онайко 1967, 157.

По мнению А.В. Ковальчук, легенда клейм может иметь два значения: 1) ἀρχεῖα, т.е. именительный падеж прилагательного ж.р., что является определением плоской керамики – κεραμίδς; 2) Ἀρχεῖα – дорический генитив мужского имени Ἀρχεῖας. Последнее обосновывается ею следующим образом: «в случае с именем Архий мы имеем дело с мужским именем с основой на -ᾱ, которые в Nom. sing. могут иметь окончание -ᾱς или -ης. Подобные имена образуют в Gen. sing. формы на -ᾱο, откуда в аркадо-киприотских диалектах появляются формы на -ᾱυ или на -ᾱ, а в ионийских на -εω, -ω»⁹.

Первое предположение противоречит практике черепичного клеймения на Боспоре. Там на строительные материалы (черепицу) ставили клейма с именами фабрикантов или попечителей, тиранов из династии Спартокидов, а если черепица была изготовлена для храма, то в клеймо помещали теоним божества, например, Афродиты. Позднее, приблизительно в середине III в. до н.э., черепицу стали штамповать клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ΟΣ и ΙΔΙΩΤΙΚΗ/ΟΣ, а еще позднее клеймами с именем и титулом архонта Гигиенонта. Черепица для зданий типа резиденций или помещений для органов власти на Боспоре не клеймилась, так как на боспорских керамидах ни одного клейма с названием постройки пока не найдено¹⁰. Клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΙΔΙΩΤΙΚΗ не могут служить основанием для трактовки клейм ΑΡΧΕΙΑ как обозначения правительственного здания, поскольку они фиксировали царские и частные заказы на изготовление черепицы для разных построек, а не саму постройку¹¹. Поэтому сочетание ἡ ΑΡΧΕΙΑ κεραμίδς как буквальное обозначение строительных материалов типа «черепица власти», «черепица для власти», «черепица для резиденции, дворца, здания магистратской коллегии» (от ἀρχή > ἀρχεῖος, -α, -ον > τὸ ἀρχεῖον) невозможно. Если бы заказ на черепицу для зданий государственного значения исходил от полисных властей, то в клейме стояло бы определение ΑΡΧΟΝΤΙΚΗ¹², а не ΑΡΧΕΙΑ. Поэтому считать клейма ΑΡΧΕΙΑ обозначением строительных материалов для конкретного здания нельзя.

Что же до второго предположения А.В. Ковальчук, то оно требует более подробного анализа. В Горгии действительно засвидетельствовано некоторое количество имен, которые имеют параллели в Геракле Понтийской и ее колониях Каллатисе и Херсонесе Таврическом, и даже незначительное влияние дорийского диалекта, что проявляется при перечислении имен и патронимиков в агонистическом каталоге III в. до н.э. (КБН 1137). Исследователи склонны объяснять этот факт присутствием среди населения города граждан Каллатиса, которые во время осады их полиса Лисимахом были поселены Эвмелом на Боспоре в окрестностях современной Анапы. Они говорили на дорическом диалекте греческого языка, так как Гераклея Понтийская, метрополия Каллатиса, являлась колонией Мегар¹³. Однако имени Ἀρχεῖας в ономастике Боспора и в агонистическом каталоге из Горгии нет. Ссылка А.В. Ковальчук на родительный падеж этого имени в аркадо-киприотских, дорийском и ионийском диалектах несостоятельна, поскольку

⁹ Ковальчук 2017, 246–248.

¹⁰ Сапрыкин 2020, 103–114.

¹¹ Кузнецов 2008, 392–403; Сапрыкин 2020, 251.

¹² Что в целом правильно поняли В.А. Анохин и В.В. Веселов, но они ошибочно восстановили клеймо [...]ΤΙΚΟΣ как [ΑΡΧΟΝ]ΤΙΚΟΣ вместо правильного [ΙΔΙΩ]ΤΙΚΟΣ (Анохин 1999, 202–205; Веселов 1962, 350).

¹³ Латышев 1909, 256; Берзин 1961, 111–127; Анохин 1999, 219–213.

ко времени появления клейм, о которых речь, горгиппийцы, как и большинство жителей Боспора, изъяснялись на койне.

Имена на Αρχ-, к числу которых относится и предполагаемое имя Ἀρχείας, в эллинской ономастике имеют разные формы, в том числе в родительном падеже. Имена Ἀρχαῖος (LGPN I 84; IV 51; V.B 70), Ἀρχεῖος (LGPN I 85), Ἀρχος, Ἀρχάς, Ἀρχῆς (LGPN III.A 74, 76; V.B 70; V.C 65), Ἀρχῆς (LGPN V.B 70), Ἀρχιον (LGPN III.B 72) для определения предполагаемого имени в клейме APXEIA не подходят, поскольку в генитиве имеют окончания -ου или -έως. Женские имена Ἀρχίς, -ίδος, Ἀρχίς, -εως (LGPN I. 89; III.A 78) следует отбросить, так как в керамических клеймах женских имен нет по определению. Для нас интерес представляют мужские имена Ἀρχίας и Ἀρχέας. В причерноморском регионе (Пантикапей, Каллатис, Херсонес, Византий, Лисимахия, Македония, Фракия) зафиксировано только имя Ἀρχίας (LGPN IV 51, 53), причем на надгробии из Пантикапея оно поставлено в вокативе Ἀρχία (КБН 408). Это подразумевает генитив Ἀρχίου (1 скл.). В такой же форме это имя засвидетельствовано в Ионии¹⁴, Магнесии, Смирне, Пергаме – (LGPN V.A 77), на островах Эгеиды: IG XII. 1 46, 127 – Родос, 730 – Камирос; IG XII Suppl. 629 – Эвбея, в Киренаике – (LGPN I. 86), Аттике – (LGPN II 70), Ахайе, Арголиде, Эпире, Лаконике (IG V. 1 1134), Коринфе, Сицилии, Апулии – (LGPN III.A 76), Беотии (IG I 840, 3044), Фессалии, Локриде, Мегариде (IG I 2), Фокиде – (LGPN III.B 70), Малой Азии – Карию, Милете, Киликии, Ликий (LGPN V.B 70), Каппадокии (LGPN V.C 66). В большинстве случаев родительный падеж имени Ἀρχίας имеет окончание -α (Ἀρχία, см. IG I 498: Метимна, III 1 78: Абы, 1065: Амфисса; IG XII. 1 46, 127: Родос, 730: Камирос; IG XII Suppl. 69: Лесбос, патронимик Соитта из Митилены, проксена этолийцев). В аттическо-ионийском диалекте и койне классической формой родительного падежа этого имени будет Ἀρχίου (IG Sicil. Ital. 712, 776; IG I 2: Мегара; IG XII Suppl. 139: Лесбос), что, как очевидно, засвидетельствовано и на Боспоре. Это противоречит легенде горгиппийского клейма, если считать APXEIA родительным падежом от Ἀρχίας > Ἀρχείας в дорической огласовке.

Личное имя Ἀρχέας встречается в эллинском мире не менее часто: LGPN V.A 77 – Иония, Приена, Мисия, Адрамитий; I 84 – острова Эгейского моря (IG XII Suppl. 127: Лесбос), Астипалайя, Киренаика; III. A 74 – Арголида, Мессения, Сицилия; III.B. 68 – Беотия, Фокида, Фессалия). Форма родительного падежа этого имени Ἀρχέα засвидетельствована в Приене (IvPriene 313), на Фере (IG XII. 3 1400), Карпатусе (IG XII. 1 993). В Орхоменах и Феспиях (Беотия) в III в. до н.э. зафиксировано имя Ἀρχείας (LGPN III.B 69). В посвяительной надписи богине Артемиде оно фигурирует в качестве отчества некоего Антикрата: Ἀντικράτης Ἀρχεῖης<ι>ος (IG VII 3214)¹⁵. Патронимик Антикрата частично испорчен, его восстановление соответствует нормам беотийского диалекта, но с элементами гапакса. Его генитив не согласуется с родительным падежом имени Ἀρχείας в дорической огласовке на -α в клейме APXEIA, которое А.В. Ковальчук приводит для доказательства прочтения в нем имени Архий. В системе гласных беотийского диалекта ι = ει, ει = η, так как ει образовалось из η и позднее вторично перешло в монофтонг ē. В Беотии

¹⁴ См., например, имя магистрата APXIAΣ на монетах ионийского города Левки (Kinns 2010, 493, 501).

¹⁵ Amandry, Spyropoulos 1974, 180, fig. 6 (Орхомены).

такое произношение появилось в раннее время, а с V в. до н.э. распространилось в другие регионы путем перехода $\eta > \epsilon i > i$, причем позднее регулярно использовался уже гласный звук i ¹⁶. Из этого следует, что форма личного имени Ἀρχεΐας – исключительно местная, беотийская, в других регионах, включая Боспор, не встречающаяся. Она соответствует или близка именам Ἀρχέας, Ἀρχίας, во много раз чаще фиксируемым на территории эллинской ойкумены. Эти имена имеют окончания родительного падежа на –οῦ и на –α. Поэтому, учитывая, что генитив на –α в именах Ἀρχεΐας > Ἀρχέας, Ἀρχίας в дорической форме вряд ли соответствует клейму ΑΡΧΕΙΑ в Гогиппии, где дорийский диалект официально не применялся, и принимая во внимание, что на Боспоре засвидетельствовано только имя Ἀρχίας с Gen. sing. на –οῦ, прочтение клейма как Ἀρχεΐα в дорическом генитиве мужского имени Ἀρχεΐας маловероятно.

В этой связи нами было предложено считать ΑΡΧΕΙΑ обозначением черепицы путем использования среднего рода прилагательного ἀρχεῖος, –α, –ον (ср. Xen. Суг. I. 2. 3 – τὰλλα ἀρχεΐα, т.е. «ведомство», «государственное управление», «коллегия магистратов», «магистратура», а во множественном числе «городские или государственные власти» (LSJ. s.v.) или власти вообще (Plut. Ages. 33). Мы полагали, что τὰ ἀρχεΐα употреблялось в значении «должностные обязанности» или «властные полномочия» (IG II. 332. 45). Поэтому ΑΡΧΕΙΑ, как предполагалось, – это номинатив прилагательного женского рода, который фиксировал государственный заказ на партию черепицы, стандарт которой подтверждали власти (ἡ ἀρχεΐα κεραμίσ) – «государственная (букв. магистратская) черепица» или «черепица от власти». Такие клейма, по нашему мнению, вошли в обиход в 360-х – первой половине 350-х гг. до н.э. и проставлялись в качестве знака контроля за производством черепицы по заказу властей исключительно для полиса Гогиппии¹⁷.

В настоящее время мы вынуждены признать это предположение ошибочным, на что указывают два важных фактора. Первый изложен выше в процессе критики предположения о предназначении черепицы «для здания типа правительственной резиденции». Второй более существенный. Выделенный А.В. Ковальчук штамп 3 ретроградных клейм ΑΡΧΕΙΑ содержит не замеченный никем, в том числе и нами, лунарный знак (который, по ранее распространенному мнению ученых, обозначал сокращение имени (рис. 1, б)). Однако, как мы пытались доказать, это знак, который означал половину от заказа в виде выплаты мастеру половины суммы от подряда, ибо вторая половина дохода от заказа поступала в казну. Штамп 3 этого клейма читается справа налево как ΑΡΧΕΙΑ), поэтому штампы 1–3 должны относиться к одному и тому же фабриканту ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙΑ), так как почти все они ретроградные (исключение – не ретроградный штамп ΑΡΧ, выделенный В.И. Кацем – рис. 1, 2)¹⁸, близки друг другу хронологически, хотя поставлены на черепицу в разное, но близкое друг другу время. Об этом говорят их форма¹⁹ и палеография: штампы 1–2 + не ретроградный штамп ΑΡΧ почти одновременны (одинаковые формы Χ, Ρ, Α), штамп 3 чуть более поздний, поскольку Α имеет

¹⁶ Buck 2001, 31.

¹⁷ Сапрыкин 2020, 107–114.

¹⁸ См. выше прим. 4.

¹⁹ Ковальчук 2017, 243: «исполнение штампа 3 близко штампу 2, отличаются только размеры клейма и расположение букв в поле оттиска».

чуть ниже посаженную поперечную гасту, очертания букв шире, средняя гаста Е короче, Х уже в размерах, чем в штампах 1–2 (рис. 1, 1–7). Лунарный знак половины позволяет отнести клейма ΑΡΧΕΙΑ штампа 3 к группе боспорских черепичных клейм с таким же знаком, которые в большом количестве встречаются по всей территории Боспора. Они содержат сокращения имен мастеров с лунообразным знаком, получивших подряд на изготовление керамид ²⁰. Клейма ΑΡΧΕΙΑ одновременны другим боспорским клеймам с сокращениями имен и знаком половины. Их следует включить в одну группу черепичных клейм со штампами мастеров-эпонимов, которые выпускали черепицу с клеймами со своими именами в сокращении сначала без знака половины, а позднее стали ставить этот знак вместе с аббревиатурами их собственных имен ²¹. Согласно такой последовательности проставляли и клейма ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙΑ). Однако клейм с подобным именем в других местах Боспора нет, они характерны исключительно для Горгиппии. Поэтому данное имя принадлежало горгиппийскому фабриканту, продукция которого предназначалась для нужд только этого полиса. Клейма одних и тех же мастеров в сокращении без лунарного знака и с лунарным знаком, как было предложено нами, распределяются между концом 350-х – 330-ми гг. до н.э. (сокращения имен до 2–3-х букв и более без знака половины) и 330/328 – 315/310 гг. до н.э. (сокращения имен более 2–3-х букв со знаком половины) ²². Это означает, что черепица с клеймами ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ (штампы 1–2) появилась в третьей четверти IV в. до н.э., а керамиды с клеймом ΑΡΧΕΙΑ) были изготовлены в конце третьей четверти – середине последней четверти IV в. до н.э. Это совпадает с датировкой, предложенной В.И. Кацем, а также их присутствием в археологических комплексах Горгиппии вместе с клеймами Спартокидов – Горгиппа, Метродора, Перисада I, клеймами с легендой ΒΟΣ приблизительно 360 – 340-х гг. до н.э., клеймами Эвмела 310–304 гг. до н.э. и соответствующими монетами. Если это так, то легенда ΑΡΧΕΙΑ не может означать дорический генитив имен Ἀρχέας, Ἀρχίας и особенно Ἀρχείας, который использовался в речевом обиходе горгиппийцев под влиянием поселенных Эвмелом близ Горгиппии выходцев из Каллатиса. Каллатийцы появились там не ранее 309–304 гг. до н.э. ²³, тогда как знак половины в клеймах ΑΡΧΕΙΑ не позволяет датировать их позднее времени правления Перисада I. Черепица использовалась долго, ее экземпляры со штампом ΑΡΧΕΙΑ могли доживать до последней декады IV в. до н.э., когда в обиход вошли клейма ΓΟΡ и штампы Эвмела ²⁴, и даже позднее. Это вынуждает искать иное объяснение легенды ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙ, нежели то, что предложено А.В. Ковальчук.

Для раскрытия легенды означенных клейм следует обратить внимание на штамп, который обычно читают как ΑΡΧΕΙ(Α) или ΑΡΧΕΙ[.] (штамп 4 по Ковальчук). В отличие от штампов 1–3 легенда этого клейма не ретроградная и читается слева направо (рис. 1, 1). ²⁵ Данный факт показывает, что клейма ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ и ΑΡΧΕΙ[.] принадлежали разным лицам. Последняя буква в клейме штампа 4 со-

²⁰ Берзин 1959, 53–60.

²¹ Гайдукевич 1935, 211–315; Анохин 1999, 205–208; Федосеев 2012, 30–81; Сапрыкин 2020, 157–191.

²² Сапрыкин 2020, 300, 301.

²³ Сапрыкин 2011, 63–68.

²⁴ Сапрыкин 2019, 124–128; 2020, 92–98.

²⁵ Кац 2011, 182, табл. 2, 1–4; 2015, кат №№ 1872–1890; Ковальчук 2017, 241–249.

хранилась нечетко, однако изучение ее контуров и шрифта клейма в целом убедило нас в том, что оно не относится к группе клейм ΑΡΧΕΙΑ. Клеймо резко от них отличается, буквы в нем лучше апицированы, Α имеет широкую промежуточную гасту, Χ одну из гаст, направленную горизонтально, а не крест накрест, как в клеймах ΑΡΧΕΙΑ, Ε имеет равновеликие горизонтальные гасты, Ρ достаточно широкое ушко. По палеографии его можно датировать серединой – второй половиной IV в. до н.э.²⁶ Данный штамп отличается от клейм ΑΡΧΕΙΑ еще и тем, что финальная буква в нем – *сигма* (она чуть меньшего размера, чем другие буквы), а далее как будто бы стоит знак половины), от которого дошла только четверть дужки верхней части полуовального лунарного знака. Однако неудовлетворительная сохранность правой части клейма заставляет нас на этом не настаивать. Клеймо читается как ΑΡΧΕΙΣ или ΑΡΧΕΙΣ)?, что может быть только сокращением личного имени. В греческом ономастиконе засвидетельствованы женские антропимы Ἀρχίς (LGPN I. 89; III. A. 78), Ἀρχεσίς, Ἀρχεσώ (LGPN IV 52), Ἀρχεστράτη, Ἀρχεστράτα, Ἀρχεστρότα (LGPN I 86; II 69; III. A 75; III. B 70; V.C 65), но для прочтения их в сокращении в горгиппийском клейме никаких оснований не имеется. Среди мужских имен с подходящей начальной основой ἀρχή перед последующей второй основой на –σ, –στ в греческой антропимике имеются только имена Ἀρχεστράτιδος (LGPN I 86; II 69), Ἀρχεσίλας (LGPN III. A 75), Ἀρχίστας (LGPN III. A 78), но в Причерноморье они неизвестны. Наиболее употребительным именем в этом ряду является Ἀρχέστρατος (см. LGPN I 86; II 69; III. A 75; III. B 70; V.B. 70; V.A. 77). Встречаются и такие его формы, как Ἀρχίστρατος (LGPN III. A 78), Ἀρχέστротос (LGPN III. B 70), но они крайне редкие. Имя Ἀρχέστρατος засвидетельствовано в Горгиппии в первой половине III в. до н.э. в агонистическом каталоге (LGPN IV. 52 = КБН 1137: [...]ας Ἀρχεστράτου), где Архестрат – отец некоего лица с окончанием имени на (...)ας. Этот человек вполне мог быть носителем имени Ἀρχεῖς(...) в клейме на черепице. Передача гласного –ε дифтонгом –ει соответствовала нормам греческого языка на Боспоре в IV в. до н.э. Приблизительно до середины этого столетия гласная –ε писалась через –ει, ср., например, θεῖωι вместо θεῶι (КБН 1015: надпись Комосарии, дочери Горгиппа, жены Перисада I.), Θειοφίλῃ вместо Θεοφίλῃ (КБН 130)²⁷. Если клеймо читается как Ἀρχεῖς(τράτου)²⁸, то оно свидетельствует, что Архестрат, гражданин Горгиппии (ведь его клеймо происходит только оттуда), получил подряд на производство черепицы, быть может, на условиях оплаты половины от суммы контракта. Дата клейм ΑΡΧΕΙΣ – начало второй половины IV в. до н.э., что приблизительно соответствует времени жизни Архестрата, отца горгиппийца с окончанием имени на –ας в агонистическом каталоге из Горгиппии. Следовательно, штампы клейм ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ и клейма ΑΡΧΕΙΣ принадлежали двум разным лицам, фабрикантам черепицы, которая предназначалась исключительно для Горгиппии.

²⁶ Болтунова, Книпович 1962, 9. Близкое данному клейму написание буквы Χ находим в граффити на чернолаковом блюде из Мирмекия, которое датируется рубежом IV – III вв. до н.э. или самым началом III в. до н.э. (Гайдукевич 1966, 74, рис. 2).

²⁷ Доватур 1965, 799; ε = ει и наоборот в греческой эпиграфике см. Meisterhans 1900, 46; Gärtchen, Hoffmann 1914, 946; Thumb, Scherer 1959, 252; ε = ει в клейме с именем Архестрата возможно в безударном положении, если имя стояло в родительном падеже Ἀρχεστράτου > Ἀρχεῖς(τράτου).

²⁸ Сапрыкин 2020, 113.

Если этот вывод соответствует действительности, то возникает вопрос: какое же мужское имя могло скрываться в легенде клейма ΑΡΧΕΙΑ? Если отталкиваться от имени Ἀρχεῖς(τράτου) = Ἀρχεστράτου, которое с большой долей вероятности вычитывается в клейме штампа 4, близком по времени клеймам штампов 1–3, то в IV в. до н.э. жители Горгиппии имели обыкновение произносить гласные звуки в сторону их долготы. В таком случае в имени ΑΡΧΕΙΑ также могла иметь место замена безударного краткого ε долгим слогом ει и передача дифтонга ει буквой ι и звуков ī и ĭ сочетанием ει вследствие сближения их в произношении. Правда, последнее встречается на Боспоре в основном на рубеже эр и в римскую эпоху²⁹ (см. Ἐλεῖκράτου = Ἐλῑκράτου – КБН, 884, Мирмекий, конец I – первая половина II в. н.э.), однако засвидетельствовано также и ранее (см. Ποσειδεώνιος (КБН 172, 199, 220, IV в. до н.э.) > Ποσιδώνιος (КБН 760, римское время), Ποσειδώνιε Ποσιδωνίου (КБН 497, I в. н.э.); Ποσιδέος (КБН 1137, III в. до н.э. и III в. н.э.) > Ποσειδέος (КБН 36, III в. н.э.). Эти примеры показывают, что в IV в. до н.э. гласная ι могла передаваться дифтонгом ει и эта фонетическая особенность сохранялась в I в. н.э. В аттическо-ионийском диалекте ε = ει с VII в. до н.э., а в Аттике это явление чаще проявлялось с VI в. до н.э., но особенно после 400 г. до н.э. В поздних надписях ī иногда обозначали дифтонгом ει³⁰. Тогда поиск имени с сокращением Αρχεα-, Αρχια- (= Ἀρχεῖα(...)) сводится только к греческим антропонимам – Ἀρχίας, Ἀρχέας, Ἀρχιάνναξ (LGPN I 86: Нисирос, Родос, III в. до н.э.; III.A 76: Сицилия, Липари, III в. до н.э.), Ἀρχεάναξ (LGPN V.A 76: Иония, Эритры, IV–III вв. до н.э.; I 84: Лесбос – IG XII Suppl. 57: Ἀρχεάναξ (=Ἀρχαίανναξ) Μιτυληναῖος, Родос, Самос, V–II вв. до н.э.; V.B 70: Милет, 513 г. до н.э., ср. NO 103: [Ἀρχ]ῆναξ, Ольвия, середина VI в. до н.э.³¹; IG XII Suppl. 429: Ἀρχῆναξ, Фасос). Поскольку имена Ἀρχίας, Ἀρχέας мы исключили, то остается сконцентрировать внимание на имени Ἀρχιάνναξ = Ἀρχεῖα(ναξ) *vel* Ἀρχεάναξ = Ἀρχεῖα(ναξ) (=Ἀρχαίανναξ, Ἀρχῆναξ), тем более что оно связано с Боспором, где у власти в Пантикапее в 480–438 гг. до н.э. находился олигархический род Археанактидов – Ἀρχαιανακτίδαι (Diod. XII. 31. 1).

О происхождении имени и рода боспорских Археанактидов, как и об их положении на Боспоре, написано немало. Археанактидов считали пантикапейским родом, который вел происхождение от эпонимного предка – милетца Археанакта³². Согласно противоположной точке зрения это эолийский (митиленский) род, среди предков которого значились Археанакт из Сигея и другие граждане с именем Археанактид³³. К сожалению, оба предположения пока недоказуемы. Однако в настоящее время доказано, что форма Ἀρχαιανακτίδαι является гентильной, образованной от имени Ἀρχαίανναξ с суффиксом -ιδ- или от целого имени с этим суффиксом Ἀρχαιανακτίδης. Регулярная форма этого имени Ἀρχεάναξ со стяжением εα в η в ионийско-аттическом диалекте – Ἀρχῆναξ. Форма Ἀρχεανακτίδαι встречается в рукописях Диодора наряду с Ἀρχαιανακτίδαι. Последнее напи-

²⁹ Доватур 1965, 803, 804.

³⁰ Buck 2001, 27, 30.

³¹ Виноградов 1978, 67.

³² Brandis 1899, 757; Шкорпил 1918, 56; Ростовцев 1918, 87; Жебелев 1953, 70, 71; Каллистов 1949, 138; Gajdukevič 1971, 51; Шелов 1975, 57; Молев 1997, 25; Виноградов 1983, 396; Сапрыкин 1984, 88; Шелов-Коведяев 1985, 70.

³³ Эту гипотезу выдвинули Де Боз и А. Бек, ее поддержал Латышев 1909, 72; подробнее см. Блаватский 1985, 208; Яйленко 2017, 415–426.

сание, по мнению В.П. Яйленко, свидетельствует об эолийском (лесбосском) влиянии³⁴. Если принять во внимание, что обычная форма имени Археанакта – Ἀρχεάναξ (= Ἀρχιάνναξ), то в клеймах ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ по аналогии с именем ΑΡΧΕΙΣ = Ἀρχεῖς(τράτου) (штамп 4) можно читать генитив мужского имени Ἀρχεάναξ > Ἀρχεάνакτος = Ἀρχ(εἰάνакτος), Ἀρχεἰά(νακτος) или Ἀρχιάνναξ > Ἀρχιάνакτος = Ἀρχ(εἰάνакτος), Ἀρχεἰά(νακτος) с ε=ει или ι=ει, как было принято на Боспоре в IV в. до н.э. С другой стороны, эолийский диалект, в частности, его лесбосский вариант, допускает η = ει³⁵. Тогда ионийско-аттическая форма имени Ἀρχῆναξ под влиянием эолийского диалекта, если принять точку зрения о митиленском происхождении Археанактидов, могла трансформироваться в Ἀρχεἰάνναξ с сохранением нестяженной –α. Появление древнего родового имени лесбосского (митиленского) происхождения в Горгиипии не должно смущать: родственная связь его обладателя с Археанактидами, правившими в Пантикапее в V в. до н.э., скорее всего, чисто эфемерная. Учитывая распространенность этого имени в различных местах греческого мира, совсем необязательно допускать, что горгиипиец Археанакт, выпускавший черепицу для родного города, занимал высокое социальное положение, подобное тому, которое имели пантикапейские Архайанактиды. Однако его предки вполне могли быть знатного происхождения, так как его имя состоит из двух основ: ἀρχή – «власть», ἄναξ – «владыка». Это имя аристократическое и буквально означало «правлящий», «имеющий власть». Оно соответствует высокому положению Архайанактидов, которые являлись в Пантикапее олигархическим кланом, а их предок, Археанакт, происходил из среды первопоселенцев³⁶. Появление имени «Археанакт» в Горгиипии, если наше прочтение клейма правильное, неудивительно. Горгиипиец с подобным именем или его предки могли попасть в Синдику, точнее в Синдскую гавань еще до основания на ее месте Горгиипии или чуть позднее в уже основанную Спартокидами Горгиипию. Перипл псевдо-Скимна сообщает, что «Синдская гавань [предтеча будущей Горгиипии – С.С.] была населена эллинами, пришедшими из ближних местностей» (Ps-Scylax 888–889). Как известно, какая-то часть изгнанников с Боспора, среди которых могли быть сторонники Археанактидов, проживала в Феодосии после тиранического переворота в Пантикапее в 438 г. до н.э. Часть изгнанников, в числе коих могли быть члены династии Археанактидов и родственники этого клана, могла переселиться в Гермонассу – эолийско-ионийскую колонию на Таманском полуострове, откуда они были родом, а уже оттуда они перебрались в Синдскую гавань/Горгипию. Родственники Археанактидов, правившей в Пантикапее династии олигархов, могли выселиться в Синдскую гавань и прямо из Пантикапея, когда верхушка их клана была свергнута Спартокидами. Один из их потомков впоследствии проживал

³⁴ Яйленко 2017, 415–426. О семантике имен, которые легли в основу родового имени Археанактидов как первых правителей Боспора см. Шелов-Коведяев, Толстиков 2014, 452–479; критику их положений см. Яйленко 2017, 415–426.

³⁵ Bock 2001, 25, 149.

³⁶ Предположение Ф.В. Шелова-Коведяева, что боспорские Археанактиды – это не родовое имя, а эпитет и что на самом деле это не правление одного рода или династии, а всего лишь искаженное Диодором или его источником упоминание о неких магистратах Пантикапея, которые заново основали город (Шелов-Коведяев 2013, 97–99; Шелов-Коведяев, Толстиков 2014, 452–479), убедительно опровергнуто В.П. Яйленко (Яйленко 2017, 415–426).

в Горгиппии и в середине – предпоследней декаде IV в. до н.э. начал заниматься там строительным делом.

Таким образом горгиппийские клейма ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙΣ не являются обозначением резиденции, дворца и других построек государственного и общественного значения. Легенда этих клейм не может быть родительным падежом личного имени Ἀρχεῖας в дорийском варианте, так как в Горгиппии дорийский диалект не был распространен и его тем более не могли использовать в официальных целях, в том числе в клеймах как государственных отметках контроля. Штампы 1–3 этих клейм, по всей видимости, принадлежали фабриканту-эпониму Археанакту, а штамп 4 – Архестрату, жителям Горгиппии, которые были связаны с производством кровельной черепицы для родного полиса. Появление этих клейм в IV в. до н.э. стало результатом активизации строительства в городе Синдская гавань, преобразованном в полис Горгиппию. Расширение строительства в Горгиппии и появление клейм ΑΡΧ, ΑΡΧΕΙΑ, ΑΡΧΕΙΣ связано с развитием строительного дела и подъемом ремесла на Боспоре при Перисаде I.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгиппия*. М.
- Анохин, В.А. 1999: *История Боспора Киммерийского*. Киев.
- Берзин, Э.О. 1959: Из истории производства клеймёной черепицы на Боспоре (IV – начало III в. до н.э.). *СА* 4, 53–60.
- Берзин, Э.О. 1961: Горгиппийский агонистический каталог. *СА* 1, 111–127.
- Блаватский, В.Д. 1985: *Античная археология и история*. М.
- Болтунова, А.И., Книпович, Т.Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ*. 3, 3–31.
- Веселов, В.В. 1962: Новые формы и варианты клейм боспорских кровельных черепиц. В сб.: Л.М. Славин (ред.), *Археология и история Боспора*. Т. II. Симферополь, 349–358.
- Виноградов, Ю.Г. 1978: О методике обработки греческих эпиграфических памятников (по ольвийским материалам). В сб.: В.Т. Пашуто (ред.), *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР*. М., 46–75.
- Виноградов, Ю.Г. 1983: Полис в Северном Причерноморье, В сб.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция*. Т.1. М., 366–420.
- Гайдукевич, В.Ф. 1935: Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы). *ИГАИМК* 104, 211–315.
- Гайдукевич, В.Ф. 1966: Вотив Герее из Мирмекия. В сб.: А.И Болтунова (ред.), *Культура античного мира*. М., 70–76.
- Граков, Б.Н. 1959: Введение. *Свод керамических клейм IOSPE* III.
- Доватур, А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: В.В. Струве (ред.), *Корпус боспорских надписей*. М.–Л., 797–831.
- Жебелев, С.А. 1953: *Северное Причерноморье*. М.–Л.
- Каллистов, Д.П. 1949: *Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи*. М.
- Кац, В.И. 2007: Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *БИ* 18, 3–478.
- Кац, В.И. 2011: Производство черепицы в Горгиппии (история локализации и изучения). *АМА* 15, 181–193.
- Кац, В.И. 2015: *Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище*. Саратов.

- Ковальчук, А.В. 2017: Горгиппийские черепицы. Группа керамид с клеймами ΑΡΧΕΙΑ. *ДБ* 21, 241–249.
- Кузнецов, В.Д. 2008: Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации). *ПИФК* 21, 392–403.
- Латышев, В.В. 1909: *ПОНТИКА*. СПб.
- Молев, Е.А. 1997: *Политическая история Боспора VI–V вв. до н.э.* Нижний Новгород.
- Онайко, Н.А. 1967: Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора. *СА* 2, 155–168.
- Ростовцев, М.И. 1918: *Эллинизм и иранство на юге России*. Пг.
- Сапрыкин, С.Ю. 1984: Тирания в припонтйских государствах. В сб.: Э.Д. Фролов (ред.), *Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества*. Л., 80–108.
- Сапрыкин, С.Ю. 2011: Боспорские Спартокиды и западнопонтйские города. *БФ* 9, 63–68.
- Сапрыкин, С.Ю. 2019: Полисное клеймение черепицы на Боспоре. *Вестник Танаиса* 5/2, 117–132.
- Сапрыкин, С.Ю. 2020: *Боспорское черепичное клеймение*. М.–СПб.
- Федосеев, Н.Ф. 2012: *Керамические клейма. Боспор*. Т. 1. Киев.
- Шелов, Д.Б. 1975: *Северное Причерноморье 2000 лет назад*. М.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. В кн.: А.П. Новосельцев (ред.), *Древнейшие государства на территории СССР. 1984*. М., 5–187.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2013: Археанактиды: фикция? В сб.: А.Н. Коваленко (ред.), *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Ростов-на-Дону, 97–99.
- Шелов-Коведяев, Ф.В., Толстиков, В.П. 2014: Боспор в первой четверти V в. до н.э. Из истории Пантикапея начала эпохи классики. *ДБ* 18, 452–504.
- Шкорпил, В.В. 1918: Археанактиды, *ИТУАК* 54, 56–67.
- Яйленко, В.П. 2017: Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея. *ДБ* 21, 398–440.
- Amandry, P., Spyropoulos, T. 1974: Monuments chorégiques d'Orchomène de Béotie. *BCH* 98/1, 171–246.
- Brandis, C.G. 1899: Bosphoros. *RE* 3, Hbd. 5.
- Buck, C.D. 2001: *The Greek Dialects*. Chicago–Bristol.
- Gajdukevič, V.F. 1971: *Das Bosporanische Reich*. Berlin–Amsterdam.
- Gärtchen, P., Hoffmann, O. 1914: *Grammatik zu den ionischen Inschriften. Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften*. Bd IV/2, 2. Göttingen.
- Kinns, Ph. 2010: The Coinage of Leukai. In: R.W. Catling & F. Marchand (eds.), *ONOMATOLOGOS. Studies in Greek Personal Names pres. to Elaine Matthews*. Oxford, 479–505.
- Meisterhans, K. 1900: *Grammatik der attischen Inschriften*. Berlin.
- Nilsson, M.P. 1909: *Timbres amphoriques de Lindos*. Copenhagen.
- Thumb, A., Scherer, A. 1959: *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd II². Heidelberg.
- Wace, A.J. 1905/1906: Excavations at Sparta, 1906. The Stamped Tiles. *ABSA* 12, 344–350.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichniy gorod Gorgippiya [Ancient Gorgippia]*. Moscow.
- Amandry, P., Spyropoulos, T. 1974: Monuments chorégiques d'Orchomène de Béotie. *BCH* 98/1, 171–246.
- Anokhin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo [History of the Cimmerian Bosphorus]*. Kiev.
- Berzin, E.O. 1959: Iz istorii proizvodstva kleymenoy tcherepitzы na Bospore (IV – nachalo III v. do n.e.) [From the History of the Stamped Roof-Tile Production at Bosphorus in the 4 – early 3 c. BC]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 4, 53–60.

- Berzin, E.O. 1961: Gorgippiyskiy agonisticheskiy katalog [The Agonistic Catalog of Gorgippia]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 111–127.
- Blavatskiy, V.D. 1985: *Antichnaya arkheologiya i istoriya* [Ancient Archaeology and History]. Moscow.
- Boltunova, A.I., Knipovich, T.N. 1962: Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pis'ma na Bospore [Essay on the History of Greek Lapidary Script at Bosphorus]. *Numizmatka i epigraphika* [Numismatics and Epigraphy] 3, 3–31.
- Brandis, C.G. 1899: Bosphoros. *RE* 3, Hbd. 5.
- Buck, C.D. 2001: *The Greek Dialects*. Chicago–Bristol.
- Dovatur, A.I. 1965: Kratkiy ocherk grammatiki bosporkikh nadpisey [Brief Essay of the Bosphoran Inscriptions' Grammar]. In: V.V. Struve (ed.), *Corpus Inscriptionum regni Bosporani*. Moscow–Leningrad, 797–831.
- Gaydukevich, V.F. 1935: Stroitel'nye keramicheskie materialy Bospora [Building Ceramic Materials from Bosphorus]. *Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury* [Proceedings of the State Academy of History of Material Culture] 104, 211–315.
- Gajdukevich, V.F. 1966: Votiv Gereya iz Mirmekiya [Votive of Heraios from Myrmekion]. In: A.I. Boltunova (ed.), *Kul'tura antichnogo mira* [Culture of the Ancient World]. Moscow, 70–76.
- Gaydukevič, V.F. 1971: *Das Bosporanische Reich*. Berlin–Amsterdam.
- Gärtchen, P., Hoffmann, O. 1914: *Grammatik zu den ionischen Inschriften. Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften*. Bd IV/2, 2. Göttingen.
- Grakov, B.N. 1959: *Vvedenie* [Introduction]. *Svod keramicheskikh kleym IOSPE III* [Corpus of Ceramic Stamps IOSPE III].
- Kallistov, D.P. 1949: *Ocherki po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoy epokhi* [Essays on the History of the Northern Black Sea Littoral in Ancient Epoch]. Moscow.
- Kats, V.I. 2007: Grecheskie keramicheskie kleyma epochi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) [Greek Ceramic Stamps of Classical and Hellenistic Epochs (An Example of Complex Study)]. *Bosposkie issledovaniya* [Bosporan Studies] 18, 3–478.
- Kats, V.I. 2011: Proizvodstvo cherepitsy v Gorgippii (istoriya lokalizatsii i izucheniya) [The Production of Roof-Tile in Gorgippia (History of Localization and Study)]. *Antichniy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 15, 181–193.
- Kats, V.I. 2015: *Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora. Gorgippiya i eye khora, Semibratnee gorodische* [Ceramic Stamps of Asiatic Bosphorus. Gorgippia and her chora, The Site of Semibratnee]. Saratov.
- Kinns, Ph. 2010: The Coinage of Leukai. In: R.W. Catling & F. Marchand (eds.), *ONOMATOLOGOS. Studies in Greek Personal Names pres. to Elaine Matthews*. Oxford, 479–505.
- Koval'chuk, A.B. 2017: Gorgippiyskie cherepitsy. Gruppa keramid s kleymami [Gorgippian Roof-Tiles. A Group of Tiles with Stamps APXEIA] *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 21, 241–249.
- Kuznetsov, V.D. 2008: Bosporskie cherepichnye kleyma (nekotorye problemy interpretatsii) [The Roof-Tile Stamps of Bosphorus (some problems of Interpretation)] *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 21, 392–403.
- Latyshev, V.V. 1909: *ИОΝΤΙΚΑ*. Saint-Petersburg.
- Meisterhans, K. 1900: *Grammatik der attischen Inschriften*. Berlin.
- Molev, E.A. 1997: *Politicheskaya istoriya Bospora VI-V vv. do n.e.* [Political History of Bosphorus in the 6-5th centuries BC]. Nizhniy Novgorod.
- Nilsson, M.P. 1909: *Timbres amphoriques de Lindos*. Copenhagen.
- Onayko, N.A. 1967: Ellinisticheskoe zdanie Raevskogo gorodisha i ego mesto v arkhitekture Bospora [Hellenistic Building of the Raevskoe Settlement and Its Place in the Architecture of Bosphorus]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 155–168.

- Rostovtsev, M.I. 1918: *Ellinstvo i Iranstvo na yuge Rossii* [Iranians & Greeks in South Russia]. Petrograd.
- Saprykin, S.Yu. 1984: Tiraniya v priPontiyskikh gosudarstvakh [Tyranny in the Pontic states]. In: E.D. Frolov (ed.), *Problemy sozial'no-politicheskoy organizatsii i ideologii antichnogo obschestva* [Problems of social and political Organization of Ancient society]. Leningrad, 80–108.
- Saprykin, S.Yu. 2011: Bosposkie Spartokidy i zapadnopontiyskie goroda [The Spartocids of Bosphorus and the West Pontic Cities] *Bosposkiy fenomen* [The Phenomenon of Bosphorus] 9, 63–68.
- Saprykin, S.Yu. 2019: Polisnoe kleymenie cherepitsy na Bospore [The Polis Stampage of Roof-Tile at Bosphorus] *Vestnik Tanaisa* 5/2, 117–132.
- Saprykin, S.Yu. 2020: *Bosporskoe cherepichnoe kleymenie* [The Bosporan Roof-Tile Stampage]. Moscow–Saint-Petersburg.
- Shelov, D.B. 1975: *Severnoe Prichernomor'ye 2000 let nazad* [The Northern Black Sea Coast 2000 Years Ago]. Moscow.
- Shelov-Kovediyaev, F.V. 1985: Istoriya Bospora v VI–IV vv. do n.e. [The History of Bosphorus in the 6–4th Centuries BC]. In: A.P. Novosel'tsev (ed.), *Drevneyschie gosudarstva na territorii SSSR. 1984* [Ancient States on the Territory of USSR. 1984]. Moscow, 5–187.
- Shelov-Kovediyaev, F.V. 2013: Arkheanaktidy: Fiktsiya? [The Archaeanactids: Fiction?]. In: A.N. Kovalenko (ed.), *Prichernomor'ye v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya* [The Black Sea Littoral in Ancient and Early Medieval Time]. Rostov-on-Don, 97–99.
- Shelov-Kovediyaev, F.V., Tolstikov, V.P. 2014: Bospor v pervoy chetverti V v. do n.e. Iz istorii Pantikapeya nachala epokhi klassiki [Bosphorus in the First Quarter of the 5th Century BC]. From the History of Panticapaeum in the Early Classical Period] *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 18, 452–504.
- Shkorpil, V.V. 1918: Arkheanaktidy [The Archaeanactids]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Scientific Archive Commission of Taurida] 54, 56–67.
- Thumb, A., Scherer, A. 1959: *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd II². Heidelberg.
- Wace, A.J. 1905/1906: Excavations at Sparta, 1906. The Stamped Tiles. *ABSA* 12, 344–350.
- Yalenko, V.P. 2017: Istochnikovedcheskiy analiz antichnykh izvestiy ob osnovanii Fanagorii i Germonassy, ob Arkheanaktidakh, „sindskoy diasfagme“, khersonesskom sastere; esche raz o legendakh monet Feodosii i Nimfeya [The Source Analysis of Ancient Evidences on the Foundation of Phanagoreia and Hermonassa, the Archaeanactids, „The Sindian Diasphagma“, the Saster of Chersonesus; once more about the Coin Legends of Theodosia and Nymphaeum]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 21, 398–440.

ROOF-TILE STAMPS WITH THE INSCRIPTION APXEIA FROM GORGIPPIA

Sergey Yu. Saprykin

*The Moscow State University, Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
mithridates@mail.ru*

Abstract. The article concerns the tile stamps from Gorgippia, the Bosporan city, with the legends APX, APXEIA, APXEI[.]. The author argues the earlier suggested explanations of them as palace or state building designation, an expression “roof-tile for the state authorities” or an attribute ἀρχεία which characterizes the tile itself. He is also arguing with A.V. Kovalchuk who considered these stamps to be a genitive of the personal name Ἀρχεῖας in Doric dialect. This name

is testified only once in Boiotia and has never been evidenced at Bosporus especially in Doric dialectal form. He concludes that these stamps have two types and represent the abbreviations of personal names APXEIΣ = Ἀρχέστρατος and APX, APXEIA = Ἀρχεάναξ (=Ἀρχιάνναξ) in traditional for the Bosporan phonetics ε = ει or ι = ει which is witnessed in local inscriptions since the 4th c. BC until the Roman period. Among the deteriorated stamps APXEIA one has a lunar sign (in the end which means “a half” (there was a long standing incorrect opinion that it denoted an abbreviation of names). This fact gives an opportunity to consider that the stamps APXEIΣ = Ἀρχεῖσ(τράτου), APX, APXEIA = Ἀρχεῖά(νακτος) correspond to the typology of roof-tile stamping at Bosporus in the middle – third/ early last quarter of the 4th century BC. Such stamps appeared in course of active building policy in the city of Sindian limen which was later reorganized into polis Gorgippia. Building activity there in the second half of the 4th century BC and the appearance of local roof-tile production caused the stamping of tiles as APX, APXEIA, APXEIΣ due to the development of building programs and craft at Bosporus during the tyranny of Pairisades I.

Keywords: roof-tile, roof-tile stamps, Cimmerian Bosporus, Gorgippia, Sindian limen, Panticapaeum, Hermonassa, the agonistic catalogue of Gorgippia, Greek onomastics, personal names Archestratos, Archaianactids, Archeanax, Archias, Archeas, Boiotia

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 22–58
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 22–58
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-22–58

РАКОВИНЫ МОРСКИХ МОЛЛЮСКОВ В ПОГРЕБЕНИЯХ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВЛИ ЭКЗОТИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ В ЕВРАЗИИ¹

М.Ю. Трейстер

Независимый исследователь, Бонн, Германия
mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. Данная публикация посвящена находкам раковин морских моллюсков в погребениях кочевников Азиатской Сарматии. В этой связи их находки рассматриваются в контексте распространения таких раковин в культурах раннего железного века от Средиземноморья и Центральной Европы на западе до Китая – на востоке.

В статье рассмотрены находки раковин каури, а также подвески из раковин морских брюхоногих моллюсков.

По сравнению с широким распространением происходящих из тропических морей Южной и Юго-Восточной Азии, Красного моря или Персидского залива раковин каури в раннескифский период и их находками в раннесарматских погребениях Южного Приуралья, обращает на себя внимание то, что в сарматских погребениях III–I вв. до н.э. в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону раковины каури не встречаются, хотя они известны в погребениях этого времени на Северном Кавказе.

В погребениях кочевников Азиатской Сарматии первых веков н.э. каури довольно редки и известны, как на Нижнем Дону, так и в Нижнем Поволжье, при этом встречаются как одиночные раковины, в том числе в составе наборов амулетов, так и элементов ожерелья. Более широкое распространение каури получают в позднесарматский период, когда только в Волго-Донском междуречье их находки отмечаются в 15 погребениях. При этом в Южном Приуралье, где раковины каури встречались в погребениях кочевников V–II вв. до н.э. относительно часто, они в первые века н.э. не известны.

Особенно следует отметить использование раковин каури в украшении поясов, примером чему является пояс, украшенный двумя рядами раковин и золотой зооморфной

Данные об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, независимый исследователь, Бонн, Германия.

¹ Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Соответственно данная статья проиллюстрирована материалами из погребений с территории Азиатской Сарматии. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: О.В. Григоренко (Аксай, АВИМ), М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Д.В. Васильеву (Астрахань, АГОИАМЗ), Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (Волгоград, ВОКМ), В.В. Науменко (Новочеркасск, МИДК), О.А. Халяпиной (Оренбург, ОГИКМ), А.Г. Язовских (Ростов-на-Дону, РОМК), К.Ю. Моржерину (Саратов, СОМК), С.В. Сиротину (Стерлитамак, БашГУ / Москва, ИА РАН); М.К. Мурзагалиевой (Уральск, ЗКОИКМ).

пряжкой, найденный в могильнике у хут. Новый. Этот обычай следует вероятнее всего связывать с практикой, получившей распространение у хунну и в Китае эпохи Западной Хань. Находка украшенного подобным образом пояса в погребении воина из могильника Культобе в Южном Казахстане маркирует трансфер этого обычая с востока на запад.

Другие типы раковин, относящиеся к классу морских брюхоногих моллюсков, в частности, семейства мурекс, также изредка встречаются в сарматских погребениях. Они использовались в качестве подвесок. Еще более редкими являются подвески-туррилитиды, образующие спиральные завитки. Такие раковины, относящиеся к подклассу вымерших головоногих моллюсков, аммонитов, существовавших с Девона до мелового периода, встречаются довольно широко, в том числе, в Казахстане и Туркмении.

Ключевые слова: раковины морских моллюсков, каури, брюхоногие моллюски, подвески, амулеты, детали поясов, кочевники Азиатской Сарматии, Евразия, хунну, Китай

Введение

Данная публикация посвящена находкам раковин морских моллюсков в погребениях кочевников Азиатской Сарматии. В этой связи их находки рассматриваются в контексте распространения таких раковин в культурах раннего железного века от Средиземноморья и Центральной Европы на западе до Китая – на востоке.

В статье рассмотрены находки раковин каури, а также подвески из раковин морских брюхоногих моллюсков.

1. Раковины каури

1.1. Обзор распространения раковин каури в культурах раннего железного века в Средиземноморье, Центральной и Восточной Европе и на Ближнем Востоке

Раковины каури (семейство *Cypraea*), часто – со спиленными спинками, найденные в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, следует относить к импортам, поскольку они происходят из тропических морей Южной и Юго-Восточной Азии, Красного моря и Персидского залива (отдельные их виды встречаются в Средиземном море)². На Ближнем Востоке их использовали как амулеты еще в эпоху неолита, особенно широко начиная с бронзового века³, а на Ближнем Востоке⁴, Китае и Юго-Восточной Азии⁵ в эпоху раннего железного века они вероятно выполняли функцию денег.

Известны находки каури, в том числе с отверстиями для подвешивания, из святилищ в Греции и Малой Азии VII в. до н.э.⁶ Каури встречаются в некрополях позднеархаического и классического времени Южной Италии⁷, классическо-

² Reese 1991, 159–196; Kovacs 2008, 208–339.

³ Bar-Yosef Mayer 2006, 711; 2007, 199–200; Reese 2010, 117; Ktavalav, Borowski 2010, 131–133, figs. 1–3, 6; Abu-Laban 2014, 11, 14, fig. 1.6; 15; Golani 2014, 73–74.

⁴ Bar-Yosef Mayer 2007, 199–200; Ktavalav, Borowski 2010, 131–132 с лит.

⁵ Li Yung-Ti 2003, 1–26; Bin Yang 2004, 306–312; 2011, 7–9.

⁶ Theodoropoulou 2017, 86–87.

⁷ D'Annibale 2016, 198–199; Caré 2018, 148, 151, fig. 5; 152, note 85.

Рис. 1. Карта распространения находок раковин каури в Южном Приуралье в погребениях кочевников V–II вв. до н.э. 1 – Алебастрово-I, 2 – Жарсуат I, 3 – Покровка, 4 – Нижняя Павловка-I, 5 – Прохоровка, 6 – Ново-Троицк, 7 – Яковлевка-II, 8 – Валит-2, 9 – Аландское II. Подоснова – Г.П. Гарбузов, карта – М.Ю. Трейстер, 2020

Fig. 1. The map of distribution of finds of cowrie shells in the 5th–2nd centuries BC nomadic burials in South Urals. 1 – Alebastrovo-I, 2 – Zharsuat I, 3 – Pokrovka, 4 – Nizhnyaya Pavlovka-I, 5 – Prokhorovka, 6 – Novo-Troitsk, 7 – Yakovlevka-II, 8 – Valit-2, 9 – Alandskoe II. Base map – Gennadii Garbuzov, 2016, map – Mikhail Treister, 2020

го времени, как в Испании⁸, Греции⁹, так и в Западном Причерноморье¹⁰. На западе их находки представлены в погребальных памятниках позднегалльятского и раннелатенского времени Северной Италии (и как подвески, и как элементы декора фибул)¹¹, Подунавья¹², и Центральной Европы¹³.

На Ближнем Востоке и в Передней Азии в ахеменидскую эпоху раковины каури использовались как подвески в погребениях некрополя Камид эль-Лоз в Ливане¹⁴, Бейт-Шеане в Израиле¹⁵, в погребениях эллинистического времени¹⁶ и пер-

⁸ Belarte et al. 2017, 356–357, 368, fig. 12.

⁹ Афины, Керамик: Knigge 1976, 189, E 124, Taf. 98, 7; Stroczek 2012, 66.

¹⁰ Аполлония Понтика: Chacheva 2015, 8, fig. 5, S3; 13, no. E13; 16, no. S3; 17, no. S5; 17–18, no. S9; 2016, 142, fig. 3, 2.

¹¹ Borello 2004, 33; Landolfi 2004, 97–100; Papi 2006, 213–215, nos. 10–11, figs. 14–15.

¹² Ljuština et al. 2019, 139–147, fig. 2.

¹³ Schönfelder 2001, 318–322, Abb. 6–7.

¹⁴ Poppa 1978, 40–41, 60, 67, 86, Grab 13.5f; 92, Grab 20.4; 100, Grab 34.5d; Taf. 11, 20.

¹⁵ Bar-Yosef Mayer 2006, 712.

¹⁶ Тель Анафа: Larson 2018, 118, nos. BD 95–96, pl. 6.

вых веков н.э.¹⁷ на Ближнем Востоке. В птолемеевское время и первые века н.э. раковины каури известны по находкам в женских и детских погребениях Египта и Нубии¹⁸, а также – из раскопок Александрии¹⁹.

В Европейской Скифии, в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе в V – первой половине III в. до н.э.²⁰ и особенно в VII–VI вв. до н.э.²¹ раковины каури были довольно широко распространены. Реже они встречаются в эллинистическую эпоху – отметим находку раковины *Cyprea pantherina* в датирующемся II в. до н.э. погребении № 140 Тенгинского грунтового могильника в Закубанье²² и шести раковин каури в детском погребении № 16 некрополя Беляуса²³.

На Южном Урале (рис. 1) находки таких раковин со спиленными спинками впервые появляются не позднее V в. до н.э. – в кургане № 2 раскопок И.А. Кастанье в Покровке (рис. 2, 5)²⁴ и в женском погребении кургана № 10/1974 могильника Алебастрово-I (элементы ожерелья) (рис. 2, 1–2)²⁵, и шире представлены в комплексах IV–III²⁶, где они в том числе использовались для расшивки футляров, содержащих сосуды²⁷ (рис. 2, 3–4), и III–II вв. до н.э.²⁸ (рис. 2, 6).

Известны находки каури в Геркулануме²⁹. Встречаются они и в некрополях римских провинций, в частности в Рейнской области³⁰. Находки крупных раковин, *Cyprea tigris/pantherina*, в первые века н.э. зафиксированы от Малой Азии на востоке до Пиренейского полуострова на западе, однако встречаются довольно редко, преимущественно в женских и детских погребениях³¹. Значительное большее распространение получают каури в раннесредневековой Европе³².

¹⁷ Хирбер Дарих, Иордания: Lenoble et al. 2001, 124.

¹⁸ Radomska 2016, 181, 201, fig. 23, c–d, f; Then-Obluska 2016, 743, fig. 1; Then-Obluska, Pleša 2019, 55, fig. 2, 3, 5.

¹⁹ Morand 2020, 4, table 1; 8.

²⁰ Крис 1981, 50; Алексеева 1982, 30–31, тип 7, табл. 43, 16–19; Трейстер 2008, 116; Столба 2009, 116–118, прим. 39, рис. 1, 1а; Прокопенко 2014, т. 1, 104; т. 2, 220, рис. 33А, 4; Синика, Загордонец 2018, 81–83. См. находку около 20 целых и фрагментированных раковин в комплексе IV в. до н.э. на Елизаветовском городище: Яковенко 1987, 85, рис. 2, 1; Марченко и др. 2000, 112, 226, табл. 24, рис. 48, 1.

²¹ См. Вруако 2007, 225–240; Дараган 2011, 599, 610, 611, 614; Прокопенко 2014, т. 2, 220, рис. 15, 13; 17Е, 3; 29, 12; Левченко и др. 2015, 205, № 1, рис. 7, 3–4; 216–217.

²² Beglova 2005, 78–79, fig. 15, 6; Беглова, Эрлих 2018, 60, № 63; 262, рис. 78, 10.

²³ Дашевская 2014, 16, табл. 16Б, 1–4.

²⁴ Трейстер и др. 2012, 59, № А10.1.13 с лит., цв. табл. II.13, 7, рис. II.35, 4.

²⁵ Железчиков 2000, 294. О датировке погребения, см. Железчиков 2000, 299.

²⁶ Погребение № 2 кургана № 1 могильника Аландское II (Смирнов, Петренко 1963, 32, табл. 25, 27; Смирнов 1964, 363, рис. 71, 7). – Курган у г. Ново-Троицка (Смирнов 1964, 363, рис. 71, 8). – Погребение № 1 кургана Б Прохоровского могильника (Яблонский 2010, 20, рис. 14, 2). – Погребения курганов № 2 и 3 могильника Валит-2 (Исмаилов, Сунгатов 2011, 66, 67, рис. 2А, 9; 71, 72, рис. 6, 6, 7). – Погребение № 4 кургана № 2 могильника Жарсуат I (Железчиков 1998, 63, № 5). – Одиночный курган Яковлевка-II (Сиротин, Трейстер 2014, 210–212, рис. 3, 2) (рис. 2, 3–4).

²⁷ Филипповка-I, курган № 1, погребение № 2: Яблонский 2016, 757, № 9; Yablonsky, Treister 2019, 81, 119, no. 2.1.10.2.

²⁸ Нижняя Павловка-I. Курган 3/1995. Погребение 10 (рис 2, 6) – в публикации названа просто «обломком раковины»; изображения нет (Богданов 2018, 116, рис. 7, 16; 118).

²⁹ Scatozza Hörich 1989, 84–85, no. 190.

³⁰ Lennartz 2004, 172–173; Gottschalk 2008, 151.

³¹ Gottschalk 2008, 151, Abb. 35; Spasić-Đurić 2015, 259–277.

³² Banghard 2001, 15–22; Lennartz 2004, 163–232.

Рис. 2. Раковины каури из погребений кочевников V–II вв. до н.э. в Южном Приуралье. 1, 2 – Алебастрово-I. Кургan № 10/1974. Уральск, ЗКОИМК, инв. № 3487; 3–4 – Яковлевка-II. Одиночный курган / 2009. Погребение № 5. Стерлитамак, Стерлитамакский филиал БашГУ, Исторический факультет, оп. 9, инв. № 25/1–2; 5 – Покровка. Кургan № 2/1911. Алматы, ЦГМРК, КП № 4036; 6 – Нижняя Павловка-I. Кургan № 3/1995. Погребение № 10. Оренбург, ОГИКМ, инв. № 17703/160. Фото М.Ю. Трейстера, 2015 (1–2, 5–6), С.В. Сиротина, 2010 (3–4)

Fig. 2. Cowrie shells from the 5th – 2nd centuries BC nomadic burials in South Urals. 1, 2 – Alebastrovo-I. Burial-mound no. 10/1974. Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Local Lore Museum, inv. No. 3487; 3–4 – Yakovlevka-II. Separate Burial-mound / 2009. Burial no. 5. Sterlitamak, Sterlitamak Filial of the Bashkirian State University, Historical Facultee, list 9, inv. No. 25/1–2; 5 – Pokrovka. Burial-mound no. 2/1911. Almaty, Central State Museum of Republic Kazakhstan, acq. no. 4036; 6 – Nizhnyaya Pavlovka-I. Burial-mound no. 3/1995. Burial no. 10. Orenburg, Governors Historical and Local Lore Museum, inv. no. 17703/160. Photographs: M.Yu. Treister, 2015 (1–2, 5–6), S.V. Sirotin, 2010 (3–4)

В первые века н.э. украшения из раковин каури были и в Северном Причерноморье, в частности, в некрополях античных городов и поселений³³, в варварских могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма³⁴, Азиатского Боспора³⁵ и городищ Нижнего Подонья³⁶, а также в сарматских погребениях Карпатского бассейна³⁷, Побужья³⁸, Приднепровья³⁹ и Прикубанья⁴⁰. В этот же период раковины каури получают распространение и в пьяноборской культуре Прикамья⁴¹.

1.2. Каури в Бактрии, Парфии, Китае и Восточной Сибири

Как отмечает Э.В. Ртвеладзе, при анализе распределения находок раковин каури по периодам на археологических памятниках Средней Азии выявляется следующая картина. «Для доахеменидского и ахеменидского периодов раковины каури найдены исключительно в культурных слоях городищ и поселений, тогда как в первые века н.э. и в раннее Средневековье эти находки в основном сделаны при раскопках погребальных памятников... Трудно определить роль каури в эллинистическое время — они найдены в слоях только на двух эллинистического времени городищах — Ай-Ханум и Кампыртепа... Топография их находок показывает, что раковины каури дошли до древней области Дахистан, расположенной на юго-восточном побережье Каспийского моря. Причем проникли они сюда через территорию Бактрии — в Маргиану, а затем в Дахистан, намечая возможность функционирования Великого индийского пути, по ставшей, по-видимому, уже традиционной трассе — по Амударье, затем от нее через Келифский Узбой в Маргиану и далее к Каспийскому морю»⁴².

Раковины каури встречаются не только при раскопках парфянских могильников I в. до н.э. — II в. н.э.⁴³, но и поселений, например, в слоях Телль Халафа⁴⁴. Как отмечает М.Е. Массон, в помещении, где были найдены ритоны на городище

³³ Алексеева 1982, 30–31, табл. 43, 19; Дашевская 2014, 77, табл. 161, 1.

³⁴ Усть-Альминский: Пуздровский 2007, 162, рис. 148, 4, 9–10; могила № 765/2000: Пуздровский, Труфанов 2017, 28–29, 168, рис. 58, 13. — Бельбек-IV: Гушина, Журавлев 2016, 98–99, табл. 43, 5; 50, 17; 86, 15; 208, 12. — Неаполь Скифский: Сымонович 1983, 89, 99, табл. XXV, 27–29; XLV. — Нейзац: Стоянова 2016, 143, № 37, рис. 10, 20–21; Istvánovits, Kulcsár 2017, 177, fig. 139 (вверху слева). — Могильник «Совхоз 10»: Стрелецкий и др. 2003–2004, 180. — Битак, погребение № 155: Puzdrovskii 2005, 91, fig. 6, 4, 7; 92, 103.

³⁵ Малышев 2008, 176; 2011, 243.

³⁶ Косяненко 2008, 154, рис. 13, 8; 36, 5; Горбенко, Косяненко 2011, 422, рис. 139, 8.

³⁷ Istvánovits, Kulcsár 2017, 230, fig. 179 (вверху слева).

³⁸ Ковпаненко 1986, 87, фото внизу слева; 90, 91, рис. 95, 10.

³⁹ Подгородное IX, курган № 6, погребение № 1: Simonenko 2008, 60, Nr. 33, Taf. 24, 8. — Усть-Каменка, курган № 45, погребение № 1: Simonenko 2008, 64, Nr. 63, Taf. 50, 10. — Липовец: Simonenko 2008, 68, Nr. 82, Taf. 72, 2e; Воронятов 2012, 416, 418, рис. 6, 2. См. также Дзнеладзе 2016, 85.

⁴⁰ Тифлисская, курган № 20/1902: Гушина, Засецкая 1994, 22, 61, № 318.2, табл. 34; Marčenko, Limberis 2008, 350, Nr. 52, Taf. 81, 2a. — Усть-Лабинская, курган № 43: Гушина, Засецкая 1994, 22, прим. 4.

⁴¹ Мажитов, Пшеничнюк 1968, 41; Голдина, Красноперов 2012, 75, тип 7; Красноперов 2013, 5; Ясаков 2020, 452.

⁴² Ртвеладзе 2012, 39–40.

⁴³ Toll 1946, 37, 125, 136–137, 139, pl. XXXVIII; Wehry 2013, 89–90 (с обзором), Abb. 97; 336, Abb. 379, 1; 514, Abb. 836, 23; 550, Abb. 928, 2.

⁴⁴ Hrouda 1962, 44, Nr. 48–49, Taf. 32 (ожерелья из каури со срезанными спинками).

Рис. 3. Карта распространения находок поясов, украшенных раковинами каури. 1 – Новый, 2 – Первомайский-VII, 3 – Культобе. Подоснова – Г.П. Гарбузов, карта – М.Ю. Трейстер, 2020

Fig. 3. The map of distribution of the belts decorated with cowrie shells. 1 – Novyy, 2 – Pervomayskiy VII, 3 – Kul'tobe. Base map – Gennadii Garbuzov, 2016, map – Mikhail Treister, 2020

Старая Ниса были найдены четыре раковины каури со срезанной спинкой⁴⁵. Каури найдены в могильниках и на поселениях Ферганы первых веков н.э. и раннесредневекового времени⁴⁶, в могильниках Северной Бактрии кушанского времени⁴⁷, раннесредневековых памятниках Вахшской долины Юго-Западного Таджикистана⁴⁸, на городище Ширин I в Северном Таджикистане⁴⁹, городище Зартепа в Узбекистане⁵⁰, в могильниках Южного Казахстана первых веков н.э.⁵¹ и III–VII вв. н.э.⁵²

Находки отдельных раковин каури, часто со спиленной спинкой, использовавшиеся как подвески получают распространение и в Китае в период Западной Хань⁵³. В частности, каури рассматриваются как маркеры дифференциации богат-

⁴⁵ Массон, Пугаченкова 1959, 26.

⁴⁶ Литвинский 1973, 127, табл. 14, 5, 9, 12; Абдулгазиева 1987, 68.

⁴⁷ Ртвеладзе 1983, 131, рис. 6, 1–4; 133, 135, рис. 10, 1–3; 140.

⁴⁸ Литвинский, Соловьев 1985, 105, рис. 38, 17; 106.

⁴⁹ Негматов и др. 1976, 305.

⁵⁰ Завьялов 2008, 123–124, рис. 59, 1–4; вкл. 15, 4.

⁵¹ Подушкин 2000, 71, рис. 8; 79, рис. 4; 96, 118, 119, 126, 159; 2011, 366, рис. 2, 4; 369, 371; 2015a, 308, 309, рис. 1, 3; 2015b, 74; 2018, 77, рис. 12, 21; 81, рис. 15, 5.

⁵² Байпаков и др. 2005, ч. 1, 66, 91; ч. 2, 120, 124–125, 128, 137, фото 1.20.

⁵³ Kost 2011, 67; Anh. II, 16–24, Nr. 9; 2014, 63, 155; 2017, 370–371; Ling 2011, 464, 468, fig. 6, 3; 469.

ства и представлены находками в разном количестве в большинстве погребений могильника Даодунци⁵⁴. Пять раковин, использовавшихся как пронизи, происходит из погребения № 1 могильника I в Сампуле эпохи Хань⁵⁵. Изредка встречаются раковины каури и в погребениях II–IV вв. н.э. некрополей Таримского бассейна⁵⁶.

Две подвески из раковин каури со спиленными спинками были найдены и в Знаменском кладе в Хакасии, датированном в рамках I в. до н.э. – начала II в. н.э.⁵⁷ В памятниках хунну рассматриваемого времени нередко находки как самих раковин каури⁵⁸, так и их имитаций, выполненных в камне, гагате и бронзе⁵⁹.

1.3. Каури в погребениях кочевников Азиатской Сарматии

В сарматских погребениях III–I вв. до н.э. в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону раковины каури не встречаются, хотя они известны в погребениях этого времени на Северном Кавказе⁶⁰. В погребениях кочевников Азиатской Сарматии первых веков н.э. (рис. 3) каури довольно редки и известны, как на Нижнем Дону (рис. 4, 3)⁶¹, так и в Нижнем Поволжье (рис. 4, 1–2), при этом встречаются как одиночные раковины, в том числе в составе наборов амулетов⁶², так и ожерелья (?), состоящие из множества раковин со спиленными спинками, подобно находке в могильнике у хут. Новый (14 экз.) (рис. 5, 1–2) (Новый, курган № 71/1982, ограбленное погребение № 1 с остатками скелета женщины в возрасте 20–25 лет)⁶³. М.В. Кривошеев отмечает находки каури в 15 погребениях Волго-Донского междуречья, датирующихся преимущественно позднесарматским временем, но не указывает их точное происхождение⁶⁴. При этом в Южном Приуралье, где раковины каури встречались в погребениях кочевников IV–II вв. до н.э. относительно часто, они в первые века н.э. не известны.

1.4. Раковины каури как элементы поясных наборов от Китая до Сарматии

В погребении воина № 3 в кургане № 14/1984 могильника Первомайский-VII была найдена одна раковина каури (рис. 4, 1)⁶⁵, которая как указывает В.И. Ма-

⁵⁴ Linduff 2008, 193; Kost 2014, 155–157.

⁵⁵ Kat. Mannheim 2007, 214–215, Nr. 114.

⁵⁶ Selbitschka 2010, 7, Anm. 24; 59; 134, Anm. 7.

⁵⁷ Николаев 2010, 55, рис. 17. <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/25.+Archaeological+Artifacts/2691351/?lng=ru>

⁵⁸ Семенов 2003, 21, табл. 25, 36–37, 42–46; 42, табл. 48, 7; 56, 20–21; 62, 10–11; 68, 5–11; Миняев 2007, 36, 37, рис. 18, 6, табл. 15, 1; 70, 1–6; Egiimaа 2011, 118, no. 134; Тетерин 2012, 123; Трифанова, Соенов 2012, 192, 193; 2018, 110–123, рис. 2, 7, 17–18, 24–25; 4, 15.

⁵⁹ Давыдова 1985, 38–39, табл. 188, 56, 58–60; Миняев 2007, 36, 37, рис. 18, 5; табл. 55, 1–2; Kost 2011, Anh., 10, Taf. 99, D; 2014, 203, no. 4, pl. 91, 2D; Leus 2011, 518, 523, fig. 17, 11; Леус, Бельский 2016, 100, рис. 6, 4; 101.

⁶⁰ Прокопенко 2014, т. 1, 127, 135, 147, 154, 178, 290; т. 2, 200, рис. 78, 128; 124, 14, 18.

⁶¹ Погребение № 1 кургана № 14/1978 могильника Сладковский (рис. 4, 3): Максименко 1979, 28–29, № 81, 114, 116, 131, табл. LIX, 135.

⁶² Комсомольский, погребение № 2/1993 (Дворниченко и др. 2002, 228, 229, рис. 9, 8). Точное происхождение раковины, хранящейся в Астраханском музее (рис. 4, 2), не известно.

⁶³ Ильюков, Власкин 1992, 85, № 11, рис. 20, 7 (найжены в заполнении, по публикации – 15 экз.).

⁶⁴ Кривошеев 2005, 133.

⁶⁵ Мамонтов 1995, 175, рис. 2, 6; 2000, 19, № 18, рис. 17, 15.

Рис. 4. Раковины каури из погребений кочевников Подонья и Нижнего Поволжья. 1 – Первомайский-VII. Курган № 14/1984. Погребение № 3. Волгоград, ВОКМ, инв. № 22365; 2 – место находки не известно. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. номер не известен; 3 – Сладковский. Курган № 14/1978. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16429/115–119, 131. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 4. Cowrie shells from the nomadic burials in the Don and Lower Volga regions. 1 – Pervomayskiy-VII. Burial-mound no. 14/1984. Burial no. 3. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 22365; 2 – findspot unknown. Astrakhan, State Joint Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. unknown; 3 – Sladkovskiy. Burial-mound no. 14/1978. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 16429/115–119, 131. Photographs, Mikhail Treister, 2015

монтов, являлась элементом сложного поясного набора из серебряных и бронзовых пряжек и бляшек, в том числе украшенных в технике клуазоне (хотя она и была найдена у колена погребенного, а не в района пояса)⁶⁶. Если это так, то тот факт, что в оформлении этого богатого пояса была использована раковина каури, не случаен. Интересно, что в могильнике Новый (курган № 70, погребение № 5, датируемое авторами раскопок I в. до н.э. – I в. н.э.), был найден пояс, расшитый двумя рядами из 54 раковин каури, с золотой пряжкой, прямоугольной со скругленными углами и с изображением ежа с задними лягушачьими лапками, с боковым крючком – выломанным из нее (рис. 5, 3)⁶⁷.

Аналогичным образом, но 15 раковинами, был украшен пояс погребенного из катакомбы кургана № 3 могильника Культобе в Южном Казахстане⁶⁸. К поясу из могильника Культобе относились две пряжки: бронзовая круглая ажурная⁶⁹ и в форме овала со слегка вогнутыми длинными сторонами, прямым основанием и выпуклым внешним концом из многослойного рога со вставками из сердолика, бирюзы, перламутра, а также серебряными и золотыми гвоздиками⁷⁰. Роговая пряжка по своей форме находит параллели среди бронзовых ажурных⁷¹, костяных⁷² и гагатовых⁷³ пряжек хунну. Наиболее известный поясной набор с бляхами такой формы из кости, был найден в воинском погребении в кургане № 2 Орлатского могильника в Узбекистане⁷⁴.

То же самое можно сказать и об ажурном бронзовом кольце-подвеске, параллели которому также известны в памятниках хунну⁷⁵, в том числе, в Дырестуйском могильнике (как правило, встречаются парами)⁷⁶ и в Июсском кладе⁷⁷. В погребении № 115 Дырестуйского могильника вместе с парой ажурных колец

⁶⁶ Мамонтов 1995, 173, 175, рис. 3, 2–9; Симоненко, Лобай 1991, 50–52, рис. 27, 3, 6; Мамонтов 2000, 18–19, рис. 16, 2–9; Treister 2002, 48, App. I, 12; 2004, 194, fig. 3, 12–14; 213, no. 26; Трейстер 2007, 290, 293; Мордвинова, Трейстер 2007, т. 2, 70, № A224.1; Brosseder 2011, 424, List 9, no. 5.

⁶⁷ Ильюков, Власкин 1992, 82, рис. 20, 7; Cat. Daoulas 1995, 88, no. 112; Cat. Paris 2001, 182, no. 201; Kat. Frankfurt 2003, 119, Nr. 84; Brosseder 2011, 384, fig. 34.

⁶⁸ Подушкин 2000, 79, рис. 4; 81.

⁶⁹ Подушкин 2000, 79, рис. 6; 81.

⁷⁰ Подушкин 2000, 79, рис. 5; 81, 106–107, 128, 154, 174; 2012: 32–33, рис. 1, 5; 36–38, 40, рис. 5, 2; Кат. Алматы 2009, 218, № 26244/3; 282.

⁷¹ Дэвлет 1980, 12–13, рис. 5; 26–28, табл. 20–22; Odbaatar 2011, 131, nos. 164–165; Yang et al. 2020, 442–443, fig. 5.103, 8, 11–13; 469, 472, fig. 6.1, 1–2; 514, fig. 6.23, 4. Например, из Июсского клада: Бородовский, Ларичев 2011, 201, рис. 4, 1; 202; 2013, 41–42, рис. 27; 48, рис. 31, 9–10; 60–61, рис. 41–44; 75–78, № 9–16.

⁷² Семенов 2010, 108, 109, рис. 13, 17–18; Odbaatar 2011, 136–137, no. 173.

⁷³ Odbaatar 2011, 135, no. 171.

⁷⁴ Пугаченкова 1987, 56–65; 1989а, 148–152, рис. 70–72; 1989б, 104–108; Abdullaev 1995, 174; Бернар, Абдуллаев 1997, 75–78, рис. 2; Pyasov, Rusanov 1998, 107–159; Никоноров, Худяков 1999, 141–154; Маслов 1999, 219–236; Алимов, Богомолов 2000, 171–172, рис. 4; Яценко 2000, 89–92, рис. 2; Горбунова 2001, 138–139, рис. 6а–б; Pyasov 2003, 267–269, 271–304, pl. VII, 1–2; Abdullaev 2007, 79; 88, fig. 8; 89; 92; Francfort 2011, 309, 312, 313, fig. 33; Grenet 2012, 11, Fig. 11 (слева); 14; Gruber et al. 2012, 261–262, fig. 21; 366, fig. 21; Подушкин 2012, 37–42, рис. 3; 5, 1–2; 47–48; Ильясов и др. 2013, 186–188; Olbrycht 2015, 338–340, fig. 4; Горячев и др. 2016, 636, рис. 4, 1; 638, 640–645.

⁷⁵ Minyaev 2000, 294, fig. 4с; Yang et al. 2020, 444–445, fig. 5.104, 7; 469, 472, fig. 6.1, 9; 515–516, fig. 6.24, 3.

⁷⁶ Миняев 2007, 36, 37, рис. 18, 11; табл. 84, 11; 86, 15–16; 89, 18–19; 91, 7–8; 100, 35–36; Давыдова, Миняев 2008, 56, рис. 49; 71, рис. 68; 72, рис. 70; 81, рис. 79; 85, рис. 85; 92, рис. 92; Jianhua 2011, 257–258, fig. 14; Miniaev 2019, 44, fig. 3.2, 15–16; A, 35–36; 46, fig. 3.3, 102B, 11–12; 108B, 7–8.

⁷⁷ Бородовский, Ларичев 2011, 200, рис. 3, 3; 2013, 39, рис. 24, 4; 48, рис. 31, 12.

Рис. 5. Раковины каури из погребений кочевников могильника у х. Новый. 1–2 – Курган № 71/1982. Погребение № 1. Ожерелье из раковин каури. Аксай, АВИМ, инв. КП-17910; 3 – Курган № 70/1982. Погребение № 5. Пояс, украшенный раковинами каури. Реконструкция. Ростов, РОМК, КП-13673/355, 23390. 1–2 – фото М.Ю. Трейстера, 2015; 3 – по: Kat. Frankfurt 2003

Fig. 5. Cowrie shells from the nomadic burials of the Necropolis near Novyy Farmstead. 1–2 – Burial-mound no. 71/1982. Burial no. 1. A necklace composed of cowrie shells. Aksay, Military-Historical Museum, acq. no. KP-17910; 3 – Burial-mound no. 70/1982. Burial no. 5. A belt, decorated with cowrie shells. Reconstruction. Rostov-on-Don, Regional Local Lore Museum, acq. no. KP-13673/355, 23390. 1–2 – photographs, Mikhail Treister, 2015; 3 – after: Kat. Frankfurt 2003

на костях таза⁷⁸, находящихся параллели в Культобе, были найдены лежащие в несколько рядов каури и имитации раковин каури – в публикации не указано точное количество раковин, на таблице изображены три имитации, вырезанные из речных раковин, и 10 раковин каури⁷⁹. Известны и имитации из бронзы – в том числе в расшивке поясов из двух погребений могильника Ала-Тей⁸⁰. В то же время встречаются и находки настоящих раковин, обтянутых золотой фольгой, – 20 раковин в расшивке пояса из могильника Суглуг-Хем I⁸¹. Интересно, что и традиция расшивки поясов раковинами каури, и имитация раковин каури в других материалах⁸² на юге Сибири восходит к более ранним памятникам IV–III вв. до н.э.⁸³

У. Бросседер сопоставляет пояс из могильника Новый с аналогичным, также расшитым двумя рядами каури, найденным в погребении № 100 Иволгинского могильника в Бурятии⁸⁴ и находками периода Западной Хань в Китае, для которых пояса, расшитые каури, характерны для погребений более низкого статусного уровня, по сравнению с поясами с пряжками в зверином стиле⁸⁵. Однако, расшитые рядами каури пояса из погребений периода Западной Хань в Китае в ряде случаев имели на концах такие пряжки⁸⁶. В значительной степени это коррелируется с замечанием комментатора «Хуайнаньцзы (Мудрецы из Хуайнани)» Гао Ю (168–212 гг. н.э.), который отмечал в комментарии к гл. 9, 17А: «использование крупных раковин каури для украшения пояса является признаком варварской одежды»⁸⁷ (В трактате описывался чжаоский правитель У Лин, который «носил пояс, украшенный раковинами и пряжкой с изображением звериной морды, и в этом наряде давал аудиенции, тем не менее все в царстве Чжао подчинялись ему» (перевод Л.Е. Померанцевой)⁸⁸.

2. Подвески из раковин морских брюхоногих моллюсков

Раковины брюхоногих моллюсков встречаются уже в погребениях раннесарматского времени – раковина моллюска *Conus Linnaeus*, 1758(2) происходит из погребения, открытого в Новочеркасске в 1973 г. (рис. 6, 3)⁸⁹. Вероятнее всего к семейству Церициумов, возможно к классу *Cerithium vulgatum*⁹⁰ относится фраг-

⁷⁸ Миняев 2007, 99–100, табл. 100, 35–36; Miniaev 2019, 44, fig. 3.2, A, 35–36; 45, 51.

⁷⁹ Миняев 2007, 99–100, табл. 100, 17–29; Miniaev 2019, 44, fig. 3.2, A, 17–29; 45, 51.

⁸⁰ Килуновская, Леус 2017, 97.

⁸¹ Семенов 2003, 21, 25; 2010, 108–109, рис. 12, 2; Miller 2011, 564; Килуновская, Леус 2017, 89.

⁸² Шульга и др. 2009, 63, рис. 41, 4–10.

⁸³ Шульга и др. 2009, 110, рис. 86, 1; 115, рис. 92, 5; рис. 115, 44; Головченко 2015, 33–37.

⁸⁴ Давыдова 1996, 52, табл. 29; Brosseder 2011, 374, fig. 22, 32; 375, fig. 23; Ling 2011, 464; Килуновская, Леус 2017, 97.

⁸⁵ Brosseder 2011, 384.

⁸⁶ Kost 2011, 115, Nr. 57.1, Taf. 55, 1; Anh., 10, 16, 17, 19, 20, 21, 23, Taf. 99, D; 111, C; 2014, 63, 89, 99, 161, 208, 223, pl. 98, C; 102, 1B; 128, 2C; 2017, 367, 370–371.

⁸⁷ Цитата по: Kost 2011, 102; 2014, 89.

⁸⁸ Философы из Хуайнани. Хуайнаньцзы. М., 2004, 162, гл. 9.

⁸⁹ Дедюшкин 2015, 71, № 4, рис. 2, 3. Ранее ошибочно определялась как раковина каури (Смирнов 1984, 78, рис. 31, 6; Максименко, Савченко 1984, 158).

⁹⁰ Ср. Prummel 2005, 119, fig. 11; 120; Theodoropoulou 2008, 209, fig. 7, d; 210, fig. 9, f; 2014, 78–79, 84; 2017, fig. 10.4 (вверху); d'Annibale 2018, 498; Morand 2020, 4, table 1; 8, 9, fig. 9B.

ментированная раковина из погребения в кургане № 14/1978 у хут. Сладковский (рис. 6, 4), где она найдена вместе с обломками раковин каури.

Целая серия раковин происходит из сарматских погребений на Среднем и Нижнем Дону и в Волго-Донском междуречье, где они появляются в комплексах, датируемых II–I вв. до н.э. В погребении № 7 кургана № 5/1988 могильника «Пирожок» (краснолаковая чаша из погребения второй половины I в. до н.э. – рубежа н.э.) – у руки погребенного была обнаружена фрагментированная раковина с отверстием для подвешивания (рис. 6, 2)⁹¹. Еще одна подобная раковина, также с отверстием для подвешивания, была обнаружена в датируемом II–I вв. до н.э. женском погребении в кургане № 13 у с. Дуровка на Среднем Дону⁹². В женском погребении кургана № 49/1954 могильника Бережновский-II среди бус на груди погребенной была найдена подвеска из раковины морского брюхоного моллюска (рис. 6, 1)⁹³. Находка подвески из морской раковины упоминается и из погребения кургана № 52/1954 того же могильника⁹⁴. Подвеска из морской раковины была найдена и у погребенной в кургане № 45/1924 Суловского могильника (еще одна морская раковина была найдены в засыпи могилы)⁹⁵.

По своей форме и особенностям поверхности эти раковины могут быть отнесены к семейству мурекс (*Murex*), широко представленному находками из поселений и могильников эпохи поздней бронзы и раннего железного века Ближнего Востока⁹⁶, Крита⁹⁷, Сицилии⁹⁸, Западного Средиземноморья⁹⁹, греческих святилищ и некрополей архаического времени¹⁰⁰, в датированных концом III–II в. до н.э. и первыми веками н.э. слоях в Александрии¹⁰¹, а также известным и по находкам в некрополях первых веков н.э., например, на Нижнем Рейне¹⁰².

Подвески из таких или близких им раковин известны как по редким находкам в некрополях античных городов Западного Причерноморья позднеклассического времени¹⁰³, так и в сарматских погребениях Приднепровья¹⁰⁴, сарматских и меотских погребениях Прикубанья и Закубанья¹⁰⁵, в могильниках Юго-Западного¹⁰⁶ и Западного¹⁰⁷ Крыма последних веков до н.э. – первых веков н.э.

⁹¹ Гордин, отчет 1988, 24, рис. 84, табл. III, 1.

⁹² Пузикова 2001, 194, рис. 39, 3; Медведев 2008, 19, рис. 7, 4.

⁹³ Упомянута: Синицин 1960, 52.

⁹⁴ Упомянута: Синицин 1960, 54.

⁹⁵ Рыков 1925, 39, 54, рис. 15.

⁹⁶ Baruch et al. 2005, 137–147; Reese 2010, 114–115.

⁹⁷ Apostolou et al. 2014, 325–332.

⁹⁸ Caré 2018, 145, note 6; 151, fig. 5.

⁹⁹ Mederos, Escribano 2006, 71–96; Niveau de Villedary y Maricas, Abia Maestre 2014, 287–298.

¹⁰⁰ Theodoropoulou 2008, 209, figs. 7–8; 2013, 212–215; 2017, 88–91, fig. 10.5.

¹⁰¹ Morand 2020, 4, table 1; 9, 13.

¹⁰² Kappes, Liesen 1996, 130, 131, Abb. 1, 3.

¹⁰³ Аполлония Понтика, первая половина IV в. до н.э.: Chacheva 2015, 17, no. S4e; 2016, 143, fig. 4, 1 справа.

¹⁰⁴ Усть-Каменка, курган № 5, погребение № 1: Simonenko 2008, 63, Nr. 54, Taf. 42, 3k. – Журовка, курган № 406: Simonenko 2008, 70–71, Nr. 90, Taf. 83, 13.

¹⁰⁵ Усть-Лабинская, курган № 29/1902: Гущина, Засецкая 1994, 22, 62, № 332, табл. 35; Marčenko, Limberis 2008, 350, Nr. 53, Taf. 82, 13. – Тенгинский могильник, погребение № 140: Beglova 2005, 78–79, fig. 15, 4; Беглова, Эрлих 2018, 59, № 44 (как раковина рапана); 262, рис. 78, 8.

¹⁰⁶ Пуздровский 2007, 162, рис. 148, 2, 8.

¹⁰⁷ Дашевская 2014, 15–16, табл. 16Б, 5, 7; 32–33, табл. 72, 6–7.

Рис. 6. Раковины морских брюхоногих моллюсков из погребений кочевников в Подонье и Нижнем Поволжье. 1 – Бережновский-II. Курган № 49/1954. Погребение № 1. Саратов, СОМК, инв. № 44868; 2 – «Пирожок». Курган № 5/1988. Погребение № 7. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25031/88; 3 – Погребение, открытое в Новочеркасске в 1973 г. Новочеркасск, МИДК, инв. КР-11934/6; 4 – Сладковский. Курган № 14/1978. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16429/81. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 6. Shells of marine gastropods from the nomadic burials in the Don and Lower Volga regions. 1 – Berezhnovskiy-II. Burial-mound no. 49/1954. Burial no. 1. Saratov, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 44868; 2 – «Pirozhok». Burial-mound no. 5/1988. Burial no. 7. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 25031/88; 3 – A burial unearthed in Novocherkassk in 1973. Novocherkassk, Museum of History of Don Cossaks, acq. КР-11934/6; 4 – Sladkovskiy. Burial-mound no. 14/1978. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 16429/81 Photographs, Mikhail Treister, 2015

К подклассу вымерших головоногих моллюсков, аммонитов, существовавших с Девона до мелового периода, относятся туррилитиды, образующие спиральные завитки. Такие раковины встречаются довольно широко, в том числе, в Казахстане и Туркмении. Наиболее ранним известным мне украшением из такой раковины, является находка из погребения V в. до н.э. в кургане № 2 раскопок И.А. Кастанье в Покровке – эта раковина вставлена снизу в золотой колпачок с петлей для подвешивания, украшенный напаянной зернью¹⁰⁸. Из аналогичных раковин, в верхней части которых пробиты отверстия для подвешивания, изготовлены подвески из детского погребения № 1 в кургане № 3 могильника у с. Калмыково в Западном Казахстане, датированного III–II вв. до н.э.¹⁰⁹ и из Соколовой Могилы¹¹⁰.

Находки раковин *Tridacna*, происходящих из Красного моря и Персидского залива, в том числе украшенные гравированными изображениями, получившие широко распространение, на Ближнем Востоке, в Этрурии, Греции и Малой Азии в архаическую эпоху¹¹¹, реже – в эллинистический период (Александрия, без декора¹¹²), в погребениях кочевников Сарматии, за исключением находки в Прикубанье, в кургане № 4/1905 у ст. Некрасовской (без декора с отверстием для подвешивания)¹¹³, не известны.

Выводы

По сравнению с широким распространением происходящих из тропических морей Южной и Юго-Восточной Азии, Красного моря или Персидского залива раковин каури в раннескифский период и их находками в раннесарматских погребениях Южного Приуралья, обращает на себя внимание то, что в сарматских погребениях III–I вв. до н.э. в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону раковины каури не встречаются, хотя они известны в погребениях этого времени на Северном Кавказе.

В погребениях кочевников Азиатской Сарматии первых веков н.э. каури довольно редки и известны, как на Нижнем Дону, так и в Нижнем Поволжье, при этом встречаются как одиночные раковины, в том числе в составе наборов амулетов, так и элементов ожерелья. Более широкое распространение каури получают в позднесарматский период, когда только в Волго-Донском междуречье их находки отмечаются в 15 погребениях. При этом в Южном Приуралье, где раковины каури встречались в погребениях кочевников IV–II вв. до н.э. относительно часто, они в первые века н.э. не известны.

Особенно следует отметить использование раковин каури в украшении поясов, примером чему является пояс, украшенный двумя рядами раковин и золотой зооморфной пряжкой, найденный в могильнике у хут. Новый. Этот обычай следует вероятнее всего связывать с практикой, получившей распространение у хунну и

¹⁰⁸ Кат. Алматы 2009, 345 (здесь как *Tirrelites Monfort*, впервые определение дано И.А. Кастанье 1913, 80); Трейстер 2012, 155; Трейстер и др. 2012, 56, № 10.1.3, цв. табл. II.13, 3–4; табл. I.111; рис. I.80, 2; II.35, 8.

¹⁰⁹ Синецын 1959, 151, рис. 51, 6.

¹¹⁰ Ковпаненко 1986, 87, рис. 93, 3 ряд снизу; 90, 91, рис. 95, 6–9.

¹¹¹ См. Furtwängler 2011, 47–51 с лит.; Theodoropoulou 2017, 85–86 с лит.

¹¹² Morand 2020, 5, table 2; 12, fig. 14.

¹¹³ Гущина, Засецкая 1994, 75, № 521/2, табл. 53.

в Китае эпохи Западной Хань. Находка украшенного подобным образом пояса в погребении воина из могильника Культобе в Южном Казахстане маркирует трансфер этого обычая с востока на запад.

Другие типы раковин, относящиеся к классу морских брюхоногих моллюсков, в частности, семейства мурекс, также изредка встречаются в сарматских погребениях. Они использовались в качестве подвесок. Еще более редкими являются подвески-туррилитиды, образующие спиральные завитки. Такие раковины, относящиеся к подклассу вымерших головоногих моллюсков, аммонитов, существовавших с Девона до мелового периода, встречаются довольно широко, в том числе, в Казахстане и Туркмении.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулгазиева, Б. 1987: Новые памятники эпохи раннего средневековья Восточной Ферганы. *ИМКУ* 21, 66–72.
- Алексеева, Е.М. 1982: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1-12). М.
- Алимов, К.А., Богомолов, Г.И. 2000: К вопросу об этнокультурных связях кочевников Бухары и Чача. *ИМКУ* 31, 164–177.
- Байпаков, К.М., Смагулов, Е.А., Ержигитова, А.А. 2005: *Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана*. Ч. 1–2. Алматы.
- Беглова, Е.А., Эрлих, В.А. 2018: *Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника*. М.
- Бернар, П., Абдуллаев, К. 1997: Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации). *РА* 1, 68–86.
- Богданов, С.В. 2018: Культурно-хронологические комплексы скифо-сарматской эпохи I Нижнепавловского курганного могильника в степном Приуралье. *Stratum plus* 3, 103–133.
- Бородовский, А.П., Ларичев, В.Е. 2011: Предметный комплекс Июсского клада. *Вестник НГУ. Серия История, филология* 10.7, 196–208.
- Бородовский, А.П., Ларичев, В.Е. 2013: *Июсский клад (каталог коллекции)*. Новосибирск.
- Воронятов, С.В. 2012: О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур. *Российский археологический ежегодник* 2, 412–432.
- Голдина, Е.В., Красноперов, А.А. 2012: *Нырғындынський I могильник II–III вв. на Средней Каме* (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции 22). Ижевск.
- Головченко, Н.Н. 2015: Раковины каури как элемент поясной фурнитуры населения верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. В сб.: *Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае: материалы X Международной научно-практической конференции*. Барнаул, 33–37.
- Горбенко, А.А., Косяненко, В.М. 2011: *Некрополь Паниардиса* (ДД 11). Азов.
- Горбунова, Н.Г. 2001: Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов. *АСГЭ* 35, 126–151.
- Гордин, И.А. 1988: *Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Пирожок» в зоне проведения земляных планировочных работ на землях совхоза «Левобережный» Волгодонского района Ростовской области в 1988 году*. Архив АИАПМЗ, № 10932/1, 2.
- Горячев, А.А., Яценко, С.А., Егорова, Т.А. 2016: Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века Кызылбулак-IV в верховьях ущелья

- Турген. В кн.: Б.А. Байтанаев (ред.), *Актуальные проблемы археологии Евразии. Материалы конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана*. Алматы, 632–648.
- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016: *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму* (Труды ГИМ 205). М.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1994: «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Давыдова, А.В. 1985: *Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну*. Л.
- Давыдова, А.В. 1996: *Иволгинский археологический комплекс. Т.2. Иволгинский могильник* (Археологические памятники сунну 2). СПб.
- Давыдова, А.В., Миняев, С.С. 2008: *Художественная бронза сунну. Новые открытия в России / The Xiongnu Decorative Bronzes: New Discoveries in Russia* (Археологические памятники сунну 6). СПб.
- Дараган, М.Н. 2011: *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Дворниченко, В.В., Плахов, В.В., Сергацков, И.В. 2002: Сарматские погребения у поселка Комсомольский Астраханской области. *НАВ* 5, 224–250.
- Дедюлькин, А.В. 2015: Материалы из погребения, исследованного в 1973 г. в г. Новочеркасске, из фондов Музея истории донского казачества. В кн.: В.А. Кореняко, Л.А. Бойко (ред.), *TANAIN AE POTAMON LIABANTI. Памяти В.Е. Максименко (1934–2014)*. Ростов-на-Дону, 71–72.
- Дзгеладзе, Е.С. 2016: *Бусы и подвески сарматов Северного Причерноморья*: дисс... на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Киев.
- Дэвлет, М.А. 1980: *Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н.э. – I в. н.э.* (САИ, Д4-7). М.
- Железчиков, Б.Ф. 1998: *Археологические памятники Уральской области*. Волгоград.
- Железчиков, Б.Ф. 2000: Сарматские погребения в могильнике Алебастрово I. *НАВ* 3, 294–308.
- Завьялов, В.А. 2008: *Кушаниахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартена)* (Труды ИИМК XXVII). СПб.
- Илюкоков, Л.С., Власкин, М.В. 1992: *Сарматы междуречья Сала и Маныча*. Ростов-на-Дону.
- Ильясов, Дж.Я., Каниут, К., Грубер, М. 2013: Тахтисангинские пластины – шкатулка или поясной набор? В кн.: Г.Ю. Колганова, А.А. Петрова, С.В. Кулланда (ред.), *Последний энциклопедист: к юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского*. М., 185–199.
- Исмагилов, Р.Б., Сунгатов, Ф.А. 2011: Могильник Валит-2 и проблема датировки «шагреновой» культуры V–IV вв. до н.э. Южного Урала. В кн.: Б.А. Байтанаев, А.З. Бейсенов (ред.), *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы*. Т. 2. Алматы, 65–79.
- Кат. Алматы 2009: А. Акишев, Н. Алимбай (ред.), *Культура ранних кочевников Казахстана: археологические коллекции. Центральный Государственный музей Республики Казахстан*. Алматы.
- Килуновская, М.Е., Леус, П.М. 2017: Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве. *КСИА* 247, 87–104.
- Ковпаненко, Г.Т. 1986: *Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге*. Киев.
- Косыненко, В.М. 2008: *Некрополь Кобыкова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.)* (ДД. 9). Азов.
- Красноперов, А.А. 2013: Бусы Ныргынды <https://www.academia.edu/3156851/>
- Кривошеев, М.В. 2005: *Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации*: дисс... канд. ист. наук. Волгоград.

- Крис, Х.И. 1981: *Кизил-кобинская культура и тавры* (САИ, вып. Д1-27). М.
- Левченко, Б.М., Левченко, Н.Б., Гречко, Д.С. 2015: Курганы раннескифского времени у с. Медвин в Поросье (по материалам раскопок 1984–1985 гг.). *Археологія і давня історія України* 2 (15), 202–218.
- Леус, П.М., Бельский, С.В. 2016: Терезин I – могильник эпоху хунну в Центральной Туве. *Археологические вести* 22, 93–104.
- Литвинский, Б.А. 1973: *Украшения из могильников Западной Ферганы*. М.
- Литвинский, Б.А., Соловьев, В.С. 1985: *Средневековая культура Тохаристана*. М.
- Мажитов, Н.А., Пшеничнюк, А.Х. Камышлы-Тамакский могильник. В кн.: Р.Г. Кузеев (ред.), *Археология и этнография Башкирии*. Т. III. Уфа, 38–58.
- Максименко, В.Е. 1979: *Отчет о раскопках Сладковского курганного могильника в Тацинском районе Ростовской области в 1978 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 7094.
- Максименко, В.Е., Савченко, Е.И. 1984: Раннесарматское погребение в Новочеркасске. В кн.: К.Ф. Смирнов (ред.), *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. М., 156–161.
- Малышев, А.А. 2008: Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя. В кн.: А.А. Малышев (ред.), *Аспургияне на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника* (Некрополи Черноморья 2). М., 135–179.
- Мамонтов, В.И. 1995: Погребение знатного воина из кургана у пос. Первомайский. *ДД* 4, 169–178.
- Мамонтов, В.И. 2000: *Древнее население левобережья Дона (по материалам могильника Первомайский VII)*. Волгоград.
- Марченко, К.К., Житников, В.Г., Копылов, В.П. 2000: *Елизаветовское городище на Дону* (Pontus Septentrionalis II; Tanais 2). М.
- Маслов, В.Е. 1999: О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника. В кн.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов (ред.), *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. М., 219–236.
- Массон, М.Е., Пугаченкова, Г.А. 1959: *Парфянские ритоны Нисы* (Труды ЮТАКЭ IV). Ашхабад.
- Медведев, А.П. 2008: *Сарматы в верховьях Танаиса*. М.
- Миняев, С.С. 2007: *Дурестуйский могильник* (Археологические памятники Сюнну 3). 2-е доп. изд. СПб.
- Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. 2007: *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Симферополь, Бонн.
- Негматов, Н.Н., Мирбабаев, А.К., Абдурасулов, М.А. 1976: Начало раскопок городища Ширин (предварительное сообщение). *АРТ XVI*, 297–307.
- Николаев, Н.Н. 2010: Знаменский клад. В кн.: О.А. Федосеев (ред.), *Янтарь в древних культурах. Художественные произведения из собрания Эрмитажа*. СПб., 54–59.
- Никоноров, В.П., Худяков, Ю.С. 1999: Изображения воинов из Орлатского могильника. В кн.: О.А. Митько (ред.), *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Сборник научных статей*. Новосибирск, 141–154.
- Подушкин, А.Н. 2000: *Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э.* Туркестан.
- Подушкин, А.Н. 2011: Ханьское зеркало из катакомбы 12 могильника Култобе. *Вопросы археологии Казахстана* 3, 363–373.
- Подушкин, А.Н. 2012: К этнической истории государства Кангюй II в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам могильников Орлат и Култобе). *Stratum plus* 4, 31–53.
- Подушкин, А.Н. 2015а: Египетский фаянс в погребениях могильников Кылышжар и Култобе Южного Казахстана. *Stratum plus* 3, 307–320.

- Подушкин, А.Н. 2015б: Сарматская атрибутика в археологических комплексах катакомбных погребений Арысской культуры Южного Казахстана (I в. до н. э. – III в. н.э.). *Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 4, История* 5 (35), 67–78.
- Подушкин, А.Н. 2018: Тамго-образные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до – IV в. н.э. *Мир Большого Алтая. Международный научный журнал* 4(1), 61–101.
- Прокопенко, Ю.А. 2014: *Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э.* Ч. 1–2. Ставрополь.
- Пугаченкова, Г.А. 1987: Образ кангюйца в согдийском искусстве. В кн.: Г.А. Пугаченкова (ред.), *Из художественной сокровищницы Среднего Востока*. Ташкент, 56–65.
- Пугаченкова, Г.А. 1989а: *Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции*. Ташкент.
- Пугаченкова, Г.А. 1989б: Образы юэчжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда. В кн.: Г.А. Пугаченкова (ред.), *Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана*. Ташкент, 96–110.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 3)*. Симферополь–М.
- Пузикова, А.И. 2001: *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов)*. М.
- Ртвеладзе, Э.В. 1983: Могильник кушанского времени у Ялангтуш-тепе. *СА* 2, 125–143.
- Ртвеладзе, Э.В. 2012: *Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии*. СПб.
- Рыков, П.С. 1925: Сусловский курганный могильник. *Ученые записки Саратовского государственного университета* 4.3, 28–102.
- Семенов В.А. 2003: *Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в центрально-тувинской котловине*. СПб.
- Семенов, В.А. 2010: Усуни на севере Центральной Азии. *АЭАЕ* 3 (43), 99–110.
- Симоненко, А.В., Лобай, Б.И. 1991: *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э.* Киев.
- Синика, В.С., Закордонец, О.А. 2018: Раковины из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология* 28.1, 81–87.
- Синицын, И.В. 1959: Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.). В кн.: Е.И. Крупнов (ред.), *Памятники Нижнего Поволжья*. Т. 1 (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции) I. МИА 60). М., 39–205.
- Синицын, И.В. 1960: Древние памятники в низовьях Еруслана. В кн.: Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов (ред.), *Древности Нижнего Поволжья* (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции II; МИА 78). М., 10–168.
- Сиротин, С.В., Трейстер, М.Ю. 2014: Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II. В кн.: Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.), *Материалы VIII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. (УАВ, 14). Уфа, 207–217.
- Смирнов, К.Ф. 1964: *Савроматы (ранняя история и культура сарматов)*. М.
- Смирнов, К.Ф. 1984: *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. М.
- Смирнов, К.Ф., Петренко, В.Г. 1963: *Савроматы Поволжья и Южного Приуралья* (САИ. Вып. Д1–9). М.

- Столба, В.Ф. 2009: Бусы, подвески и амулеты: Вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики. *ВДИ* 2, 109–128.
- Стоянова, А.А. 2016: Подвески из могильника Нейзац. В кн.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац*. Симферополь, 122–165.
- Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2003–2004: Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.
- Сымонович, Э.А. 1983: *Население столицы позднескифского царства*. Киев.
- Тетерин, Ю.В. 2012: Поясные подвески Южной Сибири позднескифского времени. *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология* 11, вып. 7: Археология и этнография, 117–124.
- Трейстер, М.Ю. 2007: Вставки гемм (за исключением перстней). В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т.1. Симферополь–Бонн, 295–305.
- Трейстер, М.Ю. 2008: Изделия из бронзы, кости и украшения. В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Трехбратские курганы. Курганный комплекс второй половины IV–III вв. до н.э. в Восточном Крыму*. Симферополь–Бонн, 105–122.
- Трейстер, М.Ю. 2012: Ахеменидские ювелирные украшения и украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные подражания. Произведения постахеменидской традиции. В кн.: *Влияния ахеменидской культуры*. Т. 1, 134–167.
- Трейстер, М.Ю., Шемаханская, М.С., Яблонский, Л.Т. 2012: А10. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Покровка. В кн.: *Влияния ахеменидской культуры*. Т. 2, 54–64.
- Трифанова, С.В., Соенов, В.И. 2012: Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* 10 (24). Тамбов, 192–195.
- Трифанова, С.В., Соенов, В.И. 2018: Костяные украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. *Genesis: исторические исследования* 12, 110–123, https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28417
- Философы из Хуайнани. Хуайнаньцзы*. Сост. Ушаков, И.В.; пер. с кит. Померанцевой Л.Е. (Философское наследие 135). М.
- Шульга, П.И., Уманский, А.П., Могильников, А.В. 2009: *Новотроицкий некрополь*. Барнаул.
- Яблонский, Л.Т. 2010: *Прохоровка. У истоков сарматской археологии*. М.
- Яковенко, Э.В. 1987: «Лавка ювелира» на Елизаветівському городищі. *Археологія* 60, 83–91.
- Ясаков, В.С. 2020: Функциональное назначение раковин каури (середина II тыс. до н.э. – XIX в. н.э.). В кн.: *III Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК, 5–9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых*. Пермь, 451–453.
- Яценко, С.А. 2000: Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии. *ВДИ* 4, 86–104.
- Abdullaev, K.A. 1995: Armour of Ancient Bactria. In: A. Invenizzi (ed.), *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity*. Firenze, 163–180.
- Abdullaev, K.A. 2007: Nomad Migration in Central Asia. In: J. Cribb, G. Herrmann (eds.), *After Alexander: Central Asia before Islam* (Proceedings of the British Academy 133). Oxford–New York, 73–98.
- Abu-Laban, A. 2014: The Use of Marine Mollusk Shells at the Neolithic Site Shkarat Msaied, Jordan. In: *Archaeomalacology*, 9–18.

- Apostolakou, S., Betancourt, P., Brogan, T., Mylona, D., Sofianiou, C. 2014: Tritons Revisited. In: G. Touchais, R. Laffineur, F. Rougemont (eds.), *Physis. L'environnement naturel et la relation homme-milieu dans le monde égéen protohistorique* (Aegeum 37). Leuven, Liege, 325–332.
- Banghard, K. 2001: Kauris im merowingerzeitlichen Europa. Ein Beitrag zur frühmittelalterlichen Fernhandelsgeschichte. *Münstersche Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte* 20, 15–22.
- Baruch, I., Artzy, M., Heller, J., Balensi, Herrer, M.D. 2005: The mollusc fauna from the Late Bronze and Iron Age strata of Tell Abu Hawam. In: *Archaeomalacology*, 137–147.
- Bar-Yosef Mayer, D.E. 2007: Construction and Trade: The Shells from Tel Beth-Shean. In: A. Mazar (ed.), *Excavations at Tel Beth-Shean 1989–1996. I: From the Late Bronze Age IIB to the Medieval Period*. Jerusalem, 711–722.
- Bar-Yosef Mayer, D.E. 2007: Archaeomalacological Research in Israel: The current State of Research. *Israel Journal of Earth Sciences* 56, 191–206.
- Beglova, E.A. 2005: The First Ritual Complex of the Tenginskii Burial-Ground. *ACSS* 11, 41–84.
- Belarte, M.C., Canela, J., Euba, I., López, D., Valenzuela, S. 2017: ¿Deposito votivo o destrucción de necrópolis?: el silo protohistórico de El Pontarri (La Secuita, Tarragona) / Votive Deposit or Destroyed Necropolis?: The Protohistoric Silo of El Pontarri (La Secuita, Tarragona). *Trabajos de Prehistoria* 74(2), 355–374.
- Bin Yang, 2004: Horses, Silver, and Cowries: Yunnan in Global Perspective. *Journal of World History* 15.3, 281–322.
- Bin Yang, 2011: The Rise and Fall of Cowrie Shells: The Asian Story. *Journal of World History* 22.1, 1–25.
- Borello, M.A. 2004: Le conchiglie nella preistoria e nella protostoria. *Preistoria Alpina. Suppl.* 1, 40. Trento, 19–42.
- Brosseder, U. 2011: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: *Xiongnu Archaeology*, 349–424.
- Bruyako, I.V. 2007: Seashells and Nomads of the Steppes (Early Scythian Culture and Molluscs of the Cyprea family in Eastern Europe). *ACSS* 13.3–4, 225–240.
- Caré, B. 2018: Conchiglie in tomba tra Magna Grecia e Sicilia: contesti e proposte interpretative. In: S. Bonomi, C. Malacrino (eds.), *Ollus leto datus est. Architettura, topografia e rituali funerari nelle necropoli dell'Italia meridionale e della Sicilia fra antichità e medioevo*. Reggio Calabria, 145–156.
- Cat. Daoulas 1995: *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995*. Abbaye de Daoulas.
- Cat. Paris 2001: V. Schiltz (ed.), *L'or des Amazones*. Paris.
- Chacheva, M. 2015: Trinkets for the Afterlife: Personal Ornaments from Graves of Children in the Necropolis of Apollonia Pontica. *Archaeologia Bulgarica* XIX.1, 1–21.
- Chacheva, M. 2016: Adornments or amulets? Personal ornaments of Apollonian children in Pontic context. In: M. Manoledakis (ed.), *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 18–20 September 2015*. Oxford, 139–152.
- d'Annibale, C. 2016: Marine Shells. In: F. Silvestrelli, I.E.M. Edlund-Berry (eds.), *A Greek Settlement at Sant'Angelo Vecchio* (The Chora of Metaponto 6). Austin, 197–206.
- d'Annibale, C. 2018: Marine Shells. In: J.C. Carter, K. Swift (eds.), *The Greek Sanctuary at Pantanello* (The Chora of Metaponto 7). Austin, 473–502.
- Egiimaa, T.S. 2011: Adornments of the Xiongnu. In: G. Èrègzèn (ed.), *Treasures of the Xiongnu* / Г. Эрэгзэн (ред.), *Хүннүгийн өв*. Улаанбаатар / Ulaanbaatar, 112–129.
- Francfort, H.P. 2011: Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d'un roi anonyme de la Bactriane du Ier siècle P.C. *Topoi* 17/1, 277–347.

- Furtwängler, A. 2011: Tridacna – warum nicht auch mal griechisch? In: O. Pilz, M. Vonderstein (Hrsg.), *Keraunia: Beiträge zu Mythos, Kult und Heiligtum in der Antike* (Beiträge zur Altertumskunde 298). Berlin–Boston, 47–51.
- Golani, A. 2014: Cowrie Shells and Their Imitations as Ornamental Amulets in Egypt and the Near East. In: A. Golani, Z. Wygnańska. (eds.), *Beyond Ornamentation. Jewelry as an Aspect of Material Culture in the Ancient Near East* (PAM, Special Studies 23/2), 71–94.
- Gottschalk, R. 2008: Zur spätrömischen Grabkultur im Kölner Umland. Zwei Bestattungsareale in Hürth-Hermülheim. Zweiter Teil: Die Funde und ihre Deutung. *BJb* 208, 91–160.
- Grenet, F. 2012: The Nomadic Element in the Kushan Empire (1st–3rd Century AD). *Journal of Central Eurasian Studies* 3, 1–22.
- Gruber, M., Il'yasov, J., Kaniuth, K. 2012: A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan. *ACSS* 18, 339–375.
- Hrouda, B. 1962: *Die Kleinfinde aus historischer Zeit* (Tell Halaf IV). B.
- Ilyasov, J. 2003: Covered Tail and “Flying” Tassels. *Iranica Antiqua* XXXVIII, 259–325.
- Ilyasov, J.Ya., Rusanov, D.V. 1998: A Study on the Bone Plates from Orlat. *SRAA* 5, 107–159.
- Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2017: *Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People* (Monographien des RGZM 123). Mainz.
- Jianhua, Y. 2011: Gender Relationships among the “Xiongnu” as reflected in Burial Patterns. In: *Xiongnu Archaeology*, 243–260.
- Kappes, H., Liesen, B. 1996: Mollusken in römischen Gräbern des Niederrheingebiets. *Thetis* 3, 129–135.
- Kat. Frankfurt 2003: B. Gossel-Raeck, D. Stutzinger (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt.
- Kat. Mannheim 2007: A. Wiczorek, C. Lind (Hrsg.), *Ursprünge der Seidenstraße*. Mannheim–Stuttgart.
- Knigge, U. 1976: *Der Südhügel* (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen 9). B.
- Kost, C. 2011: *Studien zur Bildpraxis im nordchinesischen Steppenraum vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zur Zeitenwende*. Dissertation, LMU München. München.
- Kost, C. 2014: *The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st Centuries BCE)* (BCAA 6). Bonn.
- Kost, C. 2017: Heightened Receptivity: Steppe Objects and Steppe Influences in Royal Tombs of the Western Han Dynasty. *Journal of the American Oriental Society* 137. 2, 349–381.
- Kovacs, L. 2008: *Vulvae, Eyes, Snake Heads Archaeological Finds of Cowrie Amulets* (BAR International Ser. 1846). Oxf.
- Ktalav, I., Borowski, O. 2010: Molluscs from Iron Age Tel Halif. *Tel Aviv* 37, 126–135.
- Landolfi, M. 2004: *Cypraea pantherina*, Gasteropode dell'Oceano indiano e ornamento della Civiltà Picena. *Preistoria Alpina. Suppl.* 1 40. Trento, 97–100.
- Larson, K.A. 2018: Personal Adornment: Glass, Stone, Bone, and Shell. In: A.M. Berlin, S.C. Herbert (eds.), *Decorative Wall Plaster, Objects of Personal Adornment and Glass Counters, Tools for Textile Manufacture and Miscellaneous Bone, Terracotta and Stone Figurines, Pre-Persian Pottery, Attic Pottery, and Medieval Pottery*. Ann Arbor. 79–136.
- Lennartz, A. 2004: Die Meeresschnecke *Cypraea* als Amulett im Frühen Mittelalter. Eine Neubewertung. *BJb* 204, 163–232.
- Leus, P. 2011: New Finds from the Xiongnu Period in Central Tuva. Preliminary Communication. In: *Xiongnu Archaeology*, 515–536.
- Li Yung-Ti 2003: On the Functions of Cowries in the Shang and Western Zhou China. *Journal of East Asian Archaeology* 5, 1–26.
- Linduff, K.M. 2008: The Gender of Luxury and Power among the Xiongnu in Eastern Eurasia. In: K.M. Linduff, K.S. Robinson (eds.), *Are all Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham, 175–211.

- Ling, P. 2011: A Summary of Xiongnu Sites within the Northern Periphery of China. In: *Xiongnu Archaeology*, 463–474.
- Ljuština, M., Radišić, T., Ninčić, I. 2019: Exotic Goods from the Eearly Iron Age Necropolis Stubarlija, Serbia, as Indicators of Cultural Contacts. In: V. Sîrbu, C. Schuster, D. Hortopan (eds.), *Border Guards of the Passes, from the Fortresses and the Graves. The Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 17th International Colloquium of Funerary Archaeology. Târgu Jiu, Gorj County (Romania) 4th–7th October 2018*. Târgu Jiu–Brăila, 139–148.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 267–400.
- Mederos, A., Escribano, G. 2006: *Mare Purpureum*. Producción y comercio de la púrpura en el litoral Atlántico Norteaficano. *Rivista di Studi Fenici* XXXIV, 1, 71–96.
- Miller, B.K. 2011: Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire. In: *Xiongnu Archaeology*, 559–578.
- Minyayev, S. 2000: The Origins of the “Geometric Style” in Hsiung nu Art. In: J. Davis-Kimball, E.M. Murphy, L. Koryakova, L.T. Yablonsky (eds.), *Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age* (BAR International Ser. 890). Oxf., 293–303.
- Miniaev, S. 2019: Some Features of “Xiongnu” Composite Belts. In: S.A. Lullo, L.V. Wallace (eds.), *The Art and Archaeology of Bodily Adornment Studies from Central and East Asian Mortuary Contexts*. L., 41–53.
- Morand, N. 2020: The exploitation of molluscs and other invertebrates in Alexandria (Egypt) from the Hellenistic period to Late Antiquity: food, usage, and trade. *Anthropozoologica* 55 (1), 1–20, <https://doi.org/10.5252/anthropozoologica2019v55a1>. <http://anthropozoologica.com/55/1>
- Niveau de Villedary y Maricas, Ana M^a, Abia Maestre, Ana M^a 2014: El simbolismo del *Murex* en contextos funerarios y rituales. In: J.J. Cantillo, D. Bernal, J. Ramos (eds.), *Moluscos y púrpura en contextos arqueológicos atlántico-mediterráneos: nuevos datos y reflexiones en clave de proceso histórico: actas de la III reunión científica de arqueomalacología de la Península Ibérica, celebrada en Cádiz los días 3 y 4 de diciembre de 2012* (Ceimar 10). Cádiz, 287–298.
- Odabaatar, Ts. 2011: Xiongnu Belts. In: G. Èrègzèn (ed.), *Treasures of the Xiongnu* / Г. Эрэгзэн (ред.), *Хүннүгийн өв*. Улаанбаатар / Ulaanbaatar, 130–141.
- Olbrycht, M. 2015: Arsic Iran and the Nomads of Central Asia – Ways of Cultural Transfer. In: J. Bemann, M. Schmauder (eds.), *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* (BCAA 7). Bonn, 333–390.
- Papi, R. 2006: Amuleti antichi e moderni della Collezione Pansa. In: D. Caiazza (ed.), *Samniticae Loqui. Studi in onore di Aldo Prosdocimi per il premio I Sanniti*. II. Montesarchio-Cervinara, 203–226.
- Poppa, R. 1978: *Kamid el-Loz 2. Der eisenzeitliche Friedhof* (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 18). Bonn.
- Prummel, W. 2005: Molluscs from a Middle Bronze Age site and two Hellenistic sites in Thessaly, Greece. In: *Archaeomalacology*, 107–121.
- Puzdrovskii, A.E. 2005: A Tomb of Early Roman Period from the Region of Scythian Neapolis. *ACSS* 11, 85–106.
- Radomska, M. 2016: Child Burials at Saqqara Ptolemaic Necropolis West of the Step Pyramid. *Études et Travaux* XXIX, 169–202.
- Reese, D.S. 1991: The Trade of Indo-Pacific Shells into the Mediterranean Basin and Europe. *Oxford Journal of Archaeology* 10, 159–196.
- Reese, D.S. 2010: Shells from Sarepta (Lebanon) and East Mediterranean Purple-dye Production. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 10.1, 113–141.

- Scatozza Höricht, L.A. 1989: *I monili di Ercolano* (Cataloghi / Soprintendenza archeologica di Pompei, 3). Roma.
- Schönfelder, M. 2001: Die etruskischen Bronzebecken aus dem Samsbacher Forst, Lkr. *Jahrbuch des RGZM* 48, 309–335.
- Selbitschka, A. 2010: *Prestigegüter entlang der Seidenstrasse? Archäologische und historische Untersuchungen zu Chinas Beziehungen zu Kulturen des Tarimbeckens vom zweiten bis frühen fünften Jahrhundert nach Christus* (Asiatische Forschungen 154). Wiesbaden.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 1–264.
- Spasić-Đurić, Dr. L. 2015: Значај и функција љуштурса пужева *Cypraea tigris* и *C. pantherina* у римским гробовима у Горњој Мезији. *Зборник Народног Музеја – Београд XXII/1. Археологија*, 259–277.
- Stroszeck, J. 2012: Grave Gifts in Child Burials in the Athenian Kerameikos, The Evidence of Sea Shells. In: A. Hermay, C. Dubois (eds.), *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité III. Le matériel associé aux tombes d'enfants. Actes de la table ronde internationale organisée à la Maison Méditerranéenne des Sciences de l'Homme (MMSH), d'Aix-en Provence, 20–22 janvier 2011* (Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine 12). Paris, Aix-en-Provence, 57–75.
- Then-Obluska, J. 2016c: Trade and Faith in Nubian Early Makuria (AD 450–550): Macroscopic Examination of Personal Adornments from Elzuma in Nubia. *PAM* 25, 741–760.
- Then-Obluska, J., Pleša, A.D. 2019: Roman to Islamic Beads and Pendants from Matmar and Mostagedda, Middle Egypt. *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers* 31, 50–74.
- Theodoropoulou, T. 2008: From Sea to Land: The Exploitation of Molluscs in the Geometric Artisan Site of Skala Oropou, Attica. In: Y. Facorellis, N. Zaharias, K. Polikreti (eds.), *Proceedings of the 4th Symposium of the Hellenic Society for Archaeometry, National Hellenic Research Foundation, Athens, 28–31 May 2003* (BAR International Ser. 1746). Oxford, 205–214.
- Theodoropoulou, T. 2013: The Sea in the Temple? Shells, fish and corals from the Sanctuary of the Ancient Town of Kythnos and Other Marine Stories of Cult. In: G. Ekroth, J. Hjohlman (eds.), *Bones, Behaviour and Belief. The Osteological Evidence as a Source for Greek Ritual Practice* (Skrifter utgivna av Svenska Institutet i Athen in 4° 55). Stockholm, 197–222.
- Theodoropoulou, T. 2014: Dead from the sea: worn shells in Aegean prehistory. In: *Archaeomalacology*, 77–90.
- Theodoropoulou, T. 2017: A sea of luxury: marine-origin luxury items and dyes in the 7th century BC. In: X. Charalambidou, C. Morgan (eds.), *Interpreting the seventh century BC: Tradition, innovation and meaning*. Oxford, 80–92.
- Toll, N. 1946: *The Necropolis. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935–1936* (Excavations at Dura Europos. Part II). New Haven.
- Treister, M. 2002: Two Golden Bracelets from Olbia in the Walters Art Gallery. *ACSS* 8, 17–68.
- Treister, M. 2004: Cloisonné-and Champlevé-decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic – Early Imperial Periods. *Acta Archaeologica* 75.2, 189–219.
- Wehry, B. 2013: *Zwischen Orient und Okzident. Das arsakidenzeitliche Gräberfeld von Tall Šēḫ Hamad/Magdala*. Diss. Freie Universität Berlin. B.
- Yang, J., Shao, H., Pan, L. 2020: *The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe. The Formation of the Xiongnu Confederation and the Silk Road*. Singapore.

REFERENCES

- Abdullaev, K.A. 1995: Armour of Ancient Bactria. In: A. Invenizzi (ed.), *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity*. Firenze, 163–180.

- Abdullaev, K.A. 2007: Nomad Migration in Central Asia. In: J. Cribb, G. Herrmann (eds.), *After Alexander: Central Asia before Islam* / (Proceedings of the British Academy 133). Oxf., New York, 73–98.
- Abdulgazieva, B. 1987: Novye pamyatniki epokhi rannego srednevekov'ya Vostochnoy Fergany [New Monuments of the Early Medieval Period of Eastern Ferghana]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [The History of the Material Culture of Uzbekistan] 21, 66–72.
- Abu-Laban, A. 2014: The Use of Marine Mollusk Shells at the Neolithic Site Shkarat Msaied, Jordan. In: *Archaeomalacology*, 9–18.
- Alekseeva, E.M. 1982: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient Beads of the North Pontic Area] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] 71-12). Moscow.
- Alimov, K.A., Bogomolov, G.I. 2000: K voprosu ob etnokul'turnykh svyazyakh kochevnikov Bukhary i Chacha [To the Question of the ethnocultural Relations of the Nomads of Bukhara and Chach]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [The History of the Material Culture of Uzbekistan] 31, 164–177.
- Apostolou, S., Betancourt, P., Brogan, T., Mylonas, D., Sofianou, C. 2014: Tritons Revisited. In: G. Touchais, R. Laffineur, F. Rougemont (eds.), *Physis. L'environnement naturel et la relation homme-milieu dans le monde égéen protohistorique* / (Aegeum 37). Leuven–Liege, 325–332.
- Banghard, K. 2001: Kauris im merowingerzeitlichen Europa. Ein Beitrag zur frühmittelalterlichen Fernhandelsgeschichte. *Münstersche Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte* 20, 15–22.
- Baruch, I., Artzy, M., Heller, J., Balensi, H., Herr, M.D. 2005: The mollusc fauna from the Late Bronze and Iron Age strata of Tell Abu Hawam. In: *Archaeomalacology*, 137–147.
- Bar-Yosef Mayer, D.E. 2007: Construction and Trade: The Shells from Tel Beth-Shean. In: A. Mazar (ed.), *Excavations at Tel Beth-Shean 1989–1996. I: From the Late Bronze Age IIB to the Medieval Period*. Jerusalem, 711–722.
- Bar-Yosef Mayer, D.E. 2007: Archaeomalacological Research in Israel: The current State of Research. *Israel Journal of Earth Sciences* 56, 191–206.
- Baypakov, K.M., Smagulov, E.A., Erzhitova, A.A. 2005: *Rannesrednevekovye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana* [Early Medieval Necropoleis of South Kazakhstan]. Pts. 1–2. Almaty.
- Beglova, E.A. 2005: The First Ritual Complex of the Tenginskii Burial-Ground. *ACSS* 11, 41–84.
- Beglova, E.A., Erlikh, V.A. 2018: *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya. Po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika* [The Maoitians of the Trans-Kuban Region. After the Materials of the Tenginskiy Burial-Ground]. Moscow.
- Belarte, M.C., Canela, J., Euba, I., López, D., Valenzuela, S. 2017: ¿Deposito votivo o destrucción de necrópolis?: el silo protohistórico de El Pontarró (La Secuita, Tarragona) / Votive Deposit or Destroyed Necropolis?: The Protohistoric Silo of El Pontarró (La Secuita, Tarragona). *Trabajos de Prehistoria* 74(2), 355–374.
- Bernar, P., Abdullaev, K. 1997: Nomady na granitse Baktrii (k voprosu etnicheskoy i kul'turnoy identifikatsii) [The Nomads on the Border of Bactria (to the Question of Ethnic and Cultural Identification)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 1, 68–86.
- Bin Yang, 2004: Horses, Silver, and Cowries: Yunnan in Global Perspective. *Journal of World History* 15.3, 281–322.
- Bin Yang, 2011: The Rise and Fall of Cowrie Shells: The Asian Story. *Journal of World History* 22.1, 1–25.
- Bogdanov, S.V. 2018: Kul'turno-khronologicheskie komplekсы skifo-sarmatskoy epokhi I Nizhnepavlovskogo kurgannogo mogil'nika v stepnom Priural'e [Cultural-Chronological Complexes of the Scytho-Sarmatian Period of the 1st Nizhnepavlovskiy Kurgan Necropolis in the Steppe Urals]. *Stratum plus* 3, 103–133.

- Borello, M.A. 2004: Le conchiglie nella preistoria e nella protostoria. *Preistoria Alpina. Suppl.* 1, 40. Trento, 19–42.
- Borodovskiy, A.P., Larichev, V.E. 2011: Predmetnyy kompleks Iyusskogo klada [The Complex of Items of the Iyuss Treasure]. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya, filologiya* [Journal of the Novosibirsk State University. Series History, Philology] 10.7, 196–208.
- Borodovskiy, A.P., Larichev, V.E. 2013: *Iyusskiy klad (katalog kollektsii)* [The Iyuss Treasure (The Catalogue of Collection)]. Novosibirsk.
- Brosseder, U. 2011: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: *Xiongnu Archaeology*, 349–424.
- Bruyako, I.V. 2007: Seashells and Nomads of the Steppes (Early Scythian Culture and Molluscs of the Cyprea family in Eastern Europe). *ACSS* 13.3-4, 225–240.
- Caré, B. 2018: Conchiglie in tomba tra Magna Grecia e Sicilia: contesti e proposte interpretative. In: S. Bonomi, C. Malacrino (eds.), *Ollus leto datus est. Architettura, topografia e rituali funerari nelle necropoli dell'Italia meridionale e della Sicilia fra antichità e medioevo*. Reggio Calabria, 145–156.
- Cat. Almaty 2009: A. Akishev, N. Alimbay (eds.), *Kul'tura rannikh kochevnikov Kazakhstana. Arkheologicheskaya kollektsiya Tsentral'nogo gosudarstvennogo muzeya Respubliki Kazakhstan* [The culture of the early nomads of Kazakhstan. Archaeological collection of the Central State Museum of the Republic Kazakhstan]. Almaty.
- Cat. Daoulas 1995: *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995*. Abbaye de Daoulas.
- Cat. Paris 2001: V. Schiltz (ed.), *L'or des Amazones*. Paris.
- Chacheva, M. 2015: Trinkets for the Afterlife: Personal Ornaments from Graves of Children in the Necropolis of Apollonia Pontica. *Archaeologia Bulgarica* XIX.1, 1–21.
- Chacheva, M. 2016: Adornments or amulets? Personal ornaments of Apollonian children in Pontic context. In: M. Manoledakis (ed.), *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 18–20 September 2015*. Oxf., 139–152.
- d'Annibale, C. 2016: Marine Shells. In: F. Silvestrelli, I.E.M. Edlund-Berry (eds.), *A Greek Settlement at Sant'Angelo Vecchio* (The Chora of Metaponto 6). Austin, 197–206.
- d'Annibale, C. 2018: Marine Shells. In: Carter, J.C., Swift, K. *The Greek Sanctuary at Pantanello* (The Chora of Metaponto 7). Austin, 473–502.
- Daragan, M.N. 2011: *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi* [The Beginning of the Early Iron Age in the Dnieper Right Bank Forest-Steppe]. Kiev.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa* [The Necropolis of Belyaus]. Simferopol.
- Davydova, A.V. 1985: *Ivolginskiy kompleks (gorodishche i mogil'nik) – pamyatnik khunnu* [The Ivolga Complex (The Fortified Settlement and the Necropolis) – the Monument of the Xiongnu]. Leningrad.
- Davydova, A.V. 1996: *Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks*. Vol. 2. *Ivolginskiy mogil'nik* [The Ivolga Archaeological Complex. Vol. 2. The Ivolga Necropolis] (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu [Archaeological Monuments of the Xiongnu] 2). Saint Petersburg.
- Davydova, A.V., Minyaev, S.S. 2008: *Khudozhestvennaya bronza syunnu. Novye otkrytiya v Rossii / The Xiongnu Decorative Bronzes: New Discoveries in Russia* (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu [Archaeological Monuments of the Xiongnu] 6). Saint Petersburg.
- Dedyul'kin, A.V. 2015: Materialy iz pogrebeniya, issledovannogo v 1973 g. v g. Novocheerkasske, iz fondov Muzeya istorii donskogo kazachestva [The Materials from the Burial, investigated in 1973 in the City of Novocheerkassk, from the Depots of the Museum of History of Don Cossaks]. In: V.A. Korenyako, L.A. Boyko (ed.), *TANAIN ΔΕ ΠΟΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ. Pamyati V.E. Maksimenko* [To the Memory of V.E. Maksimenko (1934–2014)]. Rostov-on-Don, 71–72.

- Devlet, M.A. 1980: *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny. II v. do n.e. – I v. n.e.* [Siberian Openwork Belt Plates. 2nd Century BC – 1st Century AD] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] Д4-7). Moscow.
- Dvornichenko, V.V., Plakhov, V.V., Sergatskov, I.V. 2002: Sarmatskie pogrebeniya u poselka Komsomol'skiy Astrakhanskoy oblasti [Sarmatian burials near the village of Komsomolskiy, Astrakhan region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin] 5, 224–250.
- Dzneladze, E.S. 2016: *Busy i podveski sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Beads and pendants of the Sarmatians of the North Pontic area]. Ph.D. thesis. Kiev.
- Egiimaa, T.S. 2011: Adornments of the Xiongnu. In: In: G. Èrègzèn (ed.), *Treasures of the Xiongnu* / Г. Эрэгзэн (ред.), *Хүннүгийн өв*. Улаанбаатар / Ulaanbaatar, 112–129.
- Filosofy iz Khuaynani. Khuaynan'tszy* [Philosophs from Huainan. Huainanzi]. Compiled by Ushakov, I.V.; translated from Chinese by Pomerantseva, L.E. (Filosofskoe nasledie [Philosophical Heritage] 135). Moscow.
- Francfort, H.P. 2011: Tillya Tépa (Afghanistan) la sépulture d'un roi anonyme de la Bactriane du Ier siècle P.C. *Topoi* 17/1, 277–347.
- Furtwängler, A. 2011: Tridacna – warum nicht auch mal griechisch? In: O. Pilz, M. Vonderstein (Hrsg.), *Keraunia: Beiträge zu Mythos, Kult und Heiligtum in der Antike* (Beiträge zur Altertumskunde 298). Berlin–Boston, 47–51.
- Golani, A. 2014: Cowrie Shells and Their Imitations as Ornamental Amulets in Egypt and the Near East. In: A. Golani, Z. Wygnańska (eds.), *Beyond Ornamentation. Jewelry as an Aspect of Material Culture in the Ancient Near East* (PAM, Special Studies 23/2), 71–94.
- Goldina, E.V., Krasnoperov, A.A. 2012: *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Sredney Kame* [Nyrgynda I Necropolis of the 2nd–3rd Centuries AD in the Middle Kama Basin] (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Materials and Studies of the Kamsko-Vyatka Archaeological Expedition] 22). Izhevsk.
- Golovchenko, N.N. 2015: Rakoviny kauri kak element poyasnoy furnitury naseleniya verkhneobskogo basseyna epokhi rannego zheleza [Cowrie Shells as an Element of the Belt Furniture of the Population of the Upper Ob' Basin in the Early Iron Age element]. In: *Polevyie issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae: materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Field Investigations in the Irtysh, Upper Ob' Basins and in the Altay: Materials of the 10th International Scientific-Practical Conference]. Barnaul, 33–37.
- Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011: *Nekropol' Paniardisa* [The Necropolis of Paniardis]. (Donskie drevnosti [The Antiquities of Don]. Iss.11). Azov.
- Gorbunova, N.G. 2001: Skotovody Baktrii, Sogda i TSentral'nykh Kyzylkumov [The Cattle Breeders of Bactria, Sogd and Central Kyzylkums]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 35, 126–151.
- Gordin, I.A. 1988: *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Pirozhok» v zone provedeniya zemlyanykh planirovochnykh rabot na zemlyakh sovkhoza «Levoberezhnyy» Volgodonskogo rayona Rostovskoy oblasti v 1988 godu* [Report on the Archaeological Excavations of the Kurgan Necropolis “Pirozhok” in the Area of the Planning Ground Works on the Lands of the State Farm “Levoberezhnyy” in the Volgodonsk District of the Rostov Region in 1988]. Archive of the Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, № 10932/1, 2.
- Goryachev, A.A., Yatsenko, S.A., Egorova, T.A. 2016: Kostyanaya plastina s gravirovannoy kompozitsiei iz poseleniya rannego zheleznoogo veka Kyzybulak-IV v verkhov'yakh ushel'ya Turgen [A Bone Plate with an Incised Composition from the Early Iron Age Settlement Kyzybulak-IV in the Upper Reaches of the Turgen Gorge]. In: B.A. Baytanaev (ed.), *Aktual'nye problemy arkheologii Evrazii. Materialy konferentsii, posvyash-*

- chennoy 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 25-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana [Actual Problems of the Archeology of Eurasia. Materials of the Conference dedicated to the 25th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 25th Anniversary of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan]. Almaty, 632–648.
- Gottschalk, R. 2008: Zur spätrömischen Grabkultur im Kölner Umland. Zwei Bestattungsareale in Hürth-Hermülheim. Zweiter Teil: Die Funde und ihre Deutung. *BJb* 208, 91–160.
- Grenet, F. 2012: The Nomadic Element in the Kushan Empire (1st–3rd Century AD). *Journal of Central Eurasian Studies* 3, 1–22.
- Gruber, M., Il'yasov, J., Kaniuth, K. 2012: A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan. *ACSS* 18, 339–375.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016: *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [Necropolis of the Roman Period Belbek IV in Southwestern Crimea (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya [Proceedings of the State Historical Museum], Iss. 205). Moscow.
- Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994: «Zolotoe kladbishche» rimskoi epokhi v Prikuban'e [The „Golden Cemetery“ of the Roman Period in the Kuban Area]. Saint Petersburg.
- Hrouda, B. 1962: *Die Kleinfunde aus historischer Zeit* (Tell Halaf IV). Berlin.
- Ilyasov, J. 2003: Covered Tail and “Flying” Tassels. *Iranica Antiqua* XXXVIII, 259–325.
- Il'yasov, J.Ya., Kaniut, K., Gruber, M. 2013: Takhtisanginskie plastiny – shkatulka ili poynoy nabor? [The Takhti-Sangin Plates – A Casket or a Belt Set?]. In: G.Yu. Kolganova, A.A. Petrova, S.V. Kullanda (eds.), *Posledniy entsiklopedist: k yubileyu so dnya rozhdeniya B.A. Litvinskogo* [The last Encyclopedist: on the Anniversary of the birth of B.A. Litvinskiy]. Moscow, 185–199.
- Ilyasov, J.Ya., Rusanov, D.V. 1998: A Study on the Bone Plates from Orlat. *SRAA* 5, 107–159.
- Ilyukov, L.S., Vlaskin, M.V. 1992: *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha* [The Sarmatians of the Interfluvium of Sal and Manych Rivers]. Rostov-on-Don.
- Ismagilov, R.B., Sungatov, F.A. 2011: Mogil'nik Valit-2 i problema datirovki «shagrenevoy» kul'tury V–IV vv. do n.e. Yuzhnogo Urala [The Cemetery Valit-2 and the Problem of Dating of the “Shagreen” Culture of the 5th–4th Centuries BC of South Urals]. In: B.A. Baytanaev, A.Z. Beysenov (eds.), *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy* [The Archaeology of Kazakhstan in the Period of Independence: Results, Perspectives]. Vol. 2. Almaty, 65–79.
- Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2017: *Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People* (Monographien des RGZM 123). Mainz.
- Jianhua, Y. 2011: Gender Relationships among the “Xiongnu” as reflected in Burial Patterns. In: *Xiongnu Archaeology*, 243–260.
- Kappes, H., Liesen, B. 1996: Mollusken in römischen Gräbern des Niederrheingebiets. *Thetis* 3, 129–135.
- Kat. Frankfurt 2003: B. Gossel-Raeck, D. Stutzinger (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt.
- Kat. Mannheim 2007: A. Wiczorek, C. Lind (Hrsg.), *Ursprünge der Seidenstraße*. Mannheim–Stuttgart.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2017: Iskusstvo kontsa pervogo tysyacheletiya do n.e. v Tuve [The Art of the Late First Millennium BC in Tuva]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 247, 87–104.
- Knigge, U. 1976: *Der Südhügel* (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen 9). Berlin.
- Kost, C. 2011: *Studien zur Bildpraxis im nordchinesischen Steppenraum vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zur Zeitenwende*. Dissertation, LMU München. München.
- Kost, C. 2014: *The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st Centuries BCE)* (BCAA 6). Bonn.

- Kost, C. 2017: Heightened Receptivity: Steppe Objects and Steppe Influences in Royal Tombs of the Western Han Dynasty. *Journal of the American Oriental Society* 137. 2, 349–381.
- Kovacs, L. 2008: *Vulvae, Eyes, Snake Heads Archaeological Finds of Cowrie Amulets* (BAR International Ser. 1846). Oxf.
- Kovpanenko, G.T. 1986: *Sarmatskoe pogrebenie I v. n.e. na Yuzhnom Buge* [A Sarmatian Burial of the 1st Century AD in the South Bug Region]. Kiev.
- Kosyanenko, V.M. 2008: *Nekropol' Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.)* [The Necropolis of the Kobyakovo Fortified Settlement (after the Excavation Materials of 1956–1962)] (Donskie drevnosti [The Don Antiquities] 9). Azov.
- Krasnoperov, A.A. 2013: *Busy Nyrgyndy* [The Beads of Nyrgynda], <https://www.academia.edu/3156851/>
- Kris, Kh.I. 1981: *Kizil-kobinskaya kul'tura i tavry* [The Kizil-Koba Culture and the Taurians] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] Д1-27). Moscow.
- Krivoshchev, M.V. 2005: *Pozdnesarmatskaya kul'tura yuzhnoy chasti mezhdurech'ya Volgi i Dona. Problemy khronologii i periodizatsii* [Late Sarmatian Culture of the Southern Part of Volga-Don Interfluvium. Problems of Chronology and Periodization]. Ph.D. Dissertation Volgograd.
- Ktalav, I., Borowski, O. 2010: Molluscs from Iron Age Tel Halif. *Tel Aviv* 37, 126–135.
- Landolfi, M. 2004: *Cypraea pantherina*, Gasteropode dell'Oceano indiano e ornamento della Civiltà Picena. *Preistoria Alpina*. Suppl. 1 40. Trento, 97–100.
- Larson, K.A. 2018: Personal Adornment: Glass, Stone, Bone, and Shell. In: A.M. Berlin, S.C. Herbert (eds.), *Decorative Wall Plaster, Objects of Personal Adornment and Glass Counters, Tools for Textile Manufacture and Miscellaneous Bone, Terracotta and Stone Figurines, Pre-Persian Pottery, Attic Pottery, and Medieval Pottery*. Ann Arbor. 79–136.
- Lennartz, A. 2004: Die Meeresschnecke *Cypraea* als Amulett im Frühen Mittelalter. Eine Neubewertung. *BjB* 204, 163–232.
- Leus, P. 2011: New Finds from the Xiongnu Period in Central Tuva. Preliminary Communication. In: *Xiongnu Archaeology*, 515–536.
- Leus, P.M., Bel'skiy, S.V. 2016: Terezin I – mogil'nik epokhu khunnu v Tsentral'noy Tuve [Terezin I – the Cemetery of the Xiongnu Period in Central Tuva]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 22, 93–104.
- Levchenko, B.M., Levchenko, N.B., Grechko, D.S. 2015: Kurgany ranneskifskogo vremeni u s. Medvin v Poros'e (po materialam raskopok 1984–1985 gg.) [The Burial-mounds of the Early Scythian Period near the Village of Medvin in Ros' Basin (after the Materials of Excavations of 1984–1985)]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini* [Archaeology and Ancient History of the Ukraine] 2 (15), 202–218.
- Linduff, K.M. 2008: The Gender of Luxury and power among the Xiongnu in Eastern Eurasia. In: K.M. Linduff, K.S. Rubinson (eds.), *Are all Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham, 175–211.
- Ling, P. 2011: A Summary of Xiongnu Sites within the Northern Periphery of China. In: *Xiongnu Archaeology*, 463–474.
- Litvinskiy, B.A. 1973: *Ukrasheniya iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany* [Ornamentations from the Cemeteries of Western Ferghana]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A., Solov'ev, V.S. 1985: *Srednevekovaya kul'tura Tokharistana* [The Medieval Culture of Tokharistan]. Moscow.
- Li Yung-Ti 2003: On the Functions of Cowries in the Shang and Western Zhou China. *Journal of East Asian Archaeology* 5, 1–26.
- Ljuština, M., Radišić, T., Ninčić, I. 2019: Exotic Goods from the Early Iron Age Necropolis Stubarlija, Serbia, as Indicators of Cultural Contacts. In: V. Sîrbu, C. Schuster, D. Hortopan (eds.), *Border Guards of the Passes, from the Fortresses and the Graves. The Bronze*

- and Iron Ages. Proceedings of the 17th International Colloquium of Funerary Archaeology. Târgu Jiu, Gorj County (Romania) 4th–7th October 2018. Târgu Jiu, Brăila, 139–148.*
- Maksimenko, V.E. 1979: *Otchet o raskopkakh Sladkovskogo kurgannogo mogil'nika v Tatsinskoy rayone Rostovskoy oblasti v 1978 g.* [Report on the Excavations of Sladkovskiy kurgan necropolis in Tatsinki district of the Rostov region in 1978]. Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. R-I. No. 7094.
- Maksimenko, V.E., Savchenko, E.I. 1984: Rannesarmatskoe pogrebenie v Novocherkasske [An Early Sarmatian Burial in Novocherkassk]. In: K.F. Smirnov. *Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii* [The Sarmatians and the Assertion of their Political Domination in Scythia]. Moscow, 156–161.
- Malyshev, A.A. 2008: Pogrebal'nyy inventar' Tsemdolinskogo nekropolya [The Burial Inventory of the Tsemdolina Necropolis]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo mogil'nika* [The Aspurgians in the South-West of the Asian Bosphorus: after the Materials of the Tsemdolina Necropolis] (Nekropoli Chernomor'ya [The Pontic Necropoleis] 2). Moscow, 135–179.
- Mamontov, V.I. 1995: Pogrebenie znatnogo voina iz kurgana u pos. Pervomayskiy [The Burial of a Noble Warrior from the Burial-mound near Pervomayskiy Settlement]. *Donskie drevnosti* [The Don Antiquities] 4, 169–178.
- Mamontov, V.I. 2000: *Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam mogil'nika Pervomayskiy VII)* [The Ancient Population of the Left Bank of Don (after the Materials of Pervomayskiy VII Cemetery)]. Volgograd.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 267–400.
- Marchenko, K.K., Zhitnikov, V.G., Kopylov, V.P. 2000: *Elizavetovskoe gorodishche na Donu* [Elizavetovskoe Fortified Settlement on the Don River] (Pontus Septentrionalis II; Tanais 2). Moscow.
- Maslov, V.E. 1999: O datirovke izobrazheniy na pojasnykh plastinakh iz Orlatskogo mogil'nika. In: A.I. Melyukova, M.G. Moshkova, V.A. Bashilov (eds.), *Evrasiyskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i* [Eurasian Antiquities. 100-Anniversary of B.N. Grakov: Archive Materials, Publications, Articles]. Moscow, 219–236.
- Masson, M.E., Pugachenkova, G.A. 1959: *Parfyanskije ritony Nisy* [The Parthian Rhyta of Nysa] (Trudy Yuzhno-Turkmen'skoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Proceedings of the South Turkmenian Archaeological Complex Expedition IV]). Ashkhabad.
- Mazhitov, N.A., Pshenichnyuk, A.Kh. Kamyshly-Tamak'skiy mogil'nik [The Kamyshly-Tamak Cemetery]. In: R.G. Kuzeev (ed.), *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. III. Ufa, 38–58.
- Mederos, A., Escribano, G. 2006: *Mare Purpureum*. Producción y comercio de la púrpura en el litoral Atlántico Norteafricano. *Rivista di Studi Fenici* XXXIV, 1, 71–96.
- Medvedev, A.P. 2008: *Sarmaty v verhov'yah Tanaisa* [The Sarmatians in the Upper Reaches of Tanais]. Moscow.
- Miller, B.K. 2011: Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire. In: *Xiongnu Archaeology*, 559–578.
- Minyaev, S. 2000: The Origins of the “Geometric Style” in Hsiung nu Art. In: J. Davis-Kimball, E.M. Murphy, L. Koryakova, L.T. Yablonsky (eds.), *Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age* (BAR International Ser. 890). Oxford, 293–303.
- Minyaev, S.S. 2007: *Durestuy'skiy mogil'nik* [Durestuy Necropolis] (Arkheologicheskie pamyatniki Syunnu [Archaeological Monuments of Xiongnu]) 3). 2nd rev. ed. Saint Petersburg.

- Miniaev, S. 2019: Some Features of “Xiongnu” Composite Belts. In: S.A. Lullo, L.V. Wallace (eds.), *The Art and Archaeology of Bodily Adornment Studies from Central and East Asian Mortuary Contexts*. London, 41–53.
- Morand, N. 2020: The exploitation of molluscs and other invertebrates in Alexandria (Egypt) from the Hellenistic period to Late Antiquity: food, usage, and trade. *Anthropozoologica* 55 (1), 1–20, <https://doi.org/10.5252/anthropozoologica2019v55a1>. <http://anthropozoologica.com/55/1>
- Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007: *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [*The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD*]. Simferopol–Bonn.
- Negmatov, N.N., Mirbabaev, A.K., Abdurasulov, M.A. 1976: Nachalo raskopok gorodishcha Shirin (predvaritel'noe soobshchenie) [The Beginning of the Excavations of Shirin Fortified Settlement (Preliminary Report)]. *Arkheologicheskie raskopki v Tadjikistane* [Archaeological Excavations in Tadjikistan] XVI, 297–307.
- Nikolaev, N.N. 2010: Znamenskiy klad [Znamenka Treasure]. In: O.A. Fedoseenko (ed.), *Yantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye proizvedeniya iz sobraniya Ermitazha* [Amber in Ancient Cultures. Works of Art from the Hermitage Collection]. Saint Petersburg, 54–59.
- Nikonov, V.P., Khudyakov, Yu.S. 1999: Izobrazheniya voynov iz Orlatskogo mogil'nika [The Images of Warriors from Orlat Necropolies]. In: O.A. Mit'ko (ed.), *Evrasiya: kul'turnoe nasledie drevnix tsivilizatsiy. Iss. 2. Gorizonty Evrazii. Sbornik nauchnykh statey* [Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations. Vol. 2. The Horizons of Eurasia. Collection of scientific articles]. Novosibirsk, 141–154.
- Niveau de Villedary y Maricas, Ana M^a, Abia Maestre, Ana M^a 2014: El simbolismo del *Murex* en contextos funerarios y rituales. In: J.J. Cantillo, D. Bernal, J. Ramos (eds.), *Moluscos y púrpura en contextos arqueológicos atlántico-mediterráneos: nuevos datos y reflexiones en clave de proceso histórico: actas de la III reunión científica de arqueomalacología de la Península Ibérica, celebrada en Cádiz los días 3 y 4 de diciembre de 2012* (Ceimar 10). Cádiz, 287–298.
- Odbaatar, Ts. 2011: Xiongnu Belts. In: G. Èrègzèn (ed.), *Treasures of the Xiongnu* / Г. Эрэгзэн (ред.), *Хүннүгийн өв*. Улаанбаатар / Ulaanbaatar, 130–141.
- Olbrycht, M. 2015: Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia – Ways of Cultural Transfer. In: J. Bemmann, M. Schmauder (eds.), *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* (BCAA 7). Bonn, 333–390.
- Papi, R. 2006: Amuleti antichi e moderni della Collezione Pansa. In: D. Caiazza (ed.), *Samniticae Loqui. Studi in onore di Aldo Prosdocimi per il premio I Sanniti*. II. Montesarchio-Cervinara, 203–226.
- Podushkin, A.N. 2000: *Arysskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana IV v. do n.e. – VI v. n.e.* [*The Aryss Culture of South Kazakhstan 4th Century BC – 6th Century AD*]. Turkestan.
- Podushkin, A.N. 2011: Khan'skoe zerkalo iz katakomby 12 mogil'nika Kultobe [The Han Mirror from the Catacomb 12 of the Kultobe Burial-ground]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana* [The Questions of the Archaeology of Kazakhstan] 3, 363–373.
- Podushkin, A.N. 2012: K etnicheskoy istorii gosudarstva Kangyuy II v. do n.e. – I v. n.e. (po materialam mogil'nikov Orlat i Kul'tobe) [To the Ethnic History of Kangyuy State in the 2nd Century BC – 1st Century AD (after the Materials of Necropoleis Orlat and Kul'tobe)]. *Stratum plus* 4, 31–53.
- Podushkin, A.N. 2015a: Egipetskiy fayans v pogrebeniyakh mogil'nikov Kylyshzhar i Kul'tobe Yuzhnogo Kazakhstana [Egyptian Faience from the Burials of the Necropoleis of South Kazakhstan]. *Stratum plus* 3, 307–320.
- Podushkin, A.N. 2015b: Sarmatskaya atributika v arkheologicheskikh kompleksakh katakombnykh pogrebeniy Arysskoy kul'tury Yuzhnogo Kazakhstana (I v. do n. e. – III v. n.e.) [Sarmatian Paraphernalia in the Archaeological Complexes of Catacomb Burials of the Aryss

- Culture of the South Kazakhstan (1st Century BC – 3rd Century AD)]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya* [The Journal of the Volgograd State University] Series 4, History 5 (35), 67–78.
- Podushkin, A.N. 2018: Tamgo-obraznye znaki iz katakomb arysskoy kul'tury Yuzhnogo Kazakhstana III v. do – IV v. n.e. [Tamga-shaped signs from the catacombs of the Aryss culture of South Kazakhstan of the 3rd century BC – 4th century AD]. *Mir Bol'shogo Altaya. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal* [World of the Great Altai. International research journal] 4(1), 61–101.
- Poppa, R. 1978: *Kamid el-Loz 2. Der eisenzeitliche Friedhof* (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 18). Bonn.
- Prokopenko, Yu.A. 2014: *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'e vo vtoroy polovine I tys. do n.e.* [Scythians, Sarmatians and the tribes of Koban culture in the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st millennium BC]. Pts. 1–2. Stavropol'.
- Prummel, W. 2005: Molluscs from a Middle Bronze Age site and two Hellenistic sites in Thessaly, Greece. In: *Archaeomalacology*, 107–121.
- Pugachenkova, G.A. 1987: *Obraz kangyuytsa v sogdiyskom iskusstve* [The image of the Kangju in the Sogdian art]. In: G.A. Pugachenkova (ed.), *Iz khudozhestvennoy sokrovishchnitsy Srednego Vostoka* [From the Art Treasury of the Middle East]. Tashkent, 56–65.
- Pugachenkova, G.A. 1989a: *Drevnosti Miankalya. Iz rabot Uzbekistanskoy iskusstvedcheskoy ekspeditsii* [Antiquities of Miankal. From the Works of the Uzbekistan Art History Expedition]. Tashkent.
- Pugachenkova, G.A. 1989b: *Obrazy yuechzhiysev i kangyuytsev v iskusstve Baktrii i Sogda* [Images of Yuezhi and Kangju Peoples in the Art of Bactria and Sogd]. In: G.A. Pugachenkova (ed.), *Antichnye i rannesrednevekovye drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana* [Ancient and Early Medieval Antiquities of South Uzbekistan]. Tashkent, 96–110.
- Puzdrovskii, A.E. 2005: A Tomb of Early Roman Period from the Region of Scythian Neapolis. *ACSS* 11, 85–106.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia. 2nd Century BC. – 3rd Century AD. Funeral monuments]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2000–2003 gg.* [Field investigations of the Ust'-Al'ma necropolis in 2000–2003] (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-Zapadnom Krymu [Ust'-Al'ma fortified settlement and necropolis in South-Western Crimea] 3). Simferopol–Moscow.
- Puzikova, A.I. 2001: *Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (publikatsiya kompleksov)* [Kurgan Necropoleis of the Scythian Period of the Middle-Don Region (Publication of Complexes)]. Moscow.
- Radomska, M. 2016: Child Burials at Saqqara Ptolemaic Necropolis West of the Step Pyramid. *Études et Travaux* XXIX, 169–202.
- Reese, D.S. 1991: The Trade of Indo-Pacific Shells into the Mediterranean Basin and Europe. *Oxford Journal of Archaeology* 10, 159–196.
- Reese, D.S. 2010: Shells from Sarepta (Lebanon) and East Mediterranean Purple-dye Production. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 10.1, 113–141.
- Rtveladze, E.V. 1983: *Mogil'nik kushanskogo vremeni u Yalangtush-tepe* [The Necropolis of the Kushan Period near Yalangtush-tepe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 125–143.
- Rtveladze, E.V. 2012: *Velikiy indyskiy put': iz istorii vazhneyshikh torgovykh dorog Evrazii* [Great Indian Road: from the history of the most important trade routes of Eurasia]. Saint Petersburg.

- Rykov, P.S. 1925: Suslovskiy kurgannyi mogil'nik [Suslov Kurgan necropolis]. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Saratov State University] 4.3, 28–102.
- Scatozza Höricht, L.A. 1989: *I monili di Ercolano* (Cataloghi / Soprintendenza archeologica di Pompei, 3). Roma.
- Schönfelder, M. 2001: Die etruskischen Bronzebecken aus dem Samsbacher Forst, Lkr. *Jahrbuch des RGZM* 48, 309–335.
- Selbitschka, A. 2010: *Prestigegüter entlang der Seidenstrasse? Archäologische und historische Untersuchungen zu Chinas Beziehungen zu Kulturen des Tarimbeckens vom zweiten bis frühen fünften Jahrhundert nach Christus* (Asiatische Forschungen 154). Wiesbaden.
- Semenov V.A. 2003: *Suglug-Khem i Khayyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v tsentral'notuvinskoy kotlovina* [Suglug-Khem and Khayyrakan – the Cemeteries of the Scythian Period in the Central Tuva Depression]. Saint Petersburg.
- Semenov V.A. 2010: Usuni na severe Tsentral'noy Azii [The Wusun in the North of Central Asia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 3 (43), 99–110.
- Shul'ga, P.I., Umanskiy, A.P., Mogil'nikov, A.V. 2009: *Novotroitskiy nekropol'* [The Novotroitsk Necropolis]. Barnaul.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 1–264.
- Simonenko, A.V., Lobay, B.I. 1991: *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e.* [The Sarmatians of the North-Western Pontic Area]. Kiev.
- Sinika, V.S., Zakordonets, O.A. 2018: Rakoviny iz skifskikh pogrebeniy Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [The shells from the Scythian burials of the North-Western Pontic area]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [The Journal of the Udmurt university. Series history and philology] 28.1, 81–87.
- Sinitsyn, I.V. 1959: Arkheologicheskie issledovaniya Zavolzhskogo otryada (1951–1953 gg.) [Archaeological Investigations of the Trans-Volga Department (1951–1953)]. In: E.I. Krupnov (ed.), *Pamyatniki Nizhnego Povolzh'ya* [Monuments of the Lower Volga Region]. Vol. 1 (Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [The Results of Works of the Stalingrad Archaeological Expedition] 1; Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Studies on the Archaeology of the USSR] 60). Moscow, 39–205.
- Sinitsyn, I.V. 1960: Drevnie pamyatniki v nizov'yakh Eruslana [Ancient Monuments in the Lower Reaches of Eruslan]. In: E.I. Krupnov, K.F. Smirnov (eds.), *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya* [Antiquities of the Lower Volga Region] (Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [The Results of Works of the Stalingrad Archaeological Expedition] II; Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Studies on the Archaeology of the USSR] 78). Moscow, 10–168.
- Sirotnin, S.V., Treister, M.Yu. 2014: Pogrebenie s blizhnevostochnymi (?) i tsentral'no-aziatskimi importami iz kurgana Yakovlevka II [A Burial with Near Eastern (?) and Central Asian Imports from the Yakovlevka II Burial-mound]. In: L.T. Yablonskiy, N.S. Savel'ev (eds.), *Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Materials of the VIII International Scientific Conference “Problems of the Sarmatian archaeology and History”] (Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological journal] 14). Ufa, 207–217.
- Smirnov, K.F. 1964: *Savromaty (rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov)* [The Sauromatians (Early History and Culture of the Sarmatians)]. Moscow.
- Smirnov, K.F. 1984: *Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii* [The Sarmatians and the Assertion of their Political Domination in Scythia]. Moscow.

- Smirnov, K.F., Petrenko, V.G. 1963: *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [*The Sauromatians of the Volga and South Urals Regions*] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] Д1–9). Moscow.
- Spasić-Đurić, Dr. L. 2015: Значај и функција љуштура пужева *Cypraea tigris* и *C. pantherina* у римским гробовима у Горњој Мезији. *Зборник Народног Музеја – Београд XXII/1. Археологија*, 259–277.
- Stolba, V.F. 2009: Busy, podveski i amulety: Vera v sglaz u grecheskogo i mestnogo naseleniya Tavriki [Beads, Pendants and Amulets: Faith in the Evil Eye of the Greek and the Local Population of Taurica]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 109–128.
- Stoyanova, A.A. 2016: Podveski iz mogil'nika Neyzats [The Pendants from the Neysats Necropolis]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.). II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats*. [The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BC – 4th Century AD.). II. 20 Years of Research at the Neysats Burial-ground]. Simferopol, 122–165.
- Stroszeck, J. 2012: Grave Gifts in Child Burials in the Athenian Kerameikos, The Evidence of Sea Shells. In: A. Hermary, C. Dubois (eds.), *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité III. Le matériel associé aux tombes d'enfants. Actes de la table ronde internationale organisée à la Maison Méditerranéenne des Sciences de l'Homme (MMSH), d'Aix-en Provence, 20–22 janvier 2011* (Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine 12). Paris–Aix-en-Provence, 57–75.
- Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2003–2004: Naselenie okrugov Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropol'ya «Sovkhoz № 10») [The Population of the Vicinities of Chersonesos in the First Half of the 1st Millennium AD (after the Materials of the Necropolis “Sovkhoz No. 10)"]. *Stratum plus* 4, 27–277.
- Symonovich, E.A. 1983: *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva* [The Population of the Capital of the Late Scythian Kingdom]. Kiev.
- Teterin, Yu.V. 2012: Poyasnye podveski Yuzhnoy Sibiri pozdneskifskogo vremeni [The Belt Pendants of South Siberia of the Late Scythian Period]. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya, filologiya* [Journal of the Novosibirsk State University. Series History, Philology] 11, iss. 7: Archaeology and Ethnography, 117–124.
- Then-Obluska, J. 2016c: Trade and Faith in Nubian Early Makuria (AD 450–550): Macroscopic Examination of Personal Adornments from Elzuma in Nubia. *PAM* 25, 741–760.
- Then-Obluska, J., Pleša, A.D. 2019: Roman to Islamic Beads and Pendants from Matmar and Mostagedda, Middle Egypt. *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers* 31, 50–74.
- Theodoropoulou, T. 2008: From Sea to Land: The Exploitation of Molluscs in the Geometric Artisan Site of Skala Oropou, Attica. In: Y. Facorellis, N. Zaharias, K. Polikreti (eds.), *Proceedings of the 4th Symposium of the Hellenic Society for Archaeometry, National Hellenic Research Foundation, Athens, 28–31 May 2003* (BAR International Ser. 1746). Oxford, 205–214.
- Theodoropoulou, T. 2013: The Sea in the Temple? Shells, fish and corals from the Sanctuary of the Ancient Town of Kythnos and Other Marine Stories of Cult. In: G. Ekroth, J. Hjohlman (eds.), *Bones, Behaviour and Belief. The Osteological Evidence as a Source for Greek Ritual Practice* (Skrifter utgivna av Svenska Institutet i Athen in 4° 55). Stockholm, 197–222.
- Theodoropoulou, T. 2014: Dead from the sea: worn shells in Aegean prehistory. In: *Archaeomalacology*, 77–90.
- Theodoropoulou, T. 2017: A sea of luxury: marine-origin luxury items and dyes in the 7th century BC. In: X. Charalambidou, C. Morgan (eds.), *Interpreting the seventh century BC: Tradition, innovation and meaning*. Oxford, 80–92.
- Toll, N. 1946: *The Necropolis. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935–1936* (Excavations at Dura Europos. Part II). New Haven.

- Treister, M. 2002: Two Golden Bracelets from Olbia in the Walters Art Gallery. *ACSS* 8, 17–68.
- Treister, M. 2004: Cloisonné-and Champlevé-decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic – Early Imperial Periods. *Acta Archaeologica* 75.2, 189–219.
- Treister, M.Yu. 2007: Vstavki gemm (za isklyucheniem perstney) [Inlays of Gems (except for Finger Rings)]. In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister (red.), *Proizvedeniya toreutiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD*] Vol. I. Simferopol–Bonn, 295–305.
- Treister, M.Yu. 2008: Izdeliya iz bronzy, kosti i ukrasheniya [Items of Bronze, Bone and Ornamentations]. In: M.Yu. Treister (ed.), *Trekhhbratnie kurgany. Kurgannaya gruppa vtoroy poloviny IV–III vv. do n.e. v Vostochnom Krymu* [*Three-Brothers Burial-mounds. A Kurgan Group of the Second Half of the 4th – 3rd Centuries BC in the Eastern Crimea*]. Simferopol–Bonn, 105–122.
- Treister, M.Yu. 2012: Akhemenidskie yuvelirnye ukrasheniya i ukrasheniya kostyuma iz dragotsennykh metallov iz Yuzhnogo Priural'ya. Izdeliya akhemenidskogo kruga i mestnye podrazhaniya. Proizvedeniya postakhemenidskoy traditsii [Achaemenid jewellery ornaments and decorations of costume from the precious metals from South Urals. The items of Achaemenid circle and local imitations. The works of post-Achaemenid tradition]. In: M.Yu. Treister, L.T. Yablonsky (eds.), *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [*The Influences of the Achaemenid Culture in the South Urals*]. Vol. I. Moscow, 134–167.
- Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S., Yablonskiy, L.T. 2012: A10. Kompleksy s predmetami akhemenidskogo kruga mogil'nika Pokrovka [A10. The Complexes with the Items of the Achaemenid Circle of Pokrovka Necropolis]. In: M.Yu. Treister, L.T. Yablonsky (eds.), *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [*The Influences of the Achaemenid Culture in the South Urals*]. Vol. 2. Moscow, 54–64.
- Trifanova, S.V., Soenov, V.I. 2012: Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni (II v. do n.e. – V v. n.e.) [The Ornamentations of the Population of Altay of the Hunno-Sarmatian Period (2nd Century BC – 5th Century AD)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [*Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*] 10 (24). Tambov, 192–195.
- Trifanova, S.V., Soenov, V.I. 2018: Kostyanye ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni [Bone Ornamentations of the Population of Altay of the Hunno-Sarmatian Period]. *Genesis: исторические исследования* [*Genesis: Historical Studies*] 12, 110–123, https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28417
- Voronyatov, S.V. 2012: O probleme poyavleniya sarmatskikh tamg i antropomorfnykh izobrazheniy v arealakh pozdned'yakovskoy i moshchinskoy kul'tur [On the Problem of the Appearance of Sarmatian Tamgas in the Areas of the Late D'yakovo and Moshchino Cultures]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik* [*Russian Archaeological Yearbook*] 2, 412–432.
- Wehry, B. 2013: *Zwischen Orient und Okzident. Das arsakidenzeitliche Gräberfeld von Tall Šēh Hamad/Magdala*. Diss. Freie Universität Berlin. Berlin.
- Yablonskiy, L.T. 2010: *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [*Prokhorovka. At the sources of the Sarmatian archaeology*]. Moscow.
- Yakovenko, E.V. 1987: «Lavka yuvelira» na Elizavetivskomu gorodishchi [“Jeweler's shop” on the Elizavetinskoe Fortified Settlement]. *Arkheologiya* [*Archaeology (Kiev)*] 60, 83–91.
- Yang, J., Shao, H., Pan, L. 2020: *The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe. The Formation of the Xiongnu Confederation and the Silk Road*. Singapore.
- Yasakov, V.S. 2020: Funktsional'noe naznachenie rakovin kauri (seredina II tys. do n.e. – XIX v. n.e.) [The Functional Purpose of the Cowrie Shells (Mid-2nd Millennium BC – 19th Century

- AD)]. In: *LII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchyonikh (UPASK, 5–9 fevralya 2020 g.): materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov, molodykh uchenykh [LII Ural-Volga Archaeological Conference of Students and Young Scientists (UPASK, February 5–9, 2020): Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference of Students, Graduate Students, Young Scientists]*. Perm', 451–453.
- Yatsenko, S.A. 2000: Epicheskiy syuzhet iranoyazychnykh kochevnikov v drevnostyakh stepnoy Evrazii [The Epic Subject of the Iranian-speaking Nomads in Antiquities of the Steppe Eurasia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 86–104.
- Zav'yalov, V.A. 2008: *Kushanshahr pri Sasanidakh (po materialam raskopok gorodishcha Zartepa) [Kushanshahr under the Sassanids (based on the Excavation Materials of Zartepa Fortified Settlement)]* (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury [Transactions of the Institute of History of the Material Culture] XXVII). Saint Petersburg.
- Zhelezchikov, B.F. 1998: *Arkheologicheskie pamyatniki Ural'skoy oblasti [Archaeological Sites of the Ural Region]*. Volgograd.
- Zhelezchikov, B.F. 2000: Sarmatskie pogrebeniya v mogil'nike Alebastrovo I [Sarmatian Burials in Alebastrovo I Burial-ground]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Bulletin]* 3, 294–308.

SHELLS OF SEA MOLLUSCS FROM THE BURIALS OF THE NOMADS OF ASIAN SARMATIA IN THE CONTEXT OF TRADE IN EXOTIC MATERIALS IN EURASIA

Mikhail Yu. Treister

Independent Scholar, Bonn, Germany
mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. This publication is devoted to the finds of shells of marine molluscs in the burials of the nomads of Asian Sarmatia. In this regard, their finds are considered in the context of the distribution of such shells in the cultures of the Early Iron Age from the Mediterranean and Central Europe in the west to China in the east.

The article deals with the finds of cowry shells, as well as pendants from shells of marine gastropods.

In comparison with the wide distribution of cowrie shells originating from the tropical seas of South and Southeast Asia, the Red Sea or the Persian Gulf, in the early Scythian period and their finds in the early Sarmatian burials of the South Urals, attention is drawn to the fact that in the Sarmatian burials of the 3rd–1st centuries BC in the Lower Volga and in the Lower Don regions, cowrie shells are not found, although they are known in the burials of this period in the North Caucasus.

In the burials of the nomads of Asian Sarmatia of the first centuries AD cowries are quite rare and are known both in the Lower Don and in the Lower Volga regions and are represented both by single shells, included in sets of amulets, and as elements of a necklace. Cowries became more widespread in the Late Sarmatian period, when only in the Volga-Don interfluvium they originate from 15 burials. At the same time in South Urals, where cowrie shells were found in the burials of nomads of the 5th–2nd centuries BC relatively often, they are unknown in the first centuries AD.

Of particular note is the use of cowry shells in the decoration of belts, an example of which is a belt decorated with two rows of shells and a gold zoomorphic buckle, found in the warrior

burial of the necropolis near Novyy Farmsted. This custom should most likely be associated with the practice that became widespread among the Xiongnu and in China of the Western Han era. The find of a similarly decorated belt in the burial of a warrior from the Kultobe cemetery in South Kazakhstan marks the transfer of this custom from east to west.

Other types of shells, belonging to the class of marine gastropods, in particular, the murex family, are also occasionally found in Sarmatian burials. They were used as pendants. Even more rare are pendants made of turritulids, forming spiral curls. Such shells, belonging to the subclass of extinct cephalopods, ammonites, which existed from the Devonian to the Cretaceous period, are quite widespread, including Kazakhstan and Turkmenistan.

Keywords: shells of the marine molluscs, cowries, gastropods, pendants, amulets, details of belts, nomads of Asian Sarmatia, Eurasia, Xiongnu, China

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-59-97

ЗОЛЬНАЯ ТРАНШЕЯ С ЗАХОРОНЕНИЕМ ПОРОСЕНКА И ЧЕРЕПА СВИНЬИ – НОВЫЙ ЖЕРТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Н.И. Винокуров¹, А.В. Фесенко²

¹*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
vinokurovni@list.ru*

²*Московский государственный институт культуры, Москва, Россия,
icaria@list.ru*

Аннотация. В центральной части античного городища Артезиан в Крымском Приазовье открыты необычные ритуальные комплексы, связанные с жертвоприношениями божествам земли и подземелья людей и животных, возлияниями вином или кровью и представляющие собой вытянутые с запада на восток траншеи в золистом заполнении оборонительного рва поздней Цитадели, раскопанные в 1999 и 2019 гг. Они датируются соответственно III и I–II вв. н.э. В более поздней траншее находился сброс массовой кремации людей и животных. Во второй траншее 2019 г., расположенной в непосредственной близости от первой, но в другом хронологическом ярусе, открыты остатки большого количества костей мелкого и крупного рогатого скота вместе с обломками керамики в зольном средней плотности заполнении серого цвета. В западной части траншеи находилось захоронение поросенка и черепа взрослой свиньи, а также череп собаки. В восточной части – кости крупного рогатого скота. Ориентация данных ритуальных объектов во второй траншее позволяет заключить об их появлении в период летнего солнцестояния. Культ свиньи и дикого кабана у населения городища Артезиан был, по-видимому, связан с почитанием дубовых деревьев и виноградарской лозы, что находит широкие аналогии в античной религиозной традиции и определенные параллели в древних мифах и сказаниях.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, городище Артезиан, жертвоприношения, жертвенники, зооморфно-растительные культы, некрополь, мифологические традиции, Дионис, Деметра, мистерии

Центральная зона городища Артезиан с оборонительными сооружениями I в. до н.э. – III в. н.э., расположенными на естественной террасированной возвышенности, наиболее сложная для археологического изучения, исследуется ААЭ без

Данные об авторах: Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Московского педагогического государственного университета (МПГУ), директор Центра археологических исследований МПГУ; Фесенко Андрей Васильевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры (МГИК).

перерывов с 1999 г. (рис. 1–2)¹. Именно здесь были открыты культурные напластования эпохи неолита, бронзы, античного и средневекового времени мощностью до 5–6 м².

За три десятилетия археологических раскопок обнаружены, помимо фортификационных объектов ранней и поздней цитаделей, разновременные ритуальные комплексы, включая недавно выявленные жертвенные эллинистического времени и первой половины I в. н.э.³ Традиция совершения сакральных действий и религиозных церемоний, связанных с жертвоприношениями людей и животных, продолжалась на протяжении нескольких тысячелетий, несмотря на смены эпох, миграции и изменения состава населения⁴. Причина популярности холма, расположенного на мысу, образованном пересечением двух балок, для интенсивной культовой жизни в различные исторические эпохи легко объяснима. Отсюда просматривались все детали и особенности местного природного ландшафта, от сравнительно отдаленных водоразделов на севере и юге до западных и восточных территорий степей и прилегающего к ним живописного морского побережья Казантипского залива. На вершине холма не только строились, оборонялись, но и молились, хоронили, проводили религиозные обряды⁵. Период бытования поздней цитадели городища Артезиан не оказался исключением. Помимо алтарных комплексов внутри крепости, в северной части оборонительного рва, за ее пределами, раскопаны ритуальные объекты, где приносились жертвы животных и людей⁶.

Данная статья посвящена публикации новейших материалов 2019 года, выявленных в С–В части Раскопа III на месте стыка с Раскопом I⁷ в ходе изучения золистого заполнения оборонительного рва поздней цитадели (рис. 3–11). Эти работы продолжали раскопки 1997–2001 и 2015–2017 гг. Площадь исследуемого участка достигала 150 кв. м (рис. 2).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Некоторое внимание требуется уделить устройству оборонительного рва поздней цитадели, трасса которого частично прошла по линии оборонительного рва ранней цитадели. При этом он был расширен по сравнению с ранней крепостью в два раза – до 11,6–12,2 м. Северная и восточная линии рва, ориентированные по сторонам света, соединялись под прямым углом. Внешний склон рва с крутизной 110° обмазан глиной толщиной 0,15 м. Внутренний скат рва был облицован

¹ Винокуров 1998; 1999, 39–76; 2002, 189–194; 2003, 151–192; 2004б, 55–87; 2005, 50–60; 2007, 351–401.

² Винокуров, 2010, 38–44; 2011а, 55–67; 2011б, 45–72; 2012а; 2012б, 92–98; 2012в, 51–76; 2013, 27–35; 2015; 60–74; 2017, 180–207; 2018а, 56–72; Винокуров, Никонов 2004, 95–103; Винокуров, Крыкин 2014, 170–194; Винокуров, Пономарев 2015а, 18–22; 2015б, 46–53; 2015в, 195–208; 2015г, 50–58; 2015д, 160–195; 2015е, 28–42; 2016а, 175–183; 2016б, 82–124; 2016в, 115–122; 2016г, с 186–232; 2016д, 266–300; 2016е, 44–50; 2016ж, 8–9.

³ Винокуров, Пономарев 2017а, 105–148; 2017б, 40–63; Винокуров, Крыкин 2019, 56–9.

⁴ Винокуров 2012г, 86 и сл.

⁵ Винокуров 2018б, 89–99.

⁶ Винокуров 2004б, 55–87; 2014, 212–220; Винокуров, Пономарев 2017а, 105–148; 2017б, 40–63.

⁷ В квадратах Кс2/1– Кс4/1, Кс2/3–Кс4/3.

каменной кладкой. Подошвой каменной облицовки послужил борт засыпанного раннего рва. От облицовки сохранился единственный блок (1,00 x 0,75 x 0,45 м), найденный у С–В угла башни 1.

Заполнение рва производилось последовательно с I по IV в. н.э. Засыпь содержала значительное количество бытового и строительного мусора. Отчетливо фиксировались четыре стратиграфических горизонта засыпи, отделенные прослойками известковой крошки и мелкого щебня – строительными отесами или утопанными слоями глины с большим содержанием золы. Стратиграфические ярусы заполнения рва условно названы “жилыми горизонтами” (рис. 2–3). Они пронумерованы снизу вверх, по возрастающей, от придонного горизонта 1 до верхнего горизонта 4. Нижние слои 1–2 «жилого» горизонта толщиной 0,60–0,70 м содержали обломки черепицы, пифосов, широкогорлых светлоглиняных амфор I в. до н.э. – I–II вв. н.э., типа С–I–III, по Ю. Внукову, узкогорлых светлоглиняных амфор типов А–В, по Д.Б. Шелову, красно- и коричневоглиняных амфор различных типов⁸, остатки простых гончарных кувшинов, мисок, лепных сосудов, краснолаковой посуды рубежа н.э. и I в. н.э. Вышележащие слои (3 горизонта) гораздо больше золы, фрагменты керамики I–II вв., костей животных и других включений. Этот ярус сформировался в основном во II в. н.э. и оказался значительно поврежденным поздними ямами.

В 2019 г. исследовались напластования зольного заполнения оборонительного рва ниже его эскарпа и контрэскарпа на уровне 1–3-го горизонтов. Стратиграфия его заполнения была хорошо известна по предшествующим работам⁹. Средний ярус заполнения рва горизонта 3 содержал мусорные слои, которые преимущественно состояли из чистой золы, перемешанной с костями животных и находками II–III вв., среди которых доминировали обломки разнообразной керамики с заметным преобладанием фрагментов стенок амфор.

С уровня среднего горизонта 3 были впущены в нижележащие горизонты 2–1 следующие объекты: траншея с зольным заполнением, многочисленные ямы из-под пифосов, обширный перекоп, возможно, большой колодец (рис. 2–11). В этой траншее и были обнаружены следы жертвоприношений животных. Но об этом будем говорить ниже.

Зольная траншея, вытянутая по оси В–З, корытообразная в разрезе, раскопана в южной половине северного рва, в квадратах Кж1/1, Кж1/2, Кж2/1, Кж2/2 (рис. 2–10). Ее длина 17,43 м. Ширина 0,74–1,14 м. м. Глубина до 0,37–0,44 м. Восточная часть зольной траншеи 2019 г. с северной стороны прорезана более поздними ямами из-под пифосов (рис. 2. 10). Золистое заполнение ям серого цвета,

⁸ См. Отчет ААЭ 2000 г., рис. 51–52.

⁹ Культурные слои севернее стены 209 сформировались в период середины II–IV вв., когда поверх полузасыпанного рва во время бытования поздней цитадели продолжали выбрасывать золистый грунт с большим содержанием бытового мусора. В результате за стеной 209 образовалась довольно внушительная насыпь, закрывшая четыре вертикальных ряда кладки контрфорса последовательными золистыми напластованиями разных оттенков и плотности с находками первых веков нашей эры (Отчет ААЭ 2017 г., рис. 8–10, 114, 125, 129–131). Мощность этих отложений достигала до 1,49 м (отметки верха подошвы золистого заполнения рва севернее стены 209: –0,36–1,85). Поверх них залежали средневековые выбросы переложенного культурного слоя из котлованов и траншей выборок башен и крепостных стен поздней цитадели с разновременным античным и средневековым материалом.

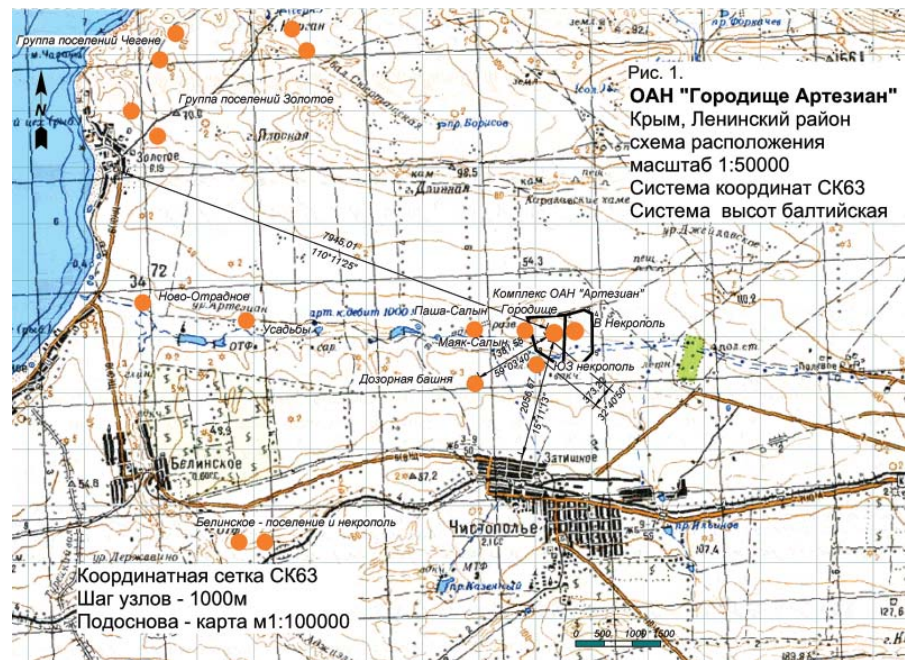

Рис. 1. Месторасположения городища Артезиан. Ленинский район РК
 Fig. 1. Artzyan settlement location. Leninsky district of Republic Crimea

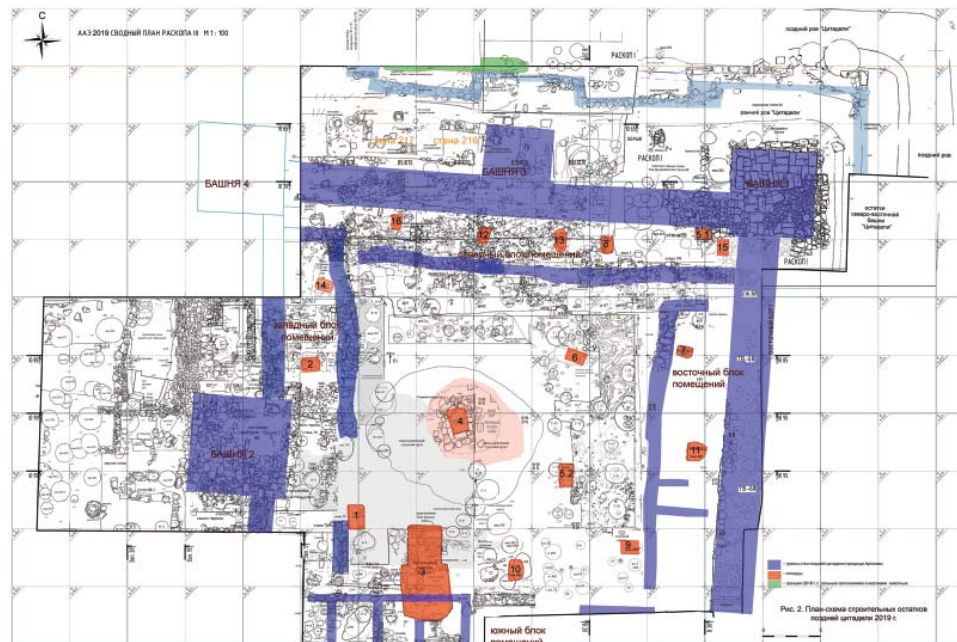

Рис. 2. План-схема раскопа III со строительными остатками поздней цитадели
 Fig. 2. Scheme of the Trench III with the remains of the late citadel

средней плотности, с отдельными находками обломков костей животных, углей, раковин мидий, стенок амфор. Важно отметить, что южный ее край был перекрыт С–З углом контрфорса 209 к оборонительным стенам поздней цитадели. По-видимому, к моменту постройки стены 209 траншея была уже засыпана. Время постройки контрфорса 209 известно по нумизматическим находкам монет царя Савромата I (91–123). Следовательно, траншея с захоронениями животных могла появиться незадолго до реконструкции крепостных сооружения рва или непосредственной ей предшествовала.

Структура заполнения траншеи содержала большое количество фрагментов длинных костей животных, лопаток, черепов крупного и мелкого рогатого скота, свиней, собак, а также мелкий бут, угли, обломки печины, раковины мидий, известковую крошку, мелкие кусочки агломератového раствора, фрагменты античной керамики.

ЗАХОРОНЕНИЯ ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕСКИЕ

Западная часть траншеи прорезана несколькими ямками из-под вкопанных сосудов диаметром до 0,50 м, глубиной до 0,46 м. В одной из них расчищена ножка амфоры с манжетовидным венцом оранжевой глины с бежевым ангобом на поверхности II–III вв. н.э. В южной части траншеи, к С–В от вкопанной амфорной ножки, в верхних напластованиях засыпи траншеи, располагался череп свиньи 1,5 лет, без нижней челюсти¹⁰ (рис. 2–8). Череп был положен по диагонали, горизонтально, на левую сторону, узкой частью развернут на С–В, широкой на Ю–З. Под головой свиньи была сделана небольшая ровная отмостка из фрагментов керамики, костей крупного рогатого скота на серо-коричневой глине. Подошвой отмостки служил южный борт траншеи.

Восточнее черепа обнаружено на одной глубине захоронение поросенка 5–7 месяцев, совершенное в небольшой ямке (рис. 2–8). Животное было положено на правый бок, головой на С–В, рылом на север, ногами на С–З. Яма с захоронением поросенка и череп свиньи были ориентированы по оси Ю–З – С–В (рис. 11). Под поросенком находился бутовый мелкий камень на желтой глине и несколько крупных длинных костей крупного рогатого скота.

Судя по стратиграфической ситуации и глубине обнаружения находок, череп свиньи и захоронения поросенка были синхронны. По одной линии с ними восточнее находились скопления костей крупного и рогатого скота, среди которых располагался череп небольшой собаки без нижней челюсти (рис. 4, 11). Интересно, что он развернут по той же оси – на Ю–З – С–В, совпадая с ориентировкой головы свиньи и тела поросенка и отдельных трубчатых костей ног крупного рогатого скота.

В восточной части траншеи среди находок также содержались крупные фрагменты костей крупного рогатого скота (длинных костей, челюстей, лопаток, частей черепных коробок) (рис. 9–10). Отдельные кости сохраняли сочленение в суставах. Среди них выделялись несколько позвоночников крупного и мелкого рогатого скота со следами разрубов от топора. Они сохраняли целостность и соч-

¹⁰ Определение костей животных проведено Е.Е. Антипиной в лаборатории ИА РАН.

1

2

Рис. 3. 1–2. Ярусы заполнения оборонительного рва: горизонты 1–3. Контрфорс – стена 209 поздней цитадели. Вид с северо-востока. Северная прирезка раскопа III 2019 г.
 Fig. 3. 1–2 – Tiers of filling the defensive trench: horizons 1–3. The buttress is the wall 209 of the late citadel. View from the NE. Northern edge of the Trench III. 2019

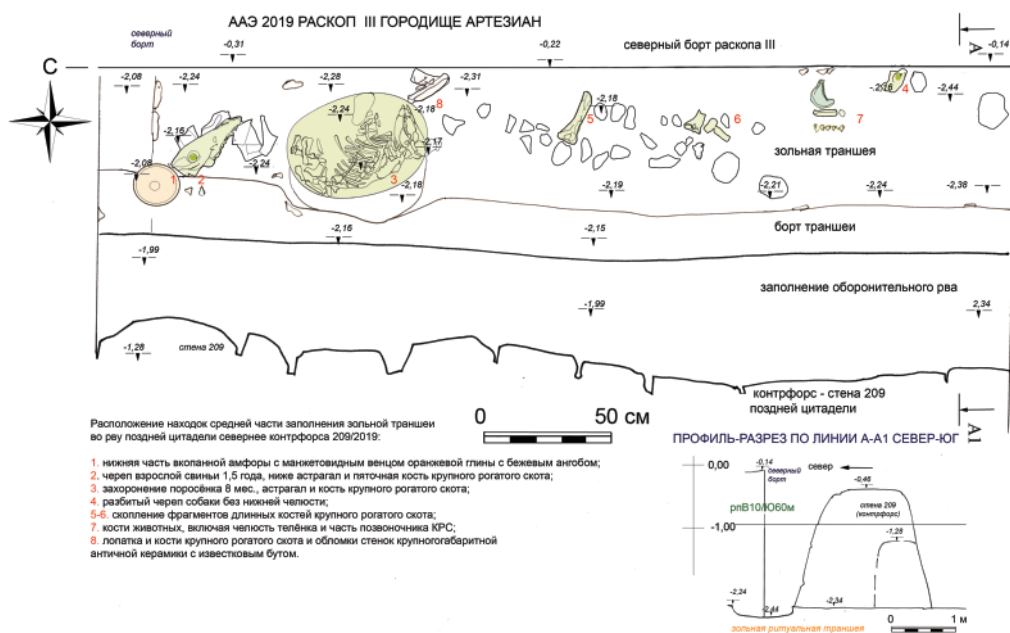

Рис. 4. Выкадровка и разрез западного участка зольной траншеи с остатками жертвоприношений животных вдоль фасада контрфорса 209/2019

Fig. 4. Cutting out from the plan of the northern edge of the Trench III and a section of the western area of the ash trench with the remains of animal sacrifices along the northern facade of the buttress 209/2019 of the late citadel

ление суставов. Позвоночники располагались продольно по оси З-В. При этом позвоночник теленка(?) залегал в северной части траншеи с фрагментами тазовых костей в анатомическом порядке.

Судя по всему, кости животных не были подвержены глубокой проварке и могли оказаться в траншее сразу после забоя животных. Следов погрызов от собачьих зубов не выявлено, что, скорее всего, свидетельствует о немедленной засыпи траншеи грунтом после помещения в нее костей животных. Глубина траншеи была невелика. Тем не менее она в древности не была разрыта собаками, кости остались *in situ*, что говорит о недоступности для них данного участка рва. В этой связи можно вспомнить, что по ряду данных в ходе или после жертвоприношений кожу, голову, ноги животных нередко закапывали на месте жертвоприношений и ритуальных трапез, сохраняя тем самым видимую целостность жертвы для грядущего преобразования-возрождения. Причем важно, что зарезанные жертвы могли переносить несколько раз с места на место: там, где заклали, не сдирали кожу, где снимали кожу, не расчленили тушу на части и тому подобное. Такие традиции прослеживались по археологическим, мифологическим и этнографическим данным¹¹.

Ритуальный характер захоронения черепов собаки, свиньи и поросенка в артезианской траншее вполне очевиден. Санитарными соображениями признать их

¹¹ Кумахов, Кумахова 1998, 108.

вряд ли возможно. Ориентация, намеренный подбор определенных видов животных в траншее вполне уверенно позволяют предположить, что открытые в 2019 г. объекты в траншее и другие положения костей животных в ее зольном заполнении были связаны с почитанием божеств хтонического круга.

Восточнее траншеи 2019 г. на глубине 6,64 м в 1999 г. было раскопано еще одно, не менее загадочное ритуальное захоронение, содержавшее остатки совместной кремации людей и животных. Показательно, что остатки кремации были сброшены в подобную корытообразную траншею, также вытянутую с З на В. Обе траншеи располагались практически по одной линии. Погребальная яма с остатками сожжения (№ 252/1999) обнаружена на глубине 1,84 м от поверхности, на раскопе I, в кв. Кж3/2 (рис. 2)¹². Она была четырехугольная в плане и корытообразная в разрезе. Борта ямы хорошо отделялись от окружавшего зольного заполнения, благодаря поверхностному прокалу, более рыхлой засыпи с необычным содержимым в виде массива целых и фрагментированных костей в разной степени затронутых длительным воздействием высоких температур. Ее размеры 4,52x1,27x0,55 м. Борта с восточной стороны сужались до 0,50 м, образуя некое подобие «дромоса». Оказалось, что кремация была устроена в траншее выборки подпорной стены 44, ограничивавшей с севера террасу II–III вв. н.э. (рис. 2). При этом северный борт траншеи выборки был выбран, а верхние пласты ее зольного заполнения срезаны. Яма вытянута, как и ТВ-44, строго по оси З–В¹³.

Борта и дно ямы 252/1999 прокалены до красно-коричневого цвета, покрыты сажей интенсивного черного цвета, толщиной до 0,7–1,5 см. Судя по размерам ямы, сожжение вряд ли производилось непосредственно в ней. Вероятней всего, для этой цели было выбрано какое-то другое место неподалеку от ямы. В нее же сбрасывали еще раскаленные остатки кострища. Отметим, что на средней террасе в 1995 г., неподалеку от ямы 252/1999 и в одном с ней горизонте были найдены в небольшой ямке челюсть взрослого человека (мужчины), череп и ноги жеребенка.

Заполнение ямы 252/1999 представляло собой единый пласт пылеватого серо-желтого грунта с огромным количеством углей и кальцинированных костей людей и животных с заметным преобладанием последних (48 человеческих костей и их фрагментов, более двух тысяч мелкофрагментированных костей животных). На многих костях обнаружены признаки длительного воздействия высокой температуры. Кости перегорели до стадии серого и белого каления, имели выраженный сине-черный цвет и легко рассыпались при прикосновении. В верхней части заполнения ямы (у северного борта) выделялись скопление ребер и мелких обломков обгоревших человеческих костей, позвоночник быка или коровы(?), лежавший по диагонали от северного к южному ее борту и сохранивший порядок сочленения. На уцелевших костях признаки механического расчленения не зафиксированы. По заключению экспертов¹⁴, сожжению подверглись останки не менее 7 человек: мужчины 61–71 лет; 3 женщин в возрасте 25–40 лет; 3 детей в возрасте полгода-год, 5–6 и 10 лет; а также 18 животных – 7 особей крупного рогатого ско-

¹² В кв. МН-18 по локальной сетке квадратов раскопа I.

¹³ Винокуров 2004б, рис. 4.

¹⁴ Определение человеческих останков проведено врачом-судмедэкспертом Д.Б. Пономаревым (г. Керчь), а костей животных – сотрудником Санкт-Петербургского Государственного университета А. Крыловой.

та (6 взрослых и одной молодой), 3 лошадей (2 взрослых и 1 молодой), 3 молодых особей овцы или козы, молодой козы, взрослой овцы, оленя, молодого дельфина, молодой свиньи. Возможно, как уже указывалось ранее, выявленные сочетания чисел не случайны и имели некий сакральный подтекст. Ведь у многих древних народов числа «три», «шесть» и «семь» считались священными. Обращает на себя внимание наличие в кремации останков не столько домашних, сколько диких лесных животных (оленя) и дельфина. Кости морского млекопитающего были намеренно доставлены на городище Артезиан, отдаленное от морского побережья на 6 км. По-видимому, обитатели боспорского поселения совместной кремацией множества животных и людей пытались таким образом совершить обращение к божествам всех стихий, покровителям всего сущего – небесного, земного и морского. В свете находок жертвоприношения останков свиньи и поросенка в траншее 2019 г. показательное присутствие в кремации 1999 г. костей молодой свиньи.

Таким образом, можно проследить определенные аналогии в двух рядом устроенных траншейных жертвенных комплексах 1999 и 2019 г. оборонительного рва. Интересно, что расположение позвоночника и тазовых костей крупного рогатого скота в них было практически идентичным, что свидетельствует о преемственности ритуала, хотя захоронения в траншеях разделены большим хронологическим промежутком и располагались на различной глубине от поверхности.

В *траншее* обнаружены край солена, обломки амфор первых веков нашей эры (в основном типов 72, 73, 75, 76, по И. Б. Зеест¹⁵, горло позднесинопской амфоры с граффити; обломки других разновременных амфор (Син II¹⁶ последней четверти I – второй половины III; С–IIIа конца I в. до н.э. первой трети I в. н.э.¹⁷) (рис. 12–13. 1–2); фрагменты гончарных кувшинов и мисок (рис. 13. 3); лепной посуды (рис. 13. 4–14. 1); краснолаковых открытых сосудов глины (рис. 14. 2–3).

Интересна оббитая краснолаковая чаша II–III вв. н.э. розовой чистой глины, которая найдена вверх дном в восточной части траншеи, над костями крупного рогатого скота (рис. 9. 1, 14. 4). Перевернутое положение чаши может свидетельствовать о хтонических ритуалах, связанных с захоронениями останков животных в зольной траншее 2019 г. Такие чаши могли использоваться для совершения жертвенных возлияний, винных, кровавых или каких-либо иных (елеем, молоком, сывороткой). Не исключено, что и находка граффити на стенке амфоры оранжевой глины – верха буквы «А» или «Δ» (рис. 14. 5), встреченная среди других артефактов в траншее, не случайна и имела к этому определенное отношение. Можно ли видеть в этом граффити посвящение Артемиде, Дионису или Деметре, или обычное обозначение вместимости сосуда, либо название его содержимого, остаётся только догадываться.

Над засыпанной траншеей, поверх нее, в слое золистого грунта горизонта 3 заполнения рва обнаружены синхронные во времени находки обломков солена гераклейской глины, пифоса, позднесинопской амфоры типа Син II последней четверти I – второй половины III в.¹⁸, других амфор (южнопонтийского произ-

¹⁵ Зеест 1960.

¹⁶ Внуков 2006, 167; 2013, 30–33, рис. 6. Д.

¹⁷ Внуков 2013, 24–26, рис. 4. А.

¹⁸ Внуков 2006, 167; 2013, 30–33, рис. 6. Д.

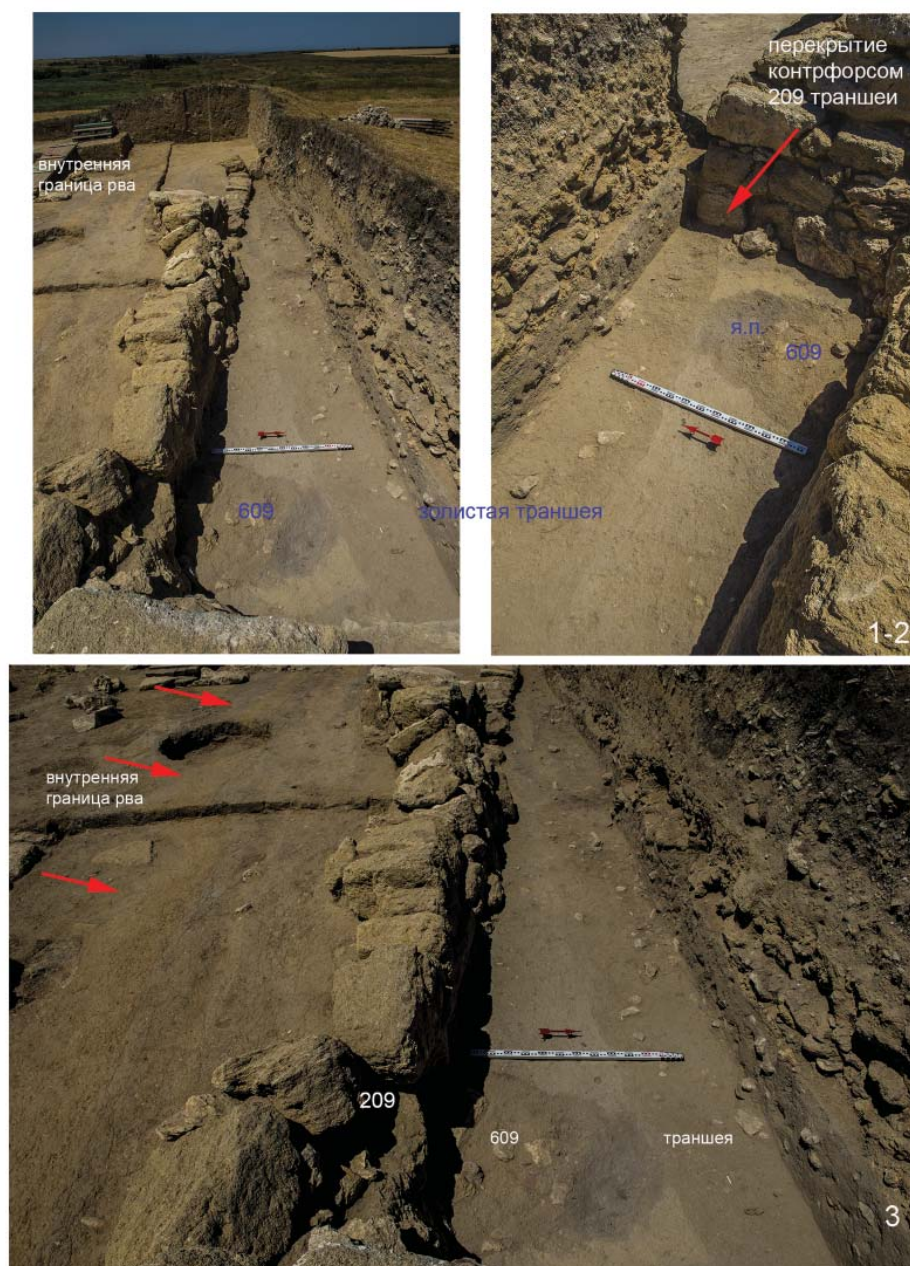

Рис. 5. 1–3. Траншея с зольным заполнением и костями животных. Западная часть. Верх горизонта 3. Оборонительный ров поздней цитадели. Контрфорс – стена 209 поздней цитадели. Вид с востока, юго–запада и юго–востока. До выборки заполнения. Северная прирезка раскопа III 2019 г.

Fig. 5. 1–3. Trench with ash filling and animal bones. Western part. Top of the horizon 3. Defensive ditch of the late citadel north of the buttress – walls 209 of the late citadel. View from the E, SW and SE. Before sampling fill. Northern edge of the Trench III 2019

Рис. 6. 1–3. Траншея с зольным заполнением и костями животных. Западная часть. Верх горизонта 3. Оборонительный ров поздней цитадели севернее контрфорса – стены 209 поздней цитадели. Вид с севера, юго-востока и запада. В ходе выборки заполнения. Отметки: –1,99/–2,31. Северная прирезка раскопа III 2019 г.

Fig. 6. 1–3. Trench with ash filling and animal bones. Western part. Top of the horizon 3. Defensive ditch of the late citadel north of the buttress – walls 209 of the late citadel. View from the N, SW and W. During sampling filling. Marks: –1,99 / –2,31. Northern edge of the Trench III 2019

Рис. 7. 1–2. Ритуальное захоронение поросёнка и черепа свиньи с костями крупного рогатого скота в заполнении траншеи с зольным заполнением. Западная часть. Верх горизонта 3. Оборонительный ров поздней цитадели севернее контрфорса – стены 209 поздней цитадели. Вид с востока и севера. В ходе выборки заполнения. Отметки: –1,99/–2,31. Северная прирезка раскопа III 2019 г.

Fig. 7. 1–3 – Ritual burial of a pig and a pig's skull with cattle bones an ash-filled trench. Western part. Top of the horizon 3. Defensive ditch of the late citadel north of the buttress – walls 209 of the late citadel. View from the east and north. During sampling filling. Marks: –1,99 / –2,31. Northern edge of the third excavation 2019

Рис. 8. 1–2. Ритуальное захоронение поросёнка и черепа свиньи с костями крупного рогатого скота в заполнении траншеи с зольным заполнением. Западная часть. Верх горизонта 3. Оборонительный ров поздней цитадели севернее контрфорса – стены 209 поздней цитадели. Вид с запада. В ходе выборки заполнения. Отметки: –1,99/–2,31. Северная прирезка раскопа III 2019 г.

Fig. 8. 1–2 – Ritual burial of a pig and a pig's skull with cattle bones an ash-filled trench. Western part. Top of the horizon 3. Defensive ditch of the late citadel north of the buttress – walls 209 of the late citadel. View from the west. During sampling filling. Marks: –1,99 / –2,31. Northern edge of the III excavation 2019

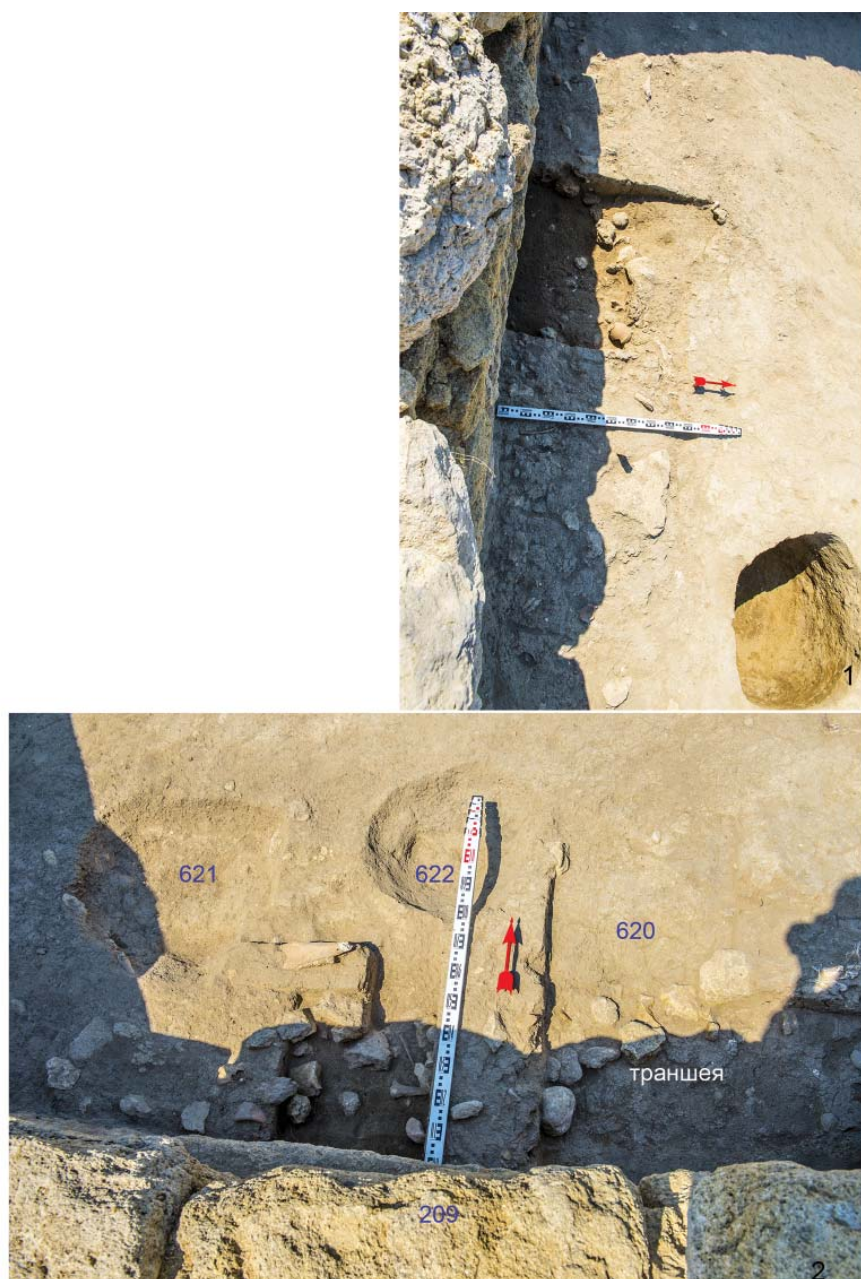

Рис. 9. 1–2. Траншея с зольным заполнением и костями животных. Восточная часть. Верх горизонта 3. Отметки: –1,99/–2,31. Пифосные ямы. В процессе расчистки. Оборонительный ров поздней цитадели. Контрфорс – стена 209 поздней цитадели. Вид с юго-востока и юга. Северная прирезка раскопа III 2019 г.

Fig. 9. 1–2 – Ash-filled trench with animal bones. Eastern part. Top of the horizon 3. Marks: –1,99 / –2,31. Pithos pits. In process of clearing. Defensive ditch of the late citadel. The buttress is wall 209 of the late citadel. View from the SE and S. Northern edge of the III excavation 2019

Рис. 10. 1–3. Траншея с зольным заполнением и костями животных. Восточная часть. Верх горизонта 3. Отметки: –1,99/–2,31. Пифосные ямы. В процессе расчистки. Оборонительный ров поздней цитадели. Контрфорс – стена 209 поздней цитадели. Вид с запада, востока и северо-востока. Северная прирезка раскопа III 2019 г.

Fig. 10. 1–3 – Ash-filled trench with animal bones. Eastern part. Top of the horizon 3. Pithos pits. In process of clearing. Defensive ditch of the late citadel. The buttress is wall 209 of the late citadel. View from the W, E and NE. Northern edge of the III excavation 2019

водства, типа «мирмекийской», светло-коричневой глины, эллинистической, хисской IV в. до н.э.), простых гончарных кувшинов и лепных закрытых сосудов.

На других участках рва в золистом заполнении горизонта 3, мощностью до 0,20–0,28 м¹⁹ найдены обломки керамики первых веков н.э., фрагменты костей со следами кухонной разделки, линзы сажи с крупными углями, куски печины, фрагменты желобчатых калиптеров и соленов местного и импортного производства, пифосов, мортария синопской глины, амфор I–III вв. н.э. (средне- и широкогорлых типа 83, по И.Б. Зеест²⁰, типа «Европейский Боспор», узкогорлых с профилированными ручками, позднегераклейских амфор типов C–IVC–D I–IV вв. н.э.²¹, типа Син II²², средиземноморских с воронкообразным горлом, типа Делакеу III–IV вв., позднегераклейских типа C–Ia рубежа 60-х – 40-х гг. I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э.²³, типа D III–IV вв. н.э.), простой гончарной посуды (кувшинов и мисок), лепной керамики, краснолаковой посуды (кубков, кувшинов, мисок, тарелок), краснолакового открытого сосуда с граффити.

В золистом слое горизонта 3 также найдены: обломки марионетки коричневой глины, кружок из стенки амфоры, разнообразные граффити на стенках амфор, оббитые пирамидальные грузила, воронка из ножки позднегераклейской амфоры типа «D», пращевое ядро из песчаника; свинцовые пряслице и гирька.

Траншея 2019 г. была пробита пифосной ямой 609, заполненной зольными кухонными сбросами с включениями обожжённого бута, мелкого щебня, известковой крошки, раковин мидий, углей, кусков печины, костей рыб и животных со следами термической обработки (рис. 2, 5, 6. I). В яме найдены фрагменты разновременной античной керамики III в. н. э. (представленной в основном стенками амфор, лепной, красно- и серолаковой керамики), биконическое лепное пряслице, обломок архитектурной детали из белого мрамора, пирамидальное гончарное грузило, венчик стеклянного сосуда белого прозрачного стекла, развал бронзовой фибулы и кусочки медной проволоки.

В верхней части ямы находился большой растрескавшийся лепной кувшин серой глины, лежавший на боку, рядом с фрагментированным черепом лошади, обращённым теменной частью вниз. Стратиграфически, они не связаны с жертвенными объектами в зольной траншее, которая была засыпана до сооружения контрфорса 209 и поздней ямы 609. Впрочем, нельзя исключать, что вторжение в верхнюю часть траншеи 2019 г., связанное с захоронением поросёнка и черепа свиньи, могло быть близким по времени к засыпи ямы 609.

¹⁹ В 2018 г. исследовался верхний ярус горизонта 3, мощностью до 0,30 м. Таким образом, совокупная толщина зольных сбросов горизонта 3 достигала 0,40–0,50 м.

²⁰ Зеест 1960.

²¹ Внуков 2006, 167.

²² Внуков 2006, 167; 2013, 30–33, рис. 6. Д.

²³ Внуков 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А.

КУЛЬТ ДОМАШНЕЙ СВИНЬИ И ДИКОГО КАБАНА В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНИХ СОЦИУМОВ

В связи с находками костей свиньи в зольной траншее следует особо остановиться на важной роли культа домашней свиньи и дикого кабана в религиозной жизни древних социумов. В европейской, индоевропейской и не только традиции символика этого животного отличается ярко выраженным дуализмом, сочетая в себе агрессию (вепрь) и символику плодородия в ипостаси одомашненной свиньи. Они опосредованно соотносились с культурами растительного мира, связанными с почитанием дубов и виноградной лозы.

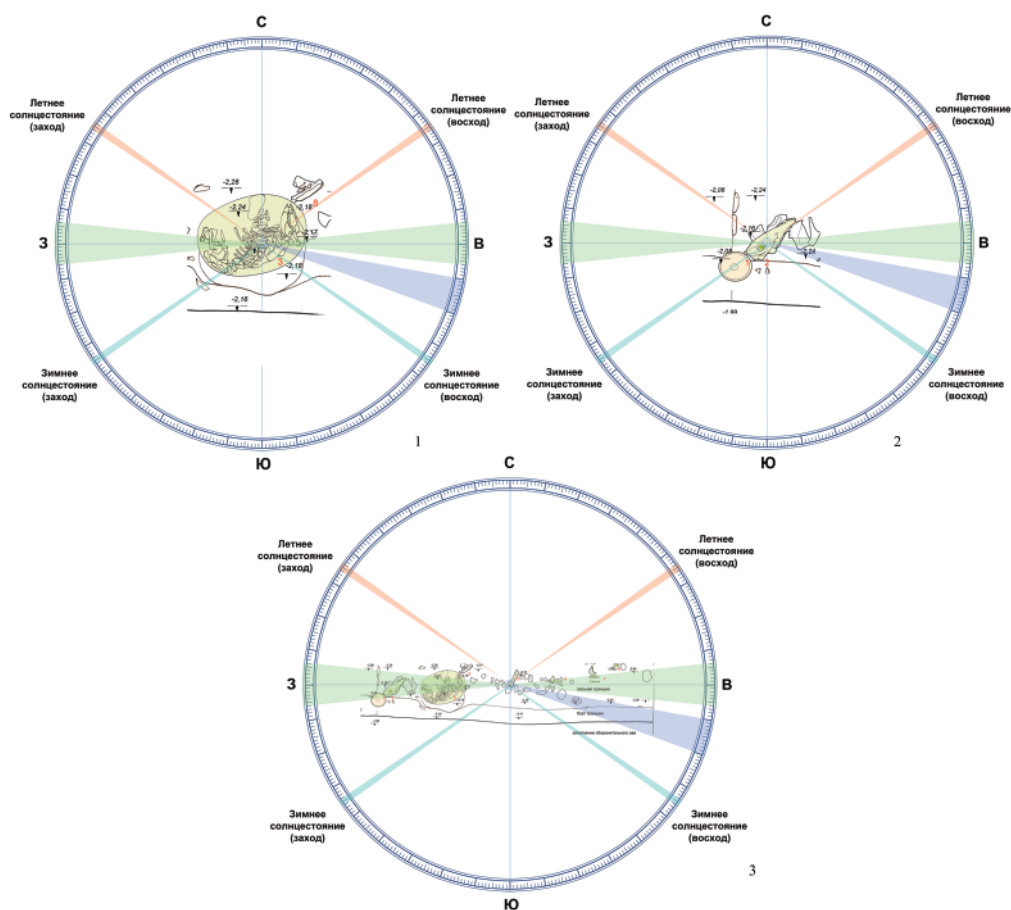

Рис. 11 План–схема пространственной ориентации захоронения поросёнка (1), черепа свиньи (2), жертвенной траншеи (3)

Fig. 11. Scheme of the spatial orientation of the burial of the piglet (1), skull of the pig (2), sacrificial trench (3)

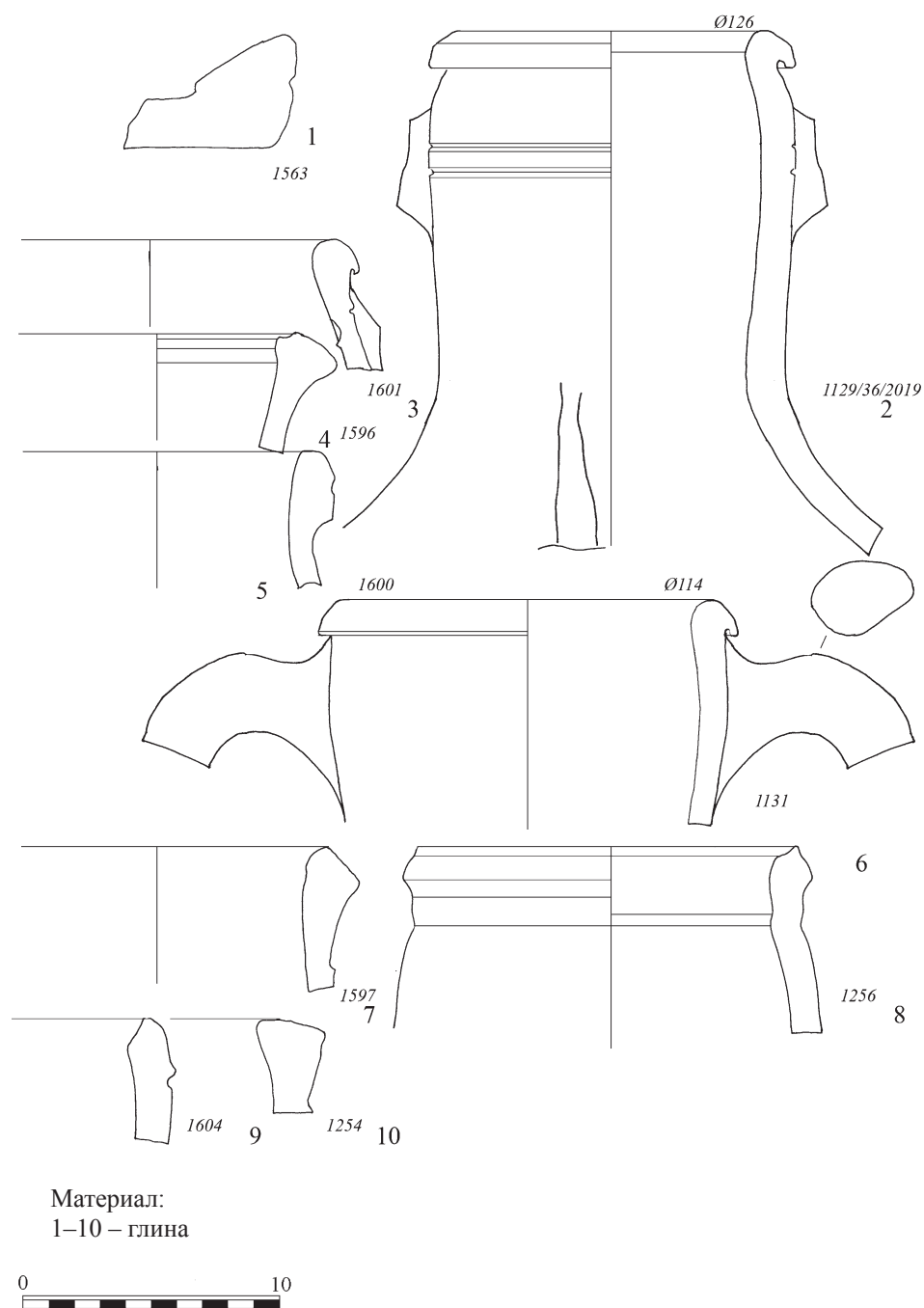

Рис. 12. Находки из золистого заполнения траншеи в оборонительном рве поздней цитадели (отметки –2,08/–2,30). Ярус 3. Северная прирезка раскопа III 2019 г. Юг раскопа I. Городище Артезиан. Ленинский район РК

Fig. 12. Finds from the ash-filled trench in the defensive ditch of the late citadel (marks –2,08/–2,30). Stage 3. Northern edge of the III excavation 2019. South of the Trench I

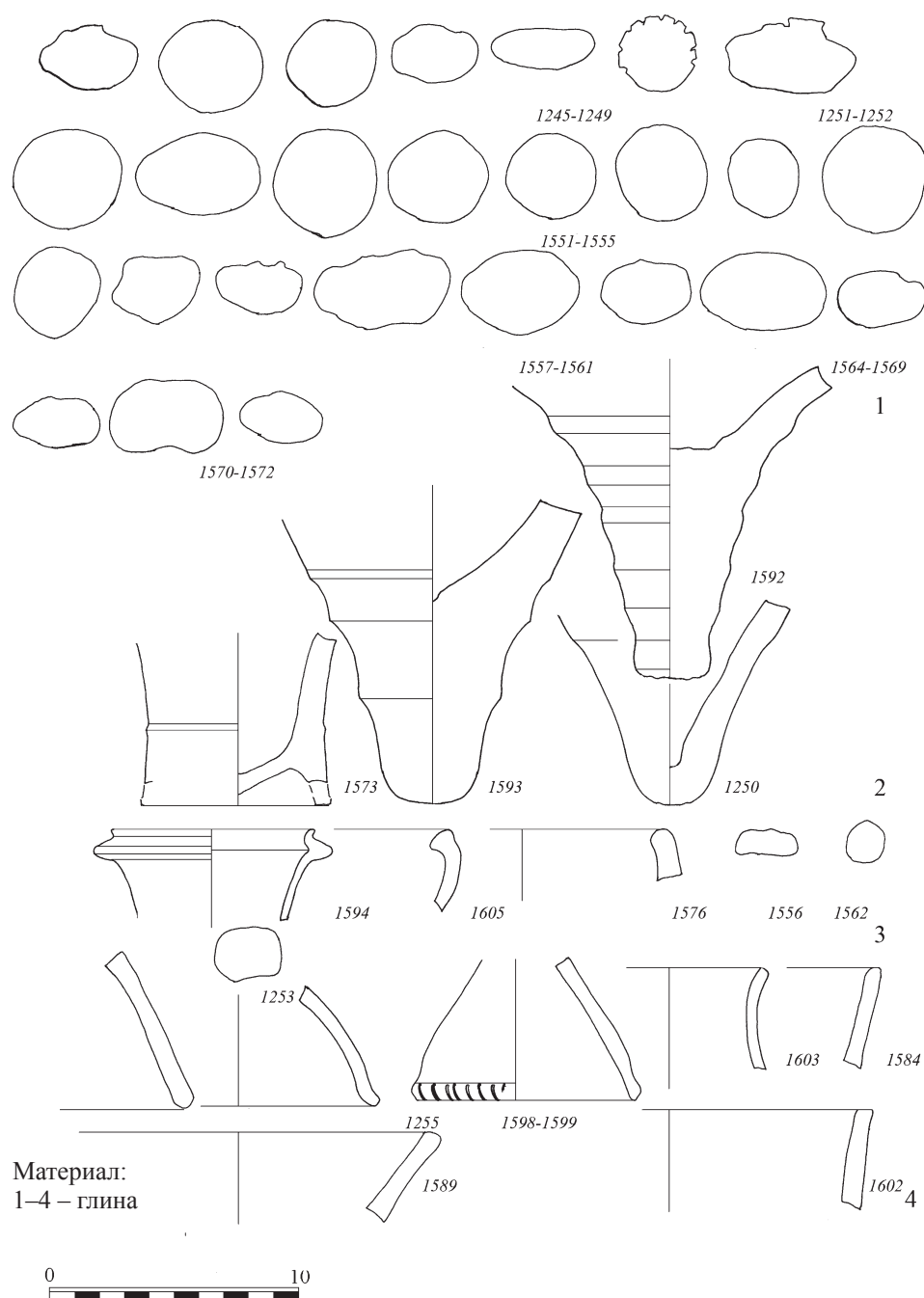

Рис. 13. Находки из золистого заполнения траншеи в оборонительном рве поздней цитадели (отметки –2,08/–2,30). Ярус 3. Северная прирезка раскопа III 2019 г. Юг раскопа I. Городище Артезиан. Ленинский район РК

Fig. 13. Finds from the ash-filled trench in the defensive ditch of the late citadel (marks –2,08/–2,30). Stage 3. Northern edge of the III excavation 2019. South of the Trench I

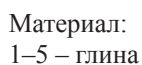

Fig. 14. Finds from the ash-filled trench in the defensive ditch of the late citadel (marks -2,08/-2,30). Stage 3. Northern edge of the III excavation 2019. South of the Trench I.

Рощи у древних были священными, о чем свидетельствуют многие источники, и молебны об охране растений сопровождались принесением в жертву поросенка. Пример такой молитвы мы видим в «Земледелии» Марка Порция Катона: «Принеси во искупление поросенка и произнеси такую молитву: “Бог или богиня, которым посвящена эта роща: так как полагается во искупление перед обрезкой рощи подносить тебе этого поросенка, то ради этого – (сам ли я или кто другой по приказу моему свершать жертву будет, лишь бы она свершена была по правилам) – ради этого, закалая тебе во искупление этого поросенка, усердной молитвой молю тебя: будь милостив и благ ко мне, к дому и домочадцам моим и к детям моим: ради этого почтен будь этим поросенком, во искупление приносимым в жертву”» (Cato. 139.).

Вполне прослеживается прямая связь дубов, желуди которых являлись обычной традиционной пищей не только свиней, кабанов, но и людей, почитающих свиней и кабанов. В нартских эпосах дуб становился священным деревом в прямой связи с кабаньей или свиной головой. Именно голова такого животного, обладавшего особой культовой силой, была способна преобразить природу дуба, сделать его значимой обереговой силой. Голова съеденной свиньи для этой цели помещалась в расселину молодого дуба, по мере роста ствола она оказывалась внутри дерева, не заметная для врагов, но известная для женщин, что обеспечивало, по представлению древних, благополучие народа и способствовало продолжению рода. При встречах и всеобщих сборах такой дуб почитался священным. Сокрытая глава свиньи внутри дуба чудесным образом делала такое зооморфно-растительное сочетание способным защищать территорию от недругов, закрепляла землю за народом, который совершал под сенью дуба жертвоприношения, при этом крепость дуба символизировала и могучую силу чтившего его народа, доказывая его первенство перед другими²⁴. В нашем случае, для ритуального сокрытия головы свиньи использовалась искусственно сделанная расселина – траншея, но не в молодом дубе, а в зольном заполнении рва. Траншея была также засыпана зольным грунтом. Известная связь золы с огнем, солнцем, небесной и очищающей силой сомнений не вызывает. Удвоением смыслов (зола в золе, ров в траншее) может объясняться обереговая семантика определенного значимого места, усиливая (ритуально удваивая) его защитные, апотрофейные свойства.

Дикие кабаны, как, впрочем, и домашние свиньи, выступали страшной угрозой виноградников, молодой и зрелой культивированной виноградной лозы. Тем самым древние ассоциировали почитание и задабривание этих животных с успешным взращиванием виноградного растения и его урожайностью. Кроме того, по этнографическим свидетельствам, выжимки винограда чаще всего шли на корм скотине, особенно свиньям, тем самым обеспечивая их успешный приплод и вскармливание²⁵, что также поддерживало связь растительного и зооморфного культов. По устойчивому поверью древних, если приносились в жертву козлы, свиньи и лисицы, животные, вредившие виноградникам, то тем самым можно было магическим образом воздействовать на урожайность, достигая изобилия ви-

²⁴ Особым образом культовая связь дубовых деревьев с божеством грозы и молнии проявлялась у древних народов в почитании деревьев, отмеченных попаданием небесного огня (Кумахов, Кумахова 1998, 104–105, 114–115).

²⁵ Очерк виноделия. 1875, 251.

ноградного сбора²⁶. Здесь взаимосвязь культов домашней свиньи и дикого кабана с виноградарством и виноделием просматриваются со всей очевидностью.

Интересно в связи с этим подчеркнуть, что по археологическим данным вокруг городища и некрополя в античный период произрастали дубовые широколиственные леса, которые использовались для различных строительных нужд, а также в качестве топлива в бытовых и производственных печах. Особенно активно дубы вырубались в периоды массовой застройки поселения и подготовки площадей под виноградники. Диким и домашним свиньям желуди обеспечивали хорошую кормовую базу. Не случайны находки клыков дикого кабана и костей свиней среди остеологической коллекции городища. О выращивании свиней в придомном хозяйстве также свидетельствуют найденные на городище Артезиан стационарные плитовые кормушки и загоны, предназначенные для содержания свиней. Судя по всему, помимо специальных помещений, они могли содержаться на нижних этажах хозяйственно-жилых строений. По этой причине свиньи могли служить источником для заболевания людей паразитарными заболеваниями и костным туберкулезом. Так, в культурных напластованиях городища Артезиан были найдены кости свиней с явными следами этого заболевания, а в захоронениях некрополя встречались индивиды, которые также болели подобной формой туберкулеза. Тесное совместное проживание домашних животных и людей приводило к тому, что заболевали и люди.

Таким образом, свинья и вепрь в бытовой и обрядовой сфере жителей городища Артезиан, как и их растительные «ипостаси», находились на протяжении истории городища в тесной взаимосвязи.

Плодовитость свиного стада, заготовки мяса, сала, кожи и других субпродуктов, получаемых в ходе разделки диких и домашних животных, напрямую были связаны с пищевой безопасностью древнего социума, его выживанием и богатством. Отчасти это отразилось и в мифологической сфере. Охота на дикого кабана воспринималась не только необходимостью, но и проявлением особой удали и доблести. При этом кабан оказывался настолько опасным животным, что нередко ассоциировался с ужасным врагом или даже самой смертью²⁷. Как известно, в греческой мифологии вепрь выступал антагонистом разных персонажей героического времени, являясь центральной фигурой сказаний о кроммионской свинье, калидонской охоте и эриманфском вепре. Любой предмет, связанный с животным, даже обувь из свиной кожи, наделяла его обладателя невероятной волшебной силой, он, к примеру, как в нартовских эпических системах, обретал возможность форсировать бурные реки, не замачивая ног²⁸.

Свинья была священным животным и являлась главным жертвенным животным в элевсинских мистериях. В Причерноморье и Приазовье был весьма распространен культ Деметры и Персефоны, сочетающий астральные и хтонические функции. Городище Артезиан не исключение, о чем свидетельствует большое количество произведений малой пластики, запечатлевшей образы Деметры и Персефоны. В античной мелкой вотивной пластике и скульптуре известны вотивные фигуры свиньи, расположившейся на руках Деметры или у ее ног. Отдельные ри-

²⁶ Латышев 1997, 84; Иванов 1994, 119.

²⁷ Кумахов, Кумахова 1998, 230.

²⁸ Кумахов, Кумахова 1998, 157.

туальные фигуры свиньи также встречались в разных регионах и хронологически относятся к глубокой древности.

Небольшие поросята использовались в древности на регулярной основе во время жертвоприношений и в различных ритуалах очищения. Так, в Афинах в первый день драматических представлений, когда из Ленейского храма выносили статую Диониса и ставили на оркестре театра, происходило очищение зрителей в ходе жертвоприношения поросят. Оно совершалось точно так же, как в народном собрании перед открытием заседаний, то есть посредством заклания особым жрецом маленьких поросят. Участники действия, включая собравшийся народ, окроплялись их кровью и обносились кусками мяса. Участники подобных представлений перед его началом и по его завершении совершали возлияния вином Дионису²⁹.

В более важных случаях совершались очистительные жертвоприношения, для которых употреблялись преимущественно молочные поросята; их кровью также окропляли очищаемых лиц или предметы. Видимо, это была заместительная жертва грудных младенцев. Во время экстраординарных очистительных обрядов приносили в жертву людей, например, в Афинах после святотатственного избиения килоновцев. О чем сообщает Диоген Лаэртский (Diog. Laert. I, 10, 110). Чем больше жертв, тем более представлялась сильной защита мистов и участников религиозных церемоний и очистительная сила жертвоприношений. С глубокой древности прослеживается тесная связь жертвоприношений, культа отрубленной головы, кровавых и винных возлияний³⁰.

Плодовитость свиней, конечно, была замечена тоже в глубокой древности. Аристотель в «Истории животных» пишет: «По возрасту производителей потомство лучше всего в пору их расцвета, по времени года лучше всего те, которые рождаются в начале зимы, хуже всего летние: они и мелкие, и тонки, и влажны... Свинья быстрее всех доходит до толщины, соответствующей ее величине, она тучнеет в шестьдесят дней» (Arist. V. 14, 56; VIII. 6, 61). Клавдий Элиан в «Природе животных» говорит, ссылаясь на Демокрита, что «свинья и собака очень плодовиты, и при этом указывает причины этого на то, что у них много маток и много мест, которые могут принимать в себя семя» (Aelian. XII 16). Отметим в связи с этим, что среди прочих палеозоологических материалов в артезианской зольной траншее присутствовали как кости свиньи, так и кости собаки, в том числе и череп собаки. Такое сочетание этих животных вместе с костями крупного рогатого скота случайным быть, по-видимому, не могло. Собака издревле выступала спутником и проводником героических персонажей, к примеру, эпических богатырей нартских сказаний³¹.

²⁹ Латышев, 1997, 283.

³⁰ Например, когда Пенфей, одержимый желанием видеть таинства Вахка, облачился в женские одежды, залез на дерево, то был замечен своей матерью Агавой, которая в дионисовом безумстве приняла его за зверя (льва). Ваханки общими усилиями стряхнули его с исполинской ели и растерзали, причем Автоноя отделила его голову и потащила похвалиться Кадму кровавой добычей. Через некоторое время она с ужасом убедилась в своей ошибке и воскликнула, что сделала возлияние Бромью не вином, но кровью Пенфея (Pan., XLVI, 310—315). Трагическая гибель Пенфея отражена в одном из сюжетов античной вазописи (Frontisi-Ducroux 1997, 287, fig. 9).

³¹ Кумахов, Кумахова 1998, 110.

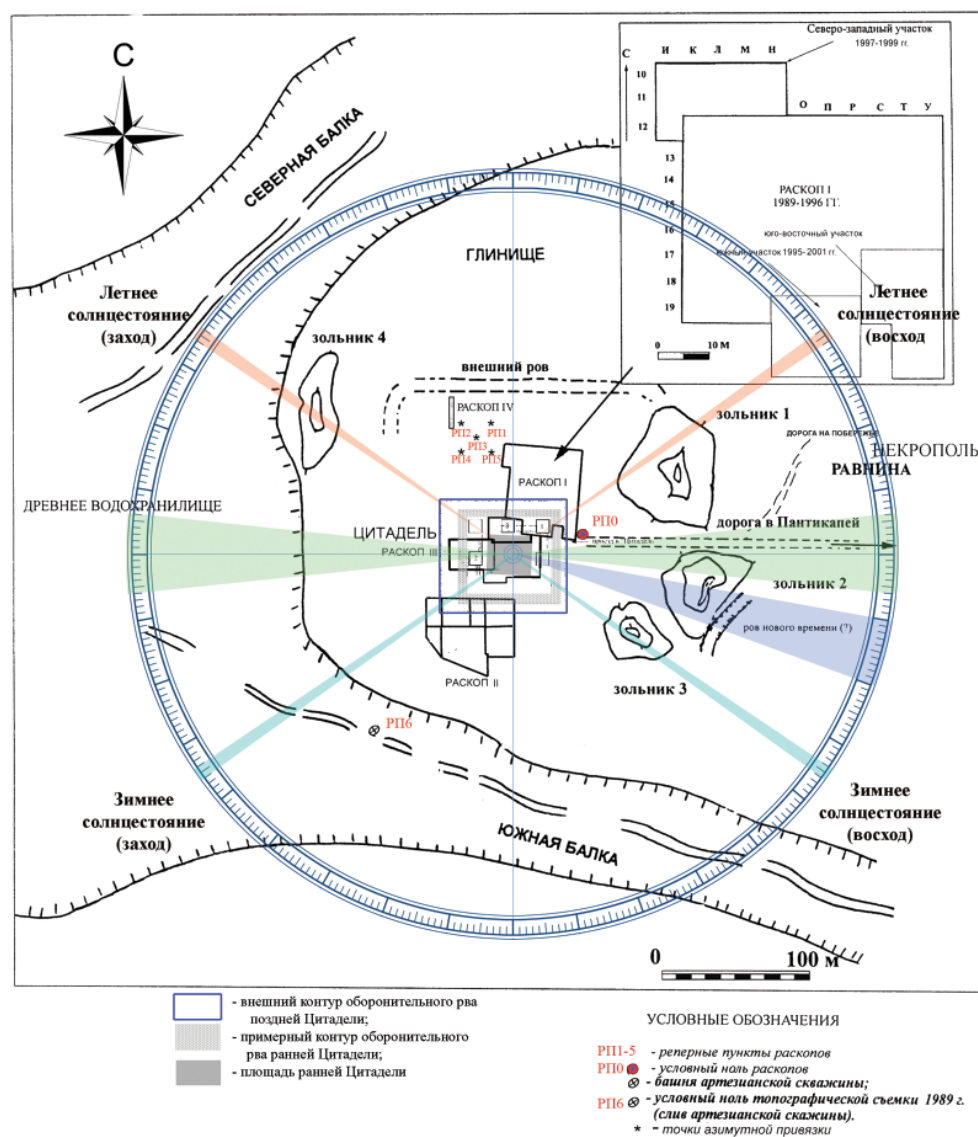

Рис. 15. Культовые зольные холмы, окружающие городище Артезиан
Fig. 15. Cult ash hills surrounding the Artezian settlement

В «Одиссее» неоднократно фигурирует образ свиньи. Так, Кирка превращает в свиней спутников Одиссея (Od. X. 321 сл.). Дитер Лауэнштайн подмечает, что «Одиссеею» «еще в древности полагали зашифрованным рассказом о Мистериях, и Апулей в «Золотом осле» дает тому прямое подтверждение» и, в ходе анализа сообщений Апулея и «Одиссеи», приходит к выводу, что поэма Гомера содержит элевсинскую символику³².

³² Лауэнштайн 1996, 299.

Со свиньей связано состязание великих прорицателей древности — Мопса и Калханта. Страбон в «Географии» говорит: «Однако, по словам Ферекида, Калхант задал вопрос о супоросой свинье: сколько у нее поросят? Мопс ответил, что у свиньи 3 поросенка, из них одна свинка; когда предсказание оправдалось, Калхант умер с горя. Другие же, наоборот, утверждают, что Калхант задал вопрос о свинье, а Мопс — о дикой смоковнице» (Strabo. XIV, 1. 27).

Примечательно, что свинопас в ряде древних мифов означал прорицателя и мага. Так, Эвмея, свинопаса Одиссея, Гомер наделяет титулом «божественный» (δῖος) (Od. XIV, 4; 48; 401; 413 и др.). И надо полагать, что это не просто ярлык, свойственный эпосу, а определенный маркер, указывающий на богоизбранность ремесла свинопаса. Подобные избранные занятия находим и в других областях человеческой деятельности, связанных с хтоническими или иными сферами (кузнецы, пастухи, ткачи и т. п.). Свинопасы выступают людьми особого рода и в нартовых сказаниях³³.

Р. Грейвс предполагал, что имя вещего морского старца Форкия сходно с *roscus* — «свинья»; его дочери Горгоны и Граи звались Форкидами, сами Горгоны и Граи являются образом тех чудовищ, что связаны с Инициацией и Мистериями. Из пасти Горгоны Медузы часто торчат кабаньи клыки³⁴. Правда, в многочисленных береговых изображениях Медузы Горгоны на гипсовых налечах, украшавших деревянные саркофаги I–II вв. н.э. на некрополе Артезиан, таких иконографических сочетаний с клыками кабана не прослежено. Но свиные ноги в качестве сопровождающей мясной трапезы в синхронных гробницах умерших жителей городища встречались. Заупокойный смысл такой жертвы вполне раскрывается в нартовых сказаниях некоторых кавказских народов, согласно которым умирающий перед уходом в иной мир должен вкушать мясо свиньи или дикого кабана, особенно передние ноги или лопатку³⁵. Суть такой предсмертной ритуальной трапезы, вероятно, заключался в том, что свинья больше передними ногами рыхлила, копала и разрывала землю, добывая пищу, те же желуди, способствовала соединению мира сущего и хтонического, воздействовала на плодородие растительного и животного мира, обеспечивала благополучный путь перехода умершего в мир иной и его последующее возрождение. Вполне допустима возможная связь лопаток свиней с погребальной и религиозной практикой, так как лопатки животных в древности широко использовались в качестве копательных орудий для собирательства и первичного земледелия, а также для гадательных целей.

Дж. Фрезер в своей фундаментальной работе «Золотая ветвь» пристальное внимание обращает на феномен т. н. «хлебного духа», воплощением которого выступают как люди, так и животные. Приступая к изучению этого вопроса, Фрезер отметил, что при рассмотрении разных аспектов этого явления «в нашем распоряжении окажутся не просто новые примеры умерщвления бога, а проясняются некоторые темные стороны мифов и культов Аттиса, Осириса, Диониса, Деметры и Вирбия. В число животных, облик которых якобы принимает дух хлеба, входят волк, собака, заяц, лиса, петух, гусь, перепел, кошка, козел, корова (вол), свинья и

³³ Кумахов, Кумахова 1998, 102 и сл.

³⁴ Грейвс 1992, 95.

³⁵ Кумахов, Кумахова 1998, 105–107.

лошадь»³⁶. Фрезер приводит немало примеров из европейских древних и современных обрядов и праздников, в которых фигурирует свинья в качестве некоего хлебного символа-духа, обладающего магической силой и властью, способными обеспечить урожай.

Орфическая традиция сказаний о Деметре и Персефоне гласит, что во время странствий Деметры в поисках похищенной дочери в Элевсине крестьянин Дисавл и его супруга Баубо и «им, сообщившим Деметре о похищении ее дочери, богиня дала семена для посева (Paus. I, 14, 3). Сын Дисавла и Баубо, по имени Эвбулей, был свинопасом, ставшим свидетелем того, как разверзлась земля, поглотив «вместе с богинями» и его свиней (Clem. Alex. II, 17). Об этом событии говорится и в орфическом гимне Матери Антее (т. е. Деметре – «Почтенной Матери»):

Лишь в Элевсинской долине поста обрета разрешение.

Ты и к Аиду пришла, к блистательной Ферсефонее,

Сопровождало тебя Дисавлово чадо святое...³⁷.

Карл Кереньи в труде «Элевсин» приводит свои соображения по этому поводу, говоря, что «первоначально, разумеется, только с одной богиней, Персефой. Именно поэтому “священный сын Дисавла” – как называет его орфический гимн – позднее смог служить проводником Деметры»³⁸.

Климент Александрийский сообщает, что по этой причине «на тесмофориях свиней сбрасывают в так называемые мегароны» (Clem. Alex. II, 17).

Р. Грейвс пишет, что «и хотя к классическому времени свинопасы уже давно не занимались предсказаниями, свиней все еще приносили в жертву Деметре и Персефоне, при этом жертвенных животных бросали в естественные пропасти»³⁹.

Фрезер приводит свое мнение относительно этого свидетельства: «Бездна, в которой Плутон исчез вместе с Персефой, поглотила все его стадо. Поэтому каждый год во время тесмофорий свиней сбрасывали в пещеры в память об исчезновении эвбулова стада. Из этого следует, что сбрасывание свиней в склепы на тесмофориях было составной частью трагического нисхождения Персефоны в подземный мир. А из того, что сбрасывали именно свиней, а не статуи Персефоны, мы можем заключить, что это обрядовое действие служило не сопровождением нисхождения Персефоны, а самим этим нисхождением, другими словами, что свиньи-то и являлись Персефой»⁴⁰.

Необходимо иметь в виду, что культ Деметры-Персефоны и, соответственно, священного животного богини, имеет и очень важную астральную ипостась. На небесной сфере образ Деметры представлен созвездием Дева, в котором самой яркой звездой является Спика (лат. Spica. колос).

Захоронение поросенка и головы взрослой свиньи в артезианской траншее 2019 г., заполненной костями крупного рогатого скота, видимо, допустимо рассматривать как захоронение воплощений хлебного духа, символический сброс свиней в пропасть с целью продолжения и (или) воссоздания воображаемого круга жизни.

³⁶ Фрезер 1998, 467.

³⁷ Античные гимны 1988, 221.

³⁸ Кереньи 2000, 184.

³⁹ Грейвс 1992, 67.

⁴⁰ Фрезер 1998, 491.

Хлебный мотив ярко выражен в молитве, приводимой Катонем. «Прежде чем начать жатву, следует предварительно принести в жертву свинью таким образом. Церере предварительной жертвой принеси свинью, раньше, чем начнешь убирать эти хлеба: полбу, пшеницу, ячмень, бобы, семена репы. Прежде чем зарезать в жертву свинью, начни с воскурения ладаном и возлияния вином Янусу, Юпитеру и Юноне: Янусу предложи пирог с такими словами: “Отец Янус, предлагая этот пирог, каковой предложить тебе должно, усердно молю тебя, буди благ и милостив ко мне и к детям моим, к дому и к домочадцам моим”. Предложи лепешку Юпитеру и почти его такими словами: “Юпитер! предлагая лепешку сию, каковую предложить должно, усердно молю тебя, буди благ и милостив ко мне и к детям моим, к дому и к домочадцам моим, почтен будучи лепешкою сею”. Потом возлей Янусу вином с такими словами: “Отец Янус! как я, предложив пирог, который тебе предложить должно, усердно молился тебе усердной молитвой, того же ради почтен буди вином жертвенным”. Потом к Юпитеру с такими словами: “Юпитер! почтен буди лепешкою сею/ почтен буди вином жертвенным”. Потом режь свинью в предварительную жертву. Когда внутренности будут вырезаны, предложи пирог Янусу и помолись ему так же, как в первый раз. Юпитеру предложи лепешку и помолись ему так же, как в первый раз. Янусу возлей вином и Юпитеру возлей вином так же, как раньше было возлито при предложении пирога и принесении лепешки. Потом принеси Церере внутренности и вино» (Cato. 134).

Археoaстрономические исследования городища и некрополя Артезиан, а также и других археологических памятников (Багерово–Северное, Илурат, Белинское, Маяк, Туркмен–1) выявили наличие ярко выраженной астрономической ориентации ряда культовых объектов. К таким, в частности, относятся зольные холмы (зольники), окружающие городище (рис. 15). Факт, что пространственное расположение зольников отмечает сакральные направления на точки восхода и захода Солнца в дни солнцестояний и равноденствий, являясь пригоризонтной обсерваторией, и связано с календарными ритуалами, был подтвержден полевыми измерениями в 2008 году⁴¹. Более того, они были связаны не только с фазами годового движения Солнца, но и с отдельными звездами, являющимися календарными маркерами, наблюдение за которыми регулировало сельскохозяйственную деятельность и культовую практику. Античные нарративные источники, такие, как распространенные календари (*diarium*), дают достаточно полную информацию о многовековых наблюдениях за связью сезонных изменений картины звездного неба и метеорологических событий на земле⁴². В ходе исследований выяснилось, что все культовые объекты в Артезиане либо ориентированы по сторонам света (алтари и все городище), либо привязаны к зольникам, отмечая определенные астрономические моменты.

В свете сказанного логично звучит предположение, что и захоронение поросенка и головы свиньи также окажутся связанными с календарным актом.

Один из важнейших календарных объектов в древности – звездное скопление Гиады, находящееся в созвездии Телец (рис. 16). Звездный клин этой группы звезд – одна из самых характерных фигур на всем небе, и ее форма «уже чисто зрительно могла ассоциироваться с греческой буквой «ипсилон» (Υ) – первой в названии

⁴¹ Винокуров, Мацнев, Фесенко 2010, 411–435.

⁴² Древнейшим таким календарем, дошедшим до нас, является «Труды и дни» Гесиода.

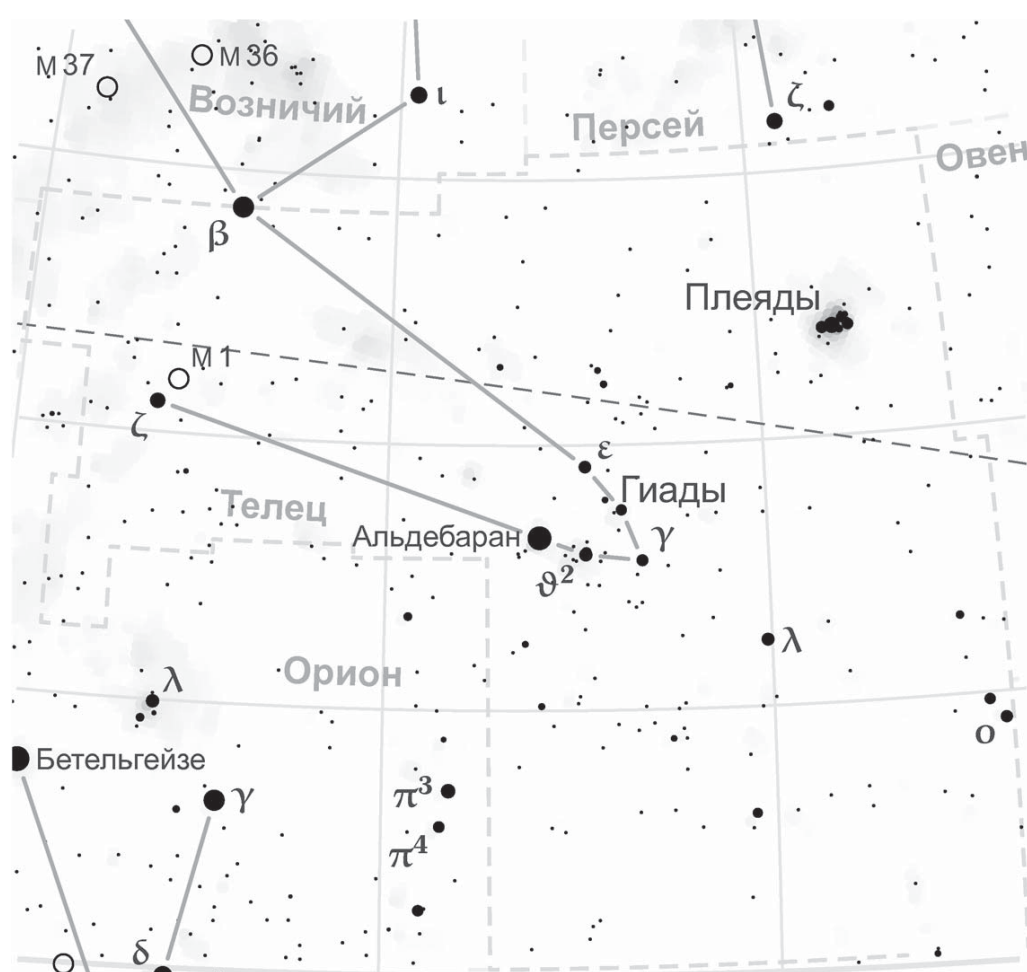

Рис. 16. Звёздное скопление Гиady в созвездии Телец
Fig. 16. The Hyades star cluster in the Taurus constellation

Гиady»⁴³. У греков название этих звезд связывалось с двумя словами: глаголом «дождить» и существительным «свинья» (ῥς). «Греки называли его Гиадами от дождей, мы же по сходству с греческим словом, решив, что название это произведено от свиньи, в неведении своем назвали его Свинками», сообщает Плиний Старший (РМ. XVII. 246).

Традиционное латинское название Гиady – *Suculae* – Свинки. Марк Манилий говорит в «Астрономике» о Гиадах, что под ними родился: «эти звезды дали жизнь верному свинопасу Лаэртида» (Ман. V, 125–126).

Конечно, такое упоминание неслучайно, поскольку Манилий, несомненно, опирался на более древние источники.

⁴³ Мамуна 1998, 97.

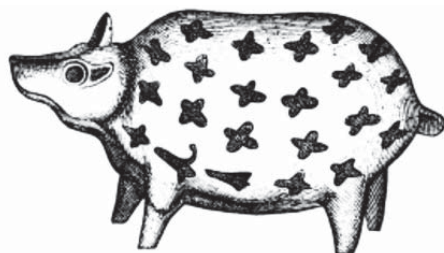

Рис. 17. Терракотовая фигурка свиньи, украшенная изображением звёздного неба. Из раскопок Г. Шлимана

Fig. 17. Terracotta pig decorated with a starry sky. From the excavations of Henrich Schliemann

О принадлежности в представлении древних свиньи к небесным сферам красноречиво свидетельствует артефакт, обнаруженный Генрихом Шлиманом при раскопках Трои. Это терракотовая фигура свиньи, украшенная звездами, выполненными красной краской (рис. 17). Шлиман не дает стратиграфических данных об этой находке, а лишь сообщает, что находка относится к слоям Трои VII⁴⁴.

Тем не менее мы можем сделать некоторые умозаключения, относящиеся к нашей теме. Увы, Шлиман приводит рисунок фигуры только с одной стороны, и мы не в состоянии определить общее количество звезд на ней и представить полную картину. Однако заметим, что Шлиман не обратил внимания на тот факт, что не все значки здесь являются звездами. По крайней мере два из них, находящихся в самом внизу, скорее являются флоральными изображениями и весьма напоминают бутоны лилий. Некая космологическая картина предстает перед нами: небесный свод, символизируемый телом свиньи, усеянным звездами, – верхний мир. Нижний мир – мир земной, обозначенный лилиями. К сожалению, о ритуальной сущности лилий нет достаточных данных. Лилии почти не оставили о себе следов в позднейшей греческой мифологии, хотя в крито-микенском мире играли огромную роль, выступая чем-то вроде священного символа. Однако заметим, что начало времени цветения лилий приходится на дни летнего солнцестояния, т. е. на конец июня – начало июля.

Именно эту глубоко сакральную дату фиксируют в Артезиане два культовых зольных холма. Зольник № 1, над которым восходит Солнце в летнее равноденствие, и зольник № 4, за которым Солнце скрывается в те же равноденственные дни.

Над зольником № 1 также происходят в мае-июне гелиакические⁴⁵ восходы культовых календарных объектов: Плеяд и Гиад.

В «Фастах» Овидий пишет:

2 июня

День грядущий выводит Гиад – два тельчьи рога,

И орошают они землю обильной водой.

(Ovid. 197–198).

⁴⁴ Шлиман 2009, 317.

⁴⁵ Гелиакический восход – первое появление светила в лучах утренней зари, когда Солнце еще не взошло и находится достаточно низко за горизонтом, чтобы звезда была видна.

О влажности Овидий говорит и в других строках:
10 июня
Но лишь с ушастых ослов поснимают венки из фиалок
И лишь Цереры плоды вновь потекут в жернова,
Кормчий воскликнет с кормы: «Дельфина мы в небе увидим,
Как только, солнце затмив, спустится влажная ночь!»
(Ovid. 469–472).

В этих стихах речь идет о времени сбора урожая, о котором писал еще Гесиод в «Трудах и днях»:

«Лишь на востоке начнут всходить Атлантиды-Плеяды,
Жать поспешай...»
(Hes. 383–384.).

Гесиод не упоминает здесь Гиад, но не забудем, что Гиады и Плеяды на небесной сфере находятся рядом, в одном созвездии Телец.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая указанные данные, мы можем сделать некоторые предварительные выводы относительно захоронения поросенка и черепа взрослой свиньи в Артезиане. Траншея, заполненная костями крупного рогатого скота и свиней, располагается в северной части цитадели, что само по себе в символической форме указывает на мир мертвых, владения Аида. Образ ямы (аналог ритуального сбрасывания в пещеры или мифологическую разверзшую земную твердь, куда ушло стадо Эвбулея). И череп взрослой свиньи, и скелет молодого поросенка, ориентированы в направлении на зольник №1 и на точку восхода Солнца в священный день летнего солнцестояния (рис. 11, 15). Это время, когда раскрываются все жизненные силы земли. Расположение захоронений в левой, западной стороне траншеи, также имеет свой сакральный смысл, возможно, связанный с потусторонним миром, смертью, недоброй стороной, которую необходимо особым образом умиротворить или исправить. Оппозиция летаральности: правого и левого, благоприятного и неблагоприятного, доброго и злого, процветания и умирания характерна для многих древних ритуальных систем⁴⁶.

Различие в возрасте свиней, вероятно, тоже не случайно, оно символизирует идею смены календарных сезонов. Отсюда может следовать и интерпретация зольной траншеи в целом и прилегающей к ней ямы 609 как объектов, которые могут быть связаны с хтоническими культовыми системами, обрядовое почитание которых должно было обеспечивать порядок всего сущего, плодovitость потомства, воспроизводства круга жизни, неразрывность взаимосвязи жертвоприношений, культа богов и героев с собственно жизнью и благополучием живых обитателей городища и их родственников.

Роль свиней и других домашних животных в хозяйственной, социальной и религиозной культуре местного населения начинает приоткрываться благодаря необычным находкам, подобным жертвоприношениям, совершенным в траншеях с зольным заполнением в оборонительном рве поздней цитадели городища Ар-

⁴⁶ Кумахо, Кумахова 1998, 188 и сл.

тезиан. Следует полагать, что внимательное отношение к палеоостеологическим материалам из таких необычных объектов должно способствовать лучшему пониманию древних религиозных обычаев и традиций, связанных с ритуальными трапезами и жертвоприношениями домашних животных, особенно, когда есть возможность определить принадлежность и возраст животных.

ЛИТЕРАТУРА

- Тахо-Годи. А.А. (ред.) 1988: *Античные гимны*. М.
- Винокуров, Н.И. 1997: Работы в Ленинском районе. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь, 62–65.
- Винокуров, Н.И. 1998: *Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье*. М.
- Винокуров, Н.И. 1999: Раскопки городища Артезиан в 1997–1998 гг. (Исследование северо-западного участка раскопа I). *ДБ* 2, 39–76.
- Винокуров, Н.И. 2002: Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья). В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев и др. (ред.), *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. СПб., 189–194.
- Винокуров, Н.И. 2003: *Граффити из античных памятников урочища Артезиан в Крымском Приазовье*. ПИФК XIII, 151–192.
- Винокуров, Н.И. 2004а: Периодизация и хронология городища Багерово-Северное. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев и др. (ред.), *Боспорский феномен: Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. СПб, 163–171.
- Винокуров, Н.И. 2004б: Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья). В сб.: М.Б. Медникова (ред.), *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии* 3. М., 55–87.
- Винокуров, Н.И. 2004в: Исследование юго-западной части городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы*. (БЧ V). Керчь, 59–70.
- Винокуров, Н.И. 2005: Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф*. (БЧ VI). Керчь, 50–60.
- Винокуров, Н.И. 2007: Исследование некрополя городища Артезиан в 2000 г. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.), *Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор*. Запорожье, 351–401.
- Винокуров, Н.И. 2010а: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.). В сб.: Р.М. Мунчаев, Д. Браунд и др. (ред.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки*. I. М.–Киев, 38–44.
- Винокуров, Н.И. 2011а: Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан). В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум*. (БЧ XII). Керчь, 55–67.
- Винокуров, Н.И. 2011б: Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье. *ДБ* 15. 45–72.

- Винокуров, Н.И. 2012а: *Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011)*. Тюбинген.
- Винокуров, Н.И. 2012б: Городище Артезиан: инфраструктура и планировка. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации*. (БЧ XIII). Керчь, 92–98.
- Винокуров, Н.И. 2012в: Хозяйственно-жилые кварталы городища Артезиан первой половины первого века н.э. *ДБ* 16, 51–76.
- Винокуров, Н.И. 2013: Помещения восточного блока поздней цитадели городища Артезиан (I–IV вв. н.э.). *Таврійські студії* 1 (4), 27–35.
- Винокуров, Н.И. 2014: Животные в погребальной практике населения городища Артезиан. В сб.: В.Ю. Зуев и В.А. Хршановский (ред.), *Погребальная культура Боспорского царства: материалы «Круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова (1914–1998)*. СПб., 212–220.
- Винокуров, Н.И. 2015: Новые свидетельства палеосейсмической активности на Боспоре в первые века н.э. (по материалам раскопок городища Артезиан). В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум*. (БЧ XVI). Керчь, 60–74.
- Винокуров, Н.И. 2017: Новые данные о конструкции ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье. *БИ XXXV*, 180–207.
- Винокуров, Н.И. 2018а: Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45–49 гг. н.э. на городище Артезиан в Восточном Крыму. *ДБ* 23, 56–72.
- Винокуров, Н.И. 2018б: Традиции и инновации в двух античных жертвенных комплексах городища Артезиан в Крымском Приазовье. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Материалы научной конференции*. (БЧ XIX). Симферополь–Керчь, 89–99.
- Винокуров, Н.И., Крыкин, С.М. 2014: Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. *ПИФК* 4, 170–194.
- Винокуров, Н.И., Крыкин, С.М. 2019: Жертвенники для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии: общее и особенное. *ПИФК* 4, 56–92.
- Винокуров, Н.И., Корженков, А.М., Родкин, М.В. 2015: К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии. *Вопросы инженерной сейсмологии* 2, 51–66.
- Винокуров, Н.И., Никонов, А.А. 2004: Тотальные разрушения второй половины III в. н.э. на Боспоре как хронологический репер. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев и др. (ред.), *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. СПб., 95–103.
- Винокуров, Н.И., Мацнев, Д.В., Фесенко, А.В. 2010: Календарные аспекты пространственного расположения зольных холмов античных городища Артезиан и Багерово-Северное в Крымском Приазовье. *БИ XXIV*, 411–435.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015а: Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров). В сб.: С.И. Посохов, С.Б. Сорочан (ред.), *LAUREA I. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы*. Харьков, 18–22.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015б: Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.). *Таврические студии* 7, 46–53.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015в: О хронологии и периодизации городища Артезиан в эпоху средневековья (ранневизантийский период). *ПИФК* 3, 195–208.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015г: Городище Артезиан в эпоху средневековья (по результатам археологических исследований). *Локус: люди, общества, культуры, смыслы* 4, 50–58.

- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015д: Южный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II). *ПИФК* 3, 160–195.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015е: Жилищные и хозяйственные комплексы салтово-маяцкого времени в центральной части городища Артезиан. *ДБ* 19, 28–42.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2016а: Жилые и хозяйственные постройки салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (Керченский полуостров). В сб.: Л.В. Федотова (ред.), *Наука, образование, культура. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-й годовщине Комратского государственного университета 4 февраля 2016*. Т. II. Комрат, 175–183.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2016б: Салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан (краткий обзор по результатам исследований 1989–2010 гг.). *Хазарский альманах* 14, 82–124.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2016в: К хронологии и периодизации городища Артезиан в средневековый период (предварительные данные). *Стародавнє Причорномор'я* 11, 115–122.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2016г: Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.). *ПИФК* 1 (51), 186–232.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2016д: Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе III в 2002–2010 гг.). *БИ XXXIII*, 266–300.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2016е: Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан. *Таврические студии* 10, 44–50.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2016ж: К вопросу о христианизации салтово-маяцкого населения Керченского полуострова (по материалам раскопок на городище Артезиан). В сб.: Д.А. Моисеев (ред.), *IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна (г. Бахчисарай, 8–9 сентября 2015 г.). Тезисы докладов и сообщений*. Бахчисарай, 8–9.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2017а: Культовые комплексы салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.). *ПИФК* 1, 105–148.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2017б: Мертвые среди живых: погребальные салтово-маяцкие комплексы на городище Артезиан. *ДБ* 21, 40–63.
- Внуков, С.Ю. 1988: Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма. *СА* 3, 86–94.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э.–II в. н.э.* Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.
- Внуков, С.Ю. 2013: Амфоры римского времени городища Кара-Тобе. *ДБ* 17, 21–54.
- Грейвс, Р. 1992: *Мифы Древней Греции*. М.
- Зеест, И.Б. 1960: *Керамическая тара Боспора*. (МИА 83).
- Иванов, В. 1994: *Дионис и прадионисийство*. СПб.
- Кереньи, К. 2000: *Элевсин: Архетипический образ матери и дочери*. М.
- Кумахов, М.А., Кумахова, З.Ю. 1998: *Нартский эпос: язык и культура*. М.
- Латышев, В.В. 1997: *Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности*. СПб.
- Лауэнштайн, Д. 1996: *Элевсинские мистерии*. М.
- Мамуна, Н.В. 1998: *Зодиакальная мифология. Зодиак мистерий*. М.
- Очерк виноделия Кавказа. 1875: Тифлис.
- Фрезер, Дж. Дж. 1998: *Золотая ветвь: Исследование магии и религии*. М.

- Шлиман, Г. 2009: *Илион. Город и страна троянцев*. Т.2. Пер. с англ. Н.Ю. Чехонадской. М.
- Frontisi-Ducroux, F. 1997: Dioniso e il suo culto. In S. Settis (cur.), *I Greci. Storia Cultura, Arte Società*. Vol. 2. *Una storia greca. Definizione*. Torino, 275–307.

REFERENCES

- Frazer, J.G. 1998: *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii* [*The Golden Bough: A Study of Magic and Religion*]. Per. s angl. Moscow.
- Frontisi-Ducroux, F. 1997: Dioniso e il suo culto. In S. Settis (cur.), *I Greci. Storia Cultura, Arte Società*. Vol. 2. *Una storia greca. Definizione*. Torino, 275–307.
- Greyvs, R. 1992: *Mify Drevney Gretsii* [*Myths of Ancient Greece*]. Moscow.
- Ivanov, V. 1994: *Dionis i pradiionisiystvo* [*Dionisus and pra-Dionism*]. Saint-Petersburg.
- Kerényi, K. 2000: *Elevsin: Arkhetipicheskii obraz materi i docheri* [*Eleusis: Archetypal Image of Mother and Daughter*]. Moscow.
- Kumakhov, M.A., Kumakhova, Z.Yu. 1998: *Nartskiy epos: yazyk i kul'tura* [*Nart saga: language and culture*]. Moscow.
- Latyshev, V.V. 1997: *Ocherk grecheskikh drevnostey. Bogoslužebnye i stsenicheskie drevnosti* [*Notes on Greek Antiquities. Liturgical and Scenic Antiquities*]. Saint Petersburg.
- Lauenshtayn, D. 1996: *Elevsinskie misterii* [*Eleusinian Mysteries*]. Moscow.
- Mamuna, N.V. 1998: *Zodiakal'naya mifologiya. Zodiak misteriy* [*Zodiacal mythology. Mysteries Zodiac*]. Moscow.
- Ocherk vinodeliya Kavkaza* [*Notes on Caucasus winemaking*]. 1875. Tiflis.
- Shliman, G. 2009: *Ilion. Gorod i strana troyantsev* [*Ilios, the city and country of the Trojans*]. Vol. 2. Moscow.
- Takho-Godi A.A. 1988: (ed.) *Antichnye gimny* [*Antique Hymns*]. Moscow.
- Vinokurov, N. I., Matsnev, D. V., Fesenko, A. V. 2010: Kalendarnye aspekty prostranstvennogo raspolozheniya zol'nykh holmov antichnykh gorodishch Artezian i Bagerovo-Severnoe v Krymskom Priazov'e [Calendar aspects of the spatial arrangement of the ash hills of the antique Artezian and Bagerovo-Severnoe settlements in the Crimean Azov Sea Region]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] XXIV, 411–435.
- Vinokurov, N.I. 1997: *Raboty v Leninskom rayone* [*Works in the Leninskiy District*]. In: V.A. Kutaysov (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god.* [*Archaeological studies in the Crimea. 1994*]. Simferopol, 62–65.
- Vinokurov, N.I. 1998: *Arkheologicheskie pamyatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazovye* [*Archaeological sites of the Artezian tract in the Crimean Azov Region*]. Moscow.
- Vinokurov, N.I. 1999: Raskopki gorodishcha Artezian v 1997–1998 gg. (Issledovanie severo-zapadnogo uchastka raskopa I) [Artezian Settlement excavations in 1997–1998. (Study of the northwestern part of the Site I)]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 2, 39–76.
- Vinokurov, N.I. 2002: Fenomen chelovecheskikh zhertvoprinosheniy v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam ritual'nykh zakhoroneniyy Krymskogo Priazov'ya) [The phenomenon of human sacrifice in ancient and medieval times (based on ritual burial materials of the Crimean Azov Region)]. In: M.Yu. Vakhtina et al. (eds.), *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Bosporan phenomenon: burial sites and sanctuaries. Materials of the International Scientific Conference*]. Pt. 1. Saint-Petersburg, 189–194.
- Vinokurov, N.I. 2003: Graffiti iz antichnykh pamyatnikov urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e [Graffiti from ancient sites in the Artezian tract, the Crimean Azov Region]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] XIII, 151–192.

- Vinokurov, N.I. 2004a: Periodizatsiya i khronologiya gorodishcha Bagerovo-Severnoe [Periodization and chronology of Bagerovo-Severnoe Settlement]. In: M.Yu. Vakhtina et al. (eds.), *Bosporskiy fenomen: Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan phenomenon: Burial sites and sanctuaries. Materials of the International Scientific Conference]. Pt. 1. Saint-Petersburg, 163–171.
- Vinokurov, N.I. 2004b: Praktika chelovecheskikh zhertvoprinosheniy v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam ritual'nykh zakhoroneniym Krymskogo Priazov'ya) [The practice of human sacrifice in ancient and medieval times (on materials of ritual burials of the Crimean Azov Region)]. In: M.B. Mednikova (ed.), *OPUS: Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Research in Archaeology] 3. Moscow, 55–87.
- Vinokurov, N.I. 2004v: Issledovanie yugo-zapadnoy chasti gorodishcha Artezian [Study of the southwestern part of the Artezian Settlement's earlier citadel]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskie protsessy*. [Cimmerian Bosporus and barbaric world in the antiquity and the Middle Ages. Periods of destabilization and catastrophes]. (V Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 59–70.
- Vinokurov, N.I. 2005: Gibel' ranney «Tsitadeli» gorodishcha Artezian [The death of the early "Citadel" of the Artesian settlement]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'a. Periody destabilizatsii i katastrof* [Cimmerian Bosporus and the barbaric world in Antiquity and the Middle Ages. Times of instability and disaster]. (VI Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 50–60.
- Vinokurov, N.I. 2007: Issledovanie nekropolya gorodishcha Artezian v 2000 g. [Research of the necropolis of the Artezian settlement in 2000]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriluk (eds.), *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy: Ol'viya, Skifiya, Bospor* [The Ancient world and the barbarians in the South of Russia and Ukraine: Olbia, Scythia, Bosporan]. Zaporozhye, 351–401.
- Vinokurov, N.I. 2010a: Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i gibel' ranney tsitadeli gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 2004–2008 gg.) [Roman-Bosporan War of AD 44/45–49 and the death of the early citadel of the Artezian settlement (based on excavations in 2004–2008)]. In: R.M. Munchaev et al. (eds.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie otkrytiya i nakhodki* [ΣΥΜΒΟΛΑ. The ancient world of the Northern Black Sea region. Recent discoveries and finds]. I. Moscow–Kiev, 38–44.
- Vinokurov, N.I. 2011a: Pogrebal'nye komplekсы antichnogo i srednevekovogo vremeni: razryv traditsiy ili preemstvennost' (na primere gorodishcha i nekropolya Artezian) [Burial complexes of antique and medieval times: tradition break or continuity (in the case of the Artezian settlement and necropolis)]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i socium* [Cimmerian Bosporus and barbaric world during antiquity and the Middle Ages. Geographical environment and society]. (XII Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 55–67.
- Vinokurov, N.I. 2011b: Gidrotekhnicheskie sooruzheniya antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e [Hydrotechnical structures of the antique settlement of Artezian in the Crimean Azov Region]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 15. 45–72.
- Vinokurov, N.I. 2012a: *Arkheologicheskie pamyatniki v Krymskom Priazov'e (po materialam AAE 1988–2011)* [Archaeological sites in the Crimean Azov region (discoveries of the Artezian Archaeological Mission in 1988–2011)]. Tübingen.
- Vinokurov, N.I. 2012b: Gorodishche Artezian: infrastruktura i planirovka [Artezian settlement: infrastructure and layout]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Problemy urbanizatsii* [Cimmerian Bosporus and barbaric world during antiquity and the Middle Ages. Challenges of urbanization]. (XIII Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 92–98.

- Vinokurov, N.I. 2012v: Khozyaystvenno-zhilye kvartaly gorodishcha Artezian pervoy poloviny pervogo veka n. e. [Household and residential parts of the Artezian settlement of the first half of the 1st century AD]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 16, 51–76.
- Vinokurov, N.I. 2013: Pomeshcheniya vostochnogo bloka pozdney tsitadeli gorodishcha Artezian (I–IV vv. n. e.) [Premises of the eastern part of the later citadel of the Artezian settlement (the 1st to 4th centuries AD)]. *Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki* [*Tauric Studies. Historical Sciences*] 1 (4), 27–35.
- Vinokurov, N.I. 2014: Zhivotnye v pogrebal'noy praktike naseleniya gorodishcha Artezian [Animals in the burial custom of the Artezian settlement population]. In: V.Yu. Zuev i V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo carstva: materialy «Kruglogo stola», posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.M. Kulbanova (1914–1998)* [*Burial culture of the Bosporan an Empire: Proceedings of the “Round Table” dedicated to the 100th anniversary of M.M. Kulbanov (1914–1998)*]. Saint-Petersburg, 212–220.
- Vinokurov, N.I. 2015: Novye svidetel'stva paleoseysmicheskoy aktivnosti na Bospore v pervye veka nashey ery (po materialam raskopok gorodishcha Artezian) [New evidence of paleoseismic activity in Bosporan in the first centuries AD (on materials of the Artezian settlement excavations)]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i socium* [*Cimmerian Bosporus and barbaric world during antiquity and the Middle Ages. Geographical environment and society*]. (XVI Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 60–74.
- Vinokurov, N.I. 2017: Novye dannye o konstruktсии ranney tsitadeli gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e [New data on the construction of the earlier citadel of the Artezian settlement in the Crimean Azov Region]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] XXXV, 180–207.
- Vinokurov, N.I. 2018a: Dva sloya pozhara bosporo-rimskoy voyny 44/45–49 gg. n. e. na gorodishche Artezian v Vostochnom Krymu [Two layers of the fire of the Bosporan-Roman war of AD 44/45–49 in the Artezian settlement in East Crimea]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 23, 56–72.
- Vinokurov, N.I. 2018b: Traditsii i innovatsii v dvukh antichnykh zhertvennykh kompleksakh gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e [Tradition and innovation in two antiques sacrificial complexes of the Artezian settlement in the Crimean Azov Region]. In: V.N. Zin'ko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii. Materialy nauchnoy konferentsii* [*Cimmerian Bosporus and barbaric world during antiquity and the Middle Ages. Tradition and innovation. Materials of scientific conference*]. (XIX Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 89–99.
- Vinokurov, N.I., Korzhnikov, A.M., Rodkin, M.V. 2015: K otsenke seysmicheskoy opasnosti rayona Kerchenskogo proliva po dannym arkhеoseysmologii [Assessment of the seismic risk of the Kerch Strait region according to the archeoseismology data]. *Voprosy inzhenernoy seysmologii* [*Issues of the engineering seismology*] 2, 51–66.
- Vinokurov, N.I., Krykin, S. M. 2019: Zhertvenniki dlya vozliyaniy khtonicheskimi bozhestvami Bospora i Frakii: obshchee i osobennoe [Altars for libations in honour of chthonic deities of Bosporan and Thrace: general and special]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 56–92.
- Vinokurov, N.I., Krykin, S.M. 2014: Rimskaya politika v Severnom i Severo-Zapadnom Prichernomor'e v seredine I v. n. e. [Roman politics in the North and Northwest Black Sea Region in the middle of the 1st century AD]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 170–194.
- Vinokurov, N.I., Nikonov, A.A. 2004: Total'nye razrusheniya vtoroy poloviny III v. n. e. na Bospore kak khronologicheskiy reper [Total destruction during the second half of the 3rd century AD in the Bosporan as a chronological benchmark]. In: M.Yu. Vakhtina et al. (eds.), *Bosporskiy*

- fenomen: problemy hronologii i datirovki pamyatnikov. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan phenomenon: Burial sites and sanctuaries. Materials of the International Scientific Conference]. Pt.1. Saint-Petersburg, 95–103.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2015a: Saltovo-mayatskoe poselenie na antichnom gorodishche Artezian (Kerchenskiy poluostrov) [Saltovo-Mayaki settlement on the antique Artezian settlement (Kerch Peninsula)]. In: S.I. Posokhov, S.B. Sorochan (eds.), *LAUREA I. Chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva. Materialy* [Vladimir Ivanovich Kadeev's Memorial Readings. Materials]. Kharkov, 18–22.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2015d: Yuzhnyy uchastok saltovo-mayatskogo poseleniya na gorodishche Artezian (po materialam issledovaniy na raskope II) [Southern part of the Saltovo-Mayaki layer on the Artezian settlement (Site 2)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3 (49), 160–195.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2015e: Zhilishchnye i khozyaystvennye komplekсы saltovo-mayatskogo vremeni v tsentral'noy chasti gorodishcha Artezian [Household and residential blocks in the central part of the Artezian settlement during Saltovo-Mayaki period]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 19, 28–42.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2015g: Gorodishche Artezian v epokhu srednevekov'ya (po rezul'tatam arheologicheskikh issledovaniy) [The Artezian settlement in the Middle Ages (from archaeological studies)]. *Lokus: lyudi, obshchestva, kul'tury, smysly* [Locus: people, societies, cultures, meanings] 4, 50–58.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2015v: O khronologii i periodizatsii gorodishcha Artezian v epokhu srednevekov'ya (rannevizantiyskiy period) [Concerning the chronology and periodization of the Artezian settlement in the Middle Ages (early Byzantine time)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3 (49), 195–208.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2016a: Zhilye i khozyaystvennye postroyki saltovo-mayatskogo poseleniya na gorodishche Artezian (Kerchenskiy poluostrov) [Household and residential structures of the Saltovo-Mayaki settlement on the Artezian settlement (Kerch Peninsula)]. In: L.V. Fedotova (ed.), *Nauka, obrazovanie, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-y godovshchine Komratskogo gosudarstvennogo universiteta 4 fevralya 2016* [Science, education, culture. Materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Comrat State University, February 4th 2016]. II. Comrat, 175–183.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2016b: Saltovo-mayatskoe poselenie na gorodishche Artezian (kratkiy obzor po rezul'tatam issledovaniy 1989–2010 gg.) [Saltovo-Mayaki settlement on the Artezian settlement (a brief review of the results of studies 1989–2010)]. *Khazarskiy al'manakh* [Khazar Almanac] 14, 82–124.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2016d: Tsentral'nyy uchastok saltovo-mayatskogo poseleniya na gorodishche Artezian (po itogam issledovaniy na raskope III v 2002–2010 gg.) [The central part of the Saltovo-Mayaki site on the Artezian settlement (investigation of the Trench III in 2002–2010)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXXIII, 266–300.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2016e: Saltovo-mayatskie pogrebeniya na gorodishche Artezian [Saltovo-Mayaki burials at the Artezian settlement]. *Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki* [Tauric Studies. Historical Sciences] 10, 44–50.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2016g: Tsentral'nyy uchastok saltovo-mayatskogo poseleniya na gorodishche Artezian (po itogam issledovaniy na raskope I v 1989–2001 gg.) [The central part of the saltovo-mayaki settlement on the Artezian settlement (excavations at the Site 1 in 1989–2001)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1 (51), 186–232.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2016v: K khronologii i periodizatsii gorodishcha Artezian v srednevekovyy period (predvaritel'nye dannye) [Concerning the chronology and

- periodization of the Artezian settlement in the Middle Ages (preliminary data)]. *Starodavnye Prichernomor'ye* [Ancient Black Sea Region] 11, 115–122.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2016zh: K voprosu o khristianizatsii saltovo-mayatskogo naseleniya Kerchenskogo poluostrova (po materialam raskopok na gorodishche Artezian) [Concerning the Christianization of the Saltovo-Mayaki population of the Kerch Peninsula (based on the Artezian settlement excavations)]. In: D.A. Moiseev (ed.), *IV Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E.V. Veymarna* (g. Bahchisaray, 8–9 sentyabrya 2015 g.). *Tezisy dokladov i soobshcheniy. Bahchisaray, 8–9 [IVth Bakhchisaray scientific E.V. Veimarn's Memorial Readings (Bakhchisaray, 8–9 September 2015). Abstracts]*. Bakhchisaray.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2017a: Kul'tovye komplekсы saltovo-mayatskogo poseleniya na gorodishche Artezian (po materialam raskopok 1994–2010 gg.) [Cult complexes of the Saltovo-Mayaki settlement on the Artezian settlement (based on excavations from 1994–2010)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 105–148.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2017b: Mertvye sredi zhivyykh: pogrebal'nye saltovo-mayatskie komplekсы na gorodishche Artezian [Dead among the living: Saltovo-Mayaki burial complexes on the Artezian settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 21, 40–63.
- Vinokurov, N.I., Ponamarev, L.Yu. 2015b: Saltovo-mayatskie komplekсы gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 1994–2010 gg.) [Saltovo-Mayaki complexes of the Artezian settlement (based on 1994–2010 excavations)]. *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki* [Tauric Studies. Historical Sciences] 7, 46–53.
- Vnukov, S.Yu. 1988: Shirokogorlye svetloglinyanye amfory Severo-Zapadnogo Kryma [Light clay pelikes of the Northwest Crimea]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 86–94.
- Vnukov, S.Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. Ch. II. Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli* [Black Sea Region amphorae from 1st century BC to 2nd century AD. P. 2. Petrography, chronology, trade issues]. Saint-Petersburg.
- Vnukov, S.Yu. 2013: Amfory rimskogo vremeni gorodishcha Kara-Tobe [Roman time amphorae from the Kara-Tobe settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 17, 21–54.
- Zeest, I.B. 1961: *Keramicheskaya tara Bospora* [Bosporan pottery]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on archeology of the USSR] 83). Moscow.

ASH TRENCH WITH THE BURIAL OF PIGLET AND PIG SKULL – A NEW SACRIFICIAL COMPLEX OF ANTIQUE TIME AT ARTEZIAN SETTLEMENT (THE CRIMEAN AZOV REGION)

Nikolay I. Vinokurov¹, Andrey V. Fesenko²

¹ Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
vinokurov@list.ru

² Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia
icaria@list.ru

Abstract. Uncommon ritual complexes, connected with sacrificing people and animals, wine or blood libations to the deities of the earth and the dungeon were discovered in the central part of the ancient settlement of Artezian in the Crimean Azov region. There were a number of trenches elongated from west to east with ash filling of the defensive moat of the late Citadel

excavated in 1999 and 2019. They are dated to, respectively, the 3rd and from the 1st to 2nd centuries AD. In a later trench there was a dumping of mass cremation of people and animals. The remains of a large number of bones of cattle and small stock with ceramic artifacts were discovered in a medium density gray ash filling in the second trench of 2019, that was located in close proximity to the first one but was in another chronological layer

A piglet and an adult pig skull burial along with a dog skull were uncovered in the western part of the trench. Bones of cattle were found in the eastern part. The orientation of these ritual objects in the second trench leads to the conclusion that they appeared during the summer solstice. Among the population of the Artezian settlement, the cult of the pig and wild boar was associated with oak trees and vine veneration, which corresponds with the antique religious tradition and parallels with ancient myths and legends in a certain way

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Artezian settlement, sacrifices, libations, altars, zoomorphic plant cults, necropolis, mythological traditions, Dionysus, Demeter, mysteries

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 98–108
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 98–108
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-98–108

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ VI ВЕКА ДО Н.Э. У МЫСА ТУЗЛА

В.М. Петровский

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия*
petrovskiyvm@yandex.ru

Аннотация. В статье дано описание места крушения античного торгового судна у мыса Тузла на западе Таманского полуострова. Данное крушение произошло в VI в. до н.э. и является древнейшим в Северном Причерноморье. Археологических раскопок на месте крушения не производилось, а все исследования свелись к внешнему осмотру, объемам и фиксации. Потерпевшее крушение судно представляло собой транспортный корабль длиной не более 15–20 м, который перевозил груз блоков серого мергеля. В ходе этой транспортировки судно напоролось на скалы Тузлинской рифовой гряды при входе в Керченский пролив и получило сильные повреждения, которые и привели к его гибели.

Ключевые слова: подводная археология, Керченский пролив, античное мореплавание, кораблекрушение, морские торговые пути

В античное время Керченский пролив представлял собой ключевую магистраль, по которой греческие апойкии на берегах Азовского моря, Таманского залива и Керченской бухты поддерживали связь с метрополией. Именно здесь проходил основной товаропоток и, следовательно, любое судно, совершающее рейсы между портами Боспора Киммерийского и остальным греческим миром не могло пройти мимо Керченского пролива. В этом контексте естественно, что интенсивное судоходство оставило после себя на дне моря многочисленные следы, которые выражены в основном находками фрагментов якорей, керамики, строительных элементов, деталей судового устройства и т.п. Место крушения античного судна в Керченском проливе обнаружено только одно. Оно произошло, по всей видимости, в VI веке до н.э. у м. Тузла. Именно этому кораблекрушению и посвящена данная статья.

Судно представляло собой средний по размерам (длина не более 15–20 м) транспортный корабль, который перевозил в качестве груза камни (блоки серого мергеля). При входе в пролив – в районе мыса Тузла – судно из-за навигационной ошибки или из-за резко налетевшего шторма оказалось выброшенным на одну из

Данные об авторе: Петровский Василий Михайлович – аспирант кафедры истории древнего мира Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Работа выполнена в рамках плановой темы ИА РАН: АААА — А18-118011790093-2.

скал Тузлинской рифовой гряды и получило сильные повреждения. После этого оно либо пошло ко дну, либо экипаж, пытаясь обеспечить доступ к пробоине или облегчить корабль, сбросил груз за борт. Вместе с грузом на склон рифа упал якорь и фрагменты керамики, и в настоящий момент место крушения представляет собой хаотичное нагромождение мергелевых блоков, без разборки свала которых невозможно установить точно – затонуло судно или данная находка состоит только из груза, а сам корабль смог спастись.

Особую значимость памятнику придает то, что, во-первых, место крушения судна архаического периода само по себе является довольно редкой находкой¹; во-вторых, если нижеследующие выводы верны и событие действительно относится к VI в. до н.э., то данная авария в настоящее время является древнейшим из обнаруженных кораблекрушений в Черном море. Тем более значима данная находка потому, что всего в Северном Причерноморье найдено не более пяти затонувших судов античного времени².

Крушение произошло в районе интенсивного судоходства античного времени и расположено внутри другого, более масштабного археологического памятника – якорной стоянки античного времени, которая занимает участок площадью около 0,5 км² вдоль Тузлинской рифовой гряды.

Якорная стоянка представляет собой подводную равнину (размерами как минимум 1,5 на 0,3 км), которая простирается вдоль юго-западного основания Тузлинской рифовой гряды с условным центром в 1,5 – 1,7 км от берега. Наличие именно здесь якорной (рейдовой) стоянки определяется по большому числу находок античного времени (детали якорей, керамика)³. В период колонизации Боспора Киммерийского, когда уровень моря был примерно на 3,5 метра ниже современного, эти рифы представляли собой ряд скал, возвышавшихся над поверхностью моря. Такая природная стена вместе с самим мысом Тузла создавала удобное прикрытие от северных ветров, которые нередки в этом регионе, из-за чего судно, целью которого является вход в пролив, вынуждено ожидать переменны ветра, и рифы Тузлы, таким образом, оказываются наиболее удобным местом для стоянки. Кроме ожидания попутного ветра, здесь велись некие погрузочно-разгрузочные работы. О проведении таких работ свидетельствует большое число фрагментов транспортных амфор, которые могли оказаться на дне моря только в виде потерь и боя при перегрузке их с одного судна на другое. В 750 м от развала блоков мергеля рассматриваемого крушения расположен еще один археологический памятник, который назван «Балласт античного торгового судна». Этот памятник, открытый в 2008 г., представляет собой развал камней твердых пород – базальта, гранита и диорита, размерами от 20 до 50 см в поперечнике. Камни лежат как плотным слоем, друг на друге, так и по отдельности, на площади примерно 10×6 м. Шурфовка показала отсутствие следов кораблекрушения⁴. Таким образом, можно предположить, что камни были сброшены с борта судна, которое

¹ Так, например, из более чем 1200 судов античного времени, найденных до 1991 г., лишь 25 оказались погибшими в период с IX до начала V в. до н.э. Для сравнения: только к V в. до н.э. относится уже 37 кораблекрушений (см. Parker A.J. P. 10–15).

² Это суда, погибшие в IV в. до н.э. у оз. Донузлав и о. Змеиный, и у Фанагории (возможно в конце I в. до н.э.).

³ Шамрай 2003, 284.

⁴ Гей, Сударев 2011, 26–27.

пришло к берегам Тамани в балласте, т.е. без полезного груза. И сброс, видимо, был осуществлен в тот момент, когда потребовалось освободить место для принимаемого груза, что само по себе также говорит в пользу проведения неких погрузочных работ в этом районе.

На основе многолетнего наблюдения за стоянкой и статистического учета находок керамики исследователи Тузлинской якорной стоянки приходят к выводу, что данная стоянка образовалась в архаическое время (преобладают находки клазоменской керамики), в классическое время частота посещений стоянки увеличивается (преобладает керамика Хиоса и Фасоса)⁵. Стоянка, по всей видимости, имела прямую связь с поселением Корокондама, которое расположено всего в 1,5–2 км от нее. Наряду с крупными якорями здесь найдено большое число каменных якорей малых размеров, которые были элементами оснастки лодок и легких судов прибрежного плавания, что опять-таки говорит об активном взаимодействии крупных и малых судов в пределах данной якорной стоянки.

Рельеф дна моря в районе м. Тузла представляет собой подводную равнину, которая пересечена тремя линиями скальных выходов, начинающихся у м. Тузла и идущих параллельно друг другу в юго-западном направлении. Северный из этих массивов, состоящий из мшанкового известняка, самый высокий – отдельные скалы или рифы возвышаются над дном моря на высоту до семи метров. Некоторые из этих рифов практически достигают поверхности моря и в наше время представляют опасность для мореплавания. В древности же при более низком уровне моря они возвышались над его поверхностью, образуя прибрежные утесы. Именно среди скал этого северного рифа и произошло крушение судна, перевозившего груз блоков мергеля. Южнее рифа из мшанкового известняка протянулся массив коренной породы известняка-ракушечника, вершины которого расположены глубже, но в древности, в условиях более низкого уровня моря, они также могли представлять опасность для мореплавания. Третий массив расположен юго-восточнее и представляет собой выход на поверхность обломков железорудного кряжа, которые незначительно возвышаются над дном. Именно эти три рифовые гряды, разделенные на отдельные скальные образования и расположенные у самого входа в пролив Боспор Киммерийский, и позволили в античное время создать здесь якорную стоянку. Таким образом, от преобладающих в этом регионе северных ветров судно на стоянке было укрыто утесами Тузлинской рифовой гряды и самым мысом Тузла, а расположенные рядом поселения позволяли получать необходимые припасы и поддерживать связь с берегом в период ожидания попутного ветра для входа в пролив. Одновременно грунт на дне моря в этом районе позволял якорю надежно удерживать судно. Эти преимущества стали решающими факторами для функционирования стоянки, даже несмотря на то, что она была полностью открыта редким штормовым южным ветрам. Возможно, именно такой ветер и стал причиной крушения античного судна с грузом камня.

Место аварии судна расположено в западной части якорной стоянки на удалении 1,5 км от берега, среди двух скал. Юго-западная скала имеет вершину, находящуюся на глубине 3,6 м от уровня моря, а северо-восточная – на 3,7 м. Возможно, что одна из этих скал и послужила причиной произошедшего крушения,

⁵ Шамрай, Сударев 2013, 512.

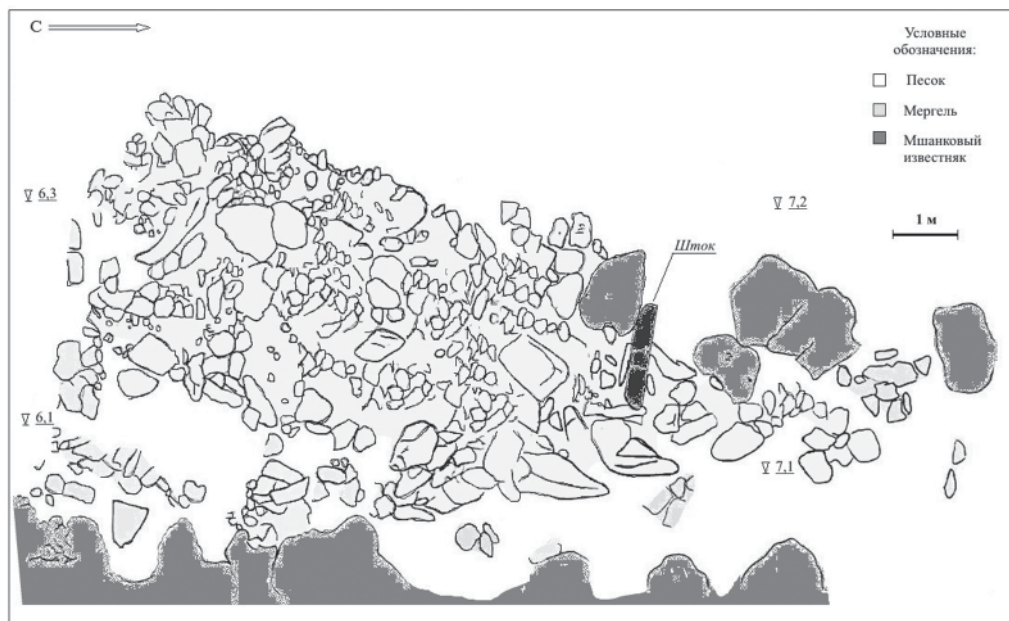

Рис. 1. Общий план свала блоков мергеля с указанием глубин
 Fig. 1. General plan of the dump of marl blocks with indication of depths

поскольку в античное время в связи с более низким уровнем моря обе вершины возвышались над водой или, как минимум, были вровень с поверхностью и представляли опасность для любого судна, даже если оно имело небольшую осадку. Основания обеих скал расположены на глубине 7,0 – 7,2 м. Дно вокруг этих рифов практически плоское и состоит из песка, перемешанного с ракушечником. Расстояние между вершинами обеих скал 25 м, а расстояние между подошвами этих рифов не более десяти метров. Район развала блоков мергеля частично поκειται на песчано-ракушечной подошве северо-западной скалы, частично лежит среди глыб мшанкового известняка этой скалы (рис. 1). Общая площадь развала блоков мергеля около 40 м². С юга на север он имеет длину около 14 м, с запада на восток до 4 м. Глубина в месте наибольшего скопления блоков мергеля (по всей видимости, это была средняя часть судна) в южной части памятника равна 6,1 м, отдельные блоки разбросаны до глубины 7,2 м в северной части памятника. Речь здесь идет только о видимой части, поскольку некоторая часть памятника, без сомнения, погребена под песчаными наносами там, где скальное основание рифа заканчивается. В грубом приближении развал блоков мергеля напоминает в плане форму судна. Блоки свалены хаотично, без какой-либо системы укладки (рис. 2). Размеры их варьируются от 10×20×5 до 50×50×20 см, а форма – плитообразная с рваными, заостренными краями без следов обработки. Также необходимо обратить внимание на то, что мергель совершенно нехарактерен для геологической структуры Тузлинской рифовой гряды, которая состоит из мшанкового известняка, что полностью исключает предположение о том, что данный развал блоков мергеля имеет геологическую природу.

Рис. 2. Блоки мергеля в средней части памятника
Fig. 2. Blocks of marl in the middle of the wreck site

В северной части свала блоков мергеля, на самом краю рифа, был обнаружен каменный шток – деталь деревянного якоря (рис. 3). Шток имеет длину 1,85 м, высоту 0,3 м в средней части и 0,2 м в оконечностях, ширина 0,2 м. В центральной части есть обычная для этой детали проточка для крепления веретена якоря. Изготовлен шток из диорита. Вес 183 кг⁶. В 2016 г. при подъеме штока на поверхность под ним была обнаружена ножка клазоменской амфоры начала VI в. до н.э., которая, по всей видимости, попала на дно одновременно с якорем в момент крушения и оказалась плотно вдавлена в галечник весом якорного штока. Не раздавлена она оказалась по той причине, что упала в пространство между двумя кусками известняка. Такое расположение ножки амфоры свидетельствует о том, что она обнаружена *in situ*. Это имеет особое значение, поскольку датировка этого фрагмента керамики служит датировкой и для самого каменного штока.

В разных частях развала блоков мергеля было обнаружено еще 20 фрагментов керамики античного времени, три из которых представляют собой профилированные части амфор и потому поддаются датировке. Необходимо отметить, что керамика, найденная среди камней, имеет острые, практически не окатанные сколы,

⁶ Шамрай 2016, 252.

Рис. 3. Каменный шток деревянного якоря
Fig. 3. Stone stock of a wooden anchor

что говорит о том, что эти сколы не подвергались трению о песок, как бывает в тех случаях, когда фрагменты перемещаются под действием течения и волн. Кроме того, фрагменты керамики покрыты коркой отложений морских организмов, что также свидетельствует о том, что керамический материал долгое время находился в неподвижном состоянии.

Поиск с помощью металлодетектора, осуществленный на свале блоков мергеля, а также вокруг него, привел к находке двух свинцовых колец уплощенной формы⁷. Подобные кольца в античное время использовались в качестве обода люверсов и хорошо известны по находкам на других затонувших судах, например, на судне IV в. до н.э., погибшем у Кирении на Кипре, где было найдено 170 похожих свинцовых колец. Сам люверс представлял собой круглое отверстие на краю паруса, которое было укреплено свинцовым кольцом, сквозь которое пропусклся канат для уменьшения площади паруса. Свинцовые кольца обнаружены на удалении 12 м к югу от свала блоков мергеля и, видимо, не имеют отношения к данному памятнику. Там же, на вершине скалы, была обнаружена горловина амфоры византийского времени⁸, встречается керамика нового времени.

Таким образом, основываясь на археологических данных, можно восстановить последовательность формирования данного памятника. По всей видимости, транспортное судно, несшее на своем борту груз блоков серого мергеля, следовало курсом по направлению в северную часть пролива и в какой-то момент оказалось выброшено на камни у рифовой гряды, которая в античное время едва возвышалась над водой. Ударившись об одну из вершин, судно получило пробоину, вследствие которой пошло ко дну и легло на западном склоне одной из вершин. С течением времени деревянные части судна полностью исчезли под воздействием морских организмов. Ввиду того, что глубина в этом месте в античное время едва достигала 3–4 метров, опустившееся на дно судно было вполне доступно для местных жителей, которые могли снять с него большую часть деревянных деталей и снаряжения. Груз, состоящий из блоков мергеля, фрагментов керамики и деревянного якоря с каменным штоком остался на дне, где на него впоследствии упали фрагменты керамики византийского и нового времени. Возможно также, что судно не затонуло, а лишь получило пробоину и село днищем на вершину скалы, но было спасено экипажем, который для его облегчения и доступа к пробоине сбросил блоки мергеля и якорь за борт. Без дальнейших раскопок и разборки

⁷ Гей, Сударев 2011, рис. 243. 5.

⁸ Сударев 2012, 8.

Рис. 4. Ножка амфоры «круга Клазомен» (Шамрай 2016, 255)
Fig. 4. Leg of the amphora of the «Klazomen circle» (Shamray 2016, 255)

Рис. 5. Ножка амфоры Милета (Шамрай 2016, 255)
Fig. 5. Leg of the amphora of Miletus (Shamray 2016, 255)

свала блоков мергеля невозможно точно установить, затонуло само судно или ему удалось спастись, освободившись от груза.

Датировка керамического материала, а именно четырех найденных профильных фрагментов (из 21) дала следующий результат. Ножка амфоры, найденная под штоком (рис. 4), определена как амфора «круга Клазомен» конца VII – середины VI в. до н.э.⁹ Ножки, найденные среди свала блоков мергеля, определены как амфоры Милета VII – первой половины VI в. до н.э. (рис. 5)¹⁰, Лесбоса третьей четверти VI в. до н.э. (рис. 6)¹¹ и Клазомен пифоидного типа конца VI в. до н.э. (рис. 7)¹². Остальные 17 фрагментов керамики представлены стенками амфор серого и черного закала, которые не поддаются надежной датировке.

⁹ Монахов 2003, 55; табл. 33–5.

¹⁰ Монахов 2003, табл. 17–1,2,3.

¹¹ Монахов 1999, 51; табл. 5–8.

¹² Монахов 2003, 54; табл. 33–3.

Рис. 6. Ножка амфоры неустановленного типа (Шамрай 2016, 255)
Fig. 6. Leg of an amphora of unknown type (Shamray 2016, 255)

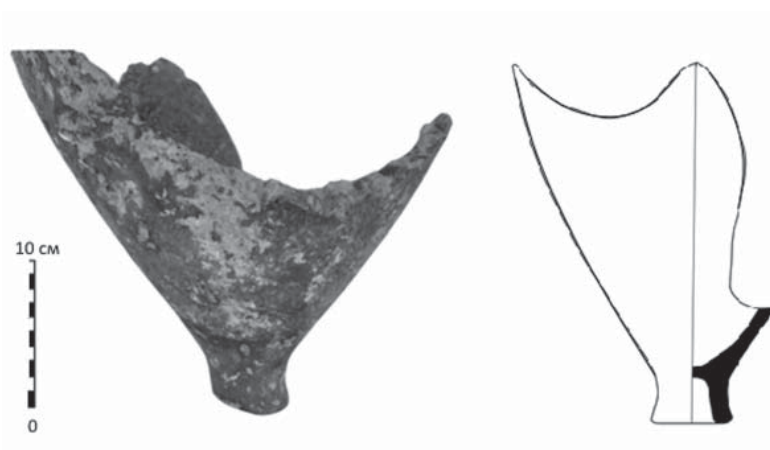

Рис. 7. Ножка амфоры Клазомен (Шамрай 2016, 255)
Fig. 7. Leg of amphora Klazomen (Shamray 2016, 255)

Что касается каменного штока, то использование именно таких штоков¹³ определяется в пределах VI–IV вв. до н.э. на основании многочисленных находок в средиземноморском регионе. К таким находкам относятся:

– фрагмент штока из песчаника, обнаруженный при раскопках Китиона в слое, датируемом VII – началом VI в. до н.э.¹⁴;

– группа штоков, найденная на судне, которое погибло у берегов Италии около 600–590 гг. до н.э. (место крушения античного судна Giglio Campese A) и на котором данные гранитные штоки перевозились в качестве груза, а один шток был использован в качестве судового¹⁵;

¹³ Согласно типологии Д. Халдана он относится к штоку типа I (см.: Haldane. 1984, 4).

¹⁴ Frost 1982, 265–268.

¹⁵ Parker 1992, 192.

– каменные штоки из песчаника: один длиной 1,65 м и весом в 115 кг, а другой 0,45 м длиной и весом 7,3 кг. Найдены у берегов Турции на судне 570 – 560 гг. до н.э. (место крушения античного судна *Rabus Burnu*)¹⁶;

– каменный шток длиной 0,81 м был найден на дне моря у берегов Прованса (место кораблекрушения *Ponte du Dattier*) вместе с группой амфор, что позволило отнести шток ко второй половине VI в. до н.э.¹⁷;

– каменные штоки, в том числе мраморные, вторичного использования, были найдены в большом количестве в Грависка (порт Тарквинии в этруское время), где все они были использованы в качестве строительного материала во второй половине V в. до н.э.¹⁸;

– каменные штоки, найденные на месте крушения торгового судна 360–340 гг. до н.э. у Балеарских островов (место крушения *El Sec*, недалеко от Пальма-де-Майорка)¹⁹.

Все вышеуказанные находки штоков хорошо изучены и надежно датированы по сопутствующему материалу. Таким образом, можно констатировать, что каменные штоки как элемент конструкции деревянного якоря использовались с первой половины VI до IV вв. до н.э. При этом основная масса находок относится к VI–V вв. до н.э. Это позволяет отнести шток, найденный на месте крушения у м. Тузла, к тому же периоду, т.е. к VI–V вв. до н.э., тогда как сопутствующая ему керамика говорит о том, что данное кораблекрушение произошло, скорее всего, не ранее середины VI в. до н.э.

Что касается самого груза, т.е. блоков мергеля, то он является основным элементом, указывающим на то, что в этом месте произошло кораблекрушение, т.е. единовременное событие, а не постепенное накапливание на дне моря артефактов в виде штока и фрагментов керамики, поскольку сам Тузлинский риф, как уже говорилось, состоит из мшанкового известняка мэотиса (нижний плиоцен), и блоки мергеля на этом участке являются чужеродным материалом, завезенным человеком. Маловероятно, что удастся установить место происхождения самого мергеля, поскольку данная порода широко встречается в Причерноморье, в частности, точно такой же серый мергель попадает в 2 км к востоку от м. Тузла, а также у м. Панагия в 7 км от места крушения данного судна и т.д.

Таким образом, археологические исследования места античного кораблекрушения у м. Тузла, проведенные в 2011–2020 гг., хотя и не завершились раскопками, а ограничились лишь внешним осмотром и сбором подъемного материала, позволяют сделать определенные выводы об обстоятельствах данного крушения и его датировке. В частности, по набору керамического материала и наличию каменного штока типа I можно датировать это кораблекрушение VI в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Вахонеев, В.В. 2018: *Отчет о выполнении научно-исследовательских археологических полевых работ (археологических разведок) в зоне создания сухогрузного района мор-*

¹⁶ Polzer 2009, 206.

¹⁷ Gianfrotta 1977, 287.

¹⁸ Gianfrotta 1977, 287–291.

¹⁹ Parker 1992, 393.

ского порта Тамань в акватории Темрюкского района Краснодарского края в 2018 г. Открытый лист № 2038 от 19.09.2018 г. СПб.

- Гей, А.Н., Сударев, Н.И. 2011: *Технический отчет о результатах выполнения научно-исследовательских работ по теме: «Спасательные археологические работы (разведки), направленные на уточнение границ и мощности культурного слоя памятников археологии для разработки проектной документации по проекту: «Создание сухогрузного района морского порта Тамань»*. Т. 3. М.
- Монахов, С.Ю. 1999: *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э.* Саратов.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. М.–Саратов.
- Петровский, В.М. 2018: Хронология каменных и свинцовых якорных штоков античного времени. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. История. Международные отношения*. Т. 18. №. 2, 175–181.
- Шамрай, А.Н., Сударев, Н.И. 2013: Рейдовая якорная стоянка Корокондамы (по материалам подводных разведок 2011–2012 гг.). В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспорские чтения*. Вып. XIV. Керчь, 506–513.
- Шамрай, А.Н. 2016: Подводный археологический комплекс античной навигации VI в. до н.э. у мыса Тузла. «Материалы III Международной научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». Симферополь, 252–255.
- Frost, H. 1982: The birth of the stocked anchor and maximum size of early ships: Thoughts prompted by discoveries at Kition Bamboula, Ceprus. *The Mariners Mirror* 68.3, 265–268.
- Gianfrotta, P.A. 1977: First elements for dating of stone anchor stocks. *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration* 6.4, 285–292.
- Haldane, D.D. 1984: *The Wooden Anchor*. Texas.
- Parker, A.J. 1992: *Ancient Shipwrecks of the Mediterranean and the Roman Provinces*. (BAR International Series 580). Oxford.
- Polzer, M.E. 2009: *Hull Remains from the Pabuc Burnu Shipwreck and Early Transition in Archaic Greek Shipbuilding*. Texas.

REFERENCES

- Frost, H. 1982: The birth of the stocked anchor and maximum size of early ships: Thoughts prompted by discoveries at Kition Bamboula, Ceprus. *The Mariners Mirror* 68.3, 265–268.
- Gey, A.N., Sudarev, N.I. 2011: *Tekhnicheskiiy otchet o rezultatakh yypolneniya nauchno-issledovatel'skikh rabot po teme: «Spasatelnye arkheologicheskie raboty (razvedki), napravlenkiye na utochenie granits i moshchnosti kulturnogo sloya pamyatnikov arkheologii dlya razrabotki proektnoy dokumentatsii po proektu: «Sozdanie sukhogruznoy rayona morskogo porta Taman»* [Technical report on the results of research work on the topic: “Rescue archaeological work (exploration) aimed at clarifying the boundaries and capacity of the cultural layer of archaeological monuments for the development of project documentation for the project: “Creation of a dry cargo area of the Taman seaport”]. Vol. 3. Moscow.
- Gianfrotta, P.A. 1977: First elements for dating of stone anchor stocks. *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration* 6.4, 285–292.
- Haldane, D.D. 1984: *The Wooden Anchor*. Texas.
- Monakhov, S.U. 2003: *Gretcheskie amfory v Prichernomorie: Tipologia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keravicheskoy tare: Katalog-opredelitel* [Greek amphorae in the Black Sea Region: Typology of amphorae of the leading centers-exporters of goods in ceramic containers: Catalogue]. Moscow.

- Monakhov, S.U. 1999: *Gretcheskie amfory v Prichernomorie: Kompleksy keramicheskoy tary VII– II vv do n.e.* [Greek amphorae in the Black Sea region. Complexes of ceramic containers of the 7th – 2nd centuries BC]. Saratov.
- Parker, A.J. 1992: *Ancient Shipwrecks of the Mediterranean and the Roman Provinces*. (BAR International Series 580). Oxford.
- Petrovskiy, V.M. 2018: Khronologiya kamennykh i svintcovykh yakhornykh stokov antichogo vremeni [Chronology of stone and lead anchor stocks of ancient times]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seria. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnocheniya* [Saratov University Bulletin. New series. Series. History. International relations] 18.2, 175–181.
- Polzer, M.E. 2009: *Hull Remains from the Pabuc Burnu Shipwreck and Early Transition in Archaic Greek Shipbuilding*. Texas.
- Shamray, A.N. 2016: Podvodnyy arkheologicheskiy kompleks antichnoy navigatsii VI v. do n.e. u mysy Tuzla [Underwater archaeological complex of ancient navigation of the 6th century BC at Cape Tuzla]. *Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferentsii «Voenno-istoricheskie chteniya»* [Materials of the III International Scientific and practical Conference “Military-historical Readings”]. Simferopol, 252–255.
- Shamray, A.N., Sudarev, N.I. 2013: Reydovaya yakornaya stoyanka Korokondamy (po materialam podvodnykh razvedok 2011 – 2012 gg [Raid anchorage of Korokondama (based on the materials of underwater exploration in 2011-2012)]. *Bosporskiye chteniya* [Bosporan Readings] XIV, 506–513.
- Vakhoneev, V.V. 2018: *Otchet o vypolnenii nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh polevykh rabot v zone sozdaniya sukhogruznogo rayona morskogo porta Taman v akvatorii Temruskogo rayona Krasnodarskogo kraya v 2018. Otkrytyy list №2038 ot 09.19.2018.* [Report on the implementation of research archaeological field work (archaeological exploration) in the zone of creation of the dry cargo area of the Taman seaport in the water area of the Temryuk district of the Krasnodar Territory in 2018. Permission for excavation at archaeological sites No. 2038 of 19.09.2018]. Saint-Petersburg.

SIXTH-CENTURY BC SHIPWRECK AT CAPE TUZLA

Vasilii M. Petrovskiy

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia
petrovskiyvm@yandex.ru

Abstract. This article describes the wreck of an ancient merchant ship at Cape Tuzla (Krasnodar Region). This wreck occurred in the 6th century BC. This is the oldest known ancient shipwreck site in the Northern Black Sea region. Archaeological excavations at the wreck site have never been carried out, and all research was reduced to an external examination, measurements and fixing it on the map. The vessel itself was probably a medium (about 15–20 m long) transport ship carrying a load of stone. The ship was thrown onto one of the rocks of the Tuzla reef ridge at the entrance to the Kerch Strait and was severely damaged.

Keywords: underwater archaeology, Kerch Strait, ancient navigation, shipwreck, sea trade routes

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-109–125

«ПИРАМИДАЛЬНЫЙ» ПОЯС КРЕПОСТИ ТАРПАНЧИ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

Е.Е. Антонов

Институт Археологии РАН, Москва, Россия
antonov.yegor@gmail.com

Аннотация. Недавний пересмотр хронологии городища Тарпанчи позволил предположить, что крепость была построена херсонеситами, а не поздними скифами, как было принято считать долгое время. (Что не исключает ее использования «варварами» в более позднее время, как это наблюдается на многих памятниках Северо-Западного Крыма). Крепость возвели в позднеэллинистический период, точнее определить время постройки не удастся, поэтому и с атрибуцией крепости возникают сложности. Для поиска аналогий «первоначальным» оборонительным стенам и башням Тарпанчи данных публикаций и отчетов А.Н. Щеглова (автора раскопок) недостаточно, поэтому настоящая статья посвящена поиску конструкций, подобных «пирамидальному» поясу крепости. Обзор показывает, что аналогии с территории Крымской Скифии, Боспора и Пелопоннеса или единичны, или датируются более поздним временем. Наибольшее число подобных конструкций (от трех до пяти десятков) открыто на хоре Херсонеса. Они близки и по конструктивным особенностям, и по времени строительства – по разным оценкам или предшествуют дате пояса Тарпанчи, или синхронны ему. Это позволяет с большой степенью вероятности предполагать, что «пирамидальный» пояс Тарпанчи, а следовательно, и сама крепость, были сооружены херсонеситами. В статье также дается краткий обзор мнений о функциях таких конструкций. Наиболее вероятным представляется предположение о том, что дополнительные «пирамидальные» пояса имели функцию контрфорсов и тем самым позволяли увеличить высоту башен и стен. Кажется очевидным, что увеличившиеся в результате высота и толщина стен способствовали также и увеличению обороноспособности.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, поздние скифы, Херсонес, греческая фортификация

Поселение Тарпанчи находится на южном побережье Тарханкутского полуострова, у с. Окуневка¹. В 1960, 1962, 1963 и 1966 гг. небольшие раскопки на памятнике проводил А.Н. Щеглов², после этого исследование городища не возобновлялось. Оборонительные сооружения, открытые на Тарпанчи, вошли в

Данные об авторе: Антонов Егор Евгеньевич – младший научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН.

¹ Щеглов 1963b, 67.

² Щеглов 1960, 1; 1963a, 1; 1963b, 67; 1965, 140; 1967, 210, 211.

сводные работы³ как образец позднескифской фортификации⁴. Между тем со времени раскопок А.Н. Щеглова у с. Окуневка исследования различных категорий археологического материала значительно продвинулись вперед. Это позволяет не только пересмотреть датировку городища⁵, но и поставить вопрос о культурной атрибуции его фортификационных сооружений.

Находки, опубликованные и приведенные в отчетах А.Н. Щеглова⁶, не позволяют узко датировать строительство крепости Тарпанчи. Достоверно можно утверждать лишь то, что она возникла в позднеэллинистическое время⁷. Автор настоящей заметки уже писал⁸, что крепость могла быть построена в греческий период существования памятника, а позже ее использовали поздние скифы, дополнив новым «оборонительным» поясом и рвом⁹. В условиях, когда находки не позволяют точно датировать строительные остатки, логично обратиться к поиску архитектурных аналогий. Такая попытка и предпринимается в настоящей статье.

А.Н. Щеглов раскрыл участок северной оборонительной линии Тарпанчи, в том числе части двух башен (угловую и фронтальную) и стену¹⁰. Описание башен и куртины, которые дал А.Н. Щеглов¹¹, довольно подробное, что избавляет от необходимости его повторять. Но в нем не хватает некоторых важных деталей. Судя по опубликованному плану¹² и отчету 1963 года¹³, башни были раскрыты не полностью: за пределами раскопа осталась юго-западная часть угловой башни и северо-восточная часть – фронтальной. Кроме того, юго-западная часть угловой башни частично разобрана в древности и перекрыта более поздними кладками, внешние фасы куртины, угловой башни, а также северной стены фронтальной прикрыты «дополнительным» поясом. Неясен и характер сочленения куртины и башен (это принципиально, поскольку для позднескифской фортификации типичны башни, пристроенные к стене впритык).¹⁴ Все это не позволяет провести полноценный архитектурный анализ и сильно затрудняет поиск аналогий.

Как представляется, единственный яркий признак – это цоколь «фланговой» башни. Он сложен из крупных плит (на углах они самые крупные). Высота цоко-

³ Дашевская 1991, 9–10; Колтухов 1999, 45–47.

⁴ Кажется, единственным, кто указывал на необходимость пересмотра хронологии и атрибуции крепости Тарпанчи, был В.Б. Уженцев (2006, 53, прим. 6).

⁵ Антонов 2018.

⁶ Отчета о раскопках на Тарпанчи в 1966 г. нет в архиве музея заповедника «Херсонес Таврический», где А.Н. Щеглов работал в то время (Золотарев 2004, 3; Виноградов, Марченко, Монахов 2010, 237). Нет этого отчета и в архивах ИА РАН, ИА НАНУ, ИА Крыма и Евпаторийского музея. (Пользуясь случаем, благодарю сотрудников этих архивов за помощь).

⁷ Антонов 2018, 55, 56–58.

⁸ Антонов 2017, 105.

⁹ Такое предположение хорошо вписывается в общую ситуацию в Северо-Западном Крыму: использование более ранних греческих укреплений и помещений – характерная черта начального этапа большинства позднескифских памятников региона (Антонов 2017, 114).

¹⁰ Ров Тарпанчи ниже не рассматривается: во-первых, он явно более поздний, во-вторых, рвы – характерная черта позднескифской фортификации (Колтухов 1999, 58–59), поэтому с их атрибуцией, как представляется, никаких сложностей нет (см., однако, другое мнение: Ланцов 2010, 151; 2012, 89).

¹¹ Щеглов 1963а, 53–54; 1978, 69–70.

¹² Щеглов 1978, 68, рис. 34.

¹³ Щеглов 1963а, 53.

¹⁴ Колтухов 1999, 63.

ля – 0,95–1 м, он открыт на полную высоту. Его лицевая поверхность, обращенная к напольной стороне, «пирамидальна» – сужается кверху ступенями¹⁵. Угол наклона не указан, для его расчета приведенных размеров¹⁶ недостаточно, но они довольно точно совпадают с чертежом-реконструкцией башни¹⁷. Это позволяет определить угол по чертежу. Он составляет около 70°¹⁸. «Пирамидальное» устройство цоколя нехарактерно для позднескифских башен¹⁹, но встречается у греческих, эллинистического времени²⁰.

Судя по замечанию автора раскопок²¹, он частично разобрал только «дополнительный» пояс «фланговой» башни, так что неясно, каким был первоначальный цоколь угловой башни.

Примечательно и то, что внешний панцирь куртины имеет «легкий наклон внутрь» (а внутренний панцирь «практически вертикален»)²². Угол наклона не указан, но его можно рассчитать. Ширина стены в основании составляет 2,8 м, по верху – 1,55 м, в высоту она сохранилась до 1,8 м²³. Если условно принять, что внутренний панцирь вертикален, то угол наклона внешнего составит 55°. Но на чертеже угол больше – около 80°. Не совпадают также высота и ширина стены в верхней части (в нижней части – совпадает). Если несоответствие высоты можно «оправдать» местом разреза (допустим, что разрезная линия проходила по участку, сохранившемуся на меньшую высоту), то «несовпадающую» ширину верхней части можно объяснить только ошибкой. Вероятно, она составляла не 1,55 м, как указывал А.Н. Щеглов, а 2,55 м – такая цифра почти точно совпадает с шириной на чертеже. Верность чертежа и угла наклона, измеренного по нему (80°), подтверждается замечанием А.Н. Щеглова о «легком наклоне».

Несколько больше простора для поиска аналогий дает «оборонительный» пояс, пристроенный к башням и куртине. Он на всех участках «пирамидальный» – каждый ряд отступает от подстилающего на 10–20 см. Камни намного крупнее, чем в «первоначальных» стенах, ряды кладки хорошо выдержаны. Встречаются камни во вторичном использовании. Использовался глиняный раствор. Фундамента у пояса нет.

Угловую башню пояс охватывает минимум с двух (открытых) сторон. В плане он не прямоугольный. К восточной стене он пристроен почти параллельно, к северной примыкают два участка, образующие тупой угол, направленный вершиной в напольную сторону. Толщина пояса не одинаковая: у восточной стены – 1,1 м, у «северного» участка – 1,9–2 м, у «северо-западного» – до 2,35 м. Максимальная сохранившаяся высота пояса у угловой башни – 1,75 м (8 рядов). Угол наклона внешнего фаса везде разный. Вдоль восточной стены – 74°, северо-западный угол

¹⁵ Щеглов 1978, 69–70. С.Г. Колтухов в своей монографии этот наклон не учел (Колтухов 1999, 46, 171, рис. 55, 3).

¹⁶ А.Н. Щеглов приводит только высоту цоколя (0,95–1 м), выявленную высоту стены (2,3 м) и ширину ее верха (0,9 м) (Щеглов 1963а, 53–54; 1978, 69–70).

¹⁷ Щеглов 1978, 70, рис. 36.

¹⁸ Здесь и далее углы наклона даются по отношению к горизонтальной плоскости.

¹⁹ Щеглов 1978, 70; Колтухов 1999, 64.

²⁰ Winter 1971, 171.

²¹ Щеглов 1978, 69.

²² Щеглов 1978, 69.

²³ Щеглов 1978, 69.

«почти совсем не имеет наклона», у «северного» участка наклон составляет от 65 до 75°²⁴.

Фронтальную башню дополнительный пояс охватывает только с северной стороны и у северо-западного угла. Вдоль значительной части западной стены пояс отсутствует (протяженность пояса вдоль этой стены – около 1 м). Максимальная сохранившаяся высота пояса у этой башни – 2 м. Ширина кладки у цоколя – 1,2 м, ширина от вертикальной плоскости – 1,55 м. Угол наклона составляет порядка 60°²⁵. Интересно, что на камнях нижних двух-трех рядов пояса сохранились следы глиняной обмазки²⁶. Кроме того, линза глины (вероятно, от обмазки) была обнаружена у подошвы пояса²⁷.

Пояс у куртины в основании был шириной до 1,75 м и сохранился в высоту до 1,6 м. Длина его – около 2,95 м. Угол наклона составляет 54–55°. Однако наклон непостоянен, линия внешнего панциря в разрезе выгнута наружу²⁸. На западе пояс куртины сочленяется с поясом угловой башни в переплет, к западному фасу «первоначальной» стены башни он пристроен встык²⁹.

В описании «пирамидального» пояса стоит обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, наклон его внешнего панциря может быть частично объяснен первоначальным наклоном куртины и цоколя «фланговой» башни. Во-вторых, неясно, почему пояс прикрывает западную стену «фланговой» башни только частично. А.Н. Щеглов считает, что так и задумали строители: по его мнению, пояс вдоль восточной стены угловой башни настолько сократил пространство между ними³⁰, что в нем невозможно было использовать таран, а значит, и «противотаранный» пояс вдоль западной стены «фланговой» башни был не нужен³¹. Но, может быть, в этом месте пояс просто был разобран? Полностью исключить такое предположение на имеющемся материале невозможно.

В-третьих, и это, пожалуй, самое важное: подошва «дополнительных» поясов находится на том же уровне, что и подошва первоначальной куртины и башен. Автор раскопок изначально допускал мысль о том, что «первоначальные» стены крепости и «дополнительный» пояс были синхронными³². Но потом изменил свою точку зрения: он считал, что между строительством крепости и ее усилением поясом прошло некоторое, хоть и непродолжительное время³³. Он объединил пояс и ров во второй строительный период. А.Н. Щеглов аргументировал выделение нового периода тем, что стена построена после того, как было сожжено предполагаемое зернохранилище у внешних фасов первоначальных стен, а ров это зернохранилище прорезал³⁴. Однако стратиграфических разрезов, которые подтвердили бы, что пояс перекрыл «зернохранилище», нет. Исследователь даже и не говорит

²⁴ Щеглов 1963а, 55–56; 1978, 70–71.

²⁵ Щеглов 1963а, 57; 1978, 71.

²⁶ Щеглов 1960, 11.

²⁷ Щеглов 1978, 70.

²⁸ Щеглов 1978, 70.

²⁹ Щеглов 1963а, 56.

³⁰ До 1,7 м (Щеглов 1963а, 55).

³¹ Щеглов 1978, 70–71.

³² Щеглов 1963а, 57.

³³ Щеглов 1978, 71.

³⁴ Щеглов 1978, 71.

прямо об этом, хотя, видимо, подразумевает³⁵. Но даже если пояс и перекрыл «зернохранилище», а ров прорезал его, это говорит только о том, что оба фортификационных сооружения позже «зернохранилища», но они совсем не обязательно синхронны. Таким образом, нет доказательств того, что «первоначальные» башни и куртина, с одной стороны, и пояс – с другой, не синхронны, напротив, одинаковый уровень залегания их подошв позволяет предполагать одновременность строительства. Кроме того, нет никаких оснований считать, что пояс и ров были сооружены в одно время. Вероятнее другое – ров более поздний, позднескифский.

С атрибуцией «дополнительного» пояса все не так просто. А.Н. Щеглов подчеркивал его «варварский характер»³⁶ и сравнивал, в частности, с дополнительным поясом Казацкого городища³⁷. Последний, действительно, наклонный, но угол наклона едва заметный – составляет около 85°³⁸, о его «пирамидальности» ничего не говорится³⁹, то есть аналогия с Тарпанчи едва ли оправдана.

В позднескифской фортификации известны только два «противотаранных пояса», с круто наклоненными внешними панцирями. Это «пояса» неапольского мавзолея и цитадели Калос Лимена. Угол наклона неапольского «противотаранного пояса» в публикациях и отчетах не приводится⁴⁰. На Калос Лимене этот показатель не превышал 50–60°⁴¹. При этом только неапольский пояс датируется позднеэллинистическим временем – концом II в. до н.э.⁴² Аналогичная конструкция из Прекрасной Гавани отнесена автором раскопок к последнему античному строительному ярусу – второй трети I – начала II в. н.э.⁴³ То есть при атрибуции дополнительного пояса Тарпанчи неапольскую аналогию можно привлекать только предположительно, а «черноморскую» – неправомерно, как значительно более позднюю.

Другая аналогия, предложенная А.Н. Щегловым, – дополнительный пояс Батарейки II⁴⁴. Он действительно имеет определенное сходство – угол наклона лицевой поверхности составляет около 75°. Но имеет ряд отличий: заведомо позже «первоначальной» стены, заглублен, а кроме того, сложен из сырцового кирпича. Не совпадает и датировка: предполагаемая дата пояса Батарейки II – середина I в. н.э.⁴⁵ Предлагались и другие аналогии с Боспора: Тиритака и Китей⁴⁶, Ново-Отрадное⁴⁷. Но только пояс в Тиритаке датируется более ранним временем, чем аналогичная конструкция на Тарпанчи. Внешние панцири дополнительных кладок и в Тиритаке, и в Китее вертикальны⁴⁸. Конструкция же ново-отраденского

³⁵ Этот вывод напрашивается из контекста (Щеглов 1978, 71), он был (ошибочно?) принят и озвучен ранее в том числе автором настоящей статьи (Антонов 2017, 104).

³⁶ Щеглов 1978, 70. С этим соглашалась Т.Н. Высотская (1983, 9).

³⁷ Щеглов 1978, 74.

³⁸ Измерения автора настоящей статьи по чертежу В.И. Гошкевича (1913, табл. V).

³⁹ Гошкевич 1913, 129–130.

⁴⁰ Шульц 1949, 195; Карасев 1950, 181; 1953, 17; Колтухов 1999, 62.

⁴¹ Уженцев 2006, 58.

⁴² Колтухов 1990, 187; Зайцев 2003, 25–26.

⁴³ Уженцев 2006, 58.

⁴⁴ Щеглов 1978, 74–75.

⁴⁵ Сокольский 1967, 111, 115.

⁴⁶ Иванов 2003, 108, 109.

⁴⁷ Колтухов 1999, 62.

⁴⁸ Иванов 2003, 108, 109, 121, прим. 90, 95.

пояса⁴⁹, как представляется, не вполне однозначна. Таким образом, боспорские параллели не проясняют атрибуцию «дополнительных» укреплений Тарпанчи.

Гораздо перспективнее выглядят аналогии с территории Херсонесского государства. А.Н. Щеглов и сам обратил внимание на сходство конструкции поясов на Тарпанчи, Беляусе и усадьбах на ближней хоре⁵⁰. Обычно исследователи упоминают несколько усадеб с «противотаранными» поясами⁵¹, а общее их количество не указывают или ограничиваются словом «много». Между тем каталог Г.М. Николаенко⁵² позволяет определить это число – их от 26 до 44⁵³. Известны такие пояса и на дальней хоре: уже упоминавшийся на Беляусе⁵⁴, на Кульчуге⁵⁵, на Чайке⁵⁶, в одном из греческих ярусов Калос Лимена⁵⁷. Конструкции «херсонесских» «пирамидальных» поясов отличаются незначительными деталями, но почти все исследователи подчеркивают, что они сложены не так аккуратно, как «первоначальные» стены, из крупных, грубо обработанных камней. Очевидно, что по этим признакам «дополнительный» пояс Тарпанчи близок к херсонесским. В пользу таких аналогий говорит и их количество – от трех до пяти десятков.

Относительно датировки «херсонесских» «пирамидальных» поясов общепринятой точки зрения нет. Диапазон мнений колеблется от второй трети III в. до н.э. до конца II в. до н.э.⁵⁸ Претендовать на решение проблемы в этой статье было бы неуместно, но хотелось бы обратить внимание на некоторые обстоятельства. Как представляется, пытаться пересмотреть хронологию всех «противотаранных» поясов на основании только немногих из них непродуктивно. Для этого нужно провести ревизию датировок всех памятников, а это задача требует отдельной, долгой работы. Кроме того, нельзя считать доказанным, что возведение поясов было на всех памятниках синхронным. Такое можно предполагать только тогда, когда есть уверенность в том, что «пирамидальные» конструкции сооружались по какому-то единому, масштабному плану. В противном случае, если учесть, насколько широко распространен этот прием, нужно допустить, что он применялся на разных поселениях в разное время, на протяжении некоторого, возможно, длительного времени (вторая треть III – конец II в. до н.э.?). Этим и может объясняться разница во мнениях о датировках. Для темы же настоящей статьи важно то, что все «херсонесские» пояса датируются позднеэллинистическим временем, по любой из существующих версий, они или предшествуют, или синхронны конструкциям

⁴⁹ Кругликова 1975, 121–123.

⁵⁰ Щеглов 1978, 70, 73, рис. 37.

⁵¹ Суров 1942, 122; Блаватский 1953, 121, 122; Стржелецкий 1961, 22, 88, 89, 247; Наман 1979, 11; Кругликова 1981, 15; 1986, 173; Золотарев, Туровский 1990, 84; Туровский 1992, 150; Saprykin 1994, 42; 1997, 207; Ковалевская 1997, 48.

⁵² Николаенко 2001.

⁵³ Подсчеты автора настоящей статьи. Точнее определить невозможно, так Г.М. Николаенко не всегда достаточно четко указывает конструкцию пояса. Насчитывается 26 «пирамидальных» поясов, 12 «противотаранных» (без упоминания «пирамидальности»), 2 «противоударных» (без упоминания «пирамидальности»), а также 4 «пирамидальных» башни, конструкция которых неясна: приобрели ли они такую форму после пристройки пояса или были такими изначально.

⁵⁴ Дашевская 1966, 8; 1969, 89–90; Щеглов 1978, 64–65; Дашевская, Голенцов 2004, 32.

⁵⁵ Голенцов 1994, 82; 1995, 51; Ланцов 2010, 144; 2012, 75.

⁵⁶ Яценко, Турина 1991, 111; Попова 2007, 32.

⁵⁷ Кутайсов, Уженцев 1997, 52; Уженцев 2006, 47.

⁵⁸ Библиографию см.: Иванов 2003, 106, 108; Кутайсов 2003, 79–80. Наиболее поздние даты – см.: Туровский 1992, 150; Ланцов 2012, 75, 89.

на Тарпанчи. Если же учесть очень похожую технику строительства и единичность близких по времени аналогий из других регионов, то придется признать, что пояс Тарпанчи был построен херсонеситами или, что менее вероятно, под их руководством. Следовательно, и сама крепость, укрепленная поясом, должна быть херсонесской, а не позднескифской, как считалось ранее.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о функции «пирамидальных» поясов. Большинство исследователей считали их противотаранными⁵⁹. Долгое время только И.Т. Кругликова была единственным археологом, которая, не отрицая, впрочем, «противотаранной» функции, предлагала и еще одну: пояса позволяли увеличить высоту башен⁶⁰.

Критике «противотаранной» версии посвятил свою статью В.М. Иванов⁶¹. С большинством его аргументов можно согласиться, но некоторые вызывают вопросы. Так, исследователь не делает различий между поясами «пирамидальной» формы и с вертикальной лицевой поверхностью, никак не объясняя различие этих конструкций⁶². Список приведенных аналогий не полон: исследователь не уделяет внимания позднескифским «поясам», хотя «непирамидальные» пояса – это яркая черта фортификации Крымской Скифии⁶³. Картографируя дополнительные пояса башен на ближней хоре Херсонеса, он учитывает меньше половины подобных конструкций⁶⁴, поэтому выводы, сделанные на основе этой схемы, не могут считаться достаточно обоснованными. Кроме того, исследователь повторяет тот же прием, что и критикуемые им авторы: не доказав синхронность конструкций, основываясь на предполагаемой датировке небольшой группы памятников, он пытается датировать и все остальные тем же, относительно узким временным отрезком⁶⁵.

Сам В.М. Иванов считал, что пояса имели противосейсмическое назначение⁶⁶. Это предположение вполне справедливо критиковали коллеги: в Северо-Западном Крыму нет никаких других следов сейсмической активности первой трети III в. до н.э.⁶⁷ Е.А. Попова также упрекнула своего ученика в географическом детерминизме⁶⁸. К этой критике можно прибавить лишь один штрих: на Боспоре, где некоторые исследователи склонны обнаруживать признаки землетрясения III в. до н.э.⁶⁹, как уже отмечалось, нет «пирамидальных» поясов того же времени.

В.М. Зубарь и А.В. Буйских поддержали одно из предположений И.Т. Кругликовой: «пирамидальные» пояса, по их мнению, выступали в роли контрфорсов и нужны были, чтобы увеличить высоту башен⁷⁰. А.В. Буйских при этом отрицает оборонительную функцию поясов. В качестве аналогии она приводит башни на

⁵⁹ Библиографию см.: Зубарь 2005, 224; Буйских 2008, 145.

⁶⁰ Кругликова 1986, 173.

⁶¹ Иванов 2003.

⁶² Иванов 2003, 102.

⁶³ Колтухов 1999, 62.

⁶⁴ Иванов 2003, 109, рис. 5. По минимальной оценке, по максимальной – меньше четверти (см. подсчеты выше).

⁶⁵ Иванов 2003, 104, 106, 108.

⁶⁶ Иванов 2003, 108–111.

⁶⁷ Зубарь 2005, 225; Буйских 2008, 146.

⁶⁸ Попова 2007, 32.

⁶⁹ Библиографию, см.: Корженков и др. 2019, 394–396.

⁷⁰ Зубарь 2005, 225; Буйских 2008, 146. Эту же версию, но лишь как одну из возможных, поддержал С.Ю. Сапрыкин (Saprykin 1994, 42).

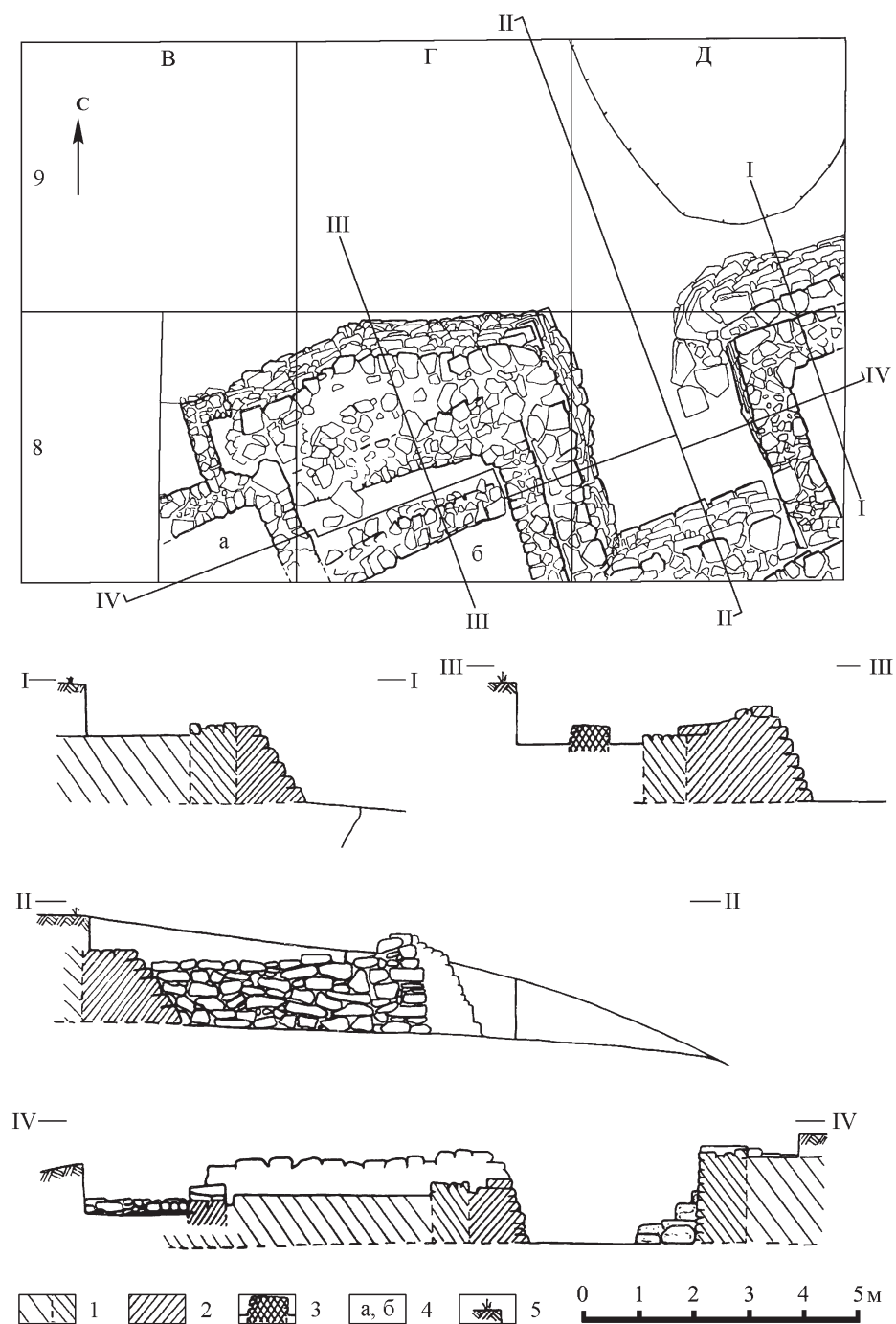

Рис. 1. Северо-западный раскоп на городище Тарпанчи (по: Щеглов 1963с рис. 90). 1 – «первый» строительный период; 2 – «второй» строительный период; 3, 4 – строительные остатки римского времени; 5 – современная дневная поверхность

NB: Чертеж из отчета о работах 1962–1963 г., результаты раскопок 1966 г. на нем не отражены (см. прим. 6), в том числе, не обозначен наклон первоначального цоколя «фронтальной» башни. Не исключены и некоторые искажения, которые не поддаются исправлению: в отчёте дан не сам чертёж, а его фотокопия, вероятно, уменьшенная по сравнению с оригиналом.

Fig. 1. Northwestern excavation site at the Tarpanchi settlement (after Shcheglov 1963, fig. 90). 1 – “First” construction period; 2 – “Second” construction period; 3, 4 – building remains of the Roman period; 5 – modern day surface.

NB: The drawing from the 1962–1963 work report, the results of the excavations in 1966 are not reflected on it (see note 6), including the slope of the original base of the “front” tower is not indicated. The drawing is a copy of the photograph of the drawing, pasted into the album to the report, so some distortions are inevitable

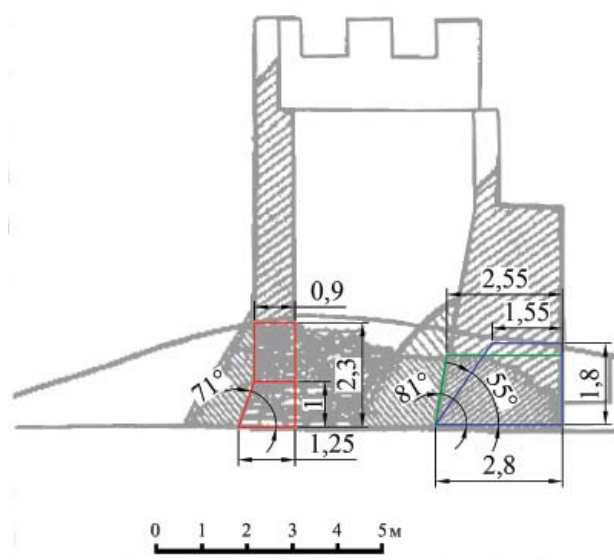

Рис. 2. Размеры «фронтальной» башни и крепостной стены (по: Щеглов 1978, 70, рис. 36; с измерениями автора настоящей статьи). Красной линией обозначен разрез северной стены «фронтальной» башни: размеры на чертеже и в описании (Щеглов 1978, 69, 70) совпадают. Синей линией обозначены размеры крепостной стены по описанию (Щеглов 1978, 69, 70). Зеленая линия – реконструируемые размеры, по чертежу (Щеглов 1978, 70, рис. 36)

Fig. 2. Dimensions of the “frontal” tower and the fortress wall (after: Shcheglov 1978, 70, fig. 36; with measurements by the author of this article). The red line marks the section of the northern wall of the «frontal» tower: the dimensions in the drawing and in the description (Shcheglov 1978, 69–70) coincide. The blue line marks the dimensions of the fortress wall according to the description (Shcheglov 1978, 69, 70). Green line marks reconstructed dimensions, according to the drawing (Shcheglov 1978, 70, fig. 36)

Пелопоннесе, особо подчеркивая мнения об их сельскохозяйственной принадлежности⁷¹. Между тем последний довод – очевидный логический порочный круг: одним из аргументов «сельской» принадлежности пелопоннесских «пирамид» является как раз их схожесть с башнями на хоре Херсонеса⁷². Аналогии «из Греции», как представляется, не совсем уместны и по другим причинам. Они действительно внешне напоминают «пирамидальные» башни хоры Херсонеса и, кроме того, датируются IV в. до н.э., скорее всего, второй половиной этого столетия⁷³, но при этом имеют ряд существенных отличий. Так, отличается конструкция: судя по планам и разрезам⁷⁴, пелопоннесские башни были «пирамидальными» изначально, их стены выглядят единым целым, и нет никаких оснований считать, что специфическую форму им придавали с помощью пристройки дополнительных поясов. Кроме того, и сам тип кладок другой – они полигональные⁷⁵. Раскопками были исследованы только сами башни, поэтому были ли они частью более крупных строительных комплексов – неясно, хотя это и предполагается по распространению подъемного материала⁷⁶ и кладкам, открытым в разведочных шурфах⁷⁷. Примечательно и то, что «сельскохозяйственная» версия не единственная. Л.Е. Лорд, проводивший раскопки в пелопоннесских «пирамидах», считал их сторожевыми башнями, отказываясь, впрочем, объяснить их специфическую форму⁷⁸. М.Х. Мунн в числе прочего предполагал, что к наклонным панцирям было легче приставлять лестницы, чтобы попадать на второй этаж⁷⁹. Но, кажется, «контрфорсирующую» функцию «пирамид» Пелопоннеса можно считать в настоящее время общепринятой⁸⁰.

Однако пелопоннесские аналогии вряд ли полностью оправданы – помимо наблюдений, описанных выше, против такого сопоставления свидетельствует и их малое количество – в Греции известно всего три «пирамиды»⁸¹, тогда, как на хоре Херсонеса «пирамидальных» конструкций от трех до пяти десятков. То есть говорить о происхождении «херсонесских» «пирамидальных» поясов из Пелопоннеса⁸² вряд ли уместно. Тем не менее предположение о том, что «крымские» дополнительные пояса служили контрфорсами, позволяющими увеличить высоту башен и стен, выглядит наиболее взвешенным. При этом кажется очевидным, что увеличение высоты и толщины укреплений, которое происходило после пристройки «пирамидальных» конструкций, увеличивало и обороноспособность ба-

⁷¹ Буйских 2008, 146. Ср.: А.Н. Щеглов считал, что «херсонесские» пирамидальные пояса «ничего общего не имеют» с «пирамидами» Арголиты (Щеглов 1978, 72).

⁷² Fracchia 1985, 688–689.

⁷³ Lord 1938, 526; 1939, 83. Сравнительно недавно была сделана попытка существенно «удревнить» эти постройки с помощью термолюминесцентного (!) метода (Theocaris и др. 1996, 607, 617). Но эта попытка была справедливо подвергнута критике, которая полностью лишает оснований «новую» дату (Lefkowitz 2006, 196–197).

⁷⁴ Lord 1938, рис. 32, 39; 1939, рис. VIIIB; 1941, рис. 3; Fracchia 1985, 683–685.

⁷⁵ Lord 1938, 83; 1939, 83.

⁷⁶ Fracchia 1985, 689.

⁷⁷ Theocaris et al. 1996, 606–611.

⁷⁸ Lord 1938, 527. С.Ю. Сапрыкин, ссылаясь на это предположение, предлагал аналогичную функцию и у башен херсонесской хоры (Сапрыкин 1994, 42).

⁷⁹ Munn 1983, 333.

⁸⁰ Young 1956, 142, прим. 53; Munn 1983, 329–335; Fracchia 1985, 689; Lefkowitz 2006, 193.

⁸¹ Lefkowitz 2006, 186–194.

⁸² Буйских 2008, 146.

шен и стен, независимо от того, использовал ли потенциальный противник таран или нет⁸³.

Подведем итог. «Пирамидальный» пояс крепости Тарпанчи имеет наибольшее сходство с аналогичными конструкциями на ближней и дальней хорах Херсонеса. Такая аналогия основывается не только на одинаковом устройстве поясов, но и на количественном преобладании «херсонесских» аналогий, и на их датировке – более ранней, чем любые другие. Все это позволяет с высокой степенью вероятности предполагать, что «пирамидальный» пояс Тарпанчи был сооружен в «херсонесский» период существования крепости, а следовательно, и сама она – образец греческой, а не позднескифской фортификации, хотя и приспособленной варварами под свои нужды во второй половине II или первой половине I в. до н.э. Подтвердить или опровергнуть этот вывод смогут только новые раскопки на Тарпанчи.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов, Е.Е. 2017: Ранние поселения поздних скифов в Северо-Западном Крыму. *ПИФК* 3, 99–123.
- Антонов, Е.Е. 2018: О хронологии позднескифского поселения Тарпанчи в Северо-Западном Крыму. *КСИА* 253, 54–65.
- Блаватский, В.Д. 1953: *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*. М.
- Буйских, А.В. 2008: Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. (МАИЭТ. Suppl. 5).
- Виноградов, Ю.Г., Марченко, К.К., Монахов, С.Ю. 2010: Памяти Александра Николаевича Щеглова. *ВДИ* 3, 237.
- Высотская, Т.Н. 1983: Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму. В сб.: Т.Н. Высотская (отв. ред.), *Население и культура Крыма в первые века н.э.* К., 5–28.
- Голенцов, А.С. 1994: Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993. В сб.: В.А. Кутайсов (отв. ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1993 год*. Симферополь, 80–84.
- Голенцов, А.С. 1995: Фортификация городища Кульчук. Археологические изыскания. В сб.: В.М. Массон. *Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК)* 20, 50–52.
- Гошкевич, В.И. 1913: Древние городища по берегам низового Днепра. *ИИАК* 47, 117–145.
- Дашевская, О.Д. 1966: Античная башня Беляус в Северо-Западном Крыму. *Пленум Института археологии 1966 г. Секция «Античная археология»*. М., 7–8.
- Дашевская, О.Д. 1969: Античная башня на городище Беляус. *КСИА* 116, 85–92.
- Дашевская, О.Д. 1991: *Поздние скифы в Крыму*. (САИ. Д 1–7). М.
- Дашевская, О.Д., Голенцов, А.С. 2004: К 40-летию раскопок городища Беляус. В сб.: Т.Е. Приднева (ред.), *Археология Северо-Западного Крыма*. Симферополь, 26–41.
- Зайцев, Ю.П. 2003: *Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.)*. Симферополь.
- Золотарев, М.И. (отв. ред.) 2004: Александру Николаевичу Щеглову семьдесят лет. *ХС* XIII, 3–4.
- Золотарев, М.И., Туровский, Е.Я. 1990: К истории сельских усадеб на Гераклеяском полуострове. В сб.: Ю.Г. Виноградов (отв. ред.), *Древнее Причерноморье (материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П.О. Карышковского)*. Одесса, 71–89.

⁸³ Свидетельств того, что поздние скифы использовали таран в позднеэллинистическое время, нет (Кутайсов 2004, 124–125; Зубарь 2005, 224).

- Зубарь, В.М. 2005: Херсонес и Северо-Западная Таврика во второй трети III – первой половине II в. до н.э. В кн.: В.М. Зубарь, А.В. Буйских, Э.А. Кравченко, М.В. Русяева. *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры*. К., 209–242.
- Иванов, В.М. 2003: О назначении дополнительных поясов сооружений Херсонесской хоры. *ПИФК* 13, 100–122.
- Карасев, А.Н. 1950: Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г. *ВДИ* 4, 179–187.
- Ковалевская, Л.А. 1997: Усадьба IV–II в. до н.э. на земельном наделе 341. *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект*. Севастополь, 47–48.
- Колтухов, С.Г. 1990: Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского. *СА* 2, 176–188.
- Колтухов, С.Г. 1999: *Укрепления Крымской Скифии: Материалы по археологии Крыма*. Симферополь.
- Корженков, А.М., Масленников, А.А., Овсяченко, А.Н., Ларьков, А.С., Супренков, А.А. 2019: Сейсмические деформации в урочище Сююрташ в Крымском Приазовье. *ДБ* 24, 370–397.
- Кругликова, И.Т. 1975: *Сельское хозяйство Боспора*. М.
- Кругликова, И.Т. 1981: Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове. *КСИА* 168, 9–16.
- Кругликова, И.Т. 1986: Башни на сельскохозяйственных усадьбах Гераклейского полуострова. В сб.: Г.А. Кошеленко (отв. ред.). *Проблемы античной культуры*. М., 168–175.
- Кутайсов, В.А. 2003: Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н.э. *ВДИ* 2, 60–90.
- Кутайсов, В.А. 2004: *Керкинитида в античную эпоху*. К.
- Кутайсов, В.А., Уженцев, В.Б. 1997: Калос Лимен (раскопки 1988–1996 гг.). *Археология Крыма* I, 43–57.
- Ланцов, С.Б. 2010: Результаты исследования Кульчукского городища (IV в. до н.э. – I в. н.э.) на хоре Херсонеса Таврического. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.), *СИМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. М.–К., 142–151.
- Ланцов, С.Б. 2012: Кульчукское городище. Краткий обзор исследований Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ. В сб.: З.И. Пысач (сост.), *Калос-Лимен: музей и заповедник*. Симферополь, 73–89.
- Наман, Д.Д. 1979: *Типология греческих сельских усадеб классического и эллинистического времени (V–II веков до н.э.)*. автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Л.
- Николаенко, Г.М. 2001: *Хора херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э.* Ч. II. Севастополь.
- Попова, Е.А. 2007: Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III–II в. до н.э. В сб.: В.Л. Янин, Ю.Л. Шапова (ред.), *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму*. М., 4–130.
- Сокольский, Н.И. 1967: Крепость на поселении Батарейка II. *КСИА* 109, 108–115.
- Стржелецкий, С.Ф. 1961: Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. *ХС* VI, 248.
- Суров, Е.Г. 1942: К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. *Ученые записки МГПИ* 28 1, 93–128.
- Туровський, Є.Я. 1992: Хронологія і будівельна історія садиби наділу 26 на Гераклейському півострові. *Археологія* 3, 147–151.
- Уженцев, В.Б. 2006: *Эллины и варвары Прекрасной Гавани: (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.)*. Симферополь.
- Шульц, П.Н. 1949: *Отчет о работах Тавро-Скифской экспедиции за пять лет (1945–1949 гг.)*. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №298.
- Шульц, П.Н. 1953: *Мавзолей Неаполя Скифского*. М.

- Щеглов, А.Н. 1960: *Отчет о раскопках городища Тарпанчи в 1960 г.* Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. №839/1.
- Щеглов, А.Н. 1963а: *Отчет о работах Тарханкутской экспедиции в 1962–1963 гг.* Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. №840/1.
- Щеглов, А.Н. 1963б: Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. *СХМ* III, 67–75.
- Щеглов А.Н., 1963в: *Альбом иллюстраций к отчету Тарханкутской экспедиции. 1962 год.* Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. №1. №840/4.
- Щеглов, А.Н. 1965: Тарханкутская экспедиция в 1962–1963 гг. *КСИА* 103, 140–147.
- Щеглов, А.Н. 1967: Раскопки в Северо-Западном Крыму. *АО* 1966, 210–212.
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-Западный Крым в античную эпоху.* Л.
- Яценко, И.В., Турина, Т.Н. 1991: Здание III в. до н.э. на городище Чайка в Евпатории (вариант реконструкции). В сб.: Ю.Л. Щапова, И.В. Яценко (отв. ред.), *Памятники железного века в окрестностях Евпатории.* М., 82–154.
- Fracchia, H.M. 1985: The Peloponnesian Pyramids Reconsidered. *American Journal of Archaeology* 89 4, 683–689.
- Lefkowitz, M. 2006: Archaeology and the politics of origins. In: *Archaeology Fantasies How Pseudoarchaeology Misrepresents Past Misleads Public.* Routledge, 180–202.
- Lord, L.E. 1938: The «Pyramids» of Argolis. *Hesperia* 7. 4, 481–527.
- Lord, L.E. 1939: Watchtowers and Fortresses in Argolis. *American Journal of Archaeology* 43.1, 78–84.
- Lord, L.E., Frantz, M.A., Roebuck, C. 1941: Blockhouses in the Argolid. *Hesperia* 10.2, 93–112.
- Munn, M.H. 1983: *Studies on the territorial defences of fourth-century Athens:* PhD dissertation in the graduate group in ancient history. University of Pennsylvania.
- Saprykin, S.J. 1994: *Ancient farms and land-plots on the Khora of Khersonesos Taurike: research in the Herakleian Peninsula, 1974-1990.* Amsterdam.
- Saprykin, S.J. 1997: *Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman domination: (VI-I centuries B.C.).* Amsterdam.
- Theocaris, P.S., Liritzis, I., Lagios, E., Sampson, A. 1996. Geophysical prospection, archaeological excavation, and dating in two Hellenic pyramids. *Surveys in Geophysics* 17. 5, 593–618.
- Winter, F.E. 1971. *Greek fortifications.* London.
- Young, J.H. 1956. Studies in South Attica: Country Estates at Sounion. *Hesperia* 25. 2, 122–146.

REFERENCES

- Antonov, E.E. 2017: Rannie poseleniya pozdних skifov v Severo-Zapadnom Krymu [The early Late Scythian settlements in the Northwestern Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 99–123.
- Antonov, E.E. 2018: O khronologii pozdneskifskogo poseleniya Tarpanchi v Severo-Zapadnom Krymu [Chronology of the Late Scythian Tarpanchi Settlement in the Northwest Crimea]. *Kratkie soobshheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 253, 54–65.
- Blavatskiy, V.D. 1953: *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya* [Agriculture in ancient states of the North Black Sea region]. Moscow.
- Buiskikh, A.V. 2008: Prostranstvennoe razvitiye Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu [Spatial planning development of Chersonesos of Taurica in ancient epoch]. (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Suppl. 5).
- Dashevskaya, O.D. 1966: Antichnaya bashnya Belyaus v Severo-Zapadnom Krymu [Ancient Beliaus tower in the Northwest Crimea]. In: *Plenum Instituta arkheologii 1966 g. Sektsiya «Antichnaya arheologiya»* [Plenum of the Institute of Archeology, 1966. Ancient Archaeology Section]. Moscow, 7–8.

- Dashevskaya, O.D. 1969: Antichnaya bashnya na gorodishhe Belyaus [Ancient Tower at Beliaus settlement]. *Kratkie soobshheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 116, 85–92.
- Dashevskaya, O.D. 1991: *Pozdnie skify v Krymu* [Late Scythians in the Crimea]. (Svod arheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources]. D 1–7). Moscow.
- Dashevskaya, O.D., Golentsov, A.S. 2004: K 40-letiyu raskopok gorodishha Belyaus. [To the 40th anniversary of the excavation at the Belyaus city-site] In: T.E. Pridneva (ed.), *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma* [The archaeology of the Northwestern Crimea]. Simferopol, 26–41.
- Fracchia, H.M. 1985: The Peloponnesian Pyramids Reconsidered. *American Journal of Archaeology* 89 4, 683–689.
- Golentsov, A.S. 1994: Okhrannye raskopki antichnogo Kul'chuk'skogo gorodishha i mogil'nika v 1989–1993 [Rescue excavations at the antique Kul'chuk city-site and Archaeology in 1989–1993]. In: V.A. Kutajsov (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993 god.* [Archaeological research in the Crimea. 1993]. Simferopol, 80–84.
- Golentsov, A.S. 1995: Fortifikatsiya gorodishha Kul'chuk [Fortification of the Kulchuk settlement]. *Arkheologicheskie izyskaniya* [Archaeological researches]. *Fortifikatsiya v drevnosti i srednevekov'e (materialy metodologicheskogo seminara IIMK)* [Fortification in Antiquity and Middle Ages (materials of the methodological seminar in the Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)] 20, 50–52.
- Goshkevich, V.I. 1913: Drevnie gorodishha po beregam nizovogo Dnepra [Ancient city-sites along the banks of the lower Dnieper]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 47, 117–145.
- Ivanov, V.M. 2003: O naznacheniі dopolnitel'nykh pojasov sooruzheniy Khersonesskoy khory [The purpose of additional zones of buildings in the Chersonese chora]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 13, 100–122.
- Karasev, A.N. 1950: Raskopki Neapolya Skifskogo v 1948 g. [Excavations of Scythian Naples in 1948]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 179–187.
- Koltukhov, S.G. 1990: Novye materialy k periodizatsii i rekonstruktsii oboronitel'nykh sooruzheniy Neapolya Skifskogo [New materials for periodization and reconstruction of Scythian Naples defensive constructions]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 2, 176–188.
- Koltukhov, S.G. 1999: *Ukrepleniya Krymskoy Skifii: Materialy po arkheologii Kryma* [Fortifications of Crimean Scythia: Materials for archaeology of the Crimea]. Simferopol.
- Korzhnikov, A.M., Maslennikov, A.A., Ovsyuchenko, A.N., Larkov, A.S., Suprenkov, A.A. 2019: Seismicheskie deformatsii v urochishhe Syuyurtash v Krymskom Priazov'e [Seismic deformations in the Siuyurtash area, Azov Littoral zone]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan antiquities] 24, 370–397.
- Kovalevskaya, L.A. 1997: Usad'ba IV–II v. do n.e. na zemel'nom nadele 341. [Farmstead of IV–II c. B.C. on land plot 341]. *Khersones v antichnom mire. Istoriko-arkheologicheskii aspekt* [Chersonesus in the ancient world. Historico-archaeological aspect]. Sevastopol, 47–48.
- Kruglikova, I.T. 1975: *Sel'skoe khozyajstvo Bospora* [Agriculture of Bosporus]. Moscow.
- Kruglikova, I.T. 1981: Zemel'nye nadely khersonesitov na Gerakleyskom poluostrove [Land plots of Chersonesites on the Heracleian peninsula]. *Kratkie soobshheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 168, 9–16.
- Kruglikova, I.T. 1986: Bashni na sel'skokhozyaystvennykh usad'bakh Gerakleyskogo poluostrova [Towers on agricultural estates of Heracleian peninsula]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Problemy antichnoy kul'tury* [Problems of ancient culture]. Moscow, 168–175.
- Kutaysov, V.A. 2003: Kerkinitida i Khersones v IV–II vv. do n.e. [Cercinitis and Chersonesus in the 4th–2nd c. BC]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 60–90.
- Kutaysov, V.A. 2004: *Kerkinitida v antichnuyu epokhu* [Cercinitis in Ancient epoch]. Kiev.

- Kutaysov, V.A., Uzhentsev, V.B. 1997: Kalos Limen (raskopki 1988–1996 gg.) [Kalos Limen (excavations 1988–1996)]. *Arkheologiya Kryma* [Archaeology of the Crimea] I, 43–57.
- Lantsov, S.B. 2010: Rezul'taty issledovaniya Kul'chukskogo gorodishha (IV v. do n.e. – I v. n.e.) na khore Khersonesa Tavricheskogo [Results of the investigations at the Kul'chuk city-site (4th century BC – 1st century AD) on the Chora of Chersoneses Taurica]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriluk, A.A. Zavoykin (ed.), *ΣΙΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomorya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [ΣΙΜΒΟΛΑ. Ancient world of Northern Pontic region. The latest findings and discoveries]. Moscow–Kiev, 142–151.
- Lantsov, S.B. 2012: Kul'chukskoe gorodishhe. Kratkiy obzor issledovaniy Donuzlavskoy ekspeditsii Krymskogo filiala Instituta arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy. [Kul'chuk city-site. A brief review of the investigations of the Donuzlav expedition of the Crimean branch of the Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine]. In: Z.I. Pysach (ed.), *Kalos Limen: muzey i zapovednik* [Kalos Limen: museum and preserve]. Simferopol, 73–89.
- Lefkowitz, M. 2006: Archaeology and the politics of origins. In: *Archaeology Fantasies How Pseudoarchaeology Misrepresents Past Misleads Public*. Routledge, 180–202.
- Lord, L.E. 1938: The «Pyramids» of Argolis. *Hesperia* 7. 4, 481–527.
- Lord, L.E. 1939: Watchtowers and Fortresses in Argolis. *American Journal of Archaeology* 43.1, 78–84.
- Lord, L.E., Frantz, M.A., Roebuck, C. 1941: Blockhouses in the Argolid. *Hesperia* 10. 2, 93–112.
- Munn, M.H. 1983: *Studies on the territorial defences of fourth-century Athens*. PhD dissertation. University of Pennsylvania.
- Naman, D.D. 1979: *Tipologiya grecheskikh sel'skikh usadeb klassicheskogo i ellinisticheskogo vremeni (V–II vekov do n.e.)*. [Typology of Greek rural estates of classical and Hellenistic time (5th to 2nd centuries BC)]. PhD Thesis. Leningrad.
- Nikolaenko, G.M. 2001: *Khora khersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyy kadastr IV–III vv. do n.e.* [Chora of Tauric Chersonesus. Land cadastre of the 4th and 3rd cc. BC]. Pt. II Sevastopol.
- Popova, E.A. 2007: Grecheskoe poselenie na gorodishhe «Chayka» vo vtoroy polovine III–II v. do n.e. [Greek settlement at the city-site «Chayka» in the second half of the 3rd–2nd centuries BC]. In: V.L. Janin, Ju.L. Shhapova (ed.), *Materialy issledovaniya gorodishha «Chayka» v Severo-Zapadnom Krymu* [Materials of investigations of the city-site «Chayka» in the Northwestern Crimea]. Moscow, 4–130.
- Saprykin, S.J. 1994: *Ancient farms and land-plots on the Khora of Khersonesos Taurike: research in the Herakleian Peninsula, 1974–1990*. Amsterdam.
- Saprykin, S.J. 1997: *Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman domination: (VI–I centuries B.C.)*. Amsterdam.
- Sheglov A.N., 1963s: *Al'bom illyustratsiy k otchetu Tarkhankutskoy ekspeditsii. 1962 god.* [Album of illustrations for report of Tarkhankut expdition. 1962]. Arkhiv Gosudsrstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy» [Archive of the state museum-preserve «Tauric Chersonese»]. F. 1. No. 840/4.
- Sheglov, A.N. 1960: *Otchet o raskopkakh gorodishha Tarpantshi v 1960 g.* [Report on excavations of city-site Tarpantchi in 1960]. Arkhiv Gosudsrstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy» [Archive of the state museum-preserve «Tauric Chersonese»]. F. 1. No. 839/I.
- Sheglov, A.N. 1963a: *Otchet o rabotakh Tarkhankutskoy ekspeditsii v 1962–1963 gg.* [Report on works of Tarkhankut expedition in 1962–1963]. Arkhiv Gosudsrstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy» [Archive of the state museum-preserve «Tauric Chersonese»]. F. 1. No. 840/I.
- Sheglov, A.N. 1963b: *Raskopki gorodishha Tarpantshi v 1960 g.* [Excavations of Tarpantchi city-site in 1960]. *Sbornik khersonesskogo muzeya* [Collection of the Chersonesus Museum] III, 67–75.

- Sheglov, A.N. 1965: Tarkhankutskaya ekspeditsiya v 1962–1963 gg. [Tarkhankut expedition in 1962–1963]. *Kratkie soobshheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 103, 140–147.
- Sheglov, A.N. 1967: Raskopki v Severo-Zapadnom Krymu [Excavation in Northwestern Crimea]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1966* [Archaeological Discoveries 1966], 210–212.
- Sheglov, A.N. 1978: *Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu* [Northwestern Crimea in Ancient Age]. Leningrad.
- Shults, P.N. 1949: *Otchet o rabotakh Tavro-Skifskoy ekspeditsii za pyat' let (1945–1949 gg.)*. Arkhiv Instituta Arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]. F. 1. R–1. No. 298.
- Shults, P.N. 1953: *Mavzoley Neapolya Skifskogo* [Mausoleum of Scythian Neapolis]. Moscow.
- Sokol'skiy, N.I. 1967: Krepost' na poselenii Batareyka II [Fortress at the settlement of Batareika II]. *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 109, 108–115.
- Strzheleckiy, S.F. 1961: Klery Khersonesa Tavricheskogo. K istorii drevnego zemledeliya v Krymu [Klery of Tauric Chersonesus To the history of ancient agriculture in the Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collection] VI.
- Surov, E.G. 1942: K istorii vinogradarstva i vinodeliya v Khersonese Tavricheskom [To the history of viticulture and winemaking in Tauric Chersonesus]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Academic notes of the Moscow State Pedagogical Institute] 28 1, 93–128.
- Theocaris, P.S., Liritzis, I., Lagios, E., Sampson, A.. 1996. Geophysical prospection, archaeological excavation, and dating in two Hellenic pyramids. *Surveys in Geophysics* 17. 5, 593–618.
- Turov'skiy, E.Ja. 1992: Khronologiya i budivel'na istoriya sadibi nadilu 26 na Gerakleys'komu pivostrovi [Chronology and history of the farmstead on land plot 26]. *Arkheologiya* [Archaeology] 3, 147–151.
- Uzhentsev, V.B. 2006: *Elliny i varvary Prekrasnoy Gavani (Kalos Limen v IV v. do n.e. – II v. n.e.): Materialy po arheologii Kryma* [Hellenes and barbarians of Prekrasnaya Gavan' (Kalos Limen in 4th c. BC – 2nd c. AD)]. Simferopol.
- Vinogradov, Ju.G., Marchenko, K.K., Monakhov, S.Ju. 2010: Pamyati Aleksandra Nikolaevicha Shheglova [In memory of Alexander Nikolaevich Shcheglov]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 237.
- Vysotskaya, T.N. 1983: Svoeobrazie kul'tury pozdnykh skifov v Krymu [A specificity of culture of Late Scythians in the Crimea]. In: T.N. Vysotskaya (ed.), *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e.* [Population and culture of the Crimea in the first centuries AD]. Kiev, 5–28.
- Winter, F.E. 1971. *Greek fortifications*. London.
- Yatsenko, I.V., Turina, T.N. 1991: Zdanie III v. do n.e. na gorodishhe Chayka v Evpatorii (variant rekonstruktsii) [Building of the 3rd c. BC at Chaika city-site in Evpatoria (reconstruction variant)]. In: Ju.L. Shchapova, I.V. Yatsenko (eds.), *Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii* [Iron Age sites in the outskirts of Evpatoria]. Moscow, 82–154.
- Young, J.H. 1956. Studies in South Attica: Country Estates at Sounion. *Hesperia* 25. 2, 122–146.
- Zaytsev, Ju.P. 2003: *Neapol' Skifskiy (II v. do n.e. – III v. n.e.)* [Scythian Neapolis. The 2nd century BC to the 3rd century AD]. Simferopol.
- Zolotarev, M.I. (ed.) Aleksandru Nikolaevichu Shheglovu sem'desyat let [Alexander Nikolaevich Shcheglov is seventy years old]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collection] XIII, 3–4.
- Zolotarev, M.I., Turovskiy, E.Ja. 1990: K istorii sel'skikh usadeb na Gerakleyskom poluostrove [To the history of rural estates on the Heracleian peninsula]. In: Ju.G. Vinogradov (ed.), *Drevnee Prichernomor'e (materialy I Vsesoyuznykh chteniy pamyati professora*

P.O. Karyshkovskogo) [*Ancient Black Sea region (materials of I All-USSR readings in memory of professor P.O. Karyshkovskiy)*]. Odessa, 71–89.

Zubar, V.M. 2005: Khersones i Severo-Zapadnaja Tavrika vo vtoroy treti III – pervoy polovine II v. do n.e. In: V.M. Zubar, A.V. Buisikh, E.A. Kravchenko, M.V. Rusyaeva (eds.), *Khersones Tavricheskiy v tret'ey chetverti VI – seredine I vv. do n.e. Ocherki istorii i kul'tury* [*Tauric Chersonesos in the third quarter of the 6th – midd-1st cc. BC. Historical and culture studies*]. Kiev, 209–242.

“PYRAMIDIC” BELT OF TARPANCHI FORTRESS (THE NORTHWESTERN CRIMEA)

Egor E. Antonov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
antonov.yegor@gmail.com

Abstract. The recent rescheduling of Tarpanchi settlement chronology gave us an option to presume that the fortress was built by Chersonese residents rather than by the Late Scythians. The fortress was set in the late Hellenistic period, nevertheless at the moment one cannot determine the age of the building more precisely. For this reason it is difficult to attribute the fortress strictly. The data of publications and reports of A.N. Sheglov (author of the excavations) are insufficient for the search of analogs of «initial» defensive walls and towers of Tarpanchi, consequently the article deals with the search of constructions similar to the «pyramidic» belt of the fortress. The review testifies to the fact that the analogues from Crimean Scythia, Bosporan Kingdom and Peloponnesus are either sporadic or dated more recent. Most of such constructions (from three to five tens) have been discovered at Chersonese chora. They are close to each other both in the features of construction and in the time of building – by various estimates, they predate the Tarpanchi belt or coincide with it. This brings us to the assumption that Tarpanchi «pyramidic» belt and consequently the fortress itself were erected by Chersonese residents. The article also provides a shot review of the opinions on the options of these constructions. The assumption that additional “pyramidic” belts had the option of counterforts (thus providing the increase of towers and walls} seems here the most probable. Obviously, increased highness and thickness of the walls advantaged also the increases in defensive power.

Keywords: Northwestern Crimea, Late Scythians, Tauric Chersonesus, Greek fortifications

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 126–139
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 126–139
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-126–139

ПОЛИВНАЯ КАШИННАЯ КЕРАМИКА XIII–XV ВВ. С ТЕРРИТОРИИ БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

А.И. Тузбеков, Э.В. Камалеев

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, Уфа, Россия*
aituzbekov@gmail.com, kamaleev-ilvir@mail.ru

Аннотация: Поливная керамика на памятниках Башкирского Приуралья встречается довольно редко. Обнаруженные черепки, в основном, единичны. Большинство их найдено на памятниках чияликской археологической культуры (X–XV вв.), – летовках и зимниках. Целью данного исследования является введение в научный оборот, обобщение и анализ поливной кашинной керамики XIII–XV вв., уточнение датировок культурных слоев и отдельных комплексов поселенческих памятников золотоордынского времени в Башкирском Приуралье. Авторы выявили, что в регионе за весь период археологических исследований имеются сведения о 21 фрагменте с поливой, выявленных на четырех поселениях. Большинство изученных черепков разнородны и сильно фрагментированы. Исследователи ранее датировали фрагменты с поливой лишь на основе аналогий, не учитывая их особенностей. Новейшие работы В.Ю. Ковалю и Н.Ф. Лисовой позволили более детально классифицировать черепки с поливой. Наиболее оптимальной для их классификации представляется схема, разработанная В.Ю. Ковалем. Положенная в ее основу иерархия признаков группировки, базирующаяся на принципах «от общего к частному», и первенство признаков функции керамики и технологии ее производства по сравнению с признаками декора и морфологии, позволяют в достаточной полной мере охарактеризовать имеющиеся фрагменты. Исследование позволило ввести в научный оборот новые археологические материалы, уточнить датировку памятников, отдельных пластов и различных комплексов, формирующих их культурные слои, а также выдвинуть гипотезу о существовании в Башкирском Приуралье поселений ремесленников на одном из торговых путей.

Ключевые слова: позднее средневековье, Башкирское Приуралье, Золотая Орда, поливная керамика, кашин

Данные об авторах: Тузбеков Айнура Ильфатович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН. Камалеев Эльвир Винарович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН.

Представленная публикация выполнена в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН по теме «Культурные интеграции населения Южного Урала в древности, средневековье и Новое время: факторы, динамика, модели» АААА-А21-121012290083-9 (рук. к.и.н. И.И. Бахшиев). Авторы выражают искреннюю благодарность заведующему отделом средневековой археологии Института археологии РАН, кандидату исторических наук В.Ю. Ковалю, за помощь в обработке фрагментов поливной керамики

Среди многочисленных материалов раскопок средневековых поселений первой половины II тыс. н.э. в Башкирском Приуралье, подавляющее большинство составляет керамическая посуда и ее фрагменты. Ввиду своей информативности особое место занимает поливная кашинная керамика. Находки на исследуемых памятниках фрагментов поливных сосудов являются одним из бесспорных маркеров, позволяющих отнести их к золотоордынскому периоду, хотя она бытовала в более широких временных рамках.

Первые изделия из кашина, покрытые поливой, появились в Египте во II тыс. до н.э., но только с XI в. египетские мастера начали широко применять этот материал в керамическом производстве. Массовое распространение этой посуды началось с XII в., когда секретом производства овладели иранские и сирийские гончары. В XIII в. кашинная посуда начала проникать из Ирана и Сирии в Среднюю Азию, а в XIV в. в Золотую Орду¹, в том числе и на территорию Южного Приуралья. Поливная керамика Золотой Орды являлась изделием развитого ремесла, была самой массовой художественной продукцией, отражавшей социальную психологию, вкусы и мощно влиявшей на них².

На протяжении X–XVIII вв. происходило непрерывное изменение ассортимента поливных сосудов, производимых в различных центрах. При этом мы имеем дело с большими партиями изделий, производившихся для продажи на рынках и имеющих одинаковый декор. Изменение декора происходило достаточно быстро³. В этой связи поливная керамика в силу узнаваемости даже по незначительным фрагментам может стать надёжным датирующим материалом.

Системное изучение керамики с поливой началось с 1940-х гг. Весомый вклад в исследование поливной посуды внесли Ф.В. Баллод, К.Н. Папа-Афанасопуло, А.Ю. Якубовский, Э.К. Кверфельдт, Г.А. Федоров-Давыдов и др. Особое место среди них занимают работы Н.Н. Булатова, В.Ю. Коваля, Н.Ф. Лисовой, посвященные классификации поливной керамики. Обобщающие исследования, посвященные изучению керамического материала с поливой с поселений XIII–XIV вв. Башкирского Приуралья, в научной литературе отсутствуют. В большинстве работ учеными производилась характеристика поливных керамических изделий при введении в научный оборот результатов раскопок, например Турналинского городища⁴ и городища Уфа-II⁵.

Анализ существующих работ и научных отчетов показывает, что поливная керамика на памятниках Башкирского Приуралья встречается довольно редко, что объясняется нами в большей степени их недостаточной изученностью, а также отсутствием среди исследованных памятников крупных городских центров. Обнаруженные черепки в основном единичны. В большинстве своем они выявлены на памятниках, относящихся к чияликской археологической культуре, по топографическо-функциональным характеристикам, отнесенным к летовкам и зимникам. Н.А. Мажитов и Г.Н. Гарустович, исследовавшие Турналинское городище и Горновское селище – наиболее изученные памятники рассматриваемого периода,

¹ Коваль 2005, 75.

² Федоров-Давыдов 1994, 78.

³ Бочаров, Франсуа, Ситдилов 2017, 15.

⁴ Русланов 2018; Сунгатов и др. 2018.

⁵ Гарустович, Овсянников, Русланов 2018.

хотя и отмечали редкость и уникальность керамики с поливой для рассматриваемого региона, но ограничивались лишь ее упоминанием, не подвергая ее детальной атрибуции.

Целью данного исследования является введение в научный оборот, обобщение и анализ поливной кашинной керамики XIII–XV вв., уточнение датировок культурных слоев и отдельных комплексов поселенческих памятников золотоордынского времени в Башкирском Приуралье.

Классификация поливной керамики на материалах нижневолжских золотоордынских городов была создана Н.М. Булатовым⁶, позже она была дополнена Г.А. Федоровым-Давыдовым⁷. Авторы, разработавшие данную классификацию, анализировали технологию изготовления посуды (состав теста и поливы, ее прозрачность и цвет, способ нанесения росписи, используемые цвета и т. д.) и ее формы. Н.Ф. Лисовой разработана классификация, на основе анализа особенностей орнамента золотоордынской глазурованной посуды, ее технологии, приемов орнаментации и различных принципов композиционного распределения орнаментов на сосудах⁸.

Ввиду сильной фрагментированности большинства обнаруженных черепков с поливой, их разнородностью и бытованием в широком временном диапазоне (XII–XVI вв.), мы считаем, что наиболее оптимальной для их классификации является схема, разработанная В.Ю. Ковалем. Положенная в ее основу иерархия признаков группировки, базирующаяся на принципах «от общего к частному», и первенство признаков функции керамики и технологии ее производства по сравнению с признаками декора и морфологии, позволяют в достаточной мере охарактеризовать имеющиеся фрагменты⁹.

Как уже было ранее отмечено поселенческие памятники периода Золотой Орды в регионе практически не изучены. Редкость обнаружения поливной керамики, учеными иногда связывается с определенным функциональным значением памятника. Поэтому в ходе проведения исследования нами уточнялись мнения о функции археологического объекта на котором были обнаружены фрагменты кашинной керамики с поливой.

Нами рассмотрен 21 фрагмент поливной посуды из 4 памятников археологии (рис. 1). Подавляющее большинство по своему предназначению относятся к разделу бытовой емкостной керамики, по сфере применения к категории – посудной, по составу формовочных масс входят в отдел кашинов, по степени прозрачности поливы к классам фаянсов и полуфаянсов. Все рассмотренные в исследовании предметы хранятся в музеях и археологических лабораториях г. Уфы.

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ С КАШИННОЙ КЕРАМИКОЙ В БАШКИРСКОМ ПРИУРАЛЬЕ

1.1 Горновское селище. Памятник расположен на левом невысоком берегу р. Дема в Чишминском районе Республики Башкортостан. Является одним из наиболее изученных поселенческих памятников XII–XIV вв. в Башкирском При-

⁶ Булатов 1968.

⁷ Федоров-Давыдов 1994, 78–173.

⁸ Лисова 2012, 20–30.

⁹ Коваль 2010, 14–25.

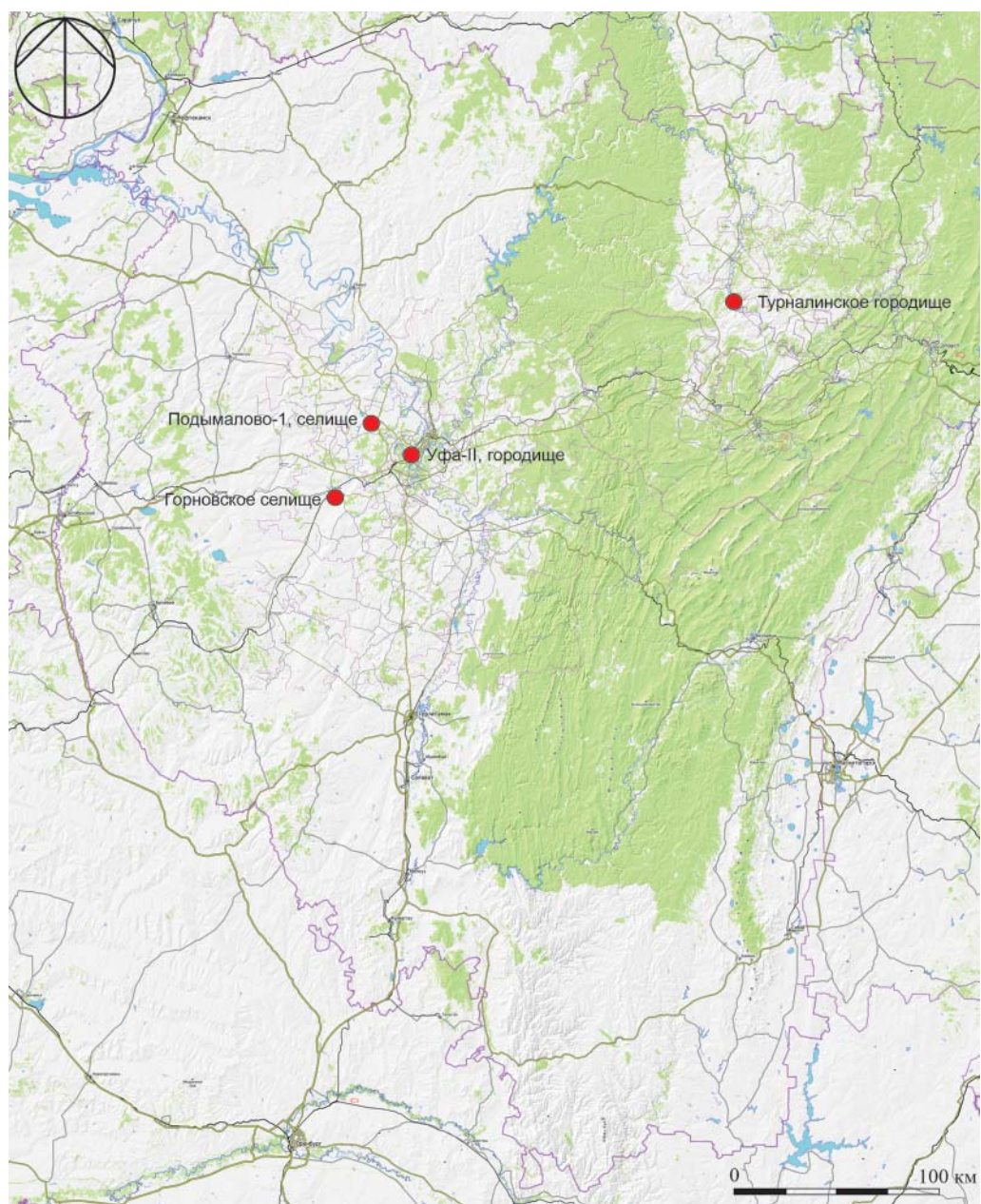

Рис. 1. Памятники Башкирского Приуралья с кашинной керамикой
Fig. 1. Archaeological sites in the Bashkir Urals, containing Kashin ceramics

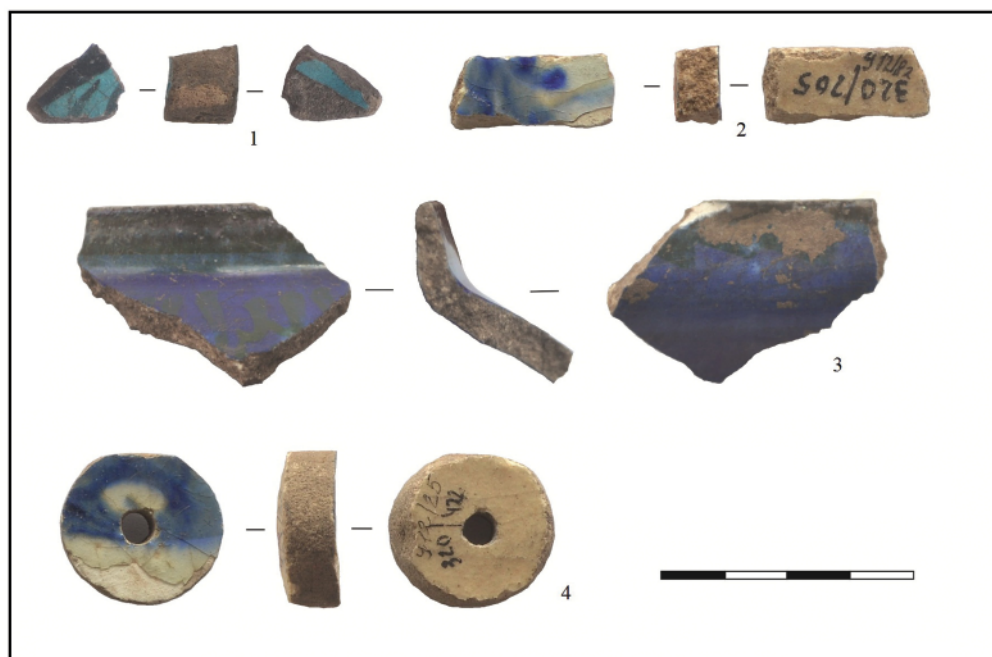

Рис. 2. Кашинная керамика из Турналинского городища (1, 3) и Горновского селища (2, 4)
Fig. 2. Kashina ceramics from the settlements of Turnaly (1, 3) and Gorny (2, 4)

уралье. Памятник исследовался Г.Н. Гарустовичем в 1994 г.¹⁰ и Г.Т. Обыденновой в 2005 г. В результате раскопок 1994 г. был найден один фрагмент, а в 2005 г. – второй – венчик поливного сосуда¹¹. Первый, по классификации В.Ю. Ковалья, относится к типу кашинной керамики с черной подглазурной росписью (рис. 2, 1) подгруппы Б, группы 9, серии 3, класса полуфаянсов. Этот тип керамики получил широкое распространение в населенных пунктах золотоордынского Поволжья в конце XIII–XIV вв.¹² Второй фрагмент, судя по профилю, скорее всего является венчиком гюльабдана – сосуда для розовой воды, предназначавшегося, для ополаскивания рук во время трапезы. Он относится к виду 2, типу 2 (люстровые полуфаянсы с темно синей глазурью), подгруппы В, группы 1, серии 2, класса полуфаянсов (рис. 2, 3). По мнению В.Ю. Ковалья, вероятно произведенный в Иране, который может относиться к концу XIII – первой половине XIV вв.¹³ По мнению Г.Н. Гарустовича, Горновское селище является одним из летников чияликского населения, проживавшего в пределах Прибельской равнины в период Золотой Орды¹⁴.

¹⁰ Гарустович 1998, 52–56.

¹¹ Обыденнова 2005. Коллекции находок с Горновского селища раскопок 1994 г. хранятся в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, а с раскопок 2005 г. – в Научно-исследовательской лаборатории археологического источниковедения и историографии Института исторического и правового образования БГПУ им. М. Акмуллы.

¹² Булатов 1968.

¹³ Коваль 2010, 58.

¹⁴ Гарустович, 1998, 66.

1.2. Турналинское городище. Расположено на левом берегу р. Ай, вблизи д. Турналы (Салаватский район Республики Башкортостан). Памятник находится на узкой стрелке мыса высотой около 30 м. Оконечность мыса перегорожена валом и рвом, с напольной стороны (с запада) возведены еще две линии валов и рвов. В ходе археологических экспедиций под руководством Н.А. Мажитова была исследована вся территория первой площадки, начиная от склонов мыса и до первого вала. На памятнике обнаружена керамика, относящаяся к периоду раннего железного века, раннего и позднего средневековья. Поздние слои городища и жилые сооружения датируются автором на основании аналогий вещевого комплекса (серпы, ножи и т.д.), гончарной и лепной керамики. Н.А. Мажитов, описывая выявленные в ходе раскопок 1964 г. предметы¹⁵, особо выделил наличие фрагментов поливной керамики, позволивших датировать поздние слои XIII–XIV вв. В научном отчете не содержится сведений о точном местонахождении данных фрагментов в пределах раскопа.

Коллекции находок из раскопок 1964 г. хранятся в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН и в Учебно-научном археологическом музее БашГУ, но среди них упомянутый Н.А. Мажитовым поливной кувшин не найден. Изображение фрагментов сосуда сохранились лишь на ч/б фотографии научного отчета. Исследователь полагал, что аналогии можно встретить в материалах раскопок городища Отрар в Центральном Казахстане¹⁶. Дополнительным аргументом того, что сосуд был аналогичен изделиям из Отрара является тот факт, что в каталоге Музея археологии и этнографии он обозначен как глиняный¹⁷. Как известно, керамика Отрара и сопредельных территорий Южного Казахстана имеет некоторые локальные отличия: прежде всего, это полное отсутствие кашина, использование только глины, распространение желтой поливной посуды, отсутствие в росписях изображений птиц, рыб, животных¹⁸. Изучение фотографии показывает, что представленные черепки могут являться фрагментами нескольких сосудов, на большинстве из них имеется орнамент по светлому фону. Предмет № 1 украшен росписью в виде арок(?) или лепестками лотоса(?), а предмет № 2 растительным орнаментом. По нашему мнению, фрагменты № 1–2 и 6–7 несли подглазурную роспись и могли быть изготовлены из кашина. Имея столь скудные сведения и фотографию низкого качества, классифицировать данный сосуд практически невозможно. Но если полагаться на описание, сделанное Н.А. Мажитовым и каталог, с большой долей условности можно предположить, что по составу формовочных масс, этот сосуд(?) мог относиться к отделу глин, а по степени прозрачности поливы к классу полумайолик. Подобная керамика имела широчайшее распространение на Востоке с XI в. и практически до современной эпохи¹⁹.

В ходе раскопок Турналинского городища в 1980 г. в хозяйственной яме № 12 наряду с железными пластинами Н.А. Мажитовым было обнаружено 4 пряслица, одно из которых было сделано из стенки поливного сосуда, около 40 фрагментов костей, куски древесных углей и золы. В яме № 15 найдены еще 2 черепка с по-

¹⁵ Мажитов 1964. Л. 30.

¹⁶ Мажитов 2010, 388.

¹⁷ Рутто 1997, 49.

¹⁸ Акишев, Байпаков, Ерзакович 1987, 177.

¹⁹ Коваль 2010, 104.

ливой, сердоликовая бусина, 3 изделия из серебра, 2 железных предмета, 2 пряслица²⁰. В остальных 16 ямах исследователь выявил в основном кости животных, небольшое количество черепков глиняных сосудов, фрагменты глиняной обмазки, железа и шлак. Находки на Турналинском городище, датируемые золотоордынским периодом, впервые были введены в научный оборот Е.В. Руслановым²¹.

Коллекции раскопок 1980 г. хранятся в фондах Учебно-научного археологического музея БашГУ, но среди них также отсутствовал один из фрагментов поливного сосуда из ямы № 15. Имеющиеся фрагменты выполнены подглазурной кобальтово-синей росписью по белому фону без рельефа (рис. 2, 2, 4). По классификации В.Ю. Ковалю, данные фрагменты относятся к керамике с позитивной бесконтурной росписью вида 3, типа 11, подгруппы А, группы 9, серии 3, класса полуфаянсов²². Такая керамика изготавливалась в конце XIV–XV в. в золотоордынском Поволжье и Средней Азии²³.

Подобные памятники Г.Н. Гарустовичем интерпретировались как зимники, но в исторической литературе существуют и альтернативные мнения. Например, анализируя памятники Пермского края, О.Н. Бадер и В.А. Оборин сделали вывод, что в XIV–XV вв. в лесной зоне появляются небольшие хорошо укрепленные поселения, например, Искорское городище с тремя валами. Исследователи считают, что такие городища могли представлять собой укрепленную усадьбу феодала²⁴. Этому мнению придерживался и Н.А. Мажитов²⁵. Сравнительно небольшой культурный слой, относящийся к периоду позднего средневековья, позволяет предположить, что данный комплекс мог функционировать только определенное время в году. В эти периоды городище мог занимать небольшой гарнизон, который обеспечивал охранно-административные функции. Подобные памятники, датируемые XVI в., были рассмотрены в работах С.Ф. Татаурова²⁶.

1.3. Городище Уфа-II. Расположено в центре Уфы – на пространстве, ограниченном ул. Пушкина, Новомостовая, Октябрьской Революции и пр. Салавата Юлаева. Городище занимает мыс, образованный двумя глубокими оврагами. Памятник был открыт уфимским краеведом П.Ф. Ищериковым в 1953 г. В дальнейшем памятник изучался М.Х. Садыковой, В.В. Овсянниковым, Н.А. Мажитовым и другими исследователями. Основная масса археологического материала относится к V–VIII вв.²⁷. Среди большого количества находок, выявленных в ходе планомерных раскопок, осуществляемых с 2006 г., были обнаружены фрагменты лепных сосудов чияликского типа, черепки гончарных сосудов, проволочные серебряные серьги, серебряные дирхамы золотоордынских ханов и один фрагмент поливного сосуда, позволяющие датировать памятник эпохой позднего средневековья.

²⁰ Мажитов 1980, 7–8.

²¹ Русланов 2018, 100.

²² Коваль 2010, 88.

²³ Шляхова 1980, 75.

²⁴ Бадер, Оборин 1958, 202.

²⁵ Мажитов 1981, 223.

²⁶ Татауров 2016, 23–31.

²⁷ Мажитов и др. 2007, 46.

Описание фрагмента с поливой впервые упомянуто в работе Ф.А. Сунгатова: «фрагмент поливной керамики изготовлен из нежелезненной глины на круге. Обжиг горновый. Фрагмент орнаментирован. На белом фоне нанесены коричневая волнообразная полоска и колесовидная фигура с двумя выступами. На белом фоне присутствуют пятна светло-синего и темно-синего цвета»²⁸. Г.Н. Гарустович, В.В. Овсянников и Е.В. Русланов тот же фрагмент охарактеризовали уже как изготовленный из кашина, с прозрачной поливой²⁹. Основываясь на описание Ф.А. Сунгатова, рассматриваемый фрагмент можно отнести к полумайолике с росписью красками (группа 3, серия 3, класс полумайолика), имевшей широкий хронологический диапазон. Однако по описанию Г.Н. Гарустовича, В.В. Овсянникова и Е.В. Русланова, он может быть отнесен к типу 2, группы 9, серии 3, класса полуфаянсов. Подобная керамика была присуща продукции золотоордынского Поволжья середины – второй половины XIV в.³⁰

Между тем, в фондах Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа» (место хранения находок с городища Уфа-II), указанный фрагмент отсутствует. Поэтому охарактеризовать его можно лишь по изображению и описанию Ф.А. Сунгатова. Судя по профилю, данный черепок является обломком блюда со светло-желтым цветом в изломе, покрытый прозрачной поливой. Аналогий декора не найдено, но подобная гамма росписи характерна для продукции Отрара. Таким образом, учитывая описание Ф.А. Сунгатова, цвет в изломе и декор, можно предположить, что данный фрагмент характерен для продукции одного из южно-казахстанских центров. Аналоги такой керамики найдены на городище Отрар и датированы второй половиной XIV – первой половиной XV вв.³¹

Анализируя выявленные находки, исследователи по-разному характеризуют золотоордынский период функционирования городища. Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова считают, что в период Золотой Орды здесь находился крупный торгово-ремесленным центр, одновременно выполнявший роль столицы Башкортостана³². По мнению В.А. Иванова в рассматриваемое время городище представляло собой «какое-то заурядное поселение, скорее всего – сезонное или ставку какого-нибудь ордынского сборщика ясака»³³. Г.Н. Гарустович, В.В. Овсянников и Е.В. Русланов предполагают, что на площадке городища Уфа-II в эпоху Золотой Орды «осуществлялась какая-то разовая хозяйственная деятельность, обоснованная сезонными потребностями насельников Уфимского полуострова»³⁴. Анализируя соотношение находок относящихся к разным временным периодам складывается впечатление, что в период Золотой Орды на территории городища действительно велась не значительная хозяйственная деятельность, но нельзя не учитывать и мнения Ф.А. Сунгатова, что возможная причина малочисленности кроется в отсутствии сохранившихся культурных слоев, разрушение которых было следствием активной хозяйственной деятельности в XVIII–XX вв.³⁵

²⁸ Сунгатов 2018, 87, рис. 63, 5.

²⁹ Гарустович, Овсянников, Русланов 2018, 33.

³⁰ Булатов 1968, 101–102.

³¹ Акишев, Байпаков, Ерзакович 1987, 168, 175.

³² Мажитов 2010, 388.

³³ Иванов 2012, 412.

³⁴ Гарустович, Овсянников, Русланов 2018, 35.

³⁵ Сунгатов и др. 2018, 135.

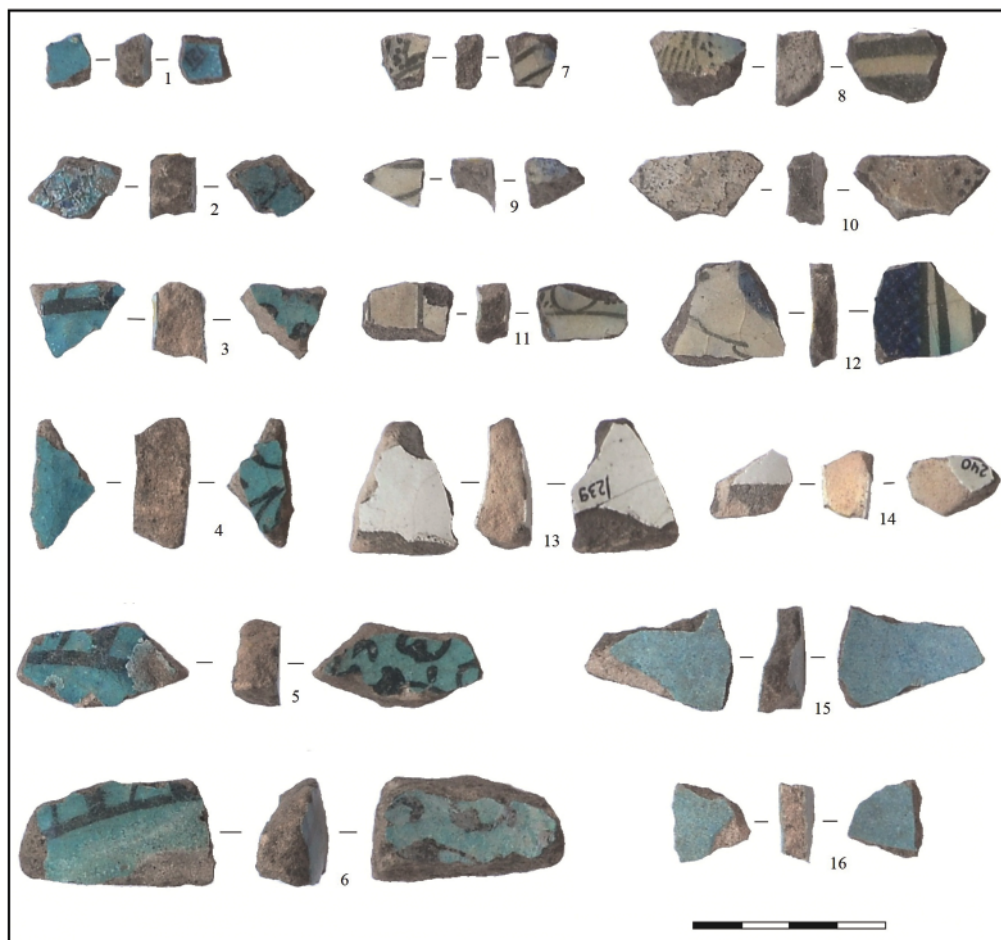

Рис. 3. Кашинная керамика из селища Подымалово-1
 Fig. 3. Kashin ceramics from the settlement of Podymalovo-1

1.4. Подымалово-1. Селище расположено на правом берегу р. Сикиязка, в 2 км от д. Подымалово Уфимского района, Республика Башкортостан. Памятник был открыт Г.Н. Гарустовичем в 2010 г.³⁶ В 2017 г. в восточной части памятника были проведены археологические исследования под руководством Э.В. Камалева. В раскопе были исследованы четыре археологических комплекса – 3 ямы-очага и 1 хозяйственная яма³⁷. Наряду с большим количеством обломков керамики в пределах раскопа были выявлены 16 фрагментов кашинной посуды с поливой. Здесь же был найден фрагмент ручки гончарного сосуда с росписью бирюзовой глазурью. Большая концентрация обломков поливной посуды не характерна для археологических объектов Башкирского Приуралья, данный факт является свидетельством неординарности и уникальности этого памятника. Было найдено 16

³⁶ Акбулатов, Гарустович 2011.

³⁷ Ахатов и др. 2018.

фрагментов поливной керамики, отличающиеся друг от друга лишь по степени прозрачности поливы. Так к классу полуфаянсов можно отнести фрагменты поливной керамики № 1–6 (рис. 3), изготовленные из мягкого серого кашина с черной подглазурной росписью, они аналогичны фрагменту (рис. 2, 1), выявленному в ходе раскопок Горновского селища в 1994 году. Фрагменты № 7–12 (рис. 3) изготовленные из мягкого кашина относятся также к классу полуфаянсов, входят в тип кашинной керамики с полихромной подглазурной росписью и рельефом, группы 10, подгруппы А, серии 3. Этот вид керамики получил широкое распространение на территории Поволжья в середине – второй половине XIV в.³⁸ Фрагменты № 13–14 (рис. 3), изготовленные из рыхлого белого кашина, возможно являющиеся не декорированными участками стенок одного сосуда, покрытые белой непрозрачной поливой, относятся к подгруппе А, группы монохромных фаянсов, серии 1, класса фаянсов. По мнению В.Ю. Ковалья, белые фаянсы появились в Иране в XII в. и бытовали на Ближнем и Среднем Востоке в XIII–XV вв. В Хорезме и золотоордынских городах Поволжья в XIV в. белые фаянсы без дополнительного декора встречаются крайне редко³⁹. Не декорированные, покрытые прозрачной бирюзовой глазурью черепки № 15–16 (рис. 3) относятся к виду 2, подгруппы Б (бирюзовые полуфаянсы) серии 1, класс полуфаянсы. Отличие их от фрагментов № 1–6 (рис. 3) состоит в том, что полива на них могла быть повреждена огнем или посуда изначально была бракованной. Подобная керамика бытовала на золотоордынских населенных пунктах в XIII–XV вв.⁴⁰

Коллекции находок с Подымалово-1 селища хранятся в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. Учитывая полное отсутствие чияликской керамики, можно предположить, что данный памятник был ремесленной площадкой, обеспечивающей население округи ремесленными товарами или же временным местом проживания ремесленников на одной из караванных стоянок. О возможном существовании таких поселений и торгового пути через Центральный Башкортостан упоминается в исследованиях Г.Н. Гарустовича⁴¹. Поздние периоды существования селища приходятся на вторую половину XIV в., период «смутного времени» в Золотой Орде. В это время территория Башкортостана также оказалась вовлечена в бурные события XIV в., о чем свидетельствует и зарытие кладов в регионе⁴².

В работах Г.Н. Гарустовича упоминается еще о нескольких фрагментах керамики с голубой, бирюзовой и коричневой поливой, обнаруженных на Санзяповском селище и Чертовом (Уфимском) городищах⁴³, но в коллекциях находок с данных памятников в музеях г. Уфы нам не удалось обнаружить ни их описания, ни самих фрагментов.

В рамках проведенного исследования был рассмотрен 21 фрагмент поливной керамики, обнаруженной на четырех памятниках Башкирского Приуралья. Данные о 18 предметах впервые введены в научный оборот. Применение методов классификации В.Ю. Ковалья позволило уточнить датировка отдельных пластов и комплексов

³⁸ Коваль 2010, 98.

³⁹ Коваль 2010, 38.

⁴⁰ Коваль 2010, 54.

⁴¹ Гарустович, Рязанов, Яминов 2005, 80; Гарустович 2012, 153.

⁴² Акбулатов, Гарустович 2016, 50.

⁴³ Гарустович 2015, 188.

Турналинского городища, селищ Горновского и Подымалово-1. Определено наличие устойчивых торговых связей населения Башкирского Приуралья со регионами Средней Азии, особенно очевидных для селища Подымалово-1.

ЛИТЕРАТУРА

- Акбулатов, И.М., Гарустович, Г.Н. 2011: Серебряные гривны, медные пулы и находки отдельных джучидских монет при раскопках на Южном Урале. В сб.: Ф.Г. Хисаметдинова, А.В. Псянчин (ред.), *Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова. (г. Уфа, 17–19 ноября 2011 г.)*. Уфа, 29–35.
- Акбулатов, И.М., Гарустович, Г.Н., Сунгатов, Ф.А. 2016: Клад серебряных дирхемов золотоордынского времени с территории городища Уфа-II в Республике Башкортостан. В кн.: *Вестник Академии наук РБ*. Т. 21, № 3 (83), 44–51.
- Акишев, К.А., Байпаков, К.М., Ерзакович, Л.Б. 1987: *Отрар в XIII–XV веках*. Алма-Ата.
- Ахатов, А.Т., Бахшиев, И.И., Тузбеков, А.И. Камалеев, Э.В. 2018: Селище Подымалово-1 в Приуралье: новый памятник эпохи Золотой Орды в Башкирии (предварительные результаты). *История и педагогика естествознания* 4, 28–32.
- Бадер, О.Н., Оборин, В.А. 1958: *На заре истории Прикамья*. Пермь.
- Бочаров, С.Г., Франсуа, В., Ситдилов, А.Г. (ред) 2017: *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Т. 2. Казань–Кишинев.
- Булатов, Н.М. 1968: Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов. *Советская археология* 4, 95–109.
- Гарустович, Г.Н., 1998: *Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры*: дисс. канд. ист. наук. Уфа.
- Гарустович, Г.Н., Рязанов, С.В., Яминов, А.Ф. 2005: *Брик-Алгинское местонахождение XIV века в башкирском Приуралье*. Уфа.
- Гарустович, Г.Н., 2012: *След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга)*. Уфа.
- Гарустович, Г.Н. 2015: Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале. *Уфимский археологический вестник* 15, 181–198.
- Гарустович, Г.Н., Овсянников, В.В., Русланов, Е.В. 2018: Городище Уфа-II в золотоордынский период. *Oriental Studies* 4, 32–42.
- Иванов, В.А. 2012: Четыре монеты как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды (еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа-II). *Золотоордынская цивилизация* 5, 404–414.
- Коваль, В.Ю. 2005: Кашинная керамика в Золотой Орде. *РА* 2, 75–86.
- Коваль, В.Ю. 2010: *Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII века*. М.
- Лисова, Н.Ф. 2012: Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. В кн.: *Археология евразийских степей* 15. Казань.
- Мажитов, Н.А. 1964: *Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 г.* Архив ИЭИ УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 10.
- Мажитов, Н.А. 1980: *Научный отчет об археологических раскопках Турналинского городища в 1980 году*. Архив Археологической лаборатории Башкирского Государственного Университета. Ф. 2. Д. 10.
- Мажитов, Н.А. 1981: Южный Урал в XII–XIV вв. В кн.: С.А. Плетнева (ред.), *Степи Евразии в эпоху Средневековья*. (Археология СССР). М., 222–223.
- Мажитов, Н.А., Сунгатов, Ф.А., Иванов, В.А., Саттаров, Т.Р., Султанова, А.Н., Иванова, Е.В. 2007: *Городище Уфа II: материалы раскопок 2006 года*. I. Уфа.

- Мажитов, Н.А., Султанова, А.Н. 2010: *История Башкортостана. Древность. Средневековье*. Уфа.
- Обыденнова, Г.Т. 2005: *Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Башкирский аул XVI–XIX вв. в историко-археологическом исследовании»*. Архив Научно-исследовательской лаборатории археологического источниковедения и историографии Институт исторического, правового и социально-гуманитарного образования им. М. Акмуллы.
- Русланов, Е.В. 2018: Позднесредневековые материалы из фондов археологического музея им. Н.А. Мажитова. В сб.: *Археология Урала: время, памятники, люди*. Вып. 3. Уфа, 98–105.
- Рутто, Н.Г. (ред.). 1997: *Памятники эпохи средневековья. Каталог археологических коллекций Музея археологии и этнографии*. Уфа.
- Сунгатов, Ф.А., Султанова, А.Н., Бахшиева, А.К., Мухаметдинов, В.И., Русланова, Р.Р., Русланов, Е.В. 2018: *К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья*. Уфа.
- Татауров, С.Ф. 2016: Последняя крепость хана Кучума на Иртыше. *Средневековые тюрко-татарские государства* 8, 23–31.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1994: *Золотоордынские города Поволжья*. М.
- Шляхова, В.И. 1980: Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ). *СА* 4, 75–86.

REFERENCES

- Akbulatov, I.M., Garustovich, G.N. 2011: Serebryanye grivny, mednye puly i nakhodki ot del'nykh dzhuchidskikh monet pri raskopkakh na Yuzhnom Urale [Silver hryvnias, copper pools and finds of individual Juchid coins during excavations in the Southern Urals]. In: F.G. Khisametdinova, A.V. Psyanchin (eds.), *Etnogenez. Istoriya. Kul'tura: I Yusupovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Rinata Muhametovicha Yusupova* [Ethnogenesis. History. Culture: I Yusupov's Readings. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Rinat Mukhametovich Yusupov. (Ufa, November 17–19, 2011)]. Ufa, 29–35.
- Akbulatov, I.M., Garustovich, G.N., Sungatov, F.A. 2016: Klad serebryanykh dirkhemov zolotoordynskogo vremeni s territorii gorodishcha Ufa-II v Respublike Bashkortostan [A hoard of silver dirhams of the Golden Horde time from the territory of the Ufa-II Settlement, the Republic of Bashkortostan]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan] 21. 3(83), 44–51.
- Akhatov, A.T., Bakhshiev, I.I., Tuzbekov, A.I. Kamaleev, E.V. 2018: Selishche Podymalovo-1 v Priurale: novyy pamyatnik epokhi Zolotoy Ordy v Bashkirii (predvaritel'nye rezul'taty) [Podymalovo-1 settlement in the Urals: a new site of the Golden Horde period in Bashkiria (preliminary results)]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya* [History and Pedagogy of Natural Science] 4, 28–32.
- Akishev, K.A., Baipakov, K.M., Erzakov, L.B. 1987: *Otrar v XIII–XV vekakh* [Otrar in the 13th to 15th centuries]. Alma-Ata.
- Bader, O.N., Oborin, V.A. 1958: *Na zare istorii Prikamya* [The dawn of the history of the Kama Region]. Perm.
- Bocharov, S.G., Francois, V., Sitdikov, A.G. 2017: *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomorya X–XVIII vv* [Glazed ceramics of the Mediterranean and the Black Sea region of the 10th–18th centuries]. 2, Kazan–Kishinev.
- Bulatov, N.M. 1968: Klassifikatsiya polivnoy kashinnoy keramiki zolotoordynskikh gorodov [Classification of glazed kashi ceramics of the Golden Horde cities]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 4, 95–109.

- Fedorov-Davydov, G.A. 1994: *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya* [Golden Horde cities of the Volga region]. Moscow.
- Garustovich, G.N. 1998: Naselenie Volgo-Uralskoy lesostepi v pervoy polovine II tysyachel'etiya nashey ery [Population of the forest-steppe Volga-Ural region in the first half of the 2nd millennium]: PhD. dissertation. Ufa.
- Garustovich, G.N. 2012: *Sled velikoy zamyatni (Mestonahozhdenie XIV veka u derevni Brik-Alga)* [Trace of the "Great zamyatnya" (the 14th century site near the village of Brik-Alga)]. Ufa.
- Garustovich, G.N. 2015: Chiyalikskaya arheologicheskaya kul'tura epokhi srednevekov'ya na yuzhnom Urale [Chiyalik archaeological culture of the middle ages in the Southern Urals]. *Ufmskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin] 15, 181–198.
- Garustovich, G.N., Ovsyannikov, V.V., Ruslanov, E.V. 2018: Gorodishche Ufa-II v zolotoordynskiy period [Hillfort Ufa-II in the Golden Horde period]. *Oriental Studies* 4, 32–42.
- Garustovich, G.N., Ryazanov, S.V., Yaminov, A.F. 2005: *Brik-Alginskoe mestonahozhdenie XIV veka v bashkirskom Priural'e* [Brik-Alga Site of the 14th century in the Bashkir Priuralye]. Ufa.
- Ivanov, V.A. 2012: Chetyre monety kak ekvivalent nalichiya gorodov v Bashkirii v epokhu Zolotoy Ordy (eshche odin primer sovremennogo arkheologicheskogo mifotvorchestva po materialam gorodishha Ufa-II) [Four coins as evidence of existence of the cities in Bashkiria during an era of the Golden Horde (one more example of a modern archaeological myth creation on materials of the ancient settlement Ufa-II)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization] 5, 404–414.
- Koval, V.Iu. 2005: Kashinnaya keramika v Zolotoy Orde [Kashin ceramics in the Golden Horde]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 75–86.
- Koval, V.Iu. 2010: Keramika Vostoka na Rusi. Konets IX–XVII veka [Ceramics of the East in Russia. End of the 9th–17th centuries]. Moscow.
- Lisova, N.F. 2012: Ornament glazurovannoy posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya [Ornament of glazed pottery of the Golden Horde cities of the Lower Volga Region]. *Arkheologiya yevraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian steppes] 15. Kazan.
- Mazhitov, N.A. 1964: *Nauchnyy otchet o rezultatakh arkheologicheskoy ekspeditsii za 1964 g* [Scientific report on the results of the archaeological expedition 1964]. Archive of R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences]. Ufa. Fund 1. List 6. File 10.
- Mazhitov, N.A. 1980: *Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Tornalinskogo gorodishcha v 1980 godu* [Scientific report on the archaeological excavations at Tornalinsky settlement in 1980]. Archive of the Archaeological Laboratory of the Bashkir State University. Fund. 2. File 10.
- Mazhitov, N.A. 1981: Juzhnyy Ural v XII–XIV vv [Southern Ural in the 12th–14th centuries]. In: S.A. Pletneva (ed.), *Stepi Evrazii v epokhu Srednevekov'ya* [The steppes of Eurasia in the Middle Ages.]. (Arkheologiya SSSR [Archaeology of the USSR]) Moscow, 222–223.
- Mazhitov, N.A., Sultanova, A.N. 2010: *Istoriya Bashkortostana. Drevnost'. Srednevekov'ye* [History of Bashkortostan. Antiquity. Middle Ages]. Ufa.
- Mazhitov, N.A., Sungatov, F.A., Ivanov, V.A., Sattarov, T.R., Sultanov, A.N., Ivanova, E.V. 2007: *Gorodishche Ufa II: materialy raskopok 2006 goda* [The Ufa-II settlement: 2006 excavations]. I. Ufa.
- Obydenнова, G.T. 2005: *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme: «Bashkirskiy aul XVI–XIX vv. v istoriko-arkheologicheskom issledovanii»* [Report on research work on the topic: "Bashkir aul of the 16th–19th centuries in historical and archaeological research]. Archive of the Scientific Research Laboratory of Archaeological Source Study and Historiography Institute of Historical, Legal and Social-Humanitarian Education named after M. Aknulla.

- Ruslanov, E.V. 2018: Pozdnesrednevekovyye materialy iz fondov arkheologicheskogo muzeya im. N.A. Mazhitova [Late Medieval materials in the N.A. Mazhitov Archaeological Museum]. *Arkheologiya Urala: vremya, pamyatniki, lyudi. Sbornik nauchnykh statey* [Archaeology of the Urals: time, monuments, people] 3, 98–105.
- Rutto, N.G. (ed.) 1997: *Pamyatniki epokhi srednevekov'ya. Katalog arkheologicheskikh kollektsiy Muzeya arkheologii i etnografii* [Medieval Sites. Catalogue of archaeological collections of the Museum of Archaeology and Ethnography]. Ufa.
- Shliakhova V.I. (1980). Keramika s kobal'tovoy rospis'yu v Zolotoy Orde (po materialam Selitrennogo i Tsarevskogo gorodishch) [Ceramics with cobalt painting in the Golden Horde (based on the materials of the Selitrennoe and Tsarevsk settlements)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 75–86.
- Sungatov, F.A., Sultanova, A.N., Bakhshieva, A.K., Mukhametdinov, V.I., Ruslanova, R.R., Ruslanov, E.V. 2018: *K probleme gorodov Yuzhnogo Urala epokhi srednevekov'ya* [On the problem of cities in the Southern Urals in the Middle ages]. Ufa.
- Tataurov, S.F. (2016). Poslednyaya krepost' khana Kuchuma na Irtyshe [The Last fortress of Khan Kuchum on Irtysh]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Türko-Tatar States] 8, 23–31.

THE 13th – 15th cc. GLAZED KASHIN POTTERY FROM THE BASHKIR URALS

Aynur I. Tuzbekov, Elvir V. Kamaleev

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
aituzbekov@gmail.com, kamaleev-ilvir@mail.ru

Abstract. Glazed pottery is seldom found at the sites of the Bashkir Urals. All fragments are generally isolated finds. They were mostly found at the sites of the Chiyalik archaeological culture (10th–15th cc.), referring to summer or winter camps. This paper is aimed to analyze glazed Kashin ceramics of the 13th–15th centuries, as well as to clarify the dates of cultural layers and some complexes of the Golden Horde times settlements in the Bashkir Urals. The authors analyzed 21 glazed fragments discovered at four sites. A detailed examination of the material revealed that some fragments are lost, and their images are only known by drawings and photographs. Recent works by V.Yu. Koval and N.F. Lisova allow ones to classify the fragments in more detail. Due to the significant fragmentation of most of the discovered glazed pieces, their heterogeneity and existence within a wide time range, we suppose that the most optimal approach for their classification is the scheme developed by V.Yu. Koval. Its fundament lies in the hierarchy of grouping signs based on the “general-to-specific” principle as well as the primacy of features of the ceramics functions and the technology of its production in comparison with the features of decor and morphology, which altogether make it possible to fully characterize the available fragments. Hence, the study has made it possible to introduce recent archaeological materials into the scientific discourse, clarify the dating of archeological sites, individual layers and various complexes that form the cultural layers, as well as to put forward a hypothesis about the existence of settlements of craftsmen in the Bashkir Urals on one of the trade routes.

Keywords: Bashkir Urals, later Middle Ages, Golden Horde, glazed pottery, kashin (stonepaste)

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 140–148
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 140–148
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-140–148

ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИИ ПРУССКОГО ГЕРАЛЬДИЧЕСКОГО ОРЛА

В.И. Кулаков

Институт археологии РАН, Москва, Россия
drkulakov@mail.ru

Аннотация. В европейской геральдике специфика иконографии прусского геральдического орла пока интереса специалистов не вызывала. Привлекая памятники изобразительного искусства эпохи викингов, удалось установить глубокие корни такого специфического признака иконографии прусского орла, как «стебель клевера». Эта фигура восходит к деталям наконечников ножен мечей X в. и подчеркивает распластанность фигуры геральдической птицы. Разумеется, средневековые художники первоначальный жертвенный смысл этой пересекающей птицу полосы прочно забыли и воспринимали «стебель клевера» как символ Св. Троицы. В начале XVI в. «стебель клевера» становится неременной деталью прусского геральдического орла. В эпоху правления Фридриха II Великого и в Европе, и в Пруссии распространяется стиль классицизма, характеризующийся стремлением к достижению максимальной реалистичности изображения живых существ. В частности, прусский орел теряет свою плоскостную, распластную позицию и начинает изображаться в развороте 3/4 с приподнятым в процессе подъема левым крылом. При этом с его груди исчезает «стебель клевера». Он возвращается сюда в середине XIX в. Примечательно, что с орла, представленного на гербе Кенигсберга, «стебли клевера» никогда не исчезали.

Ключевые слова: историческая Пруссия, геральдический орел, «стебель клевера»

Одной из самых интересных фигур в европейской геральдике является фигура прусского черного орла. Специфика иконографии этого основного геральдического символа исторической Пруссии никогда не привлекала внимания отечественных (да и европейских) геральдистов. Лишь автор этих строк более двух десятилетий тому назад выдвинул объяснение одного из важнейших признаков этой геральдической фигуры – «стебля клевера» (нем. «Kleeblattstengel»), традиционно со времен создания герцогства Пруссия располагавшегося на плечах хищной птицы на гербе этого балтийского государства. Было заявлено, что, восходя к изобразительным традициям эпохи викингов, эта геральдическая деталь воспринималась средневековыми европейцами как символ Св. Троицы¹, возможно,

---

Данные об авторах: Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН.

¹ Кулаков 1997, 3.

за счет трехчастных «ростков клевера», располагавшихся на концах дугообразного «стебля». Цвет черного орла мог символизировать, в соответствии со средневековой традицией, искупление грехов или же так называемый «божественный мрак»².

Правда, в ряде случаев «стебель клевера» на прусском орле в его поздних версиях отсутствовал. Задача предлагаемой статьи – выяснить причины становления и исчезновения важной детали прусской иконографии – «стебля клевера».

Впервые поперечная полоса на изображении распластанной хищной птицы представлена на ажурном бронзовом наконечнике ножен меча (рис. 1, 1) «скандинавской группы» (по П. Паульсену³), обнаруженном на поселении у могильника Birka. В фигуру птицы вплетена фигура человека с раскинутыми руками (рис. 1, 1). Вслед за С. Линдквистом, С.Ю. Каинов трактует это уникальное изображение как символ человеческого жертвоприношения, совмещенного с принесением в жертву птицы⁴. Данный сюжет представлен на одном из готландских рунических камней XI в. (рис. 1, 2). Скорее всего, именно к этому иконографическому феномену – совмещению распластанных фигур птицы и человека – восходит специфическая деталь наконечников ножен меча «скандинавской группы» – горизонтальная полоса, протянутая поперек рассеченного вертикально тела птицы (судя по гребешку на голове и бородке – петуха – рис. 2), ставшей, в частности, предтечей византийского двуглавого орла⁵. Рудименты человеческой пятерни четко читаются на краях этой полосы, являясь пережитком (точнее – акцентом) иконографии человеческого жертвоприношения, показанной на рис. 1. Видимо, в процессе скандинавского человеческого жертвоприношения уходящий к Богам мужчина распинался на некоей плоскости (на стене строения?). Один из вариантов акцентирования такого рода детали, принявший облик узла, показан на распятии из Jelling, Danmark (рис. 3) в виде узлов на концах горизонтальной полосы.

На завершающей фазе эпохи викингов упоминавшиеся выше горизонтальные полосы, призванные, по мнению скандинавских ювелиров, акцентировать распластанность изображаемой жертвенной (?) птицы, в упрощенном виде появляются на прото-геральдических изображениях орла (рис. 4, 1), являющихся первыми государственными символами молодых феодальных государств Западной и Северной Европы. Примечательно, что в эту историческую эпоху подобные протогеральдические фигуры представлены и в византийском изобразительном искусстве (рис. 4, 2), причем с такими же полосами, наложенными на распахнутые крылья птицы. Очевидно, традиции изобразительного искусства эпохи викингов стали известны и ювелирам Малой Азии. Как показывают материалы западноевропейского изобразительного искусства эпохи Великого переселения народов, германские ювелиры переняли фигуру римского орла – спутника Юпитера – и в своих произведениях в это время и позднее представляли эту хищную птицу как символ мощи и власти первых королей варварских государств Европы⁶.

² Касперавичюс 1990, 19.

³ Paulsen 1953, 17.

⁴ Каинов 2009, 81.

⁵ Кулаков 1994, 7.

⁶ Kulakov, Markowets 2004, 187.

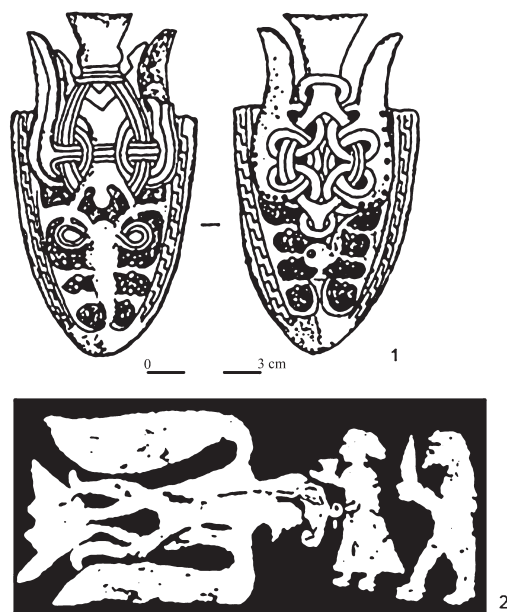

Рис. 1. Изображения человеческих жертвоприношений в скандинавском искусстве эпохи викингов: 1 – наконечники ножен мечей из поселения Swarta Jorden (Birka, Sweden); 2 – рунический камень из Nattam III (Gotland, Sweden)⁷

Fig.1. Images of human sacrifices in the Scandinavian art of the Viking Age: 1 - the heads of the sword scabbards from the Swarta Jorden settlement (Birka, Sweden); 2 – runestone from Nattam III (Gotland, Sweden)

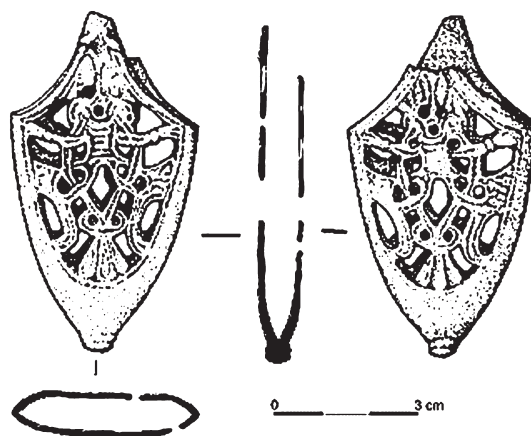

Рис. 2. Наконечник ножен меча с мотивом совмещенных фигур человека и птицы из Центральной курганный группы Гнездово (случ. нах.)⁸

Fig. 2. The tip of the sword scabbard with the motif of the combined figures of a person and a bird from the Central burial mound group Gnezdovo (Accidental find)

⁷ Каинов 2009, рис. 7.

⁸ Каинов 2009, рис. 8,2.

Рис. 3. Распятие на камне в Jelling (Danmark) (<http://ru-sled.rustili>)
 Fig.3. Crucifixion on stone in Jelling (Danmark) (<http://ru-sled.rustili>)

Рис. 4. Изображения орлов с прототипом «стебля клевера»: 1 – монета конунга Свена Эстрипсона, 11 в. (клад на о. Готланд). Серебро; 2 – печать Людвига Баварского, 1337 г.; 3 – плакетка от бронзовой двери, базилика Святого Павла (Basilica di San Paolo Fuori le Mura), Рим, XI в. (1⁹; 2¹⁰; 3¹¹)

Fig.4. Images of eagles with a clover stem prototype: 1 – coin of King Sven Estripson, 11th century. (treasure on the island of Gotland). Silver; 2 – seal of Ludwig of Bavaria, 1337; 3 – plaque from a bronze door, St. Paul's Basilica (Basilica di San Paolo Fuori le Mura), Rome, XI century. (1; 2; 3)

⁹ Кулаков 1997, рис. 3,2.

¹⁰ Beck 2013, Abb. 37, b.

¹¹ <https://www.facebook.com/baelenabooks/photos/a.258607537838852/1305467626486166/>

Стоит с уверенностью предположить, что и германские, и византийские ювелиры, из рук которых в XI в. выходили изображения распластанных петухов и орлов, поперечной полосой на их туловах и крыльях стремились акцентировать для реципиента сакральный смысл этого первоначально жертвенного изображения. Разумеется, в христианском мире этого времени конкретные данные о жертвенности таких птиц в сознании мастеров уже отсутствовали. Однако какой-то рудимент сознания, некая генетическая память вынуждала их подчеркивать идеологическую значимость своего творения через архаический рудимент – поперечную полосу на крыльях и тулове птиц.

В позднем средневековье четыре западноевропейских региона (рис. 5) имели на своем орлином гербе «стебли клевера», появившиеся здесь не позднее начала XVI в., тем самым продолжая традицию поздневикинских изображений жертвенной птицы. Стоит отметить, что имеющаяся в гербе Силезии (Schlesien) серповидная фигура, наложенная на плечи птицы и генетически связанная со «стеблем клевера», в немецкой геральдике именовалась *Halbmondsringe* (нем. «Накладка в форме полумесяца»)¹². Скорее всего, именно эта геральдическая деталь стала связующим типологическим звеном между поперечными полосами, перекрывавшими тело птицы в эпоху викингов, и позднейшими «стеблями клевера».

Примечателен факт изображения в геральдике средневековой Европы орла в полностью фронтальном положении. Это явный рудимент поздневикинской распластанной жертвенной птицы. Пятым регионом, обладавшим таким гербом, являлось герцогство Пруссия. Оно получило орлиный герб в эпоху правления последнего Великого Магистра и первого герцога Пруссии Альбрехта Бранденбургского¹³.

Правда, пока остается неясным феномен отсутствия «узлов» на концах поперечных линий, пересекавших плечи геральдических орлов (рис. 4) в XI в. Такие «узлы» представлены на изображениях эпохи викингов (рис. 1–3) и имеются у позднейших «стеблей клевера». Данная лакуна в истории этого изображения остается пока необъяснимой. Примечательно, что германские имперские орлы, начиная с конца XII в., лишены «стеблей клевера» или их рудиментов¹⁴.

В первой половине XVIII в., в эпоху правления прусского короля Фридриха II Великого (1712–1786 гг.), прусский геральдический орел в соответствии с актуальными для того времени классическими нормами в изобразительном искусстве приобретает трехмерный вид (фактически – 3D). В связи с этим бывшая ранее обязательной для изображения во всех геральдических конструкциях плоскостная (распластанная) версия орлиной фигуры становится ненужной и, очевидно, в связи с этим с груди орла исчезает «стебель клевера» (рис. 6). На протяжении практически всего XVIII и XIX вв. при господстве в Пруссии норм классического, а затем и ампирного стиля геральдический орел отходит от традиционных консервативных норм. В частности, это подчеркивается утратой «стебля клевера» (рис. 7). Примечательно, что с орла, представленного на гербе Кенигсберга, «стебли клевера» никогда не исчезали.

¹² Bierwagen 2008, 69.

¹³ Кулаков 1997, 7.

¹⁴ Rabbow 2011, 56–63.

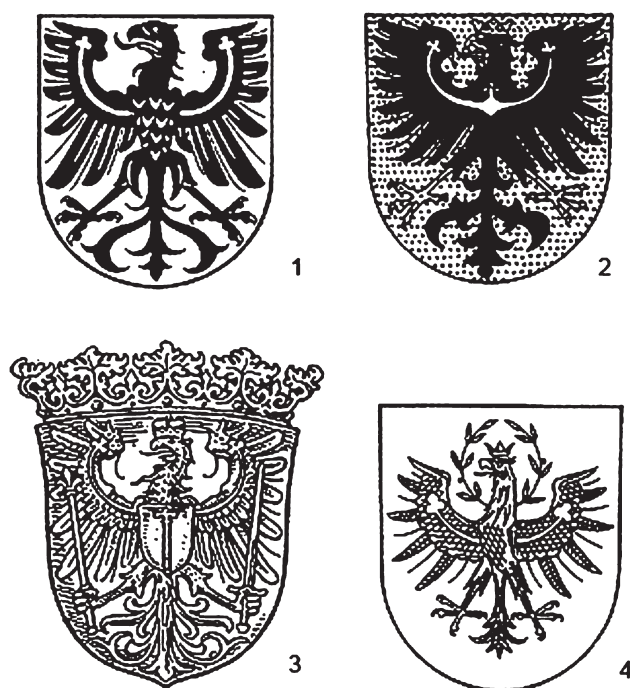

Рис. 5. Европейские гербы, изображающие орла со «стеблем трилистника» на плечах: 1 – герб города Reinsberg (не позднее XIII в., Česko) 2 – герб города Опава (не позднее кон. XIII в., Česko) 3 – герб провинции Бранденбург (не позднее 1250 г., Deutschland). 4 – герб австрийской союзной земли Тироль¹⁵

Fig. 5. European coats of arms depicting an eagle with a shamrock stem on its shoulders: 1 - coat of arms of the city of Reinsberg (no later than the 13th century, Česko). 2 – coat of arms of the city of Opava (no later than the end of the 13th century, Česko). 3 – coat of arms of the province of Brandenburg (no later than 1250, Deutschland). 4 – coat of arms of the Austrian union state of Tyrol

Рис. 6. Прусский талер чекана 1750 г. Частная коллекция

Fig. 6. Prussian thaler minted in 1750. Private collection

¹⁵ Кулаков 1997, рис. 5.

Рис. 7. Нагрудная бляха Königlicher Fischer-Schutz («Королевская рыбоохрана»). Эпоха Фридриха II Великого (1712–1786 гг.). Частная коллекция

Fig. 7. Breastplate Königlicher Fischer-Schutz (“Royal Fisheries Protection”). The era of Frederick II the Great (1712–1786). Private collection

Рис. 8. Нагрудная бляха Gemeindediener zu Norgau («Общинный служитель (общины) Norgau/Медведево»). Эпоха Вильгельма I (1797–1888 гг.). Частная коллекция

Fig. 8. Breastplate Gemeindediener zu Norgau (“Community minister (of the community) Norgau / Medvedevo”). The era of Wilhelm I (1797–1888). Private collection

Лишь в третьей четверти XIX в., в эпоху достаточно консервативного правления короля и основателя II Райха Вильгельма I (1797–1888), прусский герб, уже не игравший на германском политическом пространстве ведущей роли, вновь возвращается к своим традиционным нормам и возвращает себе «стебель клевера» (рис. 8). С этой деталью, но уже без королевских инсигний прусский орел доживает до эпохи Веймарской республики, внося в Новейшее время тысячелетнюю традицию обозначения распластанности геральдической фигуры посредством «стебля клевера».

ЛИТЕРАТУРА

- Каинов, С.Ю. 2009: Наконечники ножен мечей из Гнездово. *Acta Militaria Medievalia* V, 79–110.
- Касперавичюс, М.М. 1990: *Функции религиозной и светской символики*. Л.
- Кулаков, В.И. 1994: Предшественники эмблемы Византии. *Гербовед* 5-6. Вып. 1–2, 5–11.
- Кулаков, В.И. 1997: Иконография геральдических орлов Германии и Пруссии. *МАРС* 1, 1–14.
- Beck, L.F. 2013: Wappen, Siegel und Wappensiegel. Vom Weg der Wappen in der Spiegel weltlicher Landesherr (an ausgewählten Beispielen). *Kleeblatt* 2/2013, 79–95.
- Bierwagen, H. 2008: Der Adler Schlesiens. *Kleeblatt* 1/2008, 66–70.
- Kulakov, V., Markowets, M.Yi. 2004: Birds as Companions of Germanic Gods and Heroes. *Acta Archaeologica* 75.2, 179–188.
- Paulsen, P. 1953: Schwertortbänder mot Vogelmotiven aus der Wikingerzeit. *Medderllanden från Lunds universitets Historiska museum 1950–1951*, 11–38.
- Rabbow, A. 2011: Das älteste Hoheitszeichen der Welt. Der deutsche Adler ist 1200 Jahre alt. *Kleeblatt* 2/2011, 56–64.

REFERENCES

- Beck, L.F. 2013: Wappen, Siegel und Wappensiegel. Vom Weg der Wappen in der Spiegel weltlicher Landesherr (an ausgewählten Beispielen). *Kleeblatt* 2/2013, 79–95.
- Bierwagen, H. 2008: Der Adler Schlesiens. *Kleeblatt* 1/2008, 66–70.
- Kainov, S.Yu. 2009: Nakonechniki nozhen mechey iz Gnezdovo [Scabbard tips of swords from Gnezdovo]. *Acta Militaria Medievalia* V, 79–110.
- Kasperavichyus, M.M. 1990: *Funktsii religioznoy i svetskoy simboliki* [Functions of religious and secular symbols]. Leningrad.
- Kulakov, V., Markowets, M.Yi. 2004: Birds as Companions of Germanic Gods and Heroes. *Acta Archaeologica* 75.2, 179–188.
- Kulakov, V.I. 1994: Predshestvenniki emblemy Vizantii [The predecessors of the emblem of Byzantium]. *Gerboved* [Herbologist] 5–6. Iss. 1–2, 5–11.
- Kulakov, V.I. 1997: Ikonografiya geralticheskikh orlov Germanii i Prussii [Iconography of the heraldic eagles of Germany and Prussia]. *MARS* 1, 1–14.
- Paulsen, P. 1953: Schwertortbänder mot Vogelmotiven aus der Wikingerzeit. *Medderllanden från Lunds universitets Historiska museum 1950–1951*, 11–38.
- Rabbow, A. 2011: Das älteste Hoheitszeichen der Welt. Der deutsche Adler ist 1200 Jahre alt. *Kleeblatt* 2/2011, 56–64.

FEATURES OF THE ICONOGRAPHY OF THE PRUSSIAN HERALDIC EAGLE

Vladimir I. Kulakov

Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia
drkulakov@mail.ru

Abstract. In European heraldry, the specificity of the iconography of the Prussian heraldic eagle has not yet aroused the interest of specialists. Drawing on the monuments of the Viking Age fine arts, it was possible to establish the deep roots of such a specific feature of the Prussian

eagle iconography as the “clover stem”. This figure goes back to the details of the 10th century sword scabbard heads, and emphasizes the sprawling figure of the heraldic bird. Of course, medieval artists have firmly forgotten the initial sacrificial meaning of this stripe crossing the bird and perceived the “stem of the clover” as a symbol of the Holy Trinity. At the beginning of the 16th century. In the first half of the 18th century. The “stem of the clover” becomes an indispensable detail of the Prussian heraldic eagle. During the reign of Frederick II the Great, both in Europe and in Prussia, the style of classicism, characterized by the desire to achieve maximum realism of the depiction of living beings, spreads. In particular. The Prussian eagle loses its flat, flattened positioning and begins to be depicted in a 3/4 turn with its left wing raised during the ascent. At the same time, the “stem of the clover” disappears from his chest. He returned here in the middle of the 19th century. It is noteworthy that the “stems of clover” never disappeared from the eagle represented on the coat of arms of Königsberg.

Keywords: historical Prussia, heraldic eagle, “clover stem”

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 149–163
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 149–163
©Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-149–163

«ЗДЕСЬ ТЕПЕРЬ Я ОТДЫХАЮ ПОД ЗЕМЛЕЙ, О ХОЗЯИН, МНОГО ПОТРУДИВШИЙСЯ»: МЕСТО СОБАКИ В ЖИЗНИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ОЙКОСА НА МАТЕРИАЛЕ НАДГРОБНЫХ НАДПИСЕЙ¹

Л.Г. Елисеева¹, Е.Н. Андреева²

¹*Институт всеобщей истории РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
liubovgeliseeva@gmail.com

²*Институт всеобщей истории РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия*
aenik@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются древнегреческие эпитафии собак и предпринимается попытка продемонстрировать, какого рода информацию можно извлечь из подобных текстов. Анализируя тексты эпитафий, авторы сравнивают их не только с аналогичными латинскими текстами, но и с древнегреческими надгробными надписями, посвященными людям. В работе затрагиваются такие темы, как клички собак и их «профессии». Авторы приходят к выводу, что формулы, используемые в собачьих эпитафиях, а также их клички ближе всего к именам и формулам из эпитафий рабов и/или других зависимых членов домохозяйства.

Ключевые слова: греческая эпиграфика, поэтические эпитафии, эпитафии собак

В античной культуре отношение к собакам в самых общих чертах можно описать как двойственное. С одной стороны, собаки считались «нечистыми» животными, связанными с хтоническими божествами. Как в гомеровском эпосе, так и в

Данные об авторах: Елисеева Любовь Григорьевна – аспирант отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН; преподаватель исторического факультета ГАУГН; участник научного коллектива по гранту РФФИ № 20-09-00386 А «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ» исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Андреева Евгения Николаевна – научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН; преподаватель исторического факультета ГАУГН.

¹ Авторы хотели бы выразить благодарность за помощь при подготовке этой статьи А.И. Иванчику, А.В. Белоусову, Б.Е. Александрову и Е.В. Ляпустиной.

Л.Г. Елисеева выполнила свою часть исследования при поддержке гранта РФФИ № 20-09-00386 А «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ». Исследование Е.Н. Андреевой выполнено в рамках государственного задания ГАУГН по теме № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории».

эпиграфических памятниках κύων используется как оскорбление². В эпосе герой часто угрожает убить своего врага и оставить его мертвое тело на растерзание животным, причем особо отмечается, что именно собаки питаются трупами (*Il.* I. 4–5; XXII. 348–54); отсюда же, видимо, берут свое начало угрозы в адрес грабителей на надгробиях: незахороненные тела грабителей обречены на то, чтобы их обглодали собаки (*SEG XLII*: 1156). С другой стороны, собаки могли жить при святилищах и даже быть источником исцеления. Так, из святилища Асклепия в Эпидавре до нас дошли списки «пациентов» IV в. до н.э., их болезней и средств, с помощью которых они излечились. В частности, мальчик по имени Аигинат, страдавший от некоего новообразования в горле, был «излечен» одной из собак святилища³. В своем исследовании, однако, мы постараемся в первую очередь рассмотреть не абстрактные позитивные и негативные характеристики, которые приписывались собакам в античном обществе, но те реальные взаимоотношения между хозяевами и их питомцами, свидетельства которых дошли до наших дней.

Тема взаимоотношений человека и собаки уже привлекала внимание исследователей, которые подходили к ней с разных сторон. Ф. Орт, Х. Шольц, Д.Б. Халл, Р.Х.А. Мерлен, С. Лилья, К. Майнолди, К. Франко⁴ рассматривают представления греков о характерных особенностях собак, в том числе и негативных (например, собака – это, в первую очередь, существо, лишенное чувства стыда – αἰδώς, питающееся падалью), а также использование этих характеристик как эпитетов для людей⁵. К.Ф. Китчелл исследовал роль собаки как возможного маркера социального статуса ее владельца⁶. Эпитафиями собак как эпиграфическими памятниками занимались Г. Геррлингер, Фр. Шаму⁷ и другие, причем следует особенно отметить работу В. Гарулли⁸, где эпитафии собак освещаются в контексте развития литературной традиции.

Мы проанализировали тексты древнегреческих эпитафий собак, чтобы, сравнив их со структурой надгробных надписей, посвященных людям, выявить характерную для них структуру, формулы и тропы. Особенность языка древнегреческих надписей состоит в использовании формул, т.е. общепринятых выражений, которые разъясняют обстоятельства возникновения конкретной надписи, фиксируют переход от одной структурной части надписи к другой. Например, в государственном декрете формулы разъясняют причину и процедуру его принятия. Точно также в структуре надгробной надписи можно выделить формулы, которые сообщают нам о жизни усопшего и его взаимоотношениях с членами семьи, установившими надгробный памятник. Таким образом, мы надеемся получить не только свидетельства эмоциональной привязанности хозяина к его питомцам⁹, но и получить материал для исследований о том, какую роль отводили собакам в ойкосе.

² Например, κύων; см. Oikonomides 1987, 37–42; *SEG XXXVII*: 203.

³ *IG IV*², 1 122; см. Scholz 1937; Franco 2014, 7–8, 54–74.

⁴ Orth 1913; Scholz 1937; Hull 1964; Merlen 1971; Lilja 1976; Mainoldi 1984; Franco 2014; 2020.

⁵ См. Franco 2014, 161–184 с примечаниями.

⁶ Kitchell 2004.

⁷ Herrlinger 1930; Chamoux 2001.

⁸ Garulli 2014.

⁹ В данной работе под питомцем мы понимаем животное, которое в первую очередь является компаньоном, т.е. которое имеет имя, с которым у хозяина установилась личная связь и которое не предназначено в пищу (Lewis, Llewellyn-Jones 2018, 713).

Мы рассмотрели две группы текстов: с одной стороны, надгробные надписи, высеченные на камне, а с другой – древнегреческие эпитафии собак, которые дошли до нас посредством литературной традиции. Датировка надписей из первой группы можно определить периодом с IV в. до н.э. по II в. н.э. В эту группу входит эпитафия собаки Бальба, «оплаканной» собаки, эпитафии собак Филокинига, Теи, Тирана, Партенопы и Стефана¹⁰, причем эпитафия последнего была вырезана на его саркофаге. Некоторые камни были потеряны, и надписи дошли до нас только в списанных копиях.

Ко второй группе относятся эпитафии собак по имени Ликада и Локрида, псов по имени Тавр («Бык») и Лампон¹¹. Эти эпитафии можно приблизительно датировать по времени жизни поэтов, но их общая датировка не выходит за пределы IV в. до н.э. – I в. н.э. При рассмотрении этих эпитахий следует иметь в виду, что эти тексты не являются реальными надгробными надписями, а, возможно, представляют собой поэтические этюды или даже пародийные произведения. Например, Тавр описывается гомеровским эпитетом ἀργός (ср. *Il.* I. 50, XVIII. 283 и так далее). Поэтическая формула из этой же эпитафии (νῦν δὲ τὸ κεῖνον φθέγμα σιωπῆραι νυκτὸς ἔχουσιν ὁδοί – «ныне же его голос принадлежит тихим дорогам ночи») – популярный поэтический троп, согласно которому в существовании после смерти царит тишина¹². Несмотря на возможный шуточный характер, данные из этих текстов могут оказаться полезными для нашего исследования, так как они являются отражением, пусть и ироническим, представлений древних о месте собаки в их жизни.

Для сравнения мы привлекаем латинские эпитафии собак (например, эпитафии собак Маргариты¹³, Патрики¹⁴, Мюйи¹⁵, Елены¹⁶, Эолиды¹⁷ и собаки, охранявшей колесницы¹⁸), а также человеческие эпитафии, дошедшие до нас как в литературе, так и на камне, в которых упомянуты питомцы, часто только по имени (эпитафия девушки Бассы с именем ее собаки Унионы¹⁹; эпитафия атлета Антониана с именем его собаки Парегориды²⁰; эпитафия гладиатора Автолика с именем собаки Эпиодий – Ἐπιόδις)²¹. Упоминание собаки на надгробном камне вовсе не означает, что она была похоронена вместе с хозяином, однако ее упоминание представлялось составителям эпитафии важным²².

¹⁰ EG 329; 627; 332; 626; Dobias-Lalou, Gwaider 1997, 27–30; IG XII, 2 459; SEG XLI: 1283.

¹¹ Poll. *Onom.* V. 48; AP VII. 211; IX. 417. Тексты и переводы рассматриваемых эпитахий собак и подробную библиографию см. в Приложении.

¹² См. комм. к этой эпитафии в издании Jacobs 1826, 379, no. 17; ср., например, *umbrae silentes* и *loca nocte tacentia late* в Virgil. *Aen.* VI. 264–5.

¹³ CIL VI 4, 29896; CLE 1175 (I–II вв. н.э.; Галлия).

¹⁴ CLE 1176 (II в. н.э.; Салерно).

¹⁵ CLE 1512; Geist 1969, Nr. 402 (II в. н.э., Augusta Ausciorum).

¹⁶ CIL VI, 3 19190 (150–200 гг. н.э., Рим).

¹⁷ AE 1994: 348.

¹⁸ CIL IX 5785 (1); CLE 1174; Herrlinger 1930, Nr. 50; Geist 1969, Nr. 399 (II в. н.э., Рицина).

¹⁹ IK Ephesos VI 2231; см. также Bull. 1979, 16; Chamoux 1990, 117 (Эфес, римское время).

²⁰ SEG XX: 752 (Кирены, вторая половина III в. н.э.); см. также Chamoux 1990, 116.

²¹ IG XII, 2 644; Bull. 1974, 459; см. также Robert 1940, 223–225, no. 285; Bean 1973, 408–409, no. 43; AE 1973, 521.

²² Особняком стоит эпитафия воина Гиппаймона, его слуги, коня и собаки, которая сохранилась в составе Палатинской антологии (AP VII, 304). Она, скорее всего, является стилизацией, которая никогда не предназначалась для нанесения на реальное надгробие. В литературе давались

Собаки в античных эпитафиях в первую очередь описывались с помощью тех функций, которые они выполняли. Эти функции, или, если можно так сказать, «профессии», были обусловлены разным социальным положением их хозяев: собаки пастуха занимались охраной стада, человек высокого социального положения мог позволить себе завести охотничьих собак или маленьких «комнатных» собачек, чьей единственной задачей было радовать своих хозяев²³. Добродетельные качества собак, отмеченные в их эпитафиях, также зависят от их «профессии». Маленьких собак будут хвалить за проявление любви к хозяину, хорошее поведение и игривость: собака Тея дарила радость своей хозяйке, и поэтому та по ней тоскует (κοῦρη δὲ ἄβρων / ἄθυμα ποθοῦσα / ἐλεεῖνὰ δακρύ/ει), а пес Стефан был счастьем для Родопы (Ροδόπ[ης(?) εὐδ]αίμονία); те же самые похвалы встречаются и в латинских эпитафиях Патрики и Мюии. Владельцы сторожевых или охотничьих собак благодарны за честное исполнение долга: например, перечисляются те свойства, которые делали прекрасными охотниками Ликаду (в эпитафии подчеркивается ее доблесть – τὰν δ' ἄρετὰν) и Лампона (который за свою жизнь успел многое совершить – ὑπὲρ ψυχῆς πολλὰ πονησάμενον); хвалят в латинской эпитафии и безымянного сторожа колесниц, который «никогда не лаял напрасно» (numquam latravit inepte). Бальб и вовсе называет свою питомицу «служанкой и спутницей во многих путешествиях» (δουλίδα καὶ σύμπλουν πολλῆς ἁλός). Конечно, доброту ценили не только в «комнатных» собаках: охотничья собака Маргарита, точно так же, как и маленькая Патрикe, имела обыкновение сидеть на коленях у своих хозяев (molli namque sinu domini dominaeque iacebam)²⁴. В определенной мере это отражено в литературной традиции. Так, Ксенофонт советует воспитывать собак добрым словом, а не применением силы; их следует ласково поощрять и во время охоты каждую звать по имени (Сул. 6.10, 17.22, 17.25). Арриан пишет, что собаки к людям, которые ласково с ними обращаются, и к тем, подле кого они спят, привязываются не меньше, чем к тем, кто их кормит (Сул. 9.1, 10).

Иногда мы встречаем указание на происхождение или породу собаки и можем сделать выводы о ее роли исходя из этого. В литературной, возможно, шуточной, эпитафии Тавра сказано, что он родом с Мелиты (τὸν ἐκ Μελίτης ἀργὸν κύνα). Страбон сообщает, что с этого острова «происходят маленькие собачки, называемыми мелитскими» (VI. 2. 11: τὰ κυνίδια ἃ καλοῦσι Μελιταῖα; пер. Г.А. Стратановского), Плиний Старший тоже говорит о небольших «мелитских» собаках (unde catulos melitaeos appellari: NH III. 152; пер. Б.А. Старостина), хотя сам остров оба автора локализуют в разных местах. О внешности этих собак дает ясное представление краснофигурная ваза из Вульчи, где над небольшой и пушистой собакой написано различные интерпретации этого текста, см. L. Robert, J. Robert 1976, 207, n. 215; Chamoux 1990, 118. А.И. Зайцев (Zaicev 1996, 139–150) рассматривает эту эпитафию как вполне реальную надгробную надпись; А.И. Иванчик (Ivantchik 2005, 118–124) показывает, что текст представляет собой позднюю шуточную имитацию, что и объясняет говорящие имена всех его героев. О. Массон (Masson 1962, 139) вместо сохранившегося варианта имени пса (Λήθαργος – «Апатичный») предлагает конъектуру Λαίθαργος («Кусающий без лая»).

²³ Brewer, Clark, Phillips 2001, 64.

²⁴ Высказывалось предположение, что Маргарита начала свою жизнь как охотничья собака, а затем стала комнатной собакой (Lewis, Llewellyn-Jones 2018, 718), однако не вполне ясно, почему нежная привязанность к хозяевам кажется авторам невозможной для охотничьей собаки. Например, Арриан (Сул. 5. 1–6) рассказывает, как его любимая охотничья собака по имени Ὀρμὴ одновременно была ему и компаньоном.

ΜΕΑΙΤΑΙΕ – и точно таких же собак мы встречаем как своего рода сопровождающих на аттических надгробных памятниках людей²⁵. Мы можем сделать вывод, что Тавр был «комнатной» собачкой, несмотря на то, что в тексте эпитафии его голос описан тем же словом, которым можно обозначить бычий рев (φθέγμα), а сам пес назван «самым верным стражем Евмела» (Εὐμήλου πιστότατον φύλακα) – характеристики, приписанные ему, очевидно, иронически; да и само его имя – «Бык» – очевидно тоже шутка²⁶. Еще один пример шуточного имени мы встречаем уже в реальной надписи: собака по имени Тиран (Τύραννος), несмотря на свое говорящее имя, «много потрудился» ради своего хозяина ([πο]λλὰ πονήσας).

«Профессиональные» обязанности собаки могут быть отражены и в ее имени, например, «Филокиниг» (Φιλοκύνῃος) буквально можно перевести как «любящий охоту», а «Парегорида» – как «приносящая успокоение» (Παρηγορίς vel Παρηγόρις). Хотя «Локрида» в эпитафии Аниты Тегейской наверняка является именем собственным (схожее имя зафиксировано также и у людей, ср. Локрós или Λοκρίων LGPN I, 289), стоит отметить, что с локридскими собаками Ксенофонт советует ходить на дикого кабана (Cyn. 10. 1: πρὸς δὲ τὸν ὕν τὸν ἄγριον κεκτῆσθαι κύνας... Λοκρίδας); для этой же цели он также советует индийских собак, а из двух эпитафий, сохранившихся на папирусе, мы знаем о Тауроне Индийце (Ταύρων Ἰνδός), собаке Зенона, охотившемся на кабанов²⁷, и в этом случае имя, однокоренное со словом «бык», абсолютно оправдано. С другой стороны, следует отметить, что две фактически одинаковые клички – Οὐνίων (греческая транскрипция латинского unio) и Margarita (латинская транскрипция греческого μαργαρίτης) – «Жемчужина» – указывают на цвет и красоту собаки, но если первую собаку, Униону, принадлежавшую девочке по имени Басса, скорее следует отнести к «комнатным» собачкам, то Маргарита была охотничьей собакой²⁸.

Все перечисленные выше имена собак куда более сложные, чем им следовало быть, по крайней мере, согласно советам древних авторов. Ксенофонт предлагает следующие варианты имен, которые, по его мнению, должны быть для удобства хозяина короткими, но благозвучными: Ψυχή («Душа»), Φύλαξ («Страж»), Φόναξ («Жаждающий крови»), Χαρά («Радость») и т.д. (Cyn. 7. 5). Колумелла (Rust. VII. 12. 13) соглашается с Ксенофоном и добавляет несколько греческих и латинских имен для сук: Spoude («Усердие»), Alke («Отвага») и Fegox («Отважная»), Lupa («Волчица»), Tigris («Тигрица»).

У собак также могли быть человеческие имена: в наших эпитафиях это Стефан, Лампон, Партенопа, а также, например, Елена из латинской эпитафии. Кроме того, такие «говорящие имена», как Филокиниг, Тавр и Тиран, встречались и у людей (LGPN I, 429; III.A 437; IV, 347). Другие клички можно соотнести с близкими

²⁵ Keller 1909, 93, fig. 34. Собаку Елену, судя по рельефу на ее надгробном камне, также можно отнести к этой породе и, соответственно, определить ее предназначение как «комнатной» собаки (URL <http://www.getty.edu/art/collection/objects/6727/unknown-maker-grave-stele-for-helena-roman-ad-150-200/>; дата обращения: 08.08.2020).

²⁶ Эд.Л. Хикс по причине несоответствия породы «профессии» и имени посчитал эту эпитафию подделкой, даже не рассматривая возможность, что такое имя могло быть дано собаке в шутку (Hicks 1882, 130, n. 1).

²⁷ P. Cair. Zen. IV, 59532, 256–246 гг. до н.э. См. Lloyd-Jones, Parsons 1983, 489–490, no. 977; Perrier 2007, 605–622.

²⁸ В данном случае интересно отметить «инверсию» языков – латинская кличка греческой собаки и греческая – римской, что может указывать на тенденцию давать собакам «экзотические» имена.

им по форме человеческим именам, например, Ликада (Λυκάς; ср. Λύκος, *LGPNI*, 290–291, или Λυκάς, *LGPNI* III.B, 262), Тея (Θεία; ср. Θεαῖος, *LGPNI*, 211), Локрида (Λόκρις; ср. Λοκρός или Λοκρίων *LGPNI*, 289).

Что мы можем сказать о людях, у которых были такого рода «говорящие» имена, как, например, Филокиниг? Предположение, что такие имена принадлежат людям зависимого положения, является достаточно очевидным. Мы не ставим перед собой задачу сейчас проделать полноценное сравнение собачьих и человеческих имен, так как такой анализ требует большой подготовки. Однако хотелось бы высказать общее предположение, касающееся в первую очередь римского контекста, что имена собак и людей зависимого положения имеют схожую структуру: такое имя содержит намек на самую характерную и отличительную черту человека или собаки. Такие характеристики можно разделить на несколько категорий. Во-первых, в имени может содержаться указание на обязанности. Например, именем Φύλαξ – «Страж» – могли зваться и люди (*LGPNI*, 476), и собаки (если верить Ксенофону); а один Филокиниг, живший во II в. н.э., был гладиатором-ретиарием²⁹, который почти наверняка был человеком зависимого положения. Во-вторых, с помощью имени могут подчеркиваться личные достоинства, или же в нем могут быть заключены некие абстрактные добродетели (можно сравнить имя раба Ἀγαθος³⁰ и имя собаки Θεία). Иногда имена восходили к мифам, историческим фигурам и религиозным практикам, например, такие широко распространенные имена, как Партенопа и Елена, встречаются в том числе как среди собак, так и среди рабов³¹. В этой связи также имеет смысл отметить, что собачьи клички в латинских эпитафиях часто греческого происхождения (например, Елена, Эолида и т.д., ср. упоминание собаки по кличке Лидия в эпиграмме Марциала II. 69). Можно предложить два объяснения, которые, впрочем, друг друга не исключают: во-первых, хозяева могли выбрать необычное и красивое имя (кличка «Мюйя» – «Муха»³² вовсе не является в этом смысле обидной, а скорее показывает, что хозяева в той или иной степени владели греческим языком), а во-вторых, люди с греческими именами в Италии часто были рабами или вольноотпущенниками³³. Если коснуться хронологического аспекта, то можно отметить, что с начала римского времени есть определенный рост в кличках, свидетельствующих о дружеских чувствах по отношению к питомцам, хотя количество кличек, которыми мы располагаем, слишком мало, чтобы делать окончательные выводы.

Проанализировав надгробные надписи собак, мы приходим к выводу, что их эпитафии имеют одну структуру, показывающую, что собака получает эпитафию и/или надгробный памятник как награду от своего хозяина за свои поступки, которые она смогла совершить благодаря своим добродетельным качествам, причем и поступки, и добродетели, как мы увидим, можно считать заслугами хозяина и его воспитания, а также показателем его благосостояния. Полнее всего эта струк-

²⁹ *SEG XXXIX*: 1340; *LGPNI* IV, 347.

³⁰ Masson 1973, 15.

³¹ Masson 1973, *passim*.

³² *CLE* 1512.

³³ Как пример можно привести надгробный памятник Юлии Партенопе (Ιο[υλί]α / Παρ<θ>[ε]-
νὸλ[η]), который поставил в Риме ее супруг Луций Юлий Зосим (*IGUR* II 605; *IG* XIV 1678) – можно предположить, что супруги были вольноотпущенниками некоего Луция Юлия. Подробнее см. Salway 1994, 128.

тура представлена в эпитафии Партенопы: компаньон и друг, который будет любить хозяина при жизни и будет предан и после смерти (ὅς σε προθύμως καὶ ζῶντα στέρυοι καὶ νεκρὸν ἀμφιέτοι), она получила свою награду, надгробную надпись, за свои дела, с помощью которых она выражала свою любовь и преданность.

Эпитафии собак и людей схожи в том, что иногда для их создания привлекали поэтов. Вероятно, стихотворные эпитафии можно рассматривать как показатель более высокого статуса семьи. Некоторые авторы установлены более или менее точно (например, Анита Тегейская, Антипатр из Фессалоник и другие). Иногда заказчику было недостаточно одной эпитафии: например, для Тауруна Индийца было сделано две альтернативные эпитафии. В некоторых текстах мы не можем не заметить отсылок к литературным традициям, которые в некотором смысле очеловечивали питомцев.

В эпитафиях собак также используются стандартные для человеческих надгробных надписей формулы для выражения горя (о собаке может быть сказано, что она была оплакана – ἐκλαύσθην) и пожелания посмертного благополучия (например, Бальб желает, чтобы земля была «легкой» для его собаки – Βάλβος εὐξάμενος κοῦφην τῇ κατὰ γῆς σκύ[λα]κ[ι])³⁴. Эпитафии Тирана, Филокинига, Стефана, а также эпитафия «оплаканной собаки», как и многие человеческие эпитафии, составлены от первого лица, как будто бы усопший обращается к читающему (например, νοῦνομα Φιλοκύνητος ἐμοί – «Мне имя Филокиниг»)³⁵.

Все выше сказанное тем не менее не означает, что грани между человеческими и собачьими эпитафиями была размыта, напротив, авторы эпитафий отлично осознавали ее. Родопя, хозяйка Стефана, похоронила свою собаку «как человека» (ὥς ἀνθρώπων ἔθαψεν), из чего можно сделать вывод, что автор надгробной надписи осознавал различие между погребением собак и людей. Бальб говорит, что для земли нет разницы между усопшим человеком и собакой ([ῆ]ν καὶ παρὰσχοις ἀνθρώποις ἀλόγοις ταῦτ' ἀριζομέν[η]), очевидно указывая, что в глазах людей такая разница есть. Более того, автору одной из эпитафий приходится просить читателя не насмехаться над слишком человеческим отношением к останкам собаки (μὴ, δέομαι, γελάσῃς, εἰ κυνὸς ἐστὶ τάφος³⁶). Другие рассматриваемые нами эпитафии не представляют погребения собак как что-то странное или достойное осмеяния, вопреки мнению Теофраста, что воздвижение надгробного памятника собаке – верный признак тщеславия ее хозяина (*Char.* 21.9).

Чтобы перейти к сравнению эпитафий людей и собак и заключенных в них формул, хотелось бы отметить некоторые особые черты человеческих эпитафий. Как правило, в греческих эпитафиях имя отца усопшего записывалось в родительном падеже. В некотором смысле аналогию можно найти у Гомера: самая известная собака в Греции, Аргос, пес Одиссея, обозначался через имя его хозяина в родительном падеже³⁷ – Ἄργος, Ὀδυσσεύος ταλασίφρονος (*Od.* XVII. 292). Схожую конструкцию в родительном падеже мы видим в литературной эпитафии Лампона – Λάμπωνα, Μίδου κύνα – «Лампон, собака Мидаса». Разница здесь в том, что родительный падеж не соединяет два имени напрямую.

³⁴ Ср., например, *IG* XII, 1 151 с Родоса; *GVI* 475; *MAMA* X 63; и так далее.

³⁵ Ср. *CIRB* 610; *IG* I³ 1503; IV² 1 735; и так далее.

³⁶ *IG* XIV 2128.

³⁷ Franco 2014, 37, см. также Frisch 2017, 7–18 с библиографией.

В человеческих надгробных текстах, если усопший был мужского пола, зачастую могло не быть дополнительных указаний на то, кем упомянутый в родительном падеже приходился погребенному, так как это казалось очевидным. В эпитафиях же женщин обозначение родственных связей было куда более пространственным, так как мужское имя в родительном падеже могло указывать не только на ее отца, но и на мужа, брата или сына. Такая разница между мужскими и женскими эпитафиями подчеркивает зависимое положение женщины в древнегреческом обществе, и мы можем найти этому соответствие в эпитафиях собак. Имя хозяина собаки в наших текстах сопровождается словом ἄναξ («господин»), δεσπότης («хозяин») или их синонимами, которые обычно обозначают главу домохозяйства (οἶκος), особенно если хозяином собаки был мужчина: надгробие «оплаканной» собаки было возведено руками ее хозяина (χεῖρες... ἄνακτος); Тирран верно служил своему хозяину – δεσπότη; а в эпитафии Партенопы ее хозяин назван ее троφεύς – «кормильцем». Можно подытожить, что обозначение таким образом хозяев не случайно. Стоит отметить, что у Гомера обычным термином для обозначения хозяина собаки является ἄναξ (например, *Il.* XXIII. 173). Это же слово также означает не только предводителя войска, но и хозяина дома (*Od.* I. 397, cf. *LSJ* s.v.). У δεσπότης также есть значение «хозяин дома». Мы находим удивительную параллель этому двойному смыслу в надгробных памятниках. Изображенные или упомянутые на надгробных стелах лошадь, собака и раб – это те элементы, которые показывают, что перед нами гражданин, хозяин ойкоса³⁸. Собака – это своего рода символ определенного уровня благосостояния и занимаемого свободного положения³⁹. Важность такой черты, как способность воспитать собаку, для полноценного конструирования характера усопшего, имели и упоминания собак в надгробных надписях женщин (например, собака Унион в эпитафии девочки Бассы)⁴⁰.

Если же в тексте эпитафии не используются слова ἄναξ, δεσπότης или их синонимы, иерархия может описываться другими словами, то есть собака в свою очередь может обозначаться как слуга или раб. Собака, которую похоронил Бальб, обозначена словом δοῦλῖς – «рабыня». Можно сказать, что эти слова – «хозяин» и «раб» – в одинаковой степени указывает на иерархические отношения. Среди латинских эпитафий мы находим соответствие этому принципу в эпитафии собаки Елены, которая названа *alumna*, что означает, что она воспринималась своим хозяином либо как воспитанница, либо как рабыня, родившаяся в доме (в свете текста надгробия, поставленного Бальбом, мы можем предположить, что второй вариант предпочтительнее). Собака по имени Тея обозначена по отношению к своей хозяйке как троφίμη – «воспитанница»⁴¹. Мы располагаем достаточным количеством греческих эпитафий, в которых упоминаются «воспитанники»: обычный

³⁸ Franco 2014, 73.

³⁹ Если мы обратимся к литературной традиции, то можно увидеть подтверждение такой интерпретации, так, Трималхион особо выделяет в своем завещании, чтобы на его надгробной стеле в ногах была изображена собака (Petron. 71), что является одной из многочисленных шуток, высмеивающих тщеславие вольноотпущенника и его желание подчеркнуть свое приобретенное высокое положение в обществе.

⁴⁰ О собаках на женских надгробиях см. Franco 2014, 83–85.

⁴¹ Интересно, что Ксенофонт использует то же слово для обозначения собаки, спящей в доме (*Hell.* V. 3. 9).

термин – *θρεπτός*, однако также используются родственные *θρεπτός* и *τρόφιμος*. Эти памятники, воздвигнутые или «приемными родителями» в память о «воспитаннике», или же «воспитанниками» в честь своих «кормильцев», в большинстве случаев отражают зависимый статус *θρεπτοῦ* в домохозяйстве⁴². Однако в контексте эпитафий собак роль *τροφεύς* можно интерпретировать и в более буквальном смысле – «тот, кто выкормил (щенка)»⁴³.

По мнению К. Франко, собака редко представлялась греками в качестве раба⁴⁴, однако в рассмотренных нами текстах она определенно выступает в роли зависимого члена домохозяйства. Владельцы собак использовали те же формулы для выражения горя по умершему питомцу, что в эпитафиях несвободных членах ойкоса (рабов, вольноотпущенников, «воспитанников»), точно так же как называли своих собак именами, характерными для рабов.

В текстах человеческих надгробий нередко указывалось, кто заказал памятник: спонсором мог быть родственник или община. Например, в вышеупомянутой эпитафии гладиатора Филокинига, содержится весьма распространенная формула, в которой указывается, что надгробный памятник был поставлен его женой ради памяти о нем и оплачен из ее собственных средств (*ἐκ τῶν ἰδίων αὐτοῦ μνήμης χάριν*)⁴⁵. Так и хозяин собаки Теи поставил надгробный памятник для того, чтобы о ней осталась память (*μνήστιν ἔχουσα ἀτρεκῆ*). Владелец «оплаканной собаки», как говорится в самой эпитафии, самолично сделал надгробие и положил останки питомца в могилу. В другой эпитафии специально отмечается, что Бальб похоронил свою собаку на Лесбосе. В свою очередь хозяйка Родопы сама заказала для своего питомца саркофаг.

Эпитафии собак имеют свою структуру, которая может быть соотнесена со структурой человеческих эпитафий. Самым важным элементом этой структуры можно считать указание на хозяина, который вырастил и похоронил собаку, так как для хозяина мужского пола воспитанный и отлично проявивший себя пес – это символ его статуса, подтверждение его власти над всеми членами домохозяйства, включая собак. Что же касается имен собак, то они, как кажется, не были столь краткими и функциональными, как предлагал Ксенофонт и его последователи, а, скорее, выражали или отношение хозяина к питомцу, или же желаемые характеристики собаки. Дорогостоящий памятник, а иногда и стихотворная эпитафия – все это могло служить в том числе и показателем успешного и процветающего хозяйства. Тем не менее это вовсе не означало, что в этих эпитафиях не заключено чувство потери, которое испытывают все люди после смерти питомца. Но, несмотря на эту горечь, хозяин Партенопты советует всем, читающим надгробную надпись его собаки, завести себе такого же надежного друга, каким ему была Партенопа.

⁴² *Θρεπτοῖ* могли быть как воспитанными в доме «приемными детьми», обычно по своему социальному положению неравными своим «приемным родителям», так и рабами, рожденными и выросшими в доме. Об этом подробнее см. Ricci 2009.

⁴³ В надгробных надписях собак часто присутствовал штамп, почерпнутый из человеческих эпитафий, приписывающий собакам проявление добродетельных качеств с самого раннего возраста (например, Локрида была самой быстрой среди щенков, а Филокиниг любил охоту с самых юных лет). Цель такого описания – придать литературный стиль эпитафии, а также, возможно, подчеркнуть успешность хозяина в качестве воспитателя и дрессировщика.

⁴⁴ Franco 2019, 38–39.

⁴⁵ SEG XXXIX: 1340 (II в. н.э.).

Нам известны, главным образом через поэтическую традицию, эпитафии других животных⁴⁶, однако именно собакам посвящено большинство дошедших до нас надгробных надписей животных.

Приложение

I. Эпиграфические эпитафии

I.1. Эпитафия оплаканного пса. Происхождение: окрестности Флоренции. Датировка: II–III вв. н.э.⁴⁷

Τὴν τρίβον [ὄς] παράγεις,
 ἄ[ν] π[ω]ς τόδε σῆμα νοῆσις,
 μή, δέομαι, γέλασις, εἰ
 κυνός ἐστι τάφος·
 ἐ[κ]λαύσ[θ]ην· χεῖρες δὲ
 κόνιν συνέ[θ]η[κ]αν [ἄν]ακτος,
 ὅς μου σ[τ]ήλην τόν[δε]
 ἐχάραξε [λ]όγον.

Перевод: Проходя проторенной дорогой мимо, коль заметишь это надгробие, прошу, не смейся, пусть и это гробница собаки. Я был оплакан. Руки господина, который и вырезал эту речь на стеле моей, поместили сюда мой прах.

I.2. Эпитафия собаки Бальба. Происхождение: списана Кириаком Анконским в XV в. в Митиленах (Лесбос). Датировка: II–I вв. до н.э. либо I–II вв. н.э. Автор: возможно, Кринагор Митиленский⁴⁸.

Τὴν κύνα Λεσβιακῇ βόλῳι ὑπεθήκατο Βάλβος
 εὐξάμενος κούφην τῇ κατὰ γῆς σκύ[λα]κ[ι],
 δουλίδα καὶ σύμπλουν πολλῆς ἀλός· [ῆ]ν καὶ παράσχοις
 ἀνθρώποις ἀλόγοις ταῦτα χαρίζομέν[η].

2. ΣΚΥΚΑ MS; σκύλακι Kaibel; 3. ΑΛΟΣΤΙΝΚΑΙ MS; τιν pro ῆν, i.e. κούφην γῆν – quam tu etiam concedas Buecheler; καὶ juxta optativum pro κε scriptum Kaibel; [ῆ]ν καὶ Kaibel; [εὐ] κ[τ]ὰ παράσχοις Paton; Hicks [ἄ]ν, i.e. ἄ ἄν κε; 4. χαρίζομέν[ος] Peek et Hicks.

Перевод: Бальб похоронил собаку в лесбосской почве, свою служанку и спутницу во многих путешествиях, помолвившись, чтобы она (почва. – Е.А. и Л.Е.) была легкой для щенка, что под землей: предоставь же ее (землю для погребения. – Е.А. и Л.Е.), и людям, и бессловесным одинаковым образом угождая.

⁴⁶ Ср., однако, надгробный памятник свиньи с эпитафией рубежа II и III вв. н.э. из Эдессы (SEG XXV: 711).

⁴⁷ EG 627; GVI 1365; IG XIV, 2128; Herrlinger 1930, Nr. 41; Geist 1969, Nr. 398; Garulli 2014, 33–34, no. 7. См. также Hicks 1882, 130.

⁴⁸ Ephem. epigr. lat. II 11, no. VI; Bücheler 1874, 374; EG 329; Herrlinger 1930, Nr. 42; IG XII, 2, 458; GVI 309; SEG XL: 5199; XLVIII: 2103; GPh 1859–1866; Garulli 2014, 34, no. 8. См. также Hicks 1882, 130–131. Стоит также отметить, что у Кириака эпиграммы V и VI не разделены леммой (priori sine lemmate continuatum epigramma).

I.3. Эпитафия Теи. Происхождение: Рим. Датировка: возможно, 138–161 гг. н.э.⁴⁹

χρῆμα τὸ πᾶν
Θείας, βαιᾶς κυ-
νός, ἡρία κεύθει,
εὐνοίας, στοργῆς,
ἴδεος ἀγλαίαν·
κούρη δὲ ἄβρὸν
ἄθυρμα ποθοῦσα
ἐλεεινὰ δακρύ-
ει · τὴν τροφί-
μην, φιλίας
μνήστιν ἔχουσα [ἄ]-
τρεκῇ.

1–2. χρῆμα τὸ Πανθείας Welcker.

Перевод: Все существо Теи, маленькой собаки, сокрыто в гробнице: сияние преданности, любви, сладости. Дева, скучающая по нежной отраде, горько плачет о своей воспитаннице, имея теперь истинное напоминание о дружбе.

I.4. Эпитафия Тирана. Происхождение: Кирены. Датировка: III–II вв. до н.э.⁵⁰

Τύραννος κύων.
ἐνθάδε δὴ κεῖμαι
ὑπ[ὸ] γαίης, δέσπο-
τα, [πο]λλὰ πονή-
σας.

Перевод: Собака Тиран. Здесь теперь я отдыхаю под землей, о хозяин, много потрудившись.

I.5. Эпитафия Партенопы. Происхождение: Митилены (Лесбос). Датировка: II–III вв. н.э.⁵¹

Παρθενόπην κύνα θάψεν ἄναξ ἐὸς ἣ συνάθυρεν,
ταύτην τερπωλῆς ἀντιδιδούς χάριτα.
ἔστ' ἄθλον στοργῆς ἄρα καὶ κυσίν, ὥς νῦ καὶ ἦδε
εὖνους οὔσα τροφεῖ σῆμα λέλονχε τόδε.
ἐς τόδ' ὁρῶν χρηστὸν ποιοῦ φίλον, ὅς σε προθύμως
καὶ ζῶντα στέργοι καὶ νεκρὸν ἀμφιέποι.

1. Ἀνάξιος H.G.C. Jr.

Перевод: Похоронил собаку Партенопу, с которой играл, ее хозяин, воздавая таким образом благодарность за эту радость. Ведь есть награда за любовь и для

⁴⁹ EG 626; IG XIV 1647; Welcker 1828, 102; Herrlinger 1930, Nr. 40; IGUR III 1230; SEG XL: 1599; XLIV: 1692; Garulli 2014, 33, no. 6.

⁵⁰ Dobias-Lalou, Gwaider 1997, 28–30; SEG XLVII: 2176; Chamoux 2001; Garulli 2014, 32–33, no. 5.

⁵¹ IG XII, 2 459; GVI 691; Pottier 1880, 494; H.G.C. Jr. 1902, 290; Herrlinger 1930, Nr. 43; SEG XLIV: 1692; Garulli 2014, no. 9.

собак: так и она, будучи доброй по отношению к своему кормильцу, получила это надгробие. Смотрящий на него, заведи себе такого хорошего друга, который охотно тебя и живого бы любил, и о мертвом бы позаботился!

I.6. Эпитафия Филокинига. Происхождение: Пергам. Датировка: II–III вв. н.э.⁵²

οὐνομα Φιλοκύνητος ἐμοί· τοῖος γὰρ ὑπάρχων
θηρσὶν ἐπὶ φοβεροῖς κραίπνὸν ἔθηκα πόδα.

Перевод: Мне имя Филокиниг («Любящий охоту»); и действительно с самого начала жизни таков: против страшных зверей свой быстрый шаг я направлял.

I.7. Эпитафия Стефана. Происхождение: Писидия. Датировка: около 212 г. н.э.⁵³

----- | --- Ῥοδόπ[ης(?) εὐδ]αιμονία
Κ..Τ.ΟΝ εὐχάριτον Στέ-
φανον παίζοντες ἐφώνουν,
ἐξαπίνης θανάτῳ μεμαραμμένον
ἐνθάδε κεύθ[ει].
ἔστι κυνὸς τόδε σῆμα καταφθιμέ-
νου Στεφάνοιο, τὸν Ῥοδόπη δά-
κρυσε καὶ ὡς ἄνθρωπον ἔθαψεν.
εἰμὶ κύων Στέφανος, Ῥοδόπη δέ μ[οι]
ῥᾷετισε τύμβον. ☪

Перевод: ... счастье Родопы [...]. Они, играя, звали Стефана приятным, внезапно унесенного смертью, (и теперь он) здесь лежит. Эта гробница погибшей собаки Стефана, которого оплакала Родопа и как человека похоронила. Я собака Стефан, Родопа же мне поставила гробницу.

II. Эпитафии из литературных источников

II.1. Эпитафия Ликады из Фессалии. Автор: Симонид (ἔνδοξον Λυκάδα τὴν Θετταλὴν Σιμωνίδης ἐποίησε) или Симий Родосский (floruit ок. 300 гг. до н.э.)⁵⁴.

ἦ σεῦ καὶ φθιμένας λεύκ' ὅστέα τῷδ' ἐνὶ τύμβῳ
ἴσκω ἔτι τρομέειν θήρας, ἄγρωσσα Λυκάς.
τὰν δ' ἀρετὰν οἶδεν μέγα Πήλιον ἅ τ' ἀρίδηλος
Ὅσσα Κιθαιρῶνός τ' οἰονόμοι σκοπιαί.

Перевод: Даже после твоей смерти пред твоими белыми костями в этой гробнице, я полагаю, еще трепещут звери, охотница Ликада. Твою доблесть знает великий Пелион, и Осса, которую видно издалека, и одинокие вершины Киферона.

II.2. Эпитафия Локриды. Автор: Анита Тегейская (floruit ок. начала III в. до н.э.)⁵⁵.

⁵² EG 332; Hicks 1882, 130; Herrlinger 1930, Nr. 44; GVI 1032; Garulli 2014, 35, no. 10.

⁵³ İplikçioğlu 1991, 39–42; SEG XLI: 1283; Garulli 2014, 36, no. 11.

⁵⁴ Poll. Onom. V. 48; Herrlinger 1930, Nr. 9; Garulli 2014, 30–31, no. 1.

⁵⁵ Poll. Onom. V. 48; Herrlinger 1930, Nr. 2; GVI 1463; HE 700–703; Garulli 2014, 31, no. 2.

ῥέο δὴ ποτε καὶ σὺ πολὺρριζον παρὰ θάμνον,
Λόκρι, φιλοφθόγων ὠκυτάτη σκυλάκων·
τοῖον ἐλαφρίζοντι τεῶ ἐγκάθετο κόλῳ
ἰὼν ἀμείλικτον ποικιλόδειρος ἔχις.

Перевод: Погибла и ты у куста со множеством корней, о Локрида, из шумных щенков самая быстрая; таков был жестокий яд, что в твою лапу вложила змея с пестрой шеей.

II.3. Эпитафия Тавра. Автор: Тимн (? , конец II в. до н.э.)⁵⁶.

τῇδε τὸν ἐκ Μελίτης ἀργὸν κύνα φησὶν ὁ πέτρος
ἴσχειν, Εὐμήλου πιστότατον φύλακα.
Ταῦρόν μιν καλέεσκον, ὅτ' ἦν ἔτι· νῦν δὲ τὸ κείνου
φθέγμα σιωπηραὶ νυκτὸς ἔχουσιν ὁδοί.

Перевод: Здесь, говорит камень, резвая собака лежит из Мелиты, самый верный страж Евмела. «Бык» его называли, пока он еще жил; ныне же его голос принадлежит тихим дорогам ночи.

II.4. Эпитафия Лампона. Автор: Антипатр из Фессалоник (*floruit* ок. 15 г. до н.э.)⁵⁷.

θηρευτὴν Λάμπωνα, Μίδου κύνα, δίψα κατέκτα
καίπερ ὑπὲρ ψυχῆς πολλὰ πονησάμενον.
ποσσὶ γὰρ ὤρυσσε νωτερόν πέδον, ἀλλὰ τὸ νωθὲς
πίδακος ἐκ τυφλῆς οὐκ ἐτάχυνεν ὕδωρ
πῖπτε δ' ἀπαυδήσας, ἢ δ' ἔβλυσε. ἦ ἄρα, Νύμφαι,
Λάμπωνι κταμένων μῆνιν ἔθεσθ' ἐλάφων.

Перевод: Охотника Лампона, собаку Мидаса, хоть и много совершившего в жизни, жажда убила: влажную землю он рыл лапами, но вода из спрятанного источника не поспешила. И он пал в изнеможении, а вода забила фонтаном. Таким образом Нимфы обрушили гнев на Лампона за убитых оленей.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bean, G.E. 1973: New inscriptions. In: J.M. Cook (ed.), *The Troad – an Archaeological and Topographical Study*. Oxford, 395–418.
- Brewer, D.J., T. Clark and A. Phillips 2001: *Dogs in Antiquity. Anubis to Cerberus: The Origins of the Domestic Dog*. Warminster
- Bücheler, Fr. 1874: (Rev.) *Ephemeris epigraphica, corporis inscriptionum latinarum supplementum*. *Jenaer Literaturzeitung* 26, 393–394.
- Dobias-Lalou, C., Gwaider, R.A. 1997: From the cemeteries of Cyrene. *Libya Antiqua* 3, 25–30.
- Chamoux, Fr. 1990: Une stèle funéraire de Cyrène. *Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France* 1988, 113–120.
- Chamoux, Fr. 2001: Chiens Cyrénéens. *CRAI* 145/3, 1307–1313.
- Franco, Cr. 2014: *Shameless: The Canine and the Feminine in Ancient Greece*. Berkeley–Los Angeles.
- Franco, Cr. 2019: 'Dogs and Humans in Ancient Greece and Rome: Towards a Definition of Extended Appropriate Interaction'. In: J. Sorenson, A. Matsuoka (eds.), *Dog's Best Friend? Rethinking Canid-Human Relations*. Montreal, 33–58.

⁵⁶ AP VII. 211; HE 3616–3619; Garulli 2014, 31, no. 3.

⁵⁷ AP IX. 417; GPh, 459–464; Garulli 2014, 32, no. 4.

- Garulli, V. 2014: Gli epitafi greci per animali. Fra tradizione epigrafica e letteraria. In: A. Pistellato (ed.), *Memoria poetica e poesia della memoria. La versificazione epigrafica dall'antichità all'umanesimo*. Venezia, 27–64.
- Geist, H. 1969: *Römische Grabinschriften*. München.
- Herrlinger, G. 1930: *Totenklage um Tiere in der antiken Dichtung. Mit einem Anhang byzantinischer, mittellateinischer und neuhochdeutscher Tierepikeden*. Stuttgart.
- H.G.C. Jr. 1902: Dog inscription from Mytilene. In: J.T. Clarke, Fr.H. Bacon, R. Koldewey (eds.), *Investigations at Assos: Drawings and Photographs of the Buildings and Objects Discovered During the Excavations of 1881–1882–1883*. London–Cambridge (MA), 290.
- Hicks, Ed.L. 1882: On the characters of Theophrastus. *JHS* 3, 128–143.
- Hull, D.B. 1964: *Hounds and Hunting in Ancient Greece*. Chicago.
- İplikçioğlu, B. 1991: *Epigraphische Forschungen in Termessos und seinem Territorium*. Wien.
- Ivantchik, A.I. 2005: L'épigramme VII, 304 de l'Anthologie Palatine. In: A. Kolde, A. Lukinovich, A.-L. Rey (eds.), *Κορυφαίω ἀνδρί. Mélanges offerts à André Hurst*. Genève, 118–124.
- Jacobs, F. 1826: *Delectus epigrammatum graecorum*. Gothae–Erfordiae.
- Keller, O. 1909: *Die antike Tierwelt*. Bd. I. Leipzig.
- Kitchell, K.F. Jr. 2004: Man's Best Friend? The Changing Role of the Dog in Greek Society. In: B.S. Frizell (ed.), *PECUS. Man and Animal in Antiquity. Proceedings of the Conference at the Swedish Institute in Rome, September 9–12, 2002*. Rome, 177–182.
- Lewis, S., Llewellyn-Jones, L. 2018: *The Culture of Animals in Antiquity A Sourcebook with Commentaries*. London.
- Lloyd-Jones, H., P.J. Parsons 1983: *Supplementum Hellenisticum*. Berlin–New York.
- Mainoldi, C. 1984: *L'image du loup et du chien dans la Grèce ancienne d'Homère à Platon*. Paris.
- Masson, O. 1962: *Les fragments du poète Hipponax*. Paris.
- Masson, O. 1973: Les noms des esclaves dans la Grèce antique. *Actes du Groupe de Recherches sur l'Esclavage depuis l'Antiquité* 2, 9–23.
- Merlen, R.H.A. 1971: *De canibus: Dog and Hound in Antiquity*. London.
- Lilja, S. 1976: *Dogs in Ancient Greek Poetry*. Helsinki.
- Orth, F. 1913: Hund. In: *RE*. Bd. VIII, 2540–2582.
- Pepper, T.W. 2007: A Patron and a Companion: Two Animal Epitaphs for Zenon of Caunos. In: Tr. Gagos (ed.), *Proceedings of the 25th International Congress of Papyrology*. Ann Arbor, 605–622.
- Pottier, Ed. 1880: Inscription de Mételin. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 4, 494.
- Ricl, M. 2009: Legal and Social Status of *threptoi* and Related Categories in Narrative and Documentary Sources. In: H.M. Cotton, R.G. Hoyland, J.J. Price, and D.J. Wasserstein (eds.), *From Hellenism to Islam. Cultural and Linguistic Change in the Roman Near East*. Cambridge, 93–114.
- Robert, L. 1940: *Les gladiateurs dans l'Orient grec*. Paris.
- Robert, L., Robert, J. 1976: Une inscription grecque de Téos en Ionie. L'union de Téos et de Kyrbissos. *Journal des Savants* 3–4, 153–235.
- Salway, B. 1994: What's in a Name? A Survey of Roman Onomastic Practice from c. 700 B.C. to A.D. 700. *JRS* 84, 124–145.
- Scholz, H. 1937: *Der Hund in der griechisch-römischen Magie und Religion*. Berlin.
- Walters 1976: Catullan echoes in the second century A.D.: CEL 1512. *The Classical World* 69/6, 353–359.
- Welcker, Fr.G. 1828: *Sylloge epigrammatum Graecorum*. 2 ed. Bonnae.
- Zaycev, A.I. 1996: L'épigramme Anth. Pal. VII 304. *Hyperboreus* 2/1, 139–150.

“HERE I LIE UNDER THE GROUND, OH LORD, AFTER HAVING TOILED A LOT”: A DOG’S PLACE IN ANCIENT GREECE AS DESCRIBED IN EPITAPHS

Lyubov G. Eliseeva¹, Evgeniia N. Andreeva²

¹*Institute of World History RAS; State Academic University for the Humanities;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*
liubovgeliseeva@gmail.com

²*Institute of World History RAS; State Academic University for the Humanities, Moscow,
Russia*
aenik@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on Greek epitaphs set up for dogs and attempts to demonstrate the kind of data that can be extracted from such texts. It analyses the texts of canine epitaphs and compares them not only to similar Latin inscriptions and literary evidence, but also to Greek funerary inscriptions set up for humans, as the structure of the canine epitaphs is often similar to the structure of human ones. Topics such as dog names and ‘professions’ are also touched upon in the paper, and it is concluded that dog owners seem to have named their dogs in a similar manner to how they have named their slaves and have adopted a pattern of expressing their grief over the loss of a pet from the epitaphs commemorating the deaths of dependent members of their households.

Keywords: Greek and Latin inscriptions, epigraphy, epitaphs of dogs

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 164–175
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 164–175
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-164–175

ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ И АПОТРОПЕИЧЕСКИЙ ШУМ В ДРЕВНЕРИМСКОЙ МАГИИ

А.В. Зубарева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
canidia@ya.ru*

Аннотация. Статья посвящена одной из наименее исследованных сторон античной магии – ее звуковой составляющей. В поисках ответа на вопрос, фигурировала ли в древнеримской магии музыка в каком-либо виде, проанализированы античные источники; кроме того, привлекается сопоставительный материал из области этнографии.

Античные авторы описывают римскую традицию издавать во время лунного затмения шум при помощи предметов из медного сплава, в том числе музыкальных инструментов. Эти действия должны были воспрепятствовать затмению, которое, наряду с другими необычными природными явлениями, вызывало страх и могло восприниматься как дурное предзнаменование или гнев богов. В ряде источников, чаще всего поэтических, лунное затмение объясняется колдовством: согласно им, луну сводят с неба ведьмы. Распространение подобных представлений и появление в римской литературе образа ведьмы, обладающей властью над силами природы и способностью сводить с неба светила, связаны с увлечением римлян в I в. до н. э. магическими практиками, а также с влиянием греческих источников. В народных верованиях, нашедших отражение в римской поэзии, звон меди и громкое звучание духовых инструментов могли выступать как средство, способное помешать колдовству и вернуть луну на небо.

В ходе анализа источников сделан вывод о том, что такого рода ритуальный шум производился с защитной целью и был призван отогнать зло. Возникавшие в результате протомузыкальные формы нельзя назвать «музификацией» в узком смысле слова: использование музыкальных инструментов в этом случае не имело эстетической функции.

Ключевые слова: Древний Рим, античная магия, лунное затмение, апотропеический шум, музыкальные инструменты

Среди проблем, относящихся к античной магии, вопрос о звуковой составляющей римских магических практик остается одним из самых малоисследованных. В тех редких случаях, когда он затрагивается в историографии, внимание авторов сосредоточено на «вокальной» стороне: о музыке обычно упоминается в связи со звучанием заговоров и заклинаний, которые, по-видимому, могли не только произноситься, но и пропеваться¹. Упоминаний же об инструментальной

Данные об авторе: Зубарева Алена Валерьевна – аспирант кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена.

¹ Luck 1999, 99; Кудрявцева 2014, 50; и др.

музыке (или ее зачатках) почти нет², и особенно это заметно на фоне сравнительно большого количества литературы, посвященной использованию музыкальных инструментов в официальной римской религии³.

Возникают вопросы: действительно ли инструментальная музыка, будучи важной составляющей римской религии, не использовалась в магии, и если да, то почему? Если же она все-таки присутствовала в магических практиках римлян, то в каком виде? Для выяснения этого обратимся к источникам и остановимся на одном из описанных в них природных явлений, которое часто упоминается в связи с магией, – лунном затмении.

В античных источниках мы находим сведения об отношении древних к затмениям светил: наряду с другими редкими и необычными природными явлениями они вызывали суеверный ужас и могли восприниматься как дурное предзнаменование⁴. Так, Плиний Старший во II книге «Естественной истории» пишет, что «жалкий человеческий разум» (*misera hominum mente*) во время затмений «страшится каких-либо бедствий или смерти» (*scelera aut mortem aliquam siderum pavente* – Plin. Nat. hist. II. 15, Mayhoff⁵).

Страх иногда был настолько сильным, что мог серьезно повлиять на ход политических событий. В связи с лунным затмением в источниках описано несколько таких случаев. Например, Плиний в том же фрагменте «Естественной истории» напоминает о том, как, испугавшись лунного затмения, несведущий (*ignarus*) в этом отношении суеверный «афинский полководец Никий навредил их [афинянам] войскам, побоявшись вывести флот из порта» (*Nicias atheniensium imperator veritus classem portu educere opes eorum adflixit* – Ibid.). Имеется в виду лунное затмение 27 августа 413 г. до н. э., произошедшее во время Пелопоннесской войны и определившее трагический для Афин итог Сицилийской экспедиции (Thuc. VII. 50). О другом эпизоде (уже из римской истории), когда лунное затмение оказало определенное влияние на ход военных действий, подробно рассказывает Плутарх – в жизнеописании Луция Эмилия Павла. Речь идет о решающем сражении Третьей Македонской войны – битве при Пидне (168 г. до н. э.). Македонский царь Персей был хорошо подготовлен к войне и имел многочисленное войско. Перед битвой при Пидне количественное превосходство по-прежнему было на его стороне; диспозиция тоже оказалась достаточно удачной для македонян. Но в ночь накануне битвы произошло затмение: «...луна⁶, полная и стоявшая высоко в небе, потем-

² Некоторая информация на эту тему содержится в словаре В.Г. Рошера (Roscher 1894–1897, 3164–3167), в книгах Д. Огдена (Ogden 2002, 239) и Е.В. Герцмана (Герцман 1995, 244). Существуют также работы, посвященные апотропеической функции колокольчиков у римлян, однако колокольчики рассматриваются в них не как музыкальные инструменты в узком смысле. См., например: Parker 2018, 57–68.

³ См., например: Wille 1967, 26–74; Landels 2002, 172–205; Suoni silenti 2011, 36, 39–53; Герцман 1995, 55–77; Зубарева 2016; и др.

⁴ См. об этом: Roscher 1894–1897, 3165. Восприятие затмений светил как знамений было характерно не только для античной цивилизации. См., например: Плотникова 1999, 276–279; Творогов 1995, 73–76.

⁵ Ссылки на латинский текст Плиния даются по изданию: Pliny the Elder. *Naturalis Historia* / Ed. K.F.T. Mayhoff. Lipsiae, 1906.

⁶ В переводах источников и комментариях к ним встречается написание как со строчной, так и с прописной буквы: «луна» и «Луна». Цитируя и обсуждая источник в чем-либо переводе, мы используем вариант, предложенный переводчиком.

нела, померкла, изменила свой цвет и, наконец, исчезла вовсе» (Plut. Aem. 17. 3 – Перевод здесь и далее С.П. Маркиша). Это событие внесло смятение в ряды македонян: «...лагерь их был объят страхом и тревогой, потихоньку пополз слух, будто это знамение предвещает гибель царя» (Plut. Aem. 17. 4). Римлянам повезло больше: по словам Плутарха, командующий римскими войсками Эмилий Павел обладал некоторыми научными познаниями о законах затмений, «в силу которых луна через определенные промежутки времени попадает в тень земли и остается невидимой до тех пор, пока не минует темного пространства и пока солнце снова ее не осветит» (Plut. Aem. 17. 5). При первых лучах освобождающейся от мрака луны он заколол в ее честь 11 телят, а на рассвете принес жертвы Гераклу, получив на последнем из жертвенных быков предсказания, обещавшие римлянам победу в случае, если они будут защищаться (Plut. Aem. 17. 5–6).

В других источниках мы находим несколько иные версии этих событий. Так, Цицерон в трактате «О государстве» сообщает, что не сам Эмилий Павел, а Гай Сульпиций Галл (друг Эмилия Павла, сведущий в астрономии, и в то время военный трибун в его войске) на другой день после затмения объяснил встревоженным воинам, почему не стоит воспринимать его как дурной знак (Rep. I. 15. 23). Тит Ливий же и вовсе утверждает, что Сульпиций еще перед затмением «созвал с дозволения консула воинов на сходку и объявил, что грядущей ночью, между вторым и четвертым часом луна – и пусть никто не почтет это знаменьем – исчезнет с неба. И это, говорил Сульпиций Галл, дело естественное, закономерное и своевременное, а потому и предугадываемое, и предсказуемое» (Liv. XLIV. 37. 5–6. – Перевод О.Л. Левинской). Когда затмение действительно произошло, то «римским воинам мудрость Галла казалась почти что божественной; македоняне же усмотрели в случившемся знак недобрый, предвестье падения царства и гибели народа, в чем не разуверил их и прорицатель» (Liv. XLIV. 37. 8–9). Такую же хронологию событий видим у Плиния Старшего (Nat. hist. II. 15) и Секста Юлия Фронтин (Strat. I. 12).

По сообщению Тацита, именно затмение решило исход мятежа, вспыхнувшего в паннонских легионах после смерти Августа и перехода власти к Тиберию. Узнав о нем, Тиберий направил в Паннонию своего сына Друза с двумя преторианскими когортами. Но прибытие Друза и его обращение к восставшим не слишком существенно изменили настроения в лагере. И тут случилось лунное затмение, ставшее переломным моментом в этой истории: воины увидели в нем знамение, относящееся к тому, что они предприняли. Когда то становившуюся ярче, то тускневшую луну скрыли облака, то «все сочли, что она окончательно исчезла во мраке и что этим им возвещаются страдания на вечные времена», и «предались скорби, думая, что боги порицают их поведение» (Tac. Ann. I. 28 – Перевод здесь и далее А.С. Бобовича под ред. Я.М. Боровского и М.Е. Сергеенко). Друз воспользовался случаем и приказал обойти палатки с увещеваниями. Благодаря этому мятеж утих: к находившимся в замешательстве бунтовщикам вернулась готовность к повиновению, а их вожаки были схвачены и умерщвлены.

В источниках содержатся сведения не только об отношении к лунному затмению, но и о конкретных действиях, которые предпринимались в таких случаях.

В рассмотренном выше фрагменте жизнеописания Эмилия Павла Плутарх пишет, что «римляне, призывая луну снова засиять, по своему обыкновению сту-

чали в медные щиты и сосуды⁷ и протягивали к небу пылавшие головни и факелы» (Plut. Aem. 17. 4). Сходное поведение описывает и Тацит, рассказывая об уже упомянутом нами мятеже в паннонских легионах: когда воины увидели меркнущую луну, то «они принялись бряцать медью, трубить в трубы и рожки» (aeris sono, tubarum cornuumque concentu strepere – Tac. Ann. I. 28). Здесь, помимо звона меди, упоминается еще и оглушительное звучание музыкальных инструментов: труба (tuba) и рог (cornu) – медные духовые инструменты, основной функцией которых были военные сигналы⁸.

О звоне меди как средстве против затмения читаем и в римской поэзии. Овидий в «Метаморфозах» сравнивает зардевшееся лицо юного Гермафродита, в числе прочего, с луной, теряющей свою белизну: «Цвет у яблок такой на дереве, солнцу открытом, / Так слоновая кость, пропитана краской, алеет, / Так розовеет луна при тщетных меди призывах» (Ov. Met. IV. 331–333. – Перевод С.В. Шервинского). Когда в последней из этих строк поэт говорит о «розовеющей луне» (буквально – о «краснеющем свете луны», *sandore rubenti lunae*), он имеет в виду лунное затмение, во время которого луна багровеет. Близкий к этому образ спускающейся с неба «кровавой луны» (*luna sanguinea*) встречается в его же «Любовных элегиях» (Ov. Amor. II. 1. 23). Вспомним и цитированный выше фрагмент из Плутарха, где луна меняет свой цвет, прежде чем исчезнуть. Что же касается «тщетных призывов меди» (буквальный перевод фразы *frustra resonant aera auxiliaria* – «напрасно звучит приносящая помощь медь») – очевидно, имеется в виду то самое бряцание, о котором шла речь в рассмотренных выше источниках. Однако здесь привлекает внимание еще один момент. Так же как и греческое *χαλκός*, латинское *aes* может означать не только собственно медь, но и изделия из меди, в том числе кимвалы – музыкальные инструменты, имевшие вид небольших тарелок, которыми ударяли друг о друга. И если в случае с Плутархом или Тацитом нет оснований предполагать, что речь идет об этих инструментах, то в случае с Овидием такое возможно: в римской поэзии – в частности, в «Фастах» Овидия – слово *aes* используется как синоним к *cymbala* (ср. Fas. IV. 184, 189 и 213); на наш взгляд, этого недостаточно для вывода, что в рассмотренном выше фрагменте «Метаморфоз» поэт тоже имеет в виду именно их, однако подобная трактовка встречается в литературе⁹. Возможно, под «медью» в подобных случаях в источниках подразумеваются любые изделия из меди или бронзы, которые можно использовать для создания шума, в том числе и музыкальные инструменты.

Упоминание меди (кимвалов?) вместе со звучанием труб как средства против затмения находим и в VI сатире Ювенала. Она направлена против женщин – в том числе тех, которые желают прослыть учеными и, на взгляд поэта, не в меру речисты. Говоря о пустозвонстве такой женщины, Ювенал делает следующее сравне-

⁷ В оригинале *χαλκός* – медь или что-либо сделанное из меди: оружие, сосуды. В античных источниках для обозначения меди и бронзы используются одни и те же слова: у греческих авторов – *χαλκός*, у римских – *aes*. Оба этих слова обычно переводят на русский язык как «медь». С современной точки зрения это не вполне корректно: медь в чистом виде – слишком мягкий материал для изготовления оружия, утвари или музыкальных инструментов; римляне использовали сплавы меди: бронзу и латунь (Parker 2018, 58, 60, 63, 64; Ogden 2002, 239; Johns 1982, 63). Далее в этой статье мы будем писать «медь/медный», имея в виду медь с примесями (сплавы меди).

⁸ См., например: Wille 1967, 84–90, 93–97; Suoni silenti 2011, 37; Герцман 1995, 240–244.

⁹ Ogden 2002, 239.

ние: она сыплет столь много слов, что кажется, будто тазы (*pelues*) и колокольчики (*tintinnabula*) бьются (*pulsari*) друг о друга. Поэтому, случись затмение, не будет надобности истязать трубы (*tubae*) или медь (*aera* – во множественном числе): подобная особа и в одиночку поможет луне вернуться на место¹⁰.

Итак, в источниках описаны действия, которые предпринимались во время затмения: люди начинали создавать шум с помощью медных предметов, в числе которых могли быть и музыкальные инструменты. Из описаний понятно, что эти действия должны были помешать затмению. Но с чем связаны представления о том, что воспрепятствовать затмению и помочь луне вернуться на место можно таким способом? Посмотрим, как это объясняют античные авторы.

Плиний говорит, что в лунных затмениях смертные винят колдовство и стараются помочь делу нестройным брэнчанием (*aut in luna veneficia arguente mortalitate et ob id crepitu dissono auxiliante* – *Plin. Nat. hist. II.15*)¹¹. Для ответа на вопрос, о чем колдовстве здесь идет речь, обратимся к другим источникам, в частности, к римской поэзии.

Тибулл говорит о колдовском напеве (*cantus*¹²) старой ведьмы, которым она пытается свести Луну с колесницы, – и это бы произошло, если бы не звучали удары меди: *Cantus et e curru Lunam deducere temptat / Et taceret, si non aera repulsa sonent* (*Tib. I. 8. 21–22*).

Такой образ связан с увлечением римлян магическими практиками в I в. до н. э., особенно после гражданских войн. Отчасти из-за этого, отчасти под влиянием греческой литературы во второй половине I в. до н. э. в произведениях римских поэтов происходит всплеск интереса к магической тематике¹³. С этого времени в римской литературе появляется классический образ ведьмы¹⁴, оказавший влияние и на последующие эпохи. Одна из самых характерных черт ведьм в этих описаниях – власть над силами природы, в том числе способность сводить с неба луну и звезды (*Hor. Ep. V, 45–46*; *Hor. Ep. XVII. 77–78*; *Propert. I. 1. 19–24*; *Petr. Sat. CXXXIV*)¹⁵. Лукан в поэме «Фарсалия» описывает сведение луны как преступный обряд (*scelerum ritus* – *Luc. Phars. VI. 507*), ведущий свое происхождение от фессалийских ведьм¹⁶: «Колдуньи впервые светила / С горного неба¹⁷ свели:

¹⁰ *uerborum tanta cadit uis, / tot pariter pelues ac tintinnabula dicas / pulsari. iam nemo tubas, nemo aera fatiget: / una laboranti poterit succurrere Lunae* (*Iuv. Sat. VI. 440–443*).

¹¹ Б.А. Старостин переводит этот фрагмент не вполне правильно: «Другие, заключая [при виде затмения луны], что ее отравили и она умирает, пытались с помощью шума и грохота оживить ее» (*Plin. Nat. hist. II. 15.* – Перевод Б.А. Старостина). В оригинале об отравлении, умирании или оживлении луны ничего не говорится.

¹² *Cantus* – пение, песня, напев, музыка; одно из значений – волшебная песнь, заклинание, заговор. Слово *cantus*, как и *carmen*, используется в античных источниках для обозначения заклинания – например: *Tib. I. 2. 47–48, 55*; *Luc. Phars. VI. 693–694*. См. об этом также: *Burris 1936, 142–143*.

¹³ Штаерман 1987, 203.

¹⁴ Кудрявцева 2014, 45.

¹⁵ См. об этом: *Roscher 1894–1897, 3164–3167*; *Ogden 2002, 236–240*; *Edmonds 2019, 1–2*. Схожие представления встречаются и в других культурах (см.: *Белова, Толстая 2004, 146*; *Плотникова 1999, 277*).

¹⁶ Фессалия в античных представлениях была прочно связана с магией: эта область Греции считалась колдовским местом и славилась ведьмами (*Luc. Phars. VI. 438–444* и далее; *Apiul. Met.*; см. также: *Roscher 1894–1897, 3165*; *Ogden 2002, 236–238*; и др.).

¹⁷ В оригинале, скорее всего, имеется в виду: «с небесного склона» (*praecipiti polo*).

побледнела ясная Феба¹⁸, / Яда заклятий испив, землистым пламенем тусклым / Так загорелась она¹⁹, как будто Земля ей затмила / Брата сияющий лик, небесный огонь заслоняя / Черною тенью своей; угнетенная шепотом вещим²⁰, / Терпит страдания²¹ она, покуда, к Земле приближаясь, / Не напитает своей ядовитой пеною травы²²» (Luc. Phars. VI. 499–506. – Перевод Л.Е. Остроумова). Эти травы фессалиянки используют для изготовления *virus lunare* – лунного зелья: именно такое зелье ведьма Эрихто вливает в разверстое чрево погибшего помпеянца, чтобы с помощью некромантии получить предсказание для Секста Помпея (Luc. Phars. 669).

Представления о том, что звоном меди можно помешать ведьмам, которые пытаются свести луну с неба, встречаются не только в упомянутой выше элегии Тибулла. В VII книге «Метаморфоз» Овидия Медея, описывая свои магические способности, упоминает и о власти над луной: «и тебя, Луна, свожу, хотя темесская медь²³ мешает твоему затмению» – *te quoque, Luna, traho, quamvis Temesaea labores / aera tuos minuunt* (Ov. Met. VII. 207–208). С.В. Шервинский переводит этот фрагмент не совсем точно: «Силой влеку и тебя, луна, хоть медью темесской / Твой сокращаю ущерб».

Подобный образ встречается у Овидия не единожды. В дидактической поэме «Притирания для лица» он скептически отзываясь о разных магических средствах и осуждает веру в их чудодейственную силу. Приворотные зелья, говорит Овидий, не помогут пробудить любовь, заклинания не повернут реки вспять, и «сколько бы кто-нибудь ни устранял²⁴ темесскую медь, Луну не сбросят ее кони» – *et quamvis aliquis Temesaea removerit aera, / numquam Luna suis excutietur equis* (Ov. Med. 41–42). В переводе С.А. Ошерова это место тоже интерпретировано не совсем верно, и в результате смысл меняется на противоположный: «Если в темесскую медь кто-нибудь иногда и ударит, / Все ж с колесницы ночной кони не сбросят луну». Но в этом случае ошибка закралась и в комментарий М.Л. Гаспарова: ссылаясь на уже упомянутый фрагмент «Метаморфоз», ученый пишет, что в медные сосуды ударяли колдуньи, сводя с неба Луну-Гекату²⁵. На самом же деле, наоборот, звон меди считался средством против затмения, причиной которого, в представлении римлян, была ворожба²⁶.

¹⁸ Здесь: луна (Phoebe – Феба, т. е. Диана, богиня луны).

¹⁹ *Palluit et nigris terrenisque ignibus arsit* – «побледнела и запылала темными землистыми огнями»: луна при затмении теряет ясность, багровеет (см. об этом выше).

²⁰ В оригинале: «сведенная вниз заклинанием» (*cantu depressa*).

²¹ В оригинале, по-видимому, игра слов: *labor* можно перевести и как «бедствие, тяготы, мука, страдание», и как «затмение» (во мн. числе – *labores solis, lunae*); *patitur labores* – «терпит страдания» или «подвергается затмению».

²² *Donec suppositas proprior despumet in herbas*. Рошер, комментируя это место, говорит о лунной «росе» (нем. *Tau*), которая наделяет травы волшебной силой (Roscher 1894–1897, 3164).

²³ Город Темеса в Южной Италии славился медными изделиями; там находились медные рудники.

²⁴ В оригинале использован глагол *removeo* – «отодвигать, удалять, устранять, изымать».

²⁵ Гаспаров 1978, 266.

²⁶ В.Г. Рошер, ссылаясь на источники, тоже отмечает, что затмение в античности считалось следствием злого колдовства, разрушить которое может звон медных предметов, звучание инструментов и громкий крик (Roscher 1894–1897, 3164, 3166).

Не во всех случаях традиция создавать шум при помощи меди связывается со стремлением помешать ведьмам. Плутарх в диалоге «О лике, видимом на диске Луны» объясняет ее иначе. Один из участников диалога излагает теорию о структуре мироздания и природе человека²⁷, согласно которой после смерти всем душам «суждено по выходе из тела блуждать в области между Землей и Луной» (Мог. 943с – Перевод зд. и далее Г.А. Иванова). Там души неправедных подвергаются наказанию, а души праведных в течение некоторого времени очищаются от связанных с телом скверн; затем некоторые души достигают Луны²⁸. Когда Луна проходит через тень Земли, то снизу через эту тень к ней приближаются сетующие и кричащие души наказуемых. И вот потому-то «очень многие люди держатся обычая стучать во времена затмений в медные сосуды (*χαλκῶματα* – изделия из меди) и производить шум и гром против этих душ» (Мог. 944b).

Народные представления о колдовстве ведьм и это объяснение Плутарха объединяет то, что в обоих случаях звучанием меди отгоняют зло. Стук в щиты и сосуды или использование музыкальных инструментов рассеивает чары и выступает как защитное средство при непонятном пугающем явлении.

Упоминания о подобного рода обрядовом шуме нередко встречаются в историографии в связи с самыми разными традициями. Е.Г. Кагаров отмечает, что звон колокольчиков/колоколов во многих культурах считается отгоняющим нечисть²⁹. Ученый объясняет это «представлением об отвращающей силе металла» («нечистая сила избегает железа», «кинжал и вертел отгоняют злых духов»)³⁰.

Это явление рассматривается и в современных этнографических трудах. Н.И. Толстой говорит о «ритуальном стуке, треске и шуме», который можно производить «ударами по железу, сковородке, кастрюле и т. п.». Исследователь связывает подобные действия с ограждением пространства при помощи звука от вредоносных сил, реальных или потусторонних³¹. Е.Е. Левкиевская тоже считает, что одна из апотропеических функций звука заключается в создании магической границы, за которую не может проникнуть опасность. В качестве оберега могут выступать «звуки, издаваемые предметами, имеющими ярко выраженное ритуальное значение» (церковный колокол или в разной степени сакрализованные предметы быта: колокольчик, коса, заслонка и проч.)³².

О «„производстве“ звуков и шумов с определенной магической целью»³³, в том числе об апотропеическом шуме, пишет Т.А. Агапкина: «Шумом и криком выгоняют ведьм, выдворяют за пределы культурного пространства обрядовый персонаж, символизирующий зло, грехи и скверну (Масленица, Пуст, Жур и др.); так же поступают и с календарными периодами, „время“ которых истекло»³⁴.

²⁷ Подробный анализ диалога см. в статье: Петрова 2000, 122–131.

²⁸ Рошер упоминает о представлениях орфиков и пифагорейцев, согласно которым души усопших населяют Луну. Ученый считает, что эти представления уходят корнями в народные верования (Roscher 1894–1897, 3167).

²⁹ Кагаров 1929, 154–155.

³⁰ Кагаров 1929, 155.

³¹ Толстой 1995, 103.

³² Левкиевская 1995, 46–47.

³³ Агапкина 1995, 9.

³⁴ Агапкина 1995, 10.

Наконец, А.А. Плотникова говорит об апотропеическом шуме в непосредственной связи с лунным затмением: «При угрозе З[атмения] предпринимались защитные действия с целью отгона от светил опасных демонических персонажей... создание шума – стрельба из ружей, громкие крики, стук и звон посудой и металлическими предметами» (в числе таких предметов упоминаются колокола и колокольчики для скота)³⁵. Стрельбу из ружей как апотропеическое средство упоминает и Л.Н. Виноградова в связи со стригами – ведьмами, которым приписывалась способность вызывать непогоду и стихийные бедствия³⁶.

Как видим, ученые предлагают разные ответы на вопросы по поводу того, с чем может быть связано стремление защититься от зла ритуальным шумом, почему в качестве защитной меры применяется именно он и важен ли способ его создания. Возникают разные акценты в зависимости от того, что рассматривать как главный фактор: сакральное значение предмета, используемого для создания шума (церковный колокол, печная заслонка и другие предметы, имеющие ритуальную функцию), форма этого предмета и его функция в быту (здесь может иметь место симпатическая магия: так, в примерах Е.Г. Кагарова как апотропей часто выступает холодное оружие; другие исследователи упоминают стрельбу из ружей), материал, из которого он изготовлен (например, металл) или сам факт шума (громкие звуки, создающие невидимую границу и таким образом защищающие пространство – либо отгоняющие носителя опасности: зверя, стихийное бедствие или существо из потустороннего мира).

Те же вопросы возникают и в связи с использованием ритуального шума в римской апотропеической магии. Основываясь на проанализированных источниках, литературе и сопоставительном материале, можно сделать некоторые выводы.

Итак, необычные и непонятные природные явления зачастую повергали древних (в том числе римлян) в смятение и воспринимались ими как знамения. Одно из таких явлений – лунное затмение. В Древнем Риме лунное затмение могло рассцениваться как дурное предзнаменование, результат гнева небес или колдовства ведьм. Античные авторы говорят о принятой у римлян практике производить шум при затмении луны. Очевидно, этот шум имел апотропеическую функцию; что же касается более подробного анализа явления, то здесь нет полной ясности и возможны разные объяснения:

Во-первых, важен был сам факт шума и его громкость; для этого использовались те средства, с помощью которых проще и эффективнее всего было создать шум: звон меди, оглушительное звучание труб. Остальное зависело от конкретных обстоятельств. Вероятно, изначально для производства такого грохота применялись любые подручные средства (оружие, посуда), а позже стали привлекаться и музыкальные инструменты, удобные для этой цели.

Во-вторых, имел какое-то значение материал предметов, с помощью которых создавался шум. Обращает на себя внимание то, что во всех рассмотренных нами античных источниках на эту тему в качестве такого материала указывается медь.

В третьих, принципиальную роль играла еще и сама форма предмета, а также его прямые функции, использование в повседневной жизни. Здесь примечательно

³⁵ Плотникова 1999, 277.

³⁶ Виноградова 2010, 42.

в первую очередь использование оружия и военных музыкальных инструментов: есть некоторые основания предполагать, что это не только было обусловлено конкретной бытовой ситуацией и доступностью определенных предметов, но и имело связь с симпатической магией (ср. применение оружия в качестве апотропея в примерах из этнографии).

Единственное, о чем можно говорить с уверенностью: при использовании музыкальных инструментов в римской апотропеической магии важна была не эстетическая сторона, а функциональность. Скорее всего, смысл заключался даже именно в создании нерасчленимого «звукового хаоса». В целом можно сделать вывод, что музыкальные инструменты фигурировали в древнеримских магических практиках, но в скудном количестве; «игра» на них не была музицированием в узком смысле слова: главной ее функцией была магическая. В то же время имеется и обратная тенденция: использование бытовых предметов, не имеющих прямого отношения к музыке (утвари, оружия), вместе с музыкальными инструментами и в близком к ним качестве.

Цели, для достижения которых создается шум, в источниках тоже объясняются по-разному. В некоторых случаях речь идет просто о попытке воспрепятствовать затмению, вернуть луну на место, поскольку возвращение луны может означать, что боги сменили гнев на милость. Иногда есть конкретизация: звон меди должен помешать колдовству ведьм, сводящих луну с неба. Плутарх предлагает еще одно объяснение: этим звоном люди отгоняют несправедливые души, которые пытаются достигнуть Луны во время затмения (Мор. 944b). Аналогичные примеры с созданием шума для изгнания реального или потустороннего носителя опасности видим в этнографических исследованиях.

В заключение приведем слова А.К. Байбурина: «...звук является одним из наиболее явных признаков жизни, а его отсутствие – указанием на близость смерти или на саму смерть (ср.: „Кто рождается, кричит; кто умирает, молчит“ – Даль, 1955, II, с. 195)»³⁷. Вероятно, в апотропеических действиях римлян, совершаемых во время лунного затмения, свет и шум как признаки жизни противопоставлялись мраку и молчанию, связанным с ужасом и смертью. Звон меди и громкое звучание музыкальных инструментов, выступали как средство, разрушающее чары и пронзающее магический мрак рассветным лучом.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина, Т.А. 1995: Звуковое поле традиционного календаря. В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 9–11.
- Байбурин, А.К. 1993: *Ритуал в традиционной культуре*. СПб.
- Белова, О.В., Толстая, С.М. 2004: Луна. В кн.: С.М. Толстая (отв. ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 3. М., 143–147.
- Виноградова, Л.Н. 2010: Из словаря «Славянские древности»: Стрига. *Славяноведение* 6, 41–44.
- Гаспаров, М.Л. 1978: Примечания. В кн.: Публий Овидий Назон, *Скорбные элегии. Письма с Понта*. М., 225–266.
- Герцман, Е.В. 1995: *Музыка Древней Греции и Рима*. СПб.

³⁷ Байбурин 1993, 207. О том же пишет, например, А.Б. Мороз (Мороз 1995, 86).

- Зубарева, А.В. 2016: Музыка и музыканты в погребальном обряде Древнего Рима. В кн.: Т.В. Кудрявцева (отв. ред.), *Герценовские чтения – 2015. Актуальные проблемы всеобщей истории*. Вып. 1. СПб., 41–50.
- Кагаров, Е.Г. 1929: Состав и происхождение свадебной обрядности. В кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л., 152–195.
- Кудрявцева, Т.В. 2014: Магические практики в законах XII таблиц. *ВДИ* 4, 40–55.
- Левкиевская, Е.Е. 1995: Голос и звук в славянской апотропеической магии. В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 45–47.
- Мороз, А.Б. 1995: Звук / отсутствие звука как способ характеристики «сего» и «того» света (На примере сербохорватских заговоров). В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 85–88.
- Петрова, М.С. 2000: Природа души и мира в диалоге Плутарха «О лике, видимом на диске Луны». В кн.: П.П. Гайденоко, В.В. Петров (ред.), *Философия природы в античности и в Средние века*. М., 122–131.
- Плотникова, А.А. 1999: Затмение. В кн.: С.М. Толстая (отв. ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 2. М., 276–279.
- Творогов, О.В. 1995: Астрономические явления в «Слове». В кн.: О.В. Творогов (отв. ред.), *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. Т. 1. СПб., 73–76.
- Толстой, Н.И. 1995: Магическая сила голоса в охранительных ритуалах. В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 103–106.
- Штаерман, Е.М. 1987: *Социальные основы религии Древнего Рима*. М.
- Burriss, E.E. 1936: The Terminology of Witchcraft. *Classical Philology* 31, 2, 137–145.
- Edmonds, R.G. 2019: *Drawing Down the Moon: Magic in the Ancient Greco-Roman World*. Princeton–Woodstock.
- Johns, C. 1982: *Sex or Symbol: Erotic Images of Greece and Rome*. London.
- Landels, J.G. 2002: *Music in Ancient Greece and Rome*. London; N. Y.
- Luck, G. 1999: Witches and Sorcerers in Classical Literature. In: B. Ankarloo et al. (eds.), *Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome*. Philadelphia, 91–158.
- Ogden, D. 2002: *Magic, Witchcraft, and Ghosts in the Greek and Roman Worlds: A Source Book*. N. Y.
- Parker, A. 2018: 'The Bells! The Bells!' Approaching Tintinnabula in Roman Britain and Beyond. In: A. Parker et al. (eds.), *Material Approaches to Roman Magic. Occult Objects and Supernatural Substances*. Oxford–Philadelphia, 57–68.
- Roscher, W.H. 1894–1897: Mondgöttin. In: W.H. Roscher (ed.), *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. Bd. II. Abt. II. Leipzig, 3119–3200.
- Suoni silenti 2011: R. Viccei (ed.), *Suoni silenti: Immagini e strumenti musicali del Civico Museo Archeologico di Milano*. Milano.
- Wille, G. 1967: *Musica Romana. Die Bedeutung der Musik im Leben der Römer*. Amsterdam.

REFERENCES

- Agapkina, T.A. 1995: Zvukovoye pole traditsionnogo kalendarya [Sound field of traditional calendar]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual [The Voice and the Ritual]*. Moscow, 9–11.
- Baiburin, A.K. 1993: *Ritual v traditsionnoy culture [Ritual in the Traditional Culture]*. Saint Petersburg.
- Belova, O.V., Tolstaya, S.M. 2004: Luna [Moon]. In: S.M. Tolstaya (ed.), *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar [Slavic antiquity. Ethnolinguistic dictionary]*. Vol. 3. Moscow, 143–147.
- Burriss, E.E. 1936: The Terminology of Witchcraft. *Classical Philology* 31, 2, 137–145.

- Edmonds, R.G. 2019: *Drawing Down the Moon: Magic in the Ancient Greco-Roman World*. Princeton–Woodstock.
- Gasparov, M.L. 1978: Primechaniya [Notes]. In: Publius Ovidius Naso, *Skorbnyye elegii. Pis'ma s Ponta* [Sorrows. Letters from the Black Sea]. Moscow, 225–266.
- Herzman, E.V. 1995: *Muzyka Drevney Gretsii i Rima* [Music of Ancient Greece and Rome]. Saint Petersburg.
- Kagarov, E.G. 1929: Sostav i proiskhozhdeniye svadebnoy obryadnosti [Composition and origin of wedding rituals]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Publication of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 8. Leningrad, 152–195.
- Kudryavtseva, T.V. 2014: Magicheskiye praktiki v Zakonakh XII tablits [Magic in the XII Tables]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 40–55.
- Landels, J.G. 2002: *Music in Ancient Greece and Rome*. London–New York.
- Levkiyevskaya, E.E. 1995: Golos i zvuk v slavyanskoy apotropeicheskoy magii [Voice and sound in Slavic apotropaic magic]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual* [The Voice and the Ritual]. Moscow, 45–47.
- Luck, G. 1999: Witches and Sorcerers in Classical Literature. In: B. Ankarloo et al. (eds.), *Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome*. Philadelphia, 91–158.
- Moroz, A.B. 1995: Zvuk / otsutstviye zvuka kak kharakteristiki “sego” i “togo” sveta (Na primere serbokhorvatskikh zagovorov) [Sound / lack of sound a means of characterizing “this” and “the other” worlds (illustrated by Serbian-Croatian incantations)]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual* [The Voice and the Ritual]. Moscow, 85–88.
- Ogden, D. 2002: *Magic, Witchcraft, and Ghosts in the Greek and Roman Worlds: A Source Book*. New York.
- Parker, A. 2018: ‘The Bells! The Bells!’ Approaching Tintinnabula in Roman Britain and Beyond. In: A. Parker et al. (eds.), *Material Approaches to Roman Magic. Occult Objects and Supernatural Substances*. Oxford–Philadelphia, 57–68.
- Petrova, M.S. 2000: Priroda dushi i mira v dialoge Plutarkha “O like, vidimom na diske Luny” [The nature of the soul and the world in Plutarch’s dialogue “Concerning the face which appears in the orb of the moon”]. In: P.P. Gaidenko, V.V. Petrov (eds.), *Filosofiya prirody v antichnosti i v Sredniye veka* [Philosophy of nature in antiquity and the Middle Ages]. Moscow, 122–131.
- Plotnikova, A.A. 1999: Zatmeniye [Eclipse]. In: S.M. Tolstaya (ed.), *Slavyanskies drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar* [Slavic antiquity. Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 2. Moscow, 276–279.
- Roscher, W.H. 1894–1897: Mondgöttin. In: W.H. Roscher (ed.), *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* Bd. II. Abt. II. Leipzig, 3119–3200.
- Shtaerman, E.M. 1987: *Sotsial'nyye osnovy religii Drevnego Rima* [Social Basis of the Religion of Ancient Rome]. Moscow.
- Suoni silenti 2011: R. Viccei (ed.), *Suoni silenti: Immagini e strumenti musicali del Civico Museo Archeologico di Milano*. Milano.
- Tolstoy, N.I. 1995: Magicheskaya sila golosa v okhranitel'nykh ritualakh [Magic force of voice in protective rituals]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual* [The Voice and the Ritual]. Moscow, 103–106.
- Tvorogov, O.V. 1995: Astronomicheskkiye yavleniya v “Slove” [Astronomical phenomena in “The Tale”]. In: O.V. Tvorogov (ed.), *Entsiklopediya “Slova o polku Igoreve”* [Encyclopedia of “The Tale of Igor’s Campaign”]. Vol. 1. Saint Petersburg, 73–76.
- Vinogradova, L.N. 2010: Iz slovary “Slavyanskies drevnosti”: Striga [From the dictionary “Slavic antiquity”: Striga]. *Slavyanovedeniye* [Slavic Studies] 6, 41–44.
- Wille, G. 1967: *Musica Romana. Die Bedeutung der Musik im Leben der Römer*. Amsterdam.

Zubareva, A.V. 2016: Muzyka i muzykanty v pogrebal'nom obryade Drevnego Rima [Music and musicians in the funeral rite of Ancient Rome]. In: T.V. Kudryavtseva (ed.), *Gertsenovskiy chteniya – 2015. Aktual'nyye problemy vseobshchey istorii* [*Herzen Conference – 2015. Actual problems of foreign history*]. Vol. 1. Saint Petersburg, 41–50.

A LUNAR ECLIPSE AND AN APOTROPAIC NOISE IN ROMAN MAGIC

Alyona V. Zubareva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia
canidia@ya.ru

Abstract. The article is dedicated to one of the least researched aspects of the Ancient magic – its sound component. A number of Ancient sources is analyzed in the article in an attempt to answer the question, whether an instrumental music was a part of the ancient Roman magic of any kind; moreover, comparative ethnographic sources are used as well. The ancient authors describe the Roman tradition to emit noise applying various items made of copper alloys (including musical instruments) during lunar eclipses. Those actions were meant to inhibit the very occurrence of an eclipse, which, along with other unusual natural phenomena, instilled fear and could be perceived as a sinister omen or gods' anger. A number of sources, mainly poetic ones, explain eclipses as a manifestation of witchcraft: according to them, it is the witches, who brought the Moon down from the sky. Expansion of those beliefs in the Roman literature and emergence of the image of a witch, possessing power over natural forces and an ability to bring heavenly bodies down from the sky, are closely tied with the Romans' enthusiasm for magic practices in the 1st century BC and with the Greek sources' influence. In popular beliefs, that are reflected in the Roman poetry, tinkling copper coins and loud wind instruments sounds could be used as tools to challenge witchcraft and bring the Moon back to the sky. Based on the sources, the conclusion was drawn, that this noise had a defensive nature and was supposed to protect from evil. The emerging proto-musical forms cannot be called a "music-making" in a narrow sense, as the use of musical instruments in this case didn't have the aesthetic function.

Keywords: Ancient Rome, ancient magic, lunar eclipse, apotropaic noise, musical instruments

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-176–192

ПАНЭЛЛИНСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ПОЛИСОВ (МАГНЕСИЯ НА МЕАНДРЕ)

А.Б. Шарнина

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
ariadna@setname.com*

Аннотация. В статье рассматривается дипломатическая деятельность полисов в III в. до н.э., использующих панэллинские празднества для укрепления связей с греческими общинами. Примером служит Магнесия на Меандре, превратившая обряд в святилище Артемиды Левкофриены в общегреческий праздник с состязаниями «стефанитэс», равными Пифийским играм в Дельфах, и объявлением асии (неприкосновенности) города и хоры. Крупный архив надписей этого города позволяет проследить маршруты посольств, отправленных горожанами во все концы эллинистического мира, и реконструировать доводы послов, убеждавших полисы и союзы греческих племен признать их праздник и асию города и хоры. Анализ надписей демонстрирует, что посольства тщательно готовились. Продумывались маршруты, изучались документы и произведения поэтов и историков, чтобы составить письма с убедительной аргументацией.

Важной особенностью этой деятельности Магнесии на Меандре является то, что она осуществляется, по крайней мере, внешне, совершенно независимо от правителей. Магнеты направляют посольства к «монархам, полисам и народам», не обращая внимания на границы царств. Подобные посольства с приглашениями на праздник, и ответные посольства, соединяли невидимыми нитями эллинов, где бы они ни жили. Такое уникальное явление, свойственное греческой цивилизации с глубокой древности, как сохранение единства эллинов, несмотря на их географическую рассеянность и политическую раздробленность, в эпоху эллинизма проявилось особенно ярко при организации панэллинских праздников. А проведение наряду с атлетическими и конными также и мусических состязаний внесло свой вклад в сохранение и распространение греческой культуры во всем Средиземноморье.

Ключевые слова: эллинизм, Магнесия на Меандре, святилище Артемиды Левкофриены, амфиктионы, асия, Дельфы, панэллинские праздники, феоры.

В III–II вв. до н.э. греческие общины на всем пространстве эллинистического мира, от Испании до Ирана, на островах и на побережьях, один за другим стали

Данные об авторе: Шарнина Ариадна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

преобразовывать обряды в честь своих главных богов в праздники общегреческого значения¹. Это было новое, удивительное своей массовостью явление, которое сопровождалось повышенной дипломатической активностью полисов. Хотя в последние десятилетия возрос интерес к этим праздникам и связанной с ними асии (неприкосновенности) святилищ и полисов, однако, мирная жизнь, события и явления, объединяющие эллинов, а не разделяющие их, по-прежнему остаются в тени военных конфликтов и политических потрясений в эллинистическом мире.

В предшествующие эпохи всего четыре праздника имели общегреческий характер: самые древние – Олимпийские игры, основанные по преданию в 776 г. до н.э., однако, по мнению ряда исследователей первые значительные игры были не ранее 700–680 гг. до н.э.² Ещё три праздника были признаны всеми греками в VI в. до н.э.: Пифийские игры в 586 г. до н.э. (Paus. X. 7. 4–5) или 582 г. до н.э.³, Истмийские – в 582 г. до н.э., Немейские – в 573 г. до н.э.⁴ Больше ни один местный обряд не получил такого статуса. Например, Афинские Панафanei, несмотря на проведенную Писистратом реорганизацию с добавлением разнообразных состязаний по аналогии с Олимпийскими играми, возможно, с намерением получить признание их всеми греками, не стали общегреческим празднеством, хотя в V в. до н.э. в них участвовали жители афинских колоний и члены Афинского морского союза⁵.

И только в III в. до н.э. число общегреческих праздников стало стремительно расти⁶. В издании надписей К. Ригсби их насчитывается около 45⁷. Для эпохи эллинизма вообще характерен рост числа самых разных праздников, основанных полисами, монархами и даже частными лицами. А. Ханиотис выделил пять категорий праздников этого времени⁸. В данной статье речь идет только о полисных культах, преобразованных в праздники, равные по статусу общегреческим играм классической эпохи, с признанием асии святилища или всего полиса. Несмотря на широкое распространение таких праздников, о них почти нет упоминаний в дошедших литературных текстах. Главный источник сведений о реорганизации местных обрядов в праздники общегреческого значения – эпиграфические памятники. Среди этих многочисленных свидетельств особый интерес вызывают надписи Магнесии на Меандре.⁹ Граждане города позаботились скопировать на стене портика агоры все документы, относящиеся к реорганизации праздника в честь богини – покровительницы полиса Артемиды Левкофриены¹⁰. Из этого обширного собрания текстов сохранилось более 60 постановлений и писем. Предположи-

¹ Некоторые вопросы, о которых идет речь в данной статье, были рассмотрены в докладе на Международной научной конференции «Лістападаўскія сустрэчы – XIII» в ноябре 2019 г. в Минске. См. Шарнина 2019.

² Kyle 1996, 107.

³ Syll3 275. I. 1–7.

⁴ Sassu 2018, 63.

⁵ Parke 1977, 45.

⁶ Chaniotis 1995, 152.

⁷ Rigsby 1996; Hammerschmied 2018, 92.

⁸ Chaniotis 1995, 151.

⁹ Собрание надписей Магнесии на Меандре впервые издал О. Керн: Kern, 1900. Надписи, относящиеся к празднику Артемиды Левкофриены, были переизданы в исследовании К. Ригсби об асии: Rigsby 1996, 179–279.

¹⁰ Hammerschmied 2018, 101.

тельно, это около двух третей всех надписей. Под пятнадцатью постановлениями были перечислены названия ещё в общей сложности более ста общин, чьи письма не были вырезаны на стене. Таким образом, в совокупности магнеты разослали послов с предложением признать праздник почти к 200 общинам и монархам¹¹.

Магнесия на Меандре – небольшой город в Кари¹². Страбон пишет, что «первый город после Эфеса – это эолийская Магнесия, так называемая Магнесия на Меандре, так как она лежит вблизи этой реки... Город Магнесия расположен на равнине у горы под названием Форакс» (Strabo. XIV. I. 39, здесь и далее пер. Г.А. Стратановского).

По утверждению Страбона (XIV. I. 11) Магнесия на Меандре была колонией фессалийских магнетов и критян. В другом месте он высказывает предположение, что «магнеты, по-видимому, являются потомками дельфийцев, которые жили в Дидимских горах в Фессалии». Однако, продолжает он, «в древние времена магнетов постигла печальная участь: они были совершенно истреблены трерами, киммерийской народностью... на следующий год этой местностью овладели милетцы» (Strabo. XIV. I. 40).

Местность славилась своими плодородными землями¹³. Персидский царь Артаксеркс пожаловал Магнесию на Меандре афинскому стратегу и политическому деятелю Фемистоклу «на хлеб», очевидно, имея в виду богатые урожаи этой земли. Этот город стал последним прибежищем знаменитого афинянина. Фукидид (Thuc. I. 138. 5, здесь и далее пер. Г.А. Стратановского) писал, что в Магнесии на рыночной площади стоял надгробный памятник Фемистокла, которому царь пожаловал «Магнесию (приносившую 50 талантов дохода ежегодно) «на хлеб», Лампсак (знаменитый, как тогда считалось, своими виноградниками) – «на вино», а Миунт – «на приправу». Об этом даре персидского царя, повторяя слова Фукидида, также писали Страбон (Strabo. XIV. I. 10) и Плутарх (Plut. Them. 29). По сообщению Афиня Фемистокл был стефанофором (архонтом-эпонимом) в Магнесии и установил жертвоприношение Афине, назвав празднество Панафиней, а Дионису праздник хоев (Athen. XII. 45. 533e). Страбон (Strabo. XIV. I. 10) ссылается на предание, что «жена Фемистокла (другие говорят – дочь) была жрицей в местном святилище Диндимены, Матери богов». Плутарх (Plut. Them. 30, пер. С.И. Соболевского) утверждал, что Фемистокл и основал это святилище. Он, выполняя волю Матери богов, явившейся ему во сне, «соорудил в Магнесии храм Диндимены и сделал в нём жрицей свою дочь Мнесиптолему». Он также, как Фукидид, пишет о том, что на площади в Магнесии находилась «великолепная гробница Фемистокла» (Plut. Them. 32).

Однако Страбон говорит, что в его время «святилища уже не было, так как город был перенесен в другое место. В современном городе есть святилище Артемиды Левкофриены, которое уступает эфесскому по величине храма (τοῦ ναοῦ) и по числу посвященных даров, но далеко превосходит его в смысле гармонии и искусного устройства священной ограды (τοῦ τεύχεος). По величине его священная ограда больше всех оград азиатских храмов, кроме эфесского и дидимского» (Strabo. XIV. I. 40).

¹¹ Rigsby 1996, 179; Ceccarelli 2018, 151; Chaniotis 1999, 54.

¹² О Магнесии на Меандре в архаическое время см. Лаптева 2009, passim.

¹³ Лаптева 2009, 139.

Артемиды Левкофриена была богиней-покровительницей полиса, его «вла-дычицей» (ἀρχηγέτις) – так её называли сами магнеты¹⁴ и в ответных посланиях монархи и полисы¹⁵, и благотельницей (εὐεργέτις)¹⁶. Ксенофонт писал о Левкофрии и находящемся там очень почитаемом святилище Артемиды и озере с постоянно текущей и годной для питья теплой водой (Xen. Hell. II. 19). Культ Артемиды здесь, очевидно, был связан с этим теплым источником¹⁷.

По сообщению Витрувия храм – «псевдодиптер» – построил Гермоген Алабандский (Vit. III. 2, 6), работавший в конце III в. до н.э. который, как утверждал Витрувий, своими работами оказал большое влияние на потомков. Соразмерная расстановка колонн, придуманная Гермогеном, имела целью среди прочего, чтобы «толпа, в случае если сильный дождь застанет и отрежет её в храме, имела широкое место для свободного движения и ожидания» (Vit. III. 3, 9, пер. Н.Ф. Дерата-ни). Можно предположить, что большие размеры священной территории¹⁸ также объяснялись общегреческим характером празднества Артемиды Левкофриены, для участия в котором собирались греки со всех концов эллинского мира.

В одной из надписей¹⁹, размещенных на стене портика агоры, излагается «священная история» этого праздника²⁰. Надпись была, вероятно, своего рода предисловием к собранию постановлений общин и монархов о признании асиили города и праздника.

Начало текста плохо сохранилось. После первых двух строк, с трудом поддающихся толкованию, следует фраза, что бог (очевидно, Аполлон) сказал, что он сам будет источником (αἴτιος) такой почести им, если они установят все прежде предсказанные (προειρημένους) агоны и законы, благодаря которым будут сохранять город священным (ιεράν)²¹. Возможно, имеются в виду прежде полученные оракулы Аполлона, в которых бог повелел объявить город священным. Когда после брата явилась жителям и Артемиде Левкофриена, жрица или вопрошатели (текст здесь испорчен)²² снова обратились к богу и получили ответ, что для почитающих Аполлона Пифийского и Артемиду Левкофриену более желанное и лучшее (λῶιον εἶμεν καὶ ἄμεινον), чтобы город магнетов и хора были священными и неприкосновенными (ιερόν καὶ ἄσυλον)²³. Если в прежних оракулах Аполлон говорит только о священном городе, то здесь уже добавляется ἄσυλον – «неприкосновенный». Эта двойная формула не случайна. Прилагательное ἄσυλος буквально значит «безопасный от грабежа и насилия», то есть тот, кого нельзя грабить,

¹⁴ Rigsby 66. 22. Здесь и далее указываются номера надписей и номера строк по изданию Rigsby 1996.

¹⁵ Rigsby 69, 7–8; 91, 6; 96, 19; 100, 18; 101, 11; 103, 8, 105, 12

¹⁶ Rigsby 81, 19, 23; 88, 36; 95, 13; 101, 16; 102, 7.

¹⁷ О культе Артемиды Левкофриены написано много работ. Обзор см., напр., Hammerschmied 2018, 106–108.

¹⁸ О храме, святилище и строительной программе, в связи с этим праздником см. Hammerschmied 2018, 96–105.

¹⁹ Эта надпись неоднократно переиздавалась, и соответственно пересматривалось чтение спорных мест. См., например, IMagn. 16; Syll3 557; Ebert 1982, 185–190; Slater, Summa 2006, 275–299.

²⁰ Rigsby 66.

²¹ Rigsby 66, 3–4.

²² Издатели предлагали разные варианты чтения: ср., например, Syll3 557, 6 n. 5; Summa 2006, 277.

²³ Rigsby 66, 6–8.

например, разбойникам или пиратам. Этот статус мог быть не связан напрямую с религиозными обычаями, а являлся проявлением доброй воли какого-нибудь гражданина или результатом взаимных договорённостей общин²⁴. Слово *ἱερὸν* в данном выражении придавало сакральное значение запрету грабить или выдавать просящих о спасении. Теперь любые грабежи и нападения на город, и его окрестности, любое насилие будут святотатством. Но асилию в отличие от неприкосновенности жрецов, святилищ и других святынь, соблюдаемой по обычаю, должны были признать официально другие общины.

Ссылаясь на оракул Аполлона и явление богини, магнеты обратились к полисам и монархам. В надписи утверждается, что «цари, и остальные все эллины, по народам и городам (*κατὰ ἔθνη καὶ πόλεις*)», к которым они направили послов, решили почитать Артемиду Левкофриену и признать полис и хору магнетов священной и неприкосновенной²⁵. Это означало, что не только святилище, но и весь город с прилегающей к нему сельской территорией объявлялся местом, где запрещалось насилие, убежищем, дающим защиту любому человеку, кто бы он ни был, торговец или путешественник, изгнанник, беглый раб или даже преступник. Наряду с просьбой к греческим общинам и царям признать полис и хору священными и неприкосновенными магнеты приглашали их участвовать в празднестве с состязаниями, равными Пифийским играм в Дельфах, и награждением победителей венками (*[ἰ]σοπύφιον στέφανον*)²⁶. Почти во всех ответных постановлениях говорится об этом агоне (*ἀγὼν στεφανίτης ἰσοπύθιος*)²⁷. Праздник должен был проводиться каждые четыре года: *πενταετηρίς*²⁸ или *διὰ πέντε ἔτην* (*ἑτέων*)²⁹.

В надписи точно датируется, когда были эпифания богини и получение оракула. Перечисляются стефанофор города Зенодот и архонт в Афинах этого года Фрасифонт, указываются победители на Пифийских играх в предыдущий год, на Олимпийских играх в последний год сто сороковой олимпиады³⁰, на основе этих данных легко устанавливается дата 221 г. до н.э.³¹. Строки, следующие после этой датировки, которые в ряде изданий надписи читают как *πρῶτ[ον στεφανί]την ἀγῶνα θεῖναι τῷ κατοικοῦντων τὴν Ἀσίαν*³², некоторые исследователи понимают так, что после получения оракула граждане Магнезии на Меандре пытались учредить агон, общий для эллинов, живущих в Азии, но получили отказ³³. П. Тоунманн предложил другое чтение текста: *πρῶτ[οι στεφανί]την ἀγῶνα θεῖναι*, из которого следует, что не было никакой попытки установить агон для эллинов Азии, а магнеты начинают «священную историю» праздника с утверждения, что они первыми из эллинов, живущих в Азии, «приняли решение установить агон стефанитес» в исполнение оракула бога и чтобы почтить Артемиду Левкофрие-

²⁴ Rigsby 1996, 4–5; Глускина 1977, 82; Шарнина 2017, 77–78.

²⁵ Rigsby 66, 31–34.

²⁶ Rigsby 66, 30.

²⁷ См., например, Rigsby 68, 9–10; 71, 14–15; 84, 11–12, 20; 86, 20; 95, 15–16; 96, 21; 97, 21; 101, 14; 105, 14–15.

²⁸ Rigsby 69, 15–16; 81, 8; 94, 7. Число 5 объясняется тем, что греки считали оба: год, от которого ведется отсчет, и год следующего праздника.

²⁹ Rigsby, 81, 20; 95, 14; 100, 19; 101, 12; 102, 8; 105, 13; 106, 4–5.

³⁰ Rigsby 66, 10–16.

³¹ IMagn. 16, P. 13; Rigsby 1996, 180.

³² IMagn. 16, 16; Syll3 557, 16.

³³ Cp. Syll3 557, 24, n.12; Rigsby 1996, 180; Sumi 2004, 79–80.

ну³⁴. Ряд исследователей предлагают чтение не στεφανίτην, а ἀργυρίτην³⁵ и считают, что сначала магнеты хотели установить агон с денежными наградами для живущих в Азии, но, получив оракул, они решили, что, «благочестиво относясь к божественному, они будут чтить Артемиду, если принесут на священный алтарь дары, угодные владычице»³⁶. Такое толкование объясняет следующую фразу о том, что это была уже распространённая практика, когда «остальные состязания (τῶν ἄλλων ἀγῶνων), прежде установленные за деньги (ἐπ' ἀργ[ύρῳ]...) впоследствии становились из-за оракулов (состязаниями) за венки (στεφαν[ιτῶν]»³⁷. Однако У. Слейтер и Д. Сумма предлагают вернуться к чтению στεφανίτην ἀγῶνα³⁸. По их мнению, ничего не говорит о том, что магнеты решили в 221 г. до н.э. установить состязание с денежными наградами в результате получения оракула. Такие состязания не нуждались в одобрении других полисов, поэтому не могли быть отвергнуты ими. Магнеты, видимо, не достигли успеха, обратившись к эллинам Азии с сообщением об оракуле и приглашением почтить богиню, покровительницу их города, дарами и поучаствовать в преобразовании праздника с денежными наградами в агон стефанитес (с венками)³⁹. У. Слейтер и Д. Сумма, как и другие, исходят из предположения, что первая попытка установить агон стефанитес не удалась. Но было ли вообще это дипломатическое фиаско? Ведь прямо в надписи об этом не говорится. Можно согласиться с П. Тоунманном, что странно было бы в торжественном тексте, предваряющем вырезанные на стенах постановления полисов, союзов и монархов о признании праздника, вспоминать о неудаче первой попытки его учредить⁴⁰.

Тем не менее, остается вопрос, почему магнеты установили агон с венками, равный пифийскому ([i]σολύφιον στέφανον) «в четырнадцатый год после Зенодота» (т.е. после 221 г. до н.э.), в год стефанофора Мойрагора, в 207 г. до н.э.⁴¹ Причины такого большого перерыва в надписи не разъясняются. Есть только не очень понятная фраза, пропущенные буквы в которой дополняют по-разному. Большинство ученых сейчас принято чтение: ὥς δὲ ἐπιβ[α]λόμενοι παρη[λκ]ύθησα[ν]⁴², раньше читали: παρη[κο]ύθησα[ν]⁴³. Соответственно, можно заключить, что люди, вероятно, занимавшиеся делами, связанными с введением панэллинского праздника, либо были отвлечены (чем-то), либо – второй вариант – их почему-то не послушали. В любом случае, ни то ни другое чтение не проясняет, что отвлекло организаторов на длительное время от порученного им дела – подготовки к проведению праздника.

Возможно, это промедление объясняется помимо каких-то внешнеполитических событий и внутренних проблем строительством Гермогеном нового храма, освящение которого могло быть приурочено к первым играм общегреческого

³⁴ Thonemann 2007, 155.

³⁵ Ebert 1982, 188–189; Rigsby. 66, 16–17.

³⁶ Rigsby 66, 21–22.

³⁷ Rigsby 66, 23–24.

³⁸ Slater, Summa 2006, 284–285.

³⁹ Slater, Summa 2006, 283–284.

⁴⁰ Thonemann 2007, 153–154.

⁴¹ Rigsby 66, 25–26.

⁴² Rigsby 66, 25; Slater, Summa 2006, 291.

⁴³ IMagn.16, 25; Syll3 557, 25.

значения⁴⁴. Однако можно предположить, что наряду со всеми этими причинами много времени у граждан ушло на дипломатическую подготовку. Косвенным подтверждением этого может быть постановление Этолийского союза, датированное 221 или 217 г. до н.э.⁴⁵. То, что магнеты начали с Этолийского союза, вполне объяснимо. Тогда селения и города Средиземноморья страдали от набегов этолийских пиратов, к тому же этолийцы в III в. до н.э. контролировали Дельфы и Пилейско-Дельфийскую амфикионию⁴⁶. В постановлении Этолийского союза не упоминаются оракулы Аполлона, явление Артемиды, праздник богини. Скорее всего, это не было «священное посольство», и послы здесь не называются феоорами, как обычно называли послов, приглашавших на праздники. В надписи говорится, что послы (πρεσβευτάν) магнетов возобновили (ἀνενεώσαντο) дружбу (τάν τε οἰκεότατα) с народом этолийцев и показали благорасположение (εὖνοίαν) к Этолийскому союзу⁴⁷. Это договор об установлении дружбы между Этолийским союзом и Магнесией на Меандре. Однако в своем решении этолийцы используют формулу из текста оракула, данного магнетам: признать город и хору магнетов священной и неприкосновенной (ἱερὸν καὶ ἄσυλον)⁴⁸. Это говорит о том, что посольство магнетов к этолийцам было частью начавшейся дипломатической деятельности города с целью добиться признания своей асии и праздника в греческом мире. Решение этолийцев подкрепляется перечислением конкретных мер для его исполнения: «не позволено никому из этолийцев или живущих в Этолии захватывать людей с территории магнетов ни на суше, ни на море», а у тех, кто это все-таки совершит, следует конфисковать «видимое имущество» (τὰ ἐμφανέα), а на «невидимое имущество» (τῶν ἀφανέων) наложить штраф. Собранные таким образом средства следует передать жертве⁴⁹. Очевидно, что в данном случае речь идет о запрете набегов этолийских пиратов на земли Магнесии на Меандре. Но это также единственное известное постановление, в котором перечисляются наказания за нарушение асии. Кроме того, этолийцы дали магнетам голос в Дельфийско-Пилейской Амфикионии (ψᾶφον ἱερομναστικάν)⁵⁰. Получив место в совете амфикионов Дельфийского святилища, добившись гарантий безопасности для прибывающих гостей от Этолийского союза, можно было уже обращаться к другим полисам и союзам.

Много времени также требовали подготовка посольств: планирование маршрутов, составление писем и поиски информации, чтобы привести убедительные аргументы каждому полису.

Текст письма магнетов к городам, общинам и монархам не сохранился. Но он частично воспроизводится в ответных постановлениях⁵¹. Очевидно, магнеты, используя общий текст как основу, вносили добавления, какие-то детали, связанные

⁴⁴ Syll3 557, 5, n. 4.

⁴⁵ Rigsby 67. Этой надписи нет среди собрания документов в Магнесии на Меандре. Её копии найдены в Терме в Этолии и в Дельфах. О проблемах датировки надписи писал К. Ригсби 1996, 191–192.

⁴⁶ Flacelière 1937; Nachtergaele 1977.

⁴⁷ Rigsby 67, 6–8.

⁴⁸ Rigsby 67, 10.

⁴⁹ Rigsby 67, 12–20.

⁵⁰ Rigsby 67, 21.

⁵¹ Ceccarelli 2018, 153.

с конкретным городом. Эти постановления, прежде всего, показывают, какой широкий размах имела дипломатическая деятельность граждан Магнесии на Меандре. Они разослали священных послов – феоров⁵² группами в основном по три человека⁵³ во все концы греческого мира, к монархам, полисам и союзам эллинов или народам (κατὰ ἔθνη). Всего было отправлено около 20 посольств в направлениях от Сицилии на Западе до Ирана на Востоке⁵⁴.

Группы феоров обходили по несколько полисов и земель. Например, три феора, Аполлофан, сын Эсхила, Эвбул, сын Анаксагора и Ликомед, сын Харисия, вероятно, начали своё путешествие с Эвбеи, посетили там Халкиду⁵⁵ и Эретрию⁵⁶, побывали в Афинах⁵⁷, а оттуда направились в Беотию к Беотийскому союзу⁵⁸, затем к союзу фокейцев (κοινόν)⁵⁹. Два брата Сосикл и Аристодем, сыновья Диокла и Диотим сын Мэнофила посетили город Саме на Кефаллении⁶⁰, Итаку⁶¹, Коркиру⁶², Эпидамн⁶³. Под постановлением Саме были перечислены и другие города Кефаллении. Не очень понятно, побывали там послы или города просто присоединились к решению самийцев. Тот же Аристодем, но с другими спутниками передал постановление магнетов акарнанами⁶⁴ и эфиротам⁶⁵. Сосикл, сын Диокла потом был гиеромнемоном от Магнесии на Меандре в Дельфийско-Пилейской амфикифии и в 194 г. до н.э. удостоился почетного декрета от дельфийцев, амфикифионов, союза этолийцев и их стратега за прекрасное проведение Пифийских игр в Дельфах⁶⁶.

Ещё одна группа, в которую также входили, видимо, два брата Филиск и Лапет, сыновья Пифагора и Конон, сын Диотима, обошли несколько аркадских городов, но власти Магнесии решили вырезать на стене только постановление Мегалополя⁶⁷, а под ним перечислили остальные города⁶⁸. Эти же послы посетили Аргос⁶⁹, Сикион⁷⁰ и Мессену⁷¹. Один из членов посольства, Филиск отправился к Ахейской Лиге⁷², другой – Лапет – в Коринф⁷³. Однако, возможно, что они оба были в Коринфе, так как собрания Ахейского союза (σύνδοσις) иногда проходили в

⁵² Одним из первых составил список феоров Магнесии на Меандре по группам и маршрутам П. Бош: Boesch 1908, 31–33.

⁵³ Например, по три феора отправились в Клазомены (Rigsby 102), Траллы (Rigsby 129) и др.

⁵⁴ Wiemer 2009, 86; Sumi 2004, 80.

⁵⁵ Rigsby 97.

⁵⁶ Rigsby 98.

⁵⁷ Rigsby 87.

⁵⁸ Rigsby 73.

⁵⁹ Rigsby 84.

⁶⁰ Rigsby 85.

⁶¹ Rigsby 86.

⁶² Rigsby 94.

⁶³ Rigsby 96.

⁶⁴ Rigsby 81.

⁶⁵ Rigsby 82.

⁶⁶ Syll3 598.

⁶⁷ Rigsby 88.

⁶⁸ Rigsby 1996, 219.

⁶⁹ Rigsby 90.

⁷⁰ Rigsby 91.

⁷¹ Rigsby 93.

⁷² Rigsby 89.

⁷³ Rigsby 92.

этом городе⁷⁴. Лапет выступал в народном собрании Коринфа, а Филиск в собрании союза. На острова Кос⁷⁵ и Родос⁷⁶ отправились Лампон, Диагор и Пифодем. Лампон, вероятно, перед отплытием посетил карийский город Книд⁷⁷. Другая группа послов: Молосс, сын Каллифона, Деметрий, сын Амфистрата и Калликрат, сын Ификрата побывали на островах Делос⁷⁸ и Парос⁷⁹.

Отдельное посольство отправилось к союзу технитов Диониса в Теосе⁸⁰. Союзы технитов (мастеров) или артистов Диониса – объединения поэтов, музыкантов, актеров, которые выступали на праздниках полисов: писали для них гимны, пьесы и сами их исполняли во время торжественных процессий и на сценических агонах⁸¹. Союз технитов Диониса в Теосе обладал большим политическим влиянием в этом городе. Посольство магнетов к нему помимо просьбы о признании асии полиса и хоры, очевидно, имело и особую цель – пригласить артистов участвовать в организации и проведении праздника. Техниты говорят о совместном проведении процессии (συνπλομεύοντες) и агонев (συντελοῦντες τοὺς ἀγῶνας)⁸².

Большое значение для магнетов имела позиция царей, которые могли не только сами признать асию города и хоры, и праздник, но и приказать это сделать подвластным им городам и общинам. Особенно важна для Магнезии на Меандре была позиция селевкидского царя, в состав державы которого в это время она входила. Послы магнетов нашли Антиоха III Великого, видимо, только в 205 г. до н.э. в Антиохии Персидской (συνμεῖξαντες ἐν Ἀντιοχείᾳ τῆς Περσίδος)⁸³. Три феора, посланные к нему, также обратились к народу Антиохии Персидской⁸⁴. Антиох III в благодарность магнетам за то, что они во всех случаях показывали благорасположение к царю и к государственным делам, сообщил им, что принимает установленные ими почести богине и, что написал тем, кому поручено руководить делами, чтобы и города приняли соответствующее решение⁸⁵. В свою очередь народное собрание Антиохии Персидской, перечислив благодеяния магнетов, оказанные царю Антиоху и антиохийцам, принимает решение также участвовать в жертвоприношении богине во спасение царя и обоих городов⁸⁶. После фразы: «таким же образом решили» перечисляются несколько селевкидских городов. Среди них Селевкия на Тигре, Селевкия у Эритрейского (Красного) моря, Апамея, вероятно, в Троаде, Антиохия, Александрия (у этих городов стерты названия местностей) и др.⁸⁷ Возможно, эти города приняли решение участвовать в празднике магнетов в ответ на просьбу царя. К решению Антиоха III присоединился его старший сын и соправитель Антиох (ум. в 193 г. до н.э.), который написал магнетам, что

⁷⁴ Сизов 1989, 50. Хотя синоды до 188 г. в основном созывались в Эгии: Сизов 1989, 55.

⁷⁵ Rigsby 106.

⁷⁶ Rigsby 104.

⁷⁷ Rigsby 105.

⁷⁸ Rigsby 99.

⁷⁹ Rigsby 100.

⁸⁰ Rigsby 103.

⁸¹ Шарнина 2002, 217–317.

⁸² Rigsby 103, 20–21.

⁸³ Rigsby 69, 9 – 10.

⁸⁴ Rigsby 126.

⁸⁵ Rigsby 69, 16–28.

⁸⁶ Rigsby 111, 49–51, 55, 66.

⁸⁷ Rigsby 111, 100–110.

он, как и отец, принимает установленные ими почести богине⁸⁸. Интересно, что, судя по всему, феоры не имели особых проблем, посещая селевкидские города до того, как встретились с Антиохом. Посольства стали рассылаться в 207 г. до н.э. и ко времени этой встречи в 205 г. до н.э., скорее всего, они уже обошли многие города. В частности, об этом косвенно может говорить обоснование антиохийцами своего решения в том числе и тем, что многие города уже приняли предложение магнетов⁸⁹. При этом они не ссылаются на просьбу Антиоха.

Но магнеты не ограничились только селевкидским царем. По два феора отправились к Атталу I⁹⁰ и Птолемею IV⁹¹. Аттал I написал магнетам, что видя, что народ помнит о его благодеяниях ему и о его (Аттала) приверженности Музам, он принимает агон, о чем просили их послы, и то же самое сделают «города, мной убежденные, так как я им написал, призвав (это сделать)»⁹². Очевидно, послы посетили и македонского царя Филиппа V, хотя его письмо не сохранилось. Однако в постановлении жителей Халкиды говорится о том, что царь Филипп прислал письмо совету и народу о магнетах, в котором сообщает, что он сам откликнулся на их просьбу, и граждане поступят прекрасно, приняв послов магнетов⁹³. Таким образом, магнеты отправили посольства ко всем влиятельным эллинистическим монархам, независимо от того, в каких отношениях эти монархи были между собой.

Создается впечатление, что Магнесия на Меандре приняла решение о реорганизации праздника самостоятельно. Магнеты обходят молчанием, было ли предварительное согласование с Антиохом III реорганизации праздника и решения разослать посольства. В своих письмах полисам они не ссылались на разрешение селевкидского монарха. Сам Антиох III принимает агон в ответ на просьбу послов, как и другие полисы и позже многих из них. Только в отличие от полисов он обещает содействие в получении одобрения подчиненных ему городов. Но такую поддержку оказали магнетам и другие монархи. Дж. Сами предполагает, что независимый тон надписей объясняется традиционной греческой автономией⁹⁴.

Послы брали с собой не только письма от совета и народа Магнесии на Меандре с просьбой о признании неприкосновенности полиса и хоры и общегреческого характера праздника Артемиды Левкофриены, но и различные документы, рассказывающие об истории города и культа, о роли города в межэллинских отношениях на протяжении веков. Видимо, проводилась тщательная подготовка: изучались старинные документы, произведения поэтов и писателей⁹⁵. Всё копировалось и раздавалось послам. Об этом прямо говорится в надписи из Эпидамна. Народ Эпидамна хвалит феоров Магнесии на Меандре за то, что они рассказали о благодеяниях магнетов эллинам, приводя «и оракулы бога, и поэтов, и историков, которые рассказали о деяниях магнетов» (διὰ τε τῶν τοῦ θεοῦ χρησµῶν καὶ διὰ τῶν π]οιητᾶν καὶ διὰ τῶν ἱστορ[ι]γράφων)⁹⁶. Послы также представили постановления

⁸⁸ Rigsby 70, 18–22.

⁸⁹ Rigsby 111, 49–51, 55, 66.

⁹⁰ Rigsby 68.

⁹¹ Rigsby 71.

⁹² Rigsby 68, 19–20.

⁹³ Rigsby 97, 1–7.

⁹⁴ Sumi 2004, 81.

⁹⁵ Chaniotis 1999, 60.

⁹⁶ Rigsby 96, 14–15.

от городов, в которых были записаны почести и венки во славу города⁹⁷. В постановлении жителей Итаки, к которым обратились эти же послы, также говорится об оракуле, поэтах и «прекрасных и восхваляющих постановлениях» (τῶν ψαφισμάτων) городов, которые были у послов (τῶν ὑπαρχόντων αὐτοῖς)⁹⁸.

В своих посланиях царям, народам и полисам (κατὰ ἔθνη καὶ πόλεις) магнеты кроме рассказа об эпифании богини и оракуле приводили и другие обоснования своего обращения к ним. Они напоминали о благодеяниях, оказанных их предками конкретным городам и общинам. Граждане Мегалополя говорят, что когда-то магнеты приняли благосклонно их послов и дали на строительство стены 300 дариков⁹⁹. Видимо, речь идет о времени основания Мегалополя в 369 г. до н.э. Эпидамняне обращают внимание на то, что магнеты оказали большую услугу союзу критян, когда они выступили посредниками в споре критских городов, «окончив войну между соплеменниками»¹⁰⁰. Скорее всего, имеется в виду война между Гортиной и Кноссом в 220–219 гг. до н.э. К этой войне предположительно относится постановление Гортины¹⁰¹. Из-за того, что текст во многих местах надписи испорчен, многое остается непонятным в этом конфликте. Но сохранились строки, в которых сообщается, что гортинцы приняли решение об окончании конфликта через (посредничество) послов магнетов¹⁰². Не очень понятно, почему именно жителей Эпидамна так волновала война на относительно далеком от них острове. Очевидно, этому арбитражу придавали особое значение граждане Магнесии на Меандре и включали его в свои письма эллинам.

В ответе жителей Итаки говорится, что послы рассказали об эпифании Артемиды и о благодеяниях их предков эллинам и святилищу в Дельфах (ἀπελογίζαντο τὰν τε τᾶς Ἀρτέμιδος ἐπιφάνειαν καὶ τὰς γεγενημένας ὑπὸ τῶν προγόνων αὐτῶν ἐν τοῖς Ἑλλήνας εὐεργεσίας καὶ ἐν τὸν ἱερὸν τὸ ἐν Δελφοῖς)¹⁰³. Граждане Эпидамна, воспроизводят те же самые слова о помощи предков магнетов Дельфам в отражении нападения галатов, добавив, что предки победили в сражении варваров, которые выступили в поход с целью похитить имущество бога¹⁰⁴. О благодеянии предков магнетов, оказанном святилищу в Дельфах и эллинам говорят и жители Аполлонии¹⁰⁵. Речь в этих письмах идет о нападении галатов на Дельфы в 279/8 г. до н.э. Объединенными силами греков они были отбиты и святилище спасено от разграбления¹⁰⁶. Очевидно, этот повторяющийся почти дословно в разных постановлениях рассказ был в тексте магнетов.

Жители Антиохии в Персиде с благодарностью вспомнили, что когда-то магнеты отозвались на просьбу Антиоха Сотера увеличить численность города, названного в честь царя, и прислали достаточно много доблестных мужей на поселение (περὶ ἀποικίας)¹⁰⁷.

⁹⁷ Rigsby 96, 16–17.

⁹⁸ Rigsby 86, 10–11.

⁹⁹ Rigsby 88, 26–28.

¹⁰⁰ Rigsby 96, 11.

¹⁰¹ IMagn. 65.

¹⁰² IMagn. 65, 21–24.

¹⁰³ Rigsby 86, 7–10.

¹⁰⁴ Rigsby 96, 9–10.

¹⁰⁵ Rigsby 95, 21–23.

¹⁰⁶ Подробнее об этом нашествии: Flacelière 1937; Nachtergaele 1977.

¹⁰⁷ Rigsby 111, 14–20.

Мысль о заслугах перед эллинами и проглядывающая за этим идея единства эллинов проходит красной нитью почти через все постановления городов и народов, которые, вероятно, цитируют текст магнетов.

Граждане Итаки говорят о благочестии магнетов и добропорядочности по отношению к эллинам (πρὸς τοὺς Ἑλλήνας καλοκαγαθίαи)¹⁰⁸. Они же, а также бейотийцы, жители фессалийского города Гонны, эпидамняне, фокидяне, самийцы, аполлониаты и др. вспоминают об услугах (εὐεργεσία), которые оказали предки магнетов эллинам¹⁰⁹. Благодарения магнетов эллинам называются также словом εὐχρηστία – польза¹¹⁰. Антиохийцы говорят, что послы магнетов, «возобновив родство и дружбу», обосновывали (свою просьбу) в том числе и тем, что принесли пользу (χρεία) многим из эллинских городов¹¹¹.

Прямо о единстве эллинов и их родстве говорят повторяющиеся почти во всех постановлениях полисов слова, что магнеты им близкие и друзья: οἰκεῖοι καὶ φίλοι¹¹², и сородичи: συγγένεια, συγγενεῖς¹¹³.

Македонский царь Филипп советует халкидцам принять послов магнетов в том числе и потому, что магнеты родственники македонян (συγγενεῖς)¹¹⁴.

Для подтверждения этого родства используются и мифические предания. Жители Саме на Кефаллии говорят о близости (οἰκειότατος) с магнетами из-за родства (συγγένειαν) Магнета и Кефала, сына Деиона¹¹⁵. По преданию Кефал, сын Деиона, изгнанный из Афин из-за убийства своей жены Прокриды, участвовал в походе Амфитриона против телебоев и получил остров Кефаллию, названный его именем (Paus. I. 37. 6). Скорее всего, это утверждение о родстве Кефала с мифическим Магнетом было подсказано самийцам послами Магнесии на Меандре.

Магнеты акцентировали внимание на дружбе и своем родстве с эллинами, в том числе и потому, что добивались признания общеэллинского статуса праздника, равного Пифийским играм в Дельфах. Как и на подобных праздниках в других полисах он состоит из трех видов состязаний: ὁ ἀγὼν στεφανίτης ἰσολύθιος ὁ τε μουσικὸς καὶ γυμνικὸς καὶ ἱππικὸς – агон мусический, гимнастический (атлетический) и конный¹¹⁶. Все полисы, союзы и монархии принимают игры. В постановлениях Мегалополя¹¹⁷, Мессены¹¹⁸, Коринфа¹¹⁹, Митилены¹²⁰, Антиохии Персидской¹²¹ и др. говорится также о принятии екехейрии – священного перемирия на время праздника.

По мнению Дж. Сами, расширение местного праздника можно объяснить тем, что полисы в III в. до н.э. старались связать свою местную историю с общим про-

¹⁰⁸ Rigsby 86, 16.

¹⁰⁹ Rigsby 86, 9; 73, 9; 83, 10; 84, 10; 85, 21; 95, 21–22; 96, 13.

¹¹⁰ Rigsby 82, 16; 88, 15; 103, 12.

¹¹¹ Rigsby 111, 34–36.

¹¹² Rigsby 81, 24; 85, 13; 86, 3; 87, 7, 14 и др.

¹¹³ Rigsby 85, 14; 88, 21, 30–31; 101, 24; 111, 34–35.

¹¹⁴ Rigsby 97, 3.

¹¹⁵ Rigsby 85, 13–14.

¹¹⁶ Rigsby 81, 21–22; 82, 8–9; 83, 13–14; 87, 9; 93, 18–19; 96, 21; 103, 7; 105, 14–16; 106, 8–9; 111, 57–58; 129, 6.

¹¹⁷ Rigsby 88, 15, 33, 40, 48.

¹¹⁸ Rigsby 93, 27, 31.

¹¹⁹ Rigsby 92, 11.

¹²⁰ Rigsby 101, 13, 18–19.

¹²¹ Rigsby 111, 27.

шлым греков, или хотя бы с событиями, которые происходили у соседей¹²². Но каковы причины, которые вызвали само это стремление полисов установить или подтвердить родство со всеми эллинами, в том числе, используя обряды в честь своих богов?

Учеными предлагаются разные объяснения. Активная дипломатическая деятельность Магнесии на Меандре, как и других полисов в III в. до н.э., направленная на признание асиии города и хоры и общегреческого статуса своего праздника, по распространенному мнению, могла быть вызвана стремлением обеспечить себе гарантии нейтралитета во время многочисленных войн этого времени¹²³, или ради защиты от насилия и набегов в мирное время¹²⁴. Кроме того, греческие общины, стремясь сплотиться на основе реальных или мифических родственных связей, тем самым могли противопоставлять себя «варварскому» окружению. Например, по мнению итальянского историка Р. Санмартано, таким «варваром» для некоторых общин в это время был Рим. В частности, Сиракузы, незадолго до этого захваченные римлянами, с готовностью приняли приглашение магнетов, чтобы вновь войти в религиозную панэллинскую жизнь, и так утвердить свою идентичность, культурную и этническую¹²⁵. Безусловно, все эти причины в той или иной степени играли определенную роль в решении полисов о реорганизации своих обрядов в общегреческие празднества.

Однако, на наш взгляд, не стоит все сводить только к военным конфликтам и противостоянию с соседями. Может быть, большее значение имели процессы, происходившие в общественной жизни полисов. В эллинистическую эпоху выросло вообще число праздников самого разного типа¹²⁶, в том числе не связанных с асиейей. Кроме того, в начале III в. до н.э. вдруг оказалось, что можно нарушить неписаную традицию и объявить местный праздник общегреческим. Появилась своего рода «мода» на такие торжественные собрания (*πανήγυρις*) эллинов, повышавшие значение полиса, как в его собственных глазах, так и среди эллинов. Вероятно, ожидание большого потока гостей на праздник Артемиды Левкофриены подтолкнуло граждан Магнесии на Меандре расширить святилище и построить новый храм богине – покровительнице города, один из самых больших в то время, который должен был поднять престиж города среди эллинов. К тому же эти праздники превращались в большие ярмарки и приносили немалые доходы городу.

Разумеется, представители полисов, принявших приглашение, не обязательно всегда приезжали на праздник, но это не значит, что не стоит считать эти праздники общегреческими, как, например, предполагают У. Слайтер и Д. Сумма, по мнению которых нельзя с уверенностью сказать, что не только на эти праздники, но даже на Олимпийские и Пифийские игры, много городов посылали своих феофов¹²⁷. Количество участников праздника, конечно, зависело от конкретных обстоятельств, военных конфликтов, и от популярности города, но можно предположить, что какое-то число гостей на празднике всегда было. Во многих письмах

¹²² Sumi 2004, 80.

¹²³ Rigsby 1996, 16.

¹²⁴ Бикерман 1985, 146.

¹²⁵ Sammartano 2008/2009, 137.

¹²⁶ Chaniotis 1995, 149–150.

¹²⁷ Slater, Summa 2006, 281–282.

городов говорится о решении послать феоров на праздник Артемиды Левкофриены и участвовать в жертвоприношении¹²⁸. В постановлении Магнесии на Меандре о культе Зевса Сосиполида среди участников процессии во время жертвоприношения Зевсу наряду с членами герусии, жрецами, архонтами и другими почетными гражданами называются победители на играх в честь Артемиды Левкофриены и «остальные победившие в других агонах стефанитес»¹²⁹, т.е. магнеты, которые получали венки в состязаниях, проводившихся в других полисах.

Такие праздники с агонами «стефантес», как видно из источников, учредили около пятидесяти городов¹³⁰. Из этого можно заключить, что по морским и сухопутным дорогам эллинистического мира регулярно передвигались многочисленные посольства и делегации гостей и участников праздников, связывая «народы и города» невидимыми нитями, образующими своеобразную «мировую паутину». И улицы, и площади городов периодически заполнялись эллинами, прибывшими из соседних общин и далеких краев. Разъезжаясь по домам, они разносили новости, как о знаменитых атлетах, так и о выдающихся поэтах и их произведениях. Об этой объединяющей роли общегреческих праздников с восхищением писал ещё Исократ в речи «Панегирик» (IV, 43): «После совместных обетов и жертвоприношений, мы вспоминаем о родстве, существующем между нами, и сохраняем на будущее более дружественные чувства, укрепляя старые и создавая новые связи взаимного гостеприимства».

Подводя итог, можно сказать, что многочисленные документы из архива Магнесии на Меандре о празднике Артемиды Левкофриены дают возможность составить представление о размахе в III в. до н.э. дипломатической активности полисов, связанной с реорганизацией местных обрядов в праздники общегреческого значения. Анализ надписей показывает, что посольства тщательно готовились: продумывались маршруты, изучались документы и произведения поэтов и историков, чтобы составить письма с убедительной аргументацией. Одним из важнейших в посланиях является довод о родстве и единстве эллинов. Апеллируя к их общему прошлому, посольства одновременно устанавливали или возобновляли дружбу со всеми многочисленными «народами и полисами».

Таким образом, уникальное явление, восходящее ещё к истокам греческой цивилизации, а именно, осознание эллинами себя единым народом, несмотря на географическую рассеянность и политическую раздробленность, в эпоху эллинизма проявилось особенно ярко в проведении панэллинских праздников, фестивалей древности, которые объединяли большие полисы и маленькие общины, союзы племен и столицы монархов. Священные послы – феоры, зрители и участники традиционных греческих состязаний, в том числе мусических агонов, приезжавшие на общие праздники со всех концов эллинистического мира, безусловно, внесли свой вклад в сохранение и распространение единой эллинской культуры на всем пространстве этого мира.

¹²⁸ Rigsby 81, 30–31; 83, 23; 84, 22; 85, 24–35; 95, 30–31; 98, 18–19 и т.д.

¹²⁹ Syll.3 589. 32–41.

¹³⁰ Hammerschmied 2018, 92.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман, Э. 1985. *Государство Селевкидов*. М.
- Глускина, Л.М. 1977: Асилия эллинистических полисов и Дельфы. *ВДИ* 1, 82–94.
- Лаптева, М.Ю. 2009: *У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н.э.* СПб.
- Сизов, С.К. 1989: *Ахейский союз*. М.
- Шарнина, А.Б. 2002: Техниты Диониса. В кн.: Э.Д. Фролов, Е.В. Никитюк, А.В. Петров, А.Б. Шарнина (ред.), *Альтернативные социальные сообщества в античном мире*. СПб., 217–317.
- Шарнина, А.Б. 2017: Дипломатические инструменты в практике предотвращения военных конфликтов в эллинистическую эпоху (асилия). *Метаморфозы истории* 9, 76–92.
- Шарнина, А.Б. 2019: Святилища в системе межполисных связей эллинистической эпохи (святилище Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре). В кн.: В.А. Фядосік (ред.), *Лістападаўскія сустрэчы – XIII: матэрыялы міжнар. навук. выкладчыц.-студэнц. канф. у гонар акад. М.М. Нікольскага і У.М. Перцава*, Мінск, 14–15 лістап. 2019 г. Мінск, 33–36.
- Boesch, P. 1908: *Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste*. Berlin.
- Ceccarelli, P. 2018: Diplomatic Protocols in the Hellenistic Period. In: P. Ceccarelli, L. Doering, Th. Fögen, I. Gildenhard (eds.), *Letters and Communities: Studies in the Social-Political Dimensions of Ancient Epistolography*. Oxford, 147–183.
- Chaniotis, A. 1995: Sich selbst feiern? Städtische Feste des Hellenismus im Spannungsfeld von Religion und Politik. In: M. Wörle, P. Zanker (Hrsg.), *Stadt und Bürgerbild im Hellenismus* (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte 47). München, 147–172.
- Chaniotis, A. 1999: Empfängerformular und Urkundenfälschung: Bemerkungen zum Urkundendossier von Magnesia am Mäander. In: R.G. Khoury (Hrsg.), *Urkunden und Urkundenformulare im klassischen Altertum und in den orientalischen Kulturen*. Heidelberg, 51–69.
- Ebert, J. 1982: Zur Stiftungsurkunde der Leukophryena in Magnesia am Mäander. *Philologus* 126, 198–216.
- Flacelière, R. 1937: *Les Aitolien à Delphes*. Paris.
- Hammerschmied, K. 2018: The Panhellenic Festival of Artemis Leukophryene in Magnesia-On-The-Meander. A Spatial Analysis of a Hellenistic Procession. In: U. Luig (ed.), *Approaching the Sacred. Pilgrimage in historical and intercultural perspective*. Berlin, 91–127.
- Kern, O. 1900: *Die Inschriften von Magnesia am Maeander*. Berlin.
- Kyle, D.G. 1996: *Gifts and Glory. Panathenaic and Other Greek Athletic Prizes*. In: J. Neils (ed.), *Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon*. Wisconsin University, 106–136.
- Nachtergaele, G. 1977: *Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes*. Bruxelles.
- Parke, H.W. 1977: *Festivals of the Athenians*. London: Thames and Hudson.
- Rigsby, K. J. 1996: *Asylia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Sammartano, R. 2008/2009: Magnesia sul Meandro e la “diplomazia della parentela”. *Opuscolo – Ricerche di Storia Antica* 1, 111–139.
- Slater W.J., Summa, D. 2006: Crowns at Magnesia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 46, 275–299.
- Sassu, R. 2018: Santuari panellenici: dalla competizione individuale all'autorappresentazione collettiva. *Thiasos* 7.1, 61–81.
- Sumi, G. 2004: Civic Self-representation in the Hellenistic World: The Festival of Artemis Leukophryene in Magnesia-on-the-Maeander. In: S. Bell, G. Davies (eds.), *Games and Festivals in Classical Antiquity*. Oxford, 79–92.
- Thonemann, P. 2007: Magnesia and the Greeks of Asia (I. Magnesia 16.16). *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 47, 151–160.

- Wiemer, H.-U. 2009: Neue Feste – neue Geschichtsbilder? Zur Erinnerungsfunktion städtischer Feste im Hellenismus. In: H.U. Wiemer, H. Beck (eds.), *Feiern und Erinnern. Geschichtsbilder im Spiegel Antiker Feste*. Berlin, 83–108.

REFERENCES

- Bikerman, E. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov [Institutions des Seleucides]*. Moscow.
- Boesch, P. Θεωρός. 1908: *Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste*. Berlin.
- Ceccarelli, P. 2018: Diplomatic Protocols in the Hellenistic Period. In: P. Ceccarelli, L. Doering, Th. Fögen, I. Gildenhard (eds.), *Letters and Communities: Studies in the Social-Political Dimensions of Ancient Epistolography*. Oxford, 147–183.
- Chaniotis, A. 1995: Sich selbst feiern? Städtische Feste des Hellenismus im Spannungsfeld von Religion und Politik. In: M. Wörrle, P. Zanker (Hrsg.), *Stadt und Bürgerbild im Hellenismus* (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte 47). München, 147–172.
- Chaniotis, A. 1999: Empfängerformular und Urkundenfälschung: Bemerkungen zum Urkundendossier von Magnesia am Mäander. In: R.G. Khoury (Hrsg.), *Urkunden und Urkundenformulare im klassischen Altertum und in den orientalischen Kulturen*. Heidelberg, 51–69.
- Ebert, J. 1982: Zur Stiftungsurkunde der Leukophryena in Magnesia am Mäander. *Philologus* 126, 198–216.
- Flacelière, R. 1937: *Les Aitoliens à Delphes*. Paris.
- Gluskina, L.M. 1977: Asyilia ellinisticheskikh polisov i Delfi [Asyilia in Hellenistic Cities and Delphi] *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 82–94.
- Hammerschmied, K. 2018: The Panhellenic Festival of Artemis Leukophryene in Magnesia-On-The-Meander. A Spatial Analysis of a Hellenistic Procession. In: U. Luig (ed.), *Approaching the Sacred. Pilgrimage in historical and intercultural perspective*. Berlin, 91–127.
- Kern, O. 1900: *Die Inschriften von Magnesia am Maeander*. Berlin.
- Kyle, D.G. 1996: *Gifts and Glory. Panathenaic and Other Greek Athletic Prizes*. In: J. Neils (ed.), *Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon*. Wisconsin University, 106–136.
- Lapteva, M.Yu. 2009: *U istokov drevnegrecheskoy tsivilizatsii. Ionia XI–VI vv. do.n.e. [At the origins of the ancient Greek civilization. Ionia in the 11th–6th centuries BC]*. Saint Petersburg.
- Nachtergaele, G. 1977: *Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes*. Bruxelles.
- Parke, H.W. 1977: *Festivals of the Athenians*. London.
- Rigsby, K.J. 1996: *Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Sammartano, R. 2008/2009: Magnesia sul Meandro e la “diplomazia della parentela”. *Όρμος –Ricerche di Storia Antica* 1, 111–139.
- Slater W.J., Summa, D. 2006: Crowns at Magnesia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 46, 275–299.
- Sassu, R. 2018: Santuari panellenici: dalla competizione individuale all’autorappresentazione collettiva. *Thiasos* 7.1, 61–81.
- Sharnina, A.B. 2002: Tekhnity Dionisa [Technitai of Dionysus]. In: E.D. Frolov, Ye.V. Nikityuk, A.V. Petrov, A.B. Sharnina (eds.), *Alternativnyye sotsialnyye soobshchestva v antichnom mire [Alternative Social Associations in the Ancient World]*. Saint Petersburg, 217–317.
- Sharnina, A. 2017: Diplomatische instrumenty v praktike predotvrashcheniya voennykh konfliktov v ellinisticheskuyu epokhu (asyilia) [Diplomatic instruments in practice of prevention of military conflicts in the Hellenistic era (asyilia)]. *Metamorfozy istorii [Metamorphoses of History]* 9, 76–90.
- Sharnina, A. 2019: Syvatilishcha v sisteme mezhpolisnykh svyazey ellinisticheskoy epokhi (Syvatilishche Artemidy Levkofrieny v Magnesii-na-Meandre) [Sanctuaries in the system of interpoleis relations of the Hellenistic era (Sanctuary of Artemis Leucophryene in Magnesia-on-the-Maeander)]. In: V.A. Fyadosik (ed.), *Listapadayskiya systrechy – XIII: materyaly*

- mizhnar. navuk. vykladchyts. students. kanf. u gonar akad. M.M. Nikol'skaga i Y.M. Pert-sava. Minsk, 14–15 listapad. 2019 [November meetings – XIII: materials of the International Research Conference in Honor of Acad. M.M. Nikolsky and V.M. Pertsev Minsk, 14–15 November 2019]. Minsk, 33–36.*
- Sizov, S.K. 1989: *Akheyskiy soyuz [Achaean Union]*. Moscow.
- Sumi, G. 2004: Civic Self-Representation in the Hellenistic World: The Festival of Artemis Leucophryene in Magnesia-on-the-Maeander. In: S. Bell, G. Davies (eds.), *Games and Festivals in Classical Antiquity*. Oxford, 79–92.
- Thonemann, P. 2007: Magnesia and the Greeks of Asia (I.Magnesia 16.16). *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 47, 151–160.
- Wiemer H.-U. 2009: Neue Feste–neue Geschitsbilder? Zur Erinnerungsfunktion städtischer Feste im Hellenismus. In: H.-U. Wiemer, H. Beck (ed.), *Feiern und Erinnern. Geschitsbilder im Spiegel Antiker Feste*. Berlin, 83–108.

PANHELLENIC FESTIVALS IN THE DIPLOMACY OF HELLENISTIC POLEIS (MAGNESIA ON THE-MAEANDER)

Ariadna B. Sharnina

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia
ariadna@setname.com

Abstract. The article examines the diplomacy of poleis in the 3rd century BC, using Panhellenic festivals to strengthen ties between Greek communities. An example is Magnesia on the Meander, which turned the rite in the Sanctuary of Artemis Leucophryene into the All-Greek festival with “stephanites” competitions, equal to the Pythian Games in Delphi, declaring the asyilia (inviolability) of the city and its chora. The large corpus of Magnesia inscriptions allows one tracing the routes of the embassies sent by the Magnesians to all corners of the Hellenistic world, and reconstructing the arguments of the ambassadors who persuaded the poleis and unions of Greek tribes to recognize their festival and the asyilia of the city and its chora. An analysis of the inscriptions demonstrates that the embassies were carefully prepared. Routes were thought out, documents and works of poets and historians were studied in order to compose letters with convincing arguments.

An important feature of this activity of Magnesia on the Meander is that it is carried out, at least externally, completely independently of the rulers. The Magnesians direct embassies to “kings, poleis and peoples”, ignoring the boundaries of kingdoms. Similar embassies with invitations to the Festival, and reciprocal embassies, connected the Hellenes with invisible threads, wherever they lived. Such a unique phenomenon, characteristic of the Greek civilization since ancient times, as the preservation of the unity of the Hellenes, despite their geographical scattering and political fragmentation, in the era of Hellenism manifested itself especially clearly during the organization of Panhellenic festivals. Along with athletic and equestrian competitions, the organization of musical and poetic competitions also contributed to the preservation and spreading of the Greek culture throughout the Mediterranean.

Keywords: Hellenism, Magnesia on the Meander, the Sanctuary of Artemis Leucophryene, asyilia, Delphi, Panhellenic festivals, theoria

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 193–199
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 193–199
©Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-193–199

КОММАГЕНСКИЕ ЭТНАРХИ ПО НАДПИСИ ИЗ СЕЛЕВКИИ-НА-ЕВФРАТЕ

С.В. Обухов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
veretragna@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена коммагенским этнархам по данным надписи из Селевкии-на-Евфрате. В ходе недавних раскопок этого города был обнаружен фрагмент манифеста Антиоха I Коммагенского (69–34 гг. до н.э.) об установлении его царского культа, а также культа династии. В этой надписи среди прочего говорится об этнархах, которым не позволялось отчуждать храмовых рабов-иеродулов в свою пользу. Это единственное упоминание этнархов в коммагенской эпиграфике эллинистического времени. Автор полагает, что этнархи из надписи из Селевкии-на-Евфрате являлись главами варварских общинно-племенных объединений, проживавших на городской хоре и плативших подати городской общине. До известной степени их можно сопоставить с иудейскими этнархами эллинистическо-римского времени и этнархом Боспора Асандром (I в. до н.э.). Никаких сведений о том, сколько было коммагенских этнархов на хоре Селевкии-на-Евфрате, нет. Не совсем ясно, появились ли этнархи на хоре Селевкии-на-Евфрате, когда город входил в состав Селевкидской державы (до 66–65 гг. до н.э.), или уже в коммагенское время (после 65 г. до н.э.). Скорее всего, они существовали уже в селевкидскую эпоху. В любом случае, точно ответить на этот вопрос вряд ли возможно. Скорее всего, этнархи Селевкии-на-Евфрате подчинялись городским (или городскому) стратегам, которые стоят в надписи перед этнархами. Наличие в коммагенской Селевкии отдельного стратега, возможно, объясняется стратегическим положением этого города, контролировавшего одну из важнейших переправ через Евфрат.

Ключевые слова: эллинизм, Коммагена, Селевкия-на-Евфрате, этнархи, Иудея, Галатия, Боспор, сельская община, племя, стратеги

В стк. 23 манифеста об установлении царского и династического культов в Селевкии-на-Евфрате времени Антиоха I Коммагенского (69–34 гг. до н.э.), найденного в ходе исследования этого города в начале 2000-х гг., наряду со стратегами упоминаются «этнархи» —... [σ]τ[ρ]α[τ]ηγῶν ἢ ἐθνάρχων¹. Селевкия-на-Евфрате – греческий полис, основанный, вероятно, ещё создателем Селевкидской державы Селевком I Никатором (305–281 гг. до н.э.). Он вошёл в состав Коммаген-

---

Данные об авторе: Обухов Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Crowther 2013, 194.

ского царства в 65–64 гг. до н.э. по воле римского полководца Гн. Помпея Магна (Strab. XVI. 2. 3; App. XII. 114)², укреплявшего римскую границу с Парфянской державой³. Без сомнения, до этого Селевкия-на-Евфрате входила в состав Северной Сирии – последнего осколка некогда могущественной империи Селевкидов, превращённого римлянами в провинцию в 64–63 гг. до н.э.⁴

Большой интерес представляет выяснение вопроса, что из себя представляла должность этнарха – дословно «правителя народа», и какое место она занимала в государственном аппарате Коммагены в I в. до н.э.? Для начала следует отметить, что в Малой Азии понятие «этнос» весьма часто означало «племя», возглавляемое царём или, скорее, племенным вождём⁵. Характерно, что «этнос» и «полис» в античности обычно противопоставлялись друг другу, подразумевая обычную антитезу «эллины» — «варвары»⁶. Так, подобное противопоставление имеется в стихотворном гимне Аполлону I в. до н.э. – I в. н.э. из Селевкии-на-Тигре⁷. В боспорском Танаисе в I–III вв. н.э. существовало две общины: эллинов, возглавляемой эллинархом, и танаитов (в основном иранского – сарматского и скифского – происхождения)⁸.

В целом, можно согласиться с С.Ю. Сапрыкиным, определившим этнарха как должностное лицо, возглавлявшее автономные союзы или объединения деревеньком и осуществлявшее сбор податей с их членов⁹. Известны два упоминания должности этнарха в контексте развития античной государственности. Первый случай связан с Боспорским царством конца эллинистической эпохи. Так, Асандр, ставший впоследствии царём, был оставлен Фарнаком II, сыном Митридата VI Евпатора, в качестве этнарха – наместника понтийского царя на Боспоре. После этого Фарнак выступил в поход в Малую Азию для возвращения родовых владений (48 г. до н.э.) (Ps.-Лис. Масг. 17)¹⁰. Е.А. Молев считает, что Асандр до того, как стал царём, был правителем одного из местных меотских племён¹¹, что также вероятно. В любом случае, термин «этнос» является весьма многозначным.

Ещё одним регионом, где засвидетельствована должность этнарха, является эллинистическо-римская Иудея. Её правители из династии Хасмонеев вплоть до Александра I Янная (103–76 гг. до н.э.) официально носили этот титул. Первым из них был Иуда Маккавей (I Macch. 14. 46)¹², а в 4 г. до н.э. римский император

² Tscherikower 1927, 53–54; Cohen 2006, 190–196.

³ Sherwin-White 1984, 208; Sartre 1991, 70; Головкин 1952, 6–16; Бокщанин 1966, 40.

⁴ Смыков 2013, 112–125.

⁵ Голубцова 1998, 81–83.

⁶ Белявский 1967, 18–19.

⁷ Новиков 1986, 74, 77.

⁸ Данышин 1989, 38–40.

⁹ Сапрыкин 1996, 238. Правда, неясно, существовала ли должность этнарха именно в Понтийском царстве, как считает С.Ю. Сапрыкин и вслед за ним Ю.А. Новичков (2009, 20). В источниках нет никаких прямых указаний на это (пример с сатрапом Евмахом, назначенным царём Понта Митридатом VI Евпатором управлять малоазийскими галатами вместо убитых по его приказу местных правителей – тетрархов (App. Mithr. 46), не выглядит очень убедительным. Некоторые исследователи (Magie 1950, 226, 372 вообще сомневаются и в официальном сатрапском статусе этого понтийского наместника).

¹⁰ Сапрыкин 1996, 238.

¹¹ Молев 2017, 159–160.

¹² В реалиях Иудеи II в. до н.э., связанных с борьбой этой страны против Селевкидов за свою самостоятельность, титул этнарха, с точки зрения греков, означал правителя всех тех, кто, исповедуя

Август назначил одного из сыновей Ирода Великого (37–4 гг. до н.э.), Архелая, этнархом Иудеи, передав ему половину отцовского царства; оставшаяся часть была поделена между его братьями (Jos. Flav. Jud. Ant. XVII. 317). Архелай находился в этой должности до 6 г. н.э., пока его по причине многочисленных жалоб со стороны подвластного населения не отстранил от управления тот же Август¹³. Ясно, что в обоих случаях титул «этноарх» стоял в иерархической лестнице много ниже царского титула.

Кроме того, в эпиграфике Сирии римского времени «этноархами» называются шейхи арабских племен, поселенных там царем Великой Армении Тиграном II Великим (96—55 гг. до н.э.) (Plut. Luc. 21). Так, в надписи времен Антонина Пия говорится о «этноархе стратеге номадов» (OGIS. II. 616)¹⁴. Правда, сомнительно, что коммагенских этнархов следует считать вождями кочевников-арабов, так как говорить об их присутствии в окрестностях Селевкии-на-Евфрате затруднительно. Не говорится в манифесте Антиоха I Коммагенского и о том, что этнархи Селевкии-на-Евфрате были номадами.

Следует отметить, что мы в точности не знаем, сколько этнархов было в Селевкии-на-Евфрате. Судя по тому, что слово «этноарх» стоит в надписи в родительном падеже множественного числа, в окрестностях Селевкии-на-Евфрате их было не менее двух. В то же время неясно, следует ли отнести появление этой должности к селевкидскому времени (см. выше), либо институт «этноархата» был введен Антиохом I после присоединения указанного города к Коммагене в 64–63 гг. до н.э. Более вероятно, что эта должность восходит к селевкидскому времени. Что касается функций коммагенских этнархов, то, весьма вероятно, что они являлись главами объединений деревень-ком, находящихся в округе Селевкии-на-Евфрате. Точно неизвестен статус этих земель, они могли быть городскими или царскими. Скорее всего, верно второе, так как говорить о какой-либо автономии Селевкии-на-Евфрате в рамках Коммагенского царства вообще затруднительно, в том числе ввиду отсутствия «городской» эпиграфики. Показательно, что в Коммагене этнархи засвидетельствованы только в надписи из Селевкии-на-Евфрате, что, возможно, говорит об особенностях в организации управления этого города. Не исключено, что сельская округа (хора?) Селевкии-на-Евфрате была организована по общинно-родовому принципу. В таком случае этнархи являлись племенными вождями, управлявшими деревнями-комами, в которых проживало местное (сеμιто-малоазийское?) население¹⁵. Если принять эту точку зрения, то в рамках отдельных «этноархий» функционировали и институты догосударственного строя, например, совет старейшин (герусия) и, может быть, народное собрание.

иудаизм, являлся «богоизбранным народом Израиля». Это особо подчеркнул ещё Н.М. Никольский (1901, 415).

¹³ Schürer 1901, 449–454; Bertholet 1910, 82–87; Лившиц 1957, 208; Бикерман 1985, 153–154.

¹⁴ Ранович 1949, 134.

¹⁵ Интересно, что Аппиан, повествуя о военно-политической деятельности Гн. Помпея в Сирии, сообщает, что тот передал, кроме Селевкии-на-Евфрате, и «...все другие области Месопотамии, которые он (Антиох I Коммагенский. – прим. авт.) захватил во время набега...» (App. Mithr. 114). Было бы заманчиво предположить, что эти территории в административном отношении были связаны с Селевкией-на-Евфрате. Косвенно это подтверждается тем, что этот акт Гн. Помпея стоит в одном ряду с передачей Селевкии-на-Евфрате Коммагенскому царству.

Этнархи, вероятно, подчинялись стратегу; по крайней мере, в надписи этнарх упомянут после стратега. Можно думать, что стратег являлся царским чиновником, осуществляющим военный и гражданский контроль непосредственно над городом и, в целом, над полисным коллективом¹⁶. Присутствие стратега в этом городе можно объяснить, прежде всего, тем, что Селевкия контролировала одну из важнейших переправ через Евфрат. Так, Страбон прямо называет этот город крепостью (Strab. XVI. 2. 3).

Таким образом, коммагенские этнархи, вероятно, являлись племенными вождями, главами племён, проживавших на хоре Селевкии-на-Евфрате. Поэтому следует полагать, что округа названного города была организована по родоплеменному принципу.

ЛИТЕРАТУРА

- Белявский, В.А. 1967: Этнос в древнем мире. В сб.: С.И. Руденко (ред.), *Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. 3. Этнография*. Л., 18–38.
- Бикерман, Э. 1985: *Государство Селевкидов*. М.
- Бокщанин, А.Г. 1966: *Парфия и Рим. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии*. М.
- Головко, И.Д. 1952: *Римско-парфянские политические взаимоотношения в I в. до н.э.*: автореф. дис.... канд. ист. наук. Одесса.
- Голубцова, Е.С. 1998: *Община, племя, народность в античную эпоху*. М.
- Грушевой, А.Г. 2011: Провинциальная администрация эллинистических монархий: Олимпих, Фрасей, Корагг. В сб.: Э.Д. Фролов (ред.), *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 10, 161–172.
- Даньшин, Д.И. 1989: Городская община Таваэйтал в Танаисе. В сб.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы исследований античных городов. Тезисы*. М., 38–40.
- Лившиц, Г.М. 1957: *Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима*. Минск.
- Молев, Е.А. 2017: *Боспорские древности*. Нижний Новгород.
- Никольский, Н.М. 1901: Иудея при Маккавеях и Асмонеях. В кн.: *Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. Литературно-художественный сборник*. СПб, 409–426.
- Новиков, С.В. 1986: Гимн Аполлону из Селевкии-Суз как исторический источник. *ВМУ* 8. 6, 72–87.
- Новичков, Ю.А. 2009: Галатия в первой Митридатовой войне. В сб.: В.П. Данилов, Л.Н. Чернов (ред.), *Новый век. История глазами молодых*. 8. 1. Саратов, 16–24.
- Ранович, А.Б. 1949: *Восточные провинции Римской империи в I–III вв. н.э.* М.–Л.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Смыков, Е.В. 2013: Сирия 83–63 гг. до н.э.: от анархии к провинции. В сб.: Н.Б. Чурекова (ред.), *Античный мир и археология* 16, 112–125.
- Bengtson, H. 1937: *Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. Erster Band*. München.
- Bengtson, H. 1944: *Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. Zweiter Band*. München.
- Bengtson, H. 1952: *Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. Dritter Band*. München.
- Bertholet, A. 1910: *Das Ende des jüdischen Staatswesens: sechs populäre Vorträge*. Tübingen.

¹⁶ Jones 1940, 105. Об эллинистических стратегах в целом см.: Bengtson 1937; 1944; 1952; Грушевой 2011, 161–172.

- Cohen, G.M. 2006: *The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea basin and North Africa*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Crowther, Ch. 2013: Inscriptions on Stone. In: W. Aylwerd (ed.), *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology*. California, 192–219.
- Jones, A.H.M. 1940: *The Greek City from Alexander to Justinian*. Oxford.
- Magie, D. 1950: *Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ*. Vol. I. Princeton.
- Sartre, M. 1991: *L'Orient Romain. Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères (31 avant J.-C. – 235 après J.-C.)*. Paris.
- Schürer, E. 1901: *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi*. Bd. I. *Einleitung und politische Geschichte*. Leipzig.
- Sherwin-White, A.N. 1984: *Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1*. Oklahoma.
- Tschirikower, V. 1927: *Die Hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit*. Leipzig.

REFERENCES

- Belyavskiy, V.A. 1967: Etnos v drevnem mire [The ethnos in the Ancient world]. In: S.I. Rudenko (ed.), *Doklady otdeleniy i komissiy Geograficheskogo obshchestva SSSR. 3. Etnografiya* [Transactions of Department and Commissions of the Geographical Society of the USSR. 3. Ethnography]. Leningrad, 18–38.
- Bengtson, H. 1937: *Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht*. Bd. 1. München.
- Bengtson, H. 1944: *Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht*. Bd. 2. München.
- Bengtson, H. 1952: *Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht*. Bd. 3. München.
- Bertholet, A. 1910: *Das Ende des jüdischen Staatswesens: sechs populäre Vorträge*. Tübingen.
- Bikerman, E. 1985: *Gosudarstvo Seleukidov* [The Seleucid State]. Moscow.
- Bokshchanin, A.G. 1966: *Parfiya i Rim*. Ch. II. *Sistema politicheskogo dualizma v Peredney Azii* [Parthia and Rome. Pt. II. The system of political dualism in the Front Asia]. Moscow.
- Cohen, G.M. 2006: *The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea basin and North Africa*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Crowther, Ch. 2013: Inscriptions on Stone. In: W. Aylwerd (ed.), *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology*. California, 192–219.
- Danshin, D.I. 1989: Gorodskaya obshchina Τανναίται v Tanais [The urban community of Τανναίται in Tanais]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Problemy issledovaniy antichnykh gorodov. Tezisy* [Problems of the study of ancient cities. Abstracts]. Moscow, 38–40.
- Golovko, I.D. 1952: *Rimsko-parfyanskies politicheskie vzaimootnosheniya v I v.do n.e.* [The Roman-Parthian political relations in the 1st century BC]. PhD Thesis. Odessa.
- Golubtsova, E.S. 1998: *Obshchina, plemya, narodnost' v antichnuyu epokhu* [The Community, tribe, nationality in Classical time]. Moscow.
- Grushevoy, A.G. 2011: Provintsiálnaya administratsiya ellinisticheskikh monarkhiy: Olimpikh, Frasey, Korrag [Provincial administration of the Hellenistic Monarchy]. In: E.D. Frolov (ed.), *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. The Researches and publications on the history of the ancient world] 10. Saint Petersburg, 161–172.
- Jones, A.H.M. 1940: *The Greek City from Alexander to Justinian*. Oxford.
- Livshits, G.M. 1957: *Klassovaya borba v Iudee i vosstaniya protiv Rima* [The Class struggle in Judea and revolts against Rome]. Minsk.
- Magie, D. 1950: *Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ*. Vol. I. Princeton.

- Moley, E.A. 2017: *Bosporskie drevnosti* [*The Bosporan antiquities*]. Nizhniy Novgorod.
- Nikol'skiy, N.M. 1901: Iudeya pri Makkaveyakh i Khasmoneyakh [Judea under the Maccabees and Hasmonians]. In: *Pomoshch evreyam, postradavshim ot neurozhaya. Literaturno-khudzhestvennyy sbornik* [*The Help Jews who were suffering from crop failure. The Literary-artistic collection*]. Saint Petersburg, 409–426.
- Novikov, S.V. 1986: Gimn Appolonu iz Selevkii-Suz kak istoricheskiy istochnik. [The Hymn to the Apollo from Seleucia-Susa as a historical source]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [*Bulletin of Moscow University*] 8. 6, 72–87.
- Novichkov, Yu.A. 2009: Galatiya v pervoy Mitridatovoy voyne [Galatia in the first Mithridatic War]. In: V.P. Danilov, L.N. Chernov (eds.), *Novyy vek. Istoriya glazami molodykh* [*The New century. History through the eyes of the young*] 8. 1. Saratov, 16–24.
- Ranovich, A.B. 1949: *Vostochnye provintsii Rimskoy imperii v I–III vv.n.e.* [*The Eastern provinces of the Roman Empire in I–III A.D.*]. Moscow-Leningrad.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomoře* [*The Kingdom of Pontus. The state of the Greeks and barbarians in the Black Sea Region*]. Moscow.
- Sartre, M. 1991: *L'Orient Romain. Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères (31 avant J.-C. – 235 après J.-C.)*. Paris.
- Schürer, E. 1901: *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi*. Bd. I. *Einleitung und politische Geschichte*. Leipzig.
- Sherwin-White, A.N. 1984: *Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1*. Oklahoma.
- Smykov, E.V. 2013: Syria 83–63 gg. do n.e.: ot anarkhii k provintsii [Syria 83–63 B.C.: from the anarchy to the province]. In: N.B. Churekova (ed.), *Antichnyy mir i Arkheologiya* [*The Antique world and archaeology*] 16, 112–125.
- Tscherikower, V. 1927: *Die Hellenistischen Städtergründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit*. Leipzig.

ETHNARCHS OF COMMAGENE IN THE INSCRIPTION FROM SELEUCIA-ON-EUPHRATES

Sergey V. Obukhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
veretragna@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the ethnarchs of Commagene mentioned in the inscription from Seleucia-on-Euphrates. During the recent excavations of the city, a fragment of the Antiochus I's manifesto from Commagene (69–34 BC) was discovered, reporting on the establishment of its royal cult, as well as the cult of the dynasty. This inscription refers to the so-called “ethnarchs” who were not allowed to alienate the temple-slaves of hierodules in their favor. This is the only mention of “ethnarchs” in of the Hellenistic time epigraphy of Commagene. The author believes that the ethnarchs from the inscription from Seleucia-on-Euphrates were the heads of the barbarian community-tribal groups that lived on the city chora and paid taxes to the community of citizens. To a certain extent, they can be compared with the Jewish ethnarchs of the Hellenistic-Roman period and Asander, the ethnarch of Bosphorus (the 1st century BC). There is no information about the number of Commagenian ethnarchs in the chora of Seleucia-on-Euphrates. It is not entirely clear whether the ethnarchs appeared on the chora of Seleucia-on-Euphrates when the city was the part of the Seleucid state (before 66–65 BC) or already in Commagenian time (after 65 BC). Most likely, they already existed in the Seleucid

time. In any case, it is hardly possible to give an accurate answer to this question. Most likely, the ethnarchs of Seleucia-on-Euphrates were subordinate to the urban strategists, whose names stand before the names of ethnarchs in the inscription. The presence of a separate strategist in commagenian Seleucia may be due to the strategic position of this city, which controlled one of the most important ferries across the Euphrates.

Keywords: Hellenism, Commagene, Seleucia-on-Euphrates, ethnarchs, Iudea, Galatia, Bosporus, community, tribe, strategists

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 200–209
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 200–209
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-200–209

ПОХОД ГАННИБАЛА В ИСТОРИЧЕСКОМ И МИФОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.А. Квашнин

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
kvashninv195@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу идеологической борьбы между Римом и Карфагеном в период Второй Пунической войны. В условиях древнего общества она получила религиозное оформление путем использования широко известного в Средиземноморье цикла мифов о Геракле. Пропагандистское оформление похода Ганнибала в Италию было связано с актуализацией десятого подвига Геракла, действие которого разворачивалось на территории северной Африки, Иберии и Италии. В литературе достаточно давно было обращено внимание на то, что начальный этап похода Ганнибала в Италию совпадает с маршрутом так называемого «пути Геракла», в частности, предполагающего пересечение альпийских перевалов, что позволяло провести прямые параллели между Ганнибалом и Гераклом. Основным содержанием пропагандистской кампании Карфагена стала персонафикация Ганнибала, в том числе через чеканку монеты, в качестве нового Геракла и освободителя Италии. Это показывает, что религиозные образы и сюжеты в годы войны подвергаются многочисленным трансформациям и переосмыслению, играя роль идеологического оружия в борьбе за симпатии и лояльность населения Италии.

Ключевые слова: Древний Рим, Ганнибал, «путь Геракла», Пунические войны

Принято считать, что началом Второй Пунической войны стала осада и последующее разрушение Сагунта – греко-иберийской общины, связанной с Римом союзническими отношениями. В то же время сочинение Тита Ливия позволяет предположить, что начальной точкой похода Ганнибала был город Гадес. Ливий в этой связи пишет:

Сделав смотр всем вспомогательным войскам, Ганнибал отправился в Гадес, где он исполнил данные Геркулесу обеты и дал новые – на случай благоприятного исхода своих дальнейших предприятий... Из Гадеса он вернулся в Новый Карфаген, где зимовало войско; отсюда он повел войско мимо Онусы и затем вдоль берега к реке Ибер (XXI.21.9, 22.5. Здесь и далее пер. Ф.Ф. Зелинского).

Данные об авторе: Квашнин Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры юриспруденции Вологодского государственного университета.

В основу статьи положен доклад, прочитанный на международной научной конференции Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «XXI Сергеевские чтения» (29–31 января 2019 г.).

Упоминание Геракла показывает, что целью поездки Ганнибала было паломничество в местное святилище, что рассматривалось полководцем как залог успеха новой военной кампании. Действительно, в Гадесе находился знаменитый храм, посвященный Гераклу, о котором упоминается сразу в нескольких источниках¹. Примечательно, что данный эпизод не отмечается другими авторами, описавшими события Ганнибаловой войны. Сведения о поездке Ганнибала в Гадес отсутствуют у Полибия и Аппиана (позднее этот эпизод появляется в поэме Силия Италика (III. 14–60), в связи с чем исследователями был сделан вывод о том, что данный сюжет был заимствован Ливием из какого-то прокарфагенского источника. Возможно, это было сочинение сицилийского историка Силена Калактинского², неясно лишь, использовал ли его Ливий напрямую или через посредничество кого-то из анналистов, например, Луция Целия Антипатра³.

Место, выбранное Ганнибалом для символического начала похода в Италию, было явно не случайным. Гадес являлся колонией, основанной финикийцами из Тира и позднее находившейся под контролем Карфагена (Strab. III. 5. 5)⁴. Кроме того, там находилось знаменитое святилище, посвященное Мелькарту, первоначально являвшемуся божественным покровителем Тира⁵, а позднее ставшему одним из главных богов Карфагена⁶. Мелькарт довольно рано, возможно, уже в VII в. до н.э., был отождествлен с Гераклом: в найденной на территории Мальты билингве его имя прямо переводится на греческий как Геракл-археget⁷. Античные авторы недвусмысленно идентифицировали святилище в Гадесе как посвященное Гераклу (Strab. III. 5. 5–9). Как отмечает Аппиан, божество, которому поклонялись в храме, было не «Фиванским», но «Тирским» Гераклом (Iber. IV. 2. 8). Помпоний Мела упоминает об «Египетском» Геракле, но при этом пишет, что культ Геракла в Гадесе был учрежден выходцами из Тира (III. 6. 39)⁸.

Восстанавливаемая по источникам связь Ганнибала с Мелькартом/Гераклом отсылает к имевшему самое широкое распространение в Средиземноморье мифологическому циклу о подвигах Геракла, а именно к десятому подвигу, действие которого в рамках истории о стаде Гериона разворачивается на территории Иберии, Галлии и Италии. В литературе достаточно давно было обращено внимание на то, что начальный этап похода Ганнибала в Италию совпадает с маршрутом так называемого «пути Геракла», в частности, предполагающего пересечение альпийских перевалов, что позволяло провести прямые параллели между Ганниба-

¹ Strab. I II. 5. 5–9; App. Iber. II. 8; Mela. III. 6. 46; Philostr. Ap. V. 5.

² Seibert 1993, 12–13.

³ Billot 2009, 50, n. 145; Miles 2011, 264; Fabrizi 2015, 130, n. 49.

⁴ Как показывают нумизматические данные, чеканка монеты в период правления Баркидов началась именно в Гадесе. На карфагенское влияние указывает и использование жителями данного региона пунической системы мер и весов (Billot 2009, 55; Daniels 2018, 243–244).

⁵ Точное время появления культа Мелькарта неизвестно. Возможно, это было время правления Хирама I, но в любом случае можно говорить о том, что культ Мелькарта получил распространение в период с X по VIII вв. до н.э. (Billot 2009, 52; Miles 2011, 266–267; Daniels 2018, 239–240).

⁶ Bonnet 1986, 220–222; Lancel 1995, 205–207; Rawling 2005, 159; Billot 2009, 52; Miles 2011, 266–267; Daniels 2018. P. 239–240.

⁷ Picard 1963, 123–124; Moeller 1975, 405–407; Huss 1986, 233–238; Bonnet 1988, 244–247; Miles 2011, 265–266.

⁸ Филострат утверждает, что храм в Гадесе был посвящен двум Гераклам, «Египетскому» и «Фиванскому» (Ap. V. 5).

лом и Гераклом⁹. Начало этой традиции восходит к «Теогонии» Гесиода, но свое развитие она находит у греческих авторов республиканского и императорского периодов – Диодора Сицилийского, Дионисия Галикарнасского и Аполлодора¹⁰. В традиции Герион предстает чудовищным существом, жившим далеко на западе, на острове Эрифия, находившемся неподалеку от южного побережья Испании. Показательно, что Геракл прибывает на территорию Иберии из Африки, а затем, гоня Герионово стадо, направляется в Италию. «Путь Геракла», таким образом, представляет собой маршрут движения мифического героя из южной Испании через Галлию и Альпы вглубь Апеннинского полуострова, что в целом совпадает с существовавшим в период Республики и Империи военно-торговым путем, использовавшимся при передвижении из Италии в Испанию и обратно¹¹. На то, что параллелизм между десятым подвигом Геракла и походом Ганнибала не является конструктором, созданным современными исследователями, указывают как данные нумизматики, так и письменные источники¹². Так, Корнелий Непот отмечает, что Ганнибал использовал тот же путь, что и Геркулес, пересекая Альпы (Нар. III. 4). В качестве другого примера можно привести слова, которые Ливий приписывает Публию Корнелию Сципиону, консулу 218 г. до н.э.:

Было бы любопытно убедиться на опыте, подлинно ли теперь, после двадцатилетнего промежутка, земля родила вдруг новых карфагенян или они все те же, что и прежние, которые сражались у Эгатских островов, которых вы выпустили с Эрика, оценив их в восемнадцать денариев за штуку; подлинно ли этот Ганнибал – соперник Геркулеса в его походах, как он это воображает, или же данник и раб римского народа, унаследовавший это звание от отца (XXI. 41. 6–7).

Чем же был обусловлен необычный выбор маршрута похода армии Ганнибала в Италию? Принято считать, что пунийский полководец, выбрав Альпы, руководствовался прежде всего соображениями военной стратегии, пытаясь добиться эффекта неожиданности, обрушившись на Италию там, где его не ждали. В этой связи следует обратить внимание на то, что римские военачальники, осуществляя переброску своих войск в Испанию, неизменно использовали морские коммуникации, как то было с Публием и Гнеем Корнелиями Сципионами в 217 г. до н.э., Сципионом Африканским в 210 г. до н.э. или Катонем Старшим в 195 г. до н.э. Это позволяет предположить, что передвижение на морском транспорте вдоль Лигурийского побережья было наиболее оптимальным вариантом, невзирая на враждебность местных племен, чья военная активность лишь частично купировалась Массилией и другими греческими полисами региона¹³. При этом, как показал Р. Кнапп, источники позволяют выделить два варианта маршрута «пути Геракла» из Иберии в Италию – «внутренний» и «внешний»¹⁴. Последний фактически

⁹ De Witt 1941, 59–69; Dion 1962, 527–543; Knapp 1986, 103–122; Billot 2009, 59–66; Miles 2011, 265; Fabrizio 2015, 129–136.

¹⁰ Fabrizio 2015, 130.

¹¹ De Witt 1941, 59–63; Fabrizio 2015, 131.

¹² Fabrizio 2015, 132.

¹³ De Witt 1941, 65–67.

¹⁴ Knapp 1986, 115–121. О маршруте движения войска Ганнибала из Иберии в Италию см.: Händl-Sagawe 1995, 175–180; Hoyos 2006, 409–417; Schrier 2006, 506–517.

представлял собой маршрут продвижения римских войск в испанские владения Карфагена. Кроме того, следует учитывать, что в Альпах армия Ганнибала также подвергалась постоянным нападениям со стороны местных галлов, о чем практически единодушно сообщают древние авторы (Polyb. III. 50–52; Nep. Hann. III. 4; Liv. XXVII. 39. 4–7). Потери, понесенные армией Ганнибала, были столь серьезны, что их с трудом удалось компенсировать за счет населения Цизальпийской Галлии, и без карфагенян враждебно настроенного к Риму¹⁵.

Следует отметить, что маршрут движения армии Ганнибала вызывал споры уже при жизни самого Ливия:

...тем более я нахожу странным, что относительно дороги, которой он перешел через Альпы, может существовать разногласие; а между тем наиболее распространено мнение, по которому Ганнибал перешел Пенинские Альпы, и отсюда этот хребет получил свое имя; Целий же утверждает, что он избрал для перехода Кремонский перевал. Но и тот и другой путь привел бы его не к тавринам, а к горному племени салассов и отсюда к либуйским галлам; к тому же невероятно, чтобы эти два прохода в Галлию уже тогда были доступны и, во всяком случае, долины, ведущие к Пенинским Альпам, были заняты полугерманскими народами. Если же кого убеждает название, то пусть он знает, что ни седунам, ни вераграм, жителям этой области, ничего не известно о том, будто их горы получили свое имя от какого бы то ни было перехода пунийцев; а получили они это имя, по их словам, от бога, которого горцы называют Пенином и почитают в капище, выстроенном на главной вершине (XXI. 38. 6–9).

Страбон, ссылаясь на Полибия, дает несколько иную информацию:

Полибий..., говоря о величине и высоте Альп, сопоставляет с ними величайшие горы у греков...; по его словам, хорошо тренированный человек может совершить восхождение на каждую из этих гор почти за один день и также за один день обойти ее вокруг, тогда как на Альпы нельзя совершить восхождения даже в пять дней; их длина 2200 стадий вдоль равнин. Но он сообщает только о четырех горных проходах: проход через страну лигуров (ближайший к Тирренскому морю), через область тауринов, которым прошел Ганнибал... (IV.6.12, пер. Г.А. Стратановского).

Свою версию сообщает Корнелий Непот в жизнеописании Ганнибала:

Наконец, он добрался до Альп, отделяющих Италию от Галлии – до тех самых гор, которые никто до него не переходил с войском, кроме грека Геркулеса; по этой причине они и сегодня называются Греческим ущельем. Альпийских жителей, пытавшихся помешать переходу, он перебил, окрестности обезопасил, дороги расчистил и добился того, что слон в боевом снаряжении мог пройти там, где прежде едва карабкался один безоружный человек. Этим путем он провел войско через горы и вторгся в Италию (III.4, пер Н.Н. Трухиной).

Схожую версию, хотя и с иным вариантом локации, передает Плиний:

¹⁵ В литературе высказывалось мнение, что выбор наземного маршрута для армии Ганнибала был серьезным просчетом со стороны карфагенского полководца, учитывая очень серьезные потери в живой силе (Noyes 2003, 111–113).

От [реки Пад] берет название одиннадцатая область, Транспаданская, вся расположенная в отдалении от моря и однако получающая по реке в изобилии все плоды, которые оно [может прислать]. Города [одиннадцатой области]: Виби-Форум, Сегусий, колонии у подножия Альп: Аугуста-Тауринорум от древнего лигурийского корня, ниже нее По становится судоходной; затем Аугуста-Претория племени салассов, около двойного входа в Альпы, Грайского и Пенинского. Помнится и сейчас, что через Пенинское [ущелье] прошли карфагеняне, а через Грайское Геркулес (NH.III.17.123. Пер. Б.А. Старостина).

Привязка мифа о Геракле к конкретной локации еще раз показывает, что в позднереспубликанской историографии в рамках обсуждаемого сюжета имела место четкая идентификация Геракла и Ганнибала¹⁶. При этом обращает на себя внимание, что Корнелий Непот не пишет прямо о том, что Ганнибал совершил переход именно через Грайское ущелье, а Плиний вообще указывает на соседний перевал¹⁷. Таким образом, древние авторы, скорее всего, не располагали точной информацией о конкретном маршруте передвижения армии Ганнибала в Альпах, что и породило разногласия в современной историографии по этому вопросу¹⁸. Споры по поводу маршрута Ганнибала не утихают до сих пор: на основании довольно скудных упоминаний в источниках исследователи неоднократно пытались локализовать место перехода карфагенской армии через Альпы¹⁹. Возможно, отсутствие точной информации о передвижениях карфагенской армии было обусловлено соображениями безопасности, поскольку карфагенский полководец мог опасаться как нападений со стороны местных племен, зачастую создававших в случае появления на их территории чужаков довольно внушительные коалиции, так и засады, которые могла устроить римская армия²⁰. То, что Ганнибал держал в секрете маршрут движения своей армии, косвенно подтверждает Ливий, который сообщает, что римский консул внимательно следил за передвижениями Ганнибала, намереваясь перехватить его по прибытию в Италию (XXI.32.1–2).

Тем не менее то, что реальный маршрут передвижения по Альпам карфагенской армии существовал, не вызывает сомнений, поскольку, когда Гасдрубал повел свою армию через Альпы спустя одиннадцать лет, он следовал путем, проложенным Ганнибалом.

¹⁶ Billot 2009, 59.

¹⁷ Опираясь на версию Непота-Плиния, ряд исследователей указывают на Малый Сен-Бернар или Мон-Сени как место перехода армии Ганнибала (Hoyos 2003, 227–228; Rawlings 2005, 155). Как справедливо было отмечено, Ганнибал, даже подражая Гераклу, мог не следовать буквально по его пути, пересекая именно Грайское ущелье, которое находилось слишком далеко от пути из Испании в Италию (Billot 2009, 59).

¹⁸ Walbank 1956, 37–45; Seibert 1993, 75–134, Händl-Sagawe 1995, 224–234; Hoyos 2006, 408–465.

¹⁹ В качестве такового называются альпийские перевалы Коль-де-ла Траверсет (De Beer 1955; Brown 1963, 38–46), Коль-де-Клапье (Hoyle 1960; Proctor 1971; Walbank 1957, 382–387), Коль-де-Монженевр (Lancel 1995). Ряд исследователей уклоняются от обсуждения маршрута Ганнибала, считая, что источники не позволяют настаивать на каком-то определенном варианте (Hoyos 2003, 98–113; Walbank 1985, 117–119). Как было отмечено еще в начале XX в., данная проблема носит не топографический, а литературно-критический характер (Meltzer/Kahrstedt 1913, 181). По мнению автора одной из недавних работ, на настоящий момент существует лишь литературное пространство, в котором пролегает путь Ганнибала через Альпы (Previas 1998, 65).

²⁰ Billot 2009, 60.

Тут им очень помог сам Ганнибал: вспоминая, как истошил он свое войско пятимесячной борьбой с людьми и природой, перебираясь то через Родан, то через Альпы, он не рассчитывал и не ожидал, что брат переправится так легко и быстро, и потому задержался в зимних лагерях. Для Газдрубала все, однако, было легче и удобнее, чем думал он сам и другие. Арверны и прочие галльские и альпийские племена не только дружелюбно приняли его, но и пошли вместе с ним на войну. Он вел войско местами, когда-то непроходимыми, через которые уже проложил дорогу его брат; за двенадцать лет племена, живущие в Альпах, навидались, как переходят через их горы, и к Газдрубалу были настроены более миролюбиво (Liv.XXVII.39.4-7. Пер. М.Е. Сергеев).

Сведения Ливия подтверждает Аппиан:

В это время и Газдрубал, брат Ганнибала, с войском, которое он набрал в области кельтиберов, перешел в Италию и, так как кельты приняли его дружелюбно, перешел Альпийские горы, пройденные ранее Ганнибалом, в два месяца, а до того эта дорога потребовала у Ганнибала шесть месяцев (Nap. VII.52.1. Пер. С.П. Кондратьева).

Присутствующий в античной традиции рассказ о переходе армии Ганнибала через Альпы, полный невероятных трудностей и лишений, был призван не только подчеркнуть военный гений карфагенского полководца, но и особый характер его миссии. Любопытно, что Полибий, оставивший красочное описание альпийского перехода, упоминает, что он лично путешествовал по тем местам, преодолев горные перевалы, так же как и многочисленные торговцы и путешественники (III. 48. 12). Разумеется, нельзя не учитывать то обстоятельство, что армейский переход с большим количеством животных, включая боевых слонов, порождал проблемы более масштабного уровня по сравнению с простой торговой экспедицией²¹, но тем не менее возникает подозрение, что трудности перехода были сознательно раздуты в прокарфагенской традиции с тем, чтобы подчеркнуть богоподобный характер деяний Ганнибала²². Полибий оставил пространный комментарий, в котором критикует авторов, живописующих трудности альпийского перехода:

Некоторые из писателей, рассказывающих об этом переходе, с целью поразить читателей необычайностью упомянутых стран незаметно для себя впадают в двойную грубейшую ошибку против истории: они вынуждены говорить неправду и противоречить себе. Так, представляя Ганнибала недостижимым полководцем по отваге и предусмотрительности, они в то же время изображают его человеком, несомненно, бессмысленнейшим. Потом, будучи не в состоянии привести свое повествование к развязке и

²¹ Не оспаривая военные дарования Ганнибала, все же прибегнем к методу исторической аналогии, сравнив его знаменитый переход с швейцарским походом армии А.В. Суворова, штурмовавшей альпийские перевалы под шквальным артиллерийским огнем и штыковыми атаками неприятеля. Общие потери русской армии составили 1500–1600 погибших, в том числе разбившихся при переходах, из 21 000 человек, выступивших в поход. Таким образом, из окружения вышло более 3/4 русских войск, которые при этом умудрились взять в плен почти 3 000 человек (Суворов 1990, 434.). По сведениям Полибия, которые представляются нам наиболее близкими к реальности, Ганнибал начал переход через Альпы, имея 50 000 пехотинцев и 9 тысяч всадников (III. 35. 7). Завершил он его с 20 000 пехотинцев и 6 тысячами всадников, потеряв в общей сложности более 50% пехоты и около трети кавалерии (III. 56. 4).

²² De Witt 1941, 62.

найти выход из вымыслов, они вводят богов и божеских сыновей в историю действительных событий. То изображая Альпы столь крутыми и трудно проходимыми, что через них нелегко было бы перевалить не только коннице и тяжеловооруженному войску вместе со слонами, но даже и легкой пехоте, то рисуя нам эти страны в виде пустыни, в которой Ганнибал вместе со всем войском должен был заблудиться и погибнуть, если бы путь им не был указан каким-либо божеством или героем, историки совершают этим названные выше ошибки... Подобно этому рассказы их о пустыне, крутизнах и недоступности стран явно обличают их лживость. Так, они не знали, что обитающие по Родану кельты не раз и не два до появления Ганнибала, но многократно, не в давнее время, но весьма незадолго до того переходили Альпы с многочисленными войсками для борьбы против римлян в союзе с занимающими равнины Пада кельтами... Не знают историки и того, что в Альпах живет многолюднейший народ. Ничего этого не ведая, они утверждают, что явился некий герой и указывал пути карфагенянам. Вот почему неизбежно они испытывают те же трудности, что и сочинители трагедий... С историками по необходимости случается то же самое; они также вынуждены выводить героев и богов, потому что основа их повествования невероятна и ложна... Во всяком случае Ганнибал поступал вовсе не так, как рассказывают эти писатели; напротив, он принимался за дело с большою осмотрительностью; в точности разузнал и достоинства страны, в которую решился вступить, и отчужденность населения ее от римлян; в местах труднопроходимых он пользовался туземными проводниками и путеводителями, которые готовы были делить с ним его судьбу. Мы говорим с уверенностью, ибо о событиях этих получили сведения от самих участников, местности в них осмотрены нами лично во время путешествия, которое мы совершили через Альпы из любознательности и любопытства (III. 47–48. Пер. М.Ф. Мищенко).

В тексте Полибия можно обнаружить следы полемики с концепцией, объясняющей удачный переход через Альпы армии Ганнибала вмешательством некоего божества или героя, в котором легко угадывается Геракл (III. 47. 8, 48 9). Рационализируя события того перехода, Полибий, скорее всего, вступает в заочную дискуссию с авторами, представлявшими карфагенскую версию тех событий²³. В сочинении Ливия также можно встретить намек на преувеличенный характер трудностей, с которыми столкнулась армия Ганнибала (XXI. 29. 7). Можно предположить, что описание перехода карфагенян через Альпы в сочинениях античных авторов содержало элемент литературной фантазии, оставляя место для достаточно вольных интерпретаций обстоятельств похода. В этой связи можно заметить, что описание природных условий и трудностей, преодолеваемых его

²³ Ливий, а вслед за ним и Валерий Максим представляет тот же сюжет в форме сна Ганнибала (Liv. XXI. 22. 6–9; Val. Max. I. 7). Высказывалось предположение, что эта версия исходила от самого Ганнибала, попав в источники в передаче Силена Калатинского, который сопровождал Ганнибала в Италийском походе, оставив подробное его описание. Можно согласиться с тем, что обсуждение проблемы божественного проводника у Полибия показывает, что история перехода карфагенской армии через Альпы в целом оказалась настолько искажена в источниках, что спустя уже поколение восстановление реального маршрута и обстоятельств перехода было проблематичным для авторов, писавших о походе Ганнибала (Billot 2009, 62–63).

участниками, меняется от сочинения к сочинению. Если Ливий (XXI. 34.8–35.5) и Полибий (III. 53. 9) описывают полный трудностей девятидневный переход через неназываемое ущелье, то Силий Италик пишет уже о двенадцати днях (III. 554–556). Поскольку описываемые события происходили поздней осенью, в текстах присутствует описание снегопадов, снежных бурь и оползней, что вносило красочные детали в описание перехода, подчеркивая трудности, с которыми столкнулись солдаты Ганнибала, непривычные к подобному климату и природным явлениям. При этом конкретные детали также меняются в зависимости от конкретного текста. Если у Ливия показаны природные условия альпийской зоны, характерные для поздней осени, то в сочинении Силия Италика снегопады превращаются в бушующие вьюги, закрывшие альпийские вершины, что характерно для глубокой зимы (III.491–492)²⁴.

Подводя итоги, следует признать, что необычный выбор маршрута передвижения армии Ганнибала из Иберии в Италию, кульминационным моментом которого стал переход через Альпийские горы, был обусловлен целым рядом факторов. Безусловно, карфагенский полководец в первую очередь должен был руководствоваться соображениями военной стратегии, пытаясь избежать встречи с хорошо подготовившимся противником и использовать фактор неожиданности. В то же время паломничество Ганнибала в Гадес перед началом Италийского похода показывает, что готовившаяся им военная кампания имела хорошо продуманное пропагандистское сопровождение, ключевым элементом которого являлась фигура Геракла. Не вызывает сомнений, что развернувшаяся борьба за умы и симпатии жителей Италии должна была иметь религиозную оболочку. Апелляция к культу Геракла/ Мелькарта со стороны Карфагена, безусловно, имела практическое значение. Поскольку культ Геракла в ипостасях Hercules Invictus и Hercules Victor с III в. до н.э. был закреплен в римском пантеоне, а следы его присутствия в Риме уводят в куда более раннюю эпоху, уподобление Ганнибала древнему герою помимо прочего подразумевало, что покровительствовавшее Риму божество перешло на сторону его противника²⁵. Отражением пропагандистских моделей, использовавшихся грекоязычными советниками Ганнибала, стало описание в источниках многочисленных опасностей, трудностей и преград, с которыми сталкивается «новый Геракл». Отсюда и особый акцент на изображение перехода армии Ганнибала через Альпы, что подавалось не просто как событие, прямо перекликающееся с хорошо известным эпизодом странствий Геракла в Западном Средиземноморье, но и равное ему по своим масштабам и значению.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Billot, F.A. 2009: *Representations of Hannibal: A comparison of iconic themes and events from the life and times of Hannibal*. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. The University of Auckland.

²⁴ Исследователи используют упоминание снегопадов и утреннего расположения Плеяд как аргумент для датировки перехода армии Ганнибала периодом с конца сентября до середины ноября. Если буквально следовать описанию Полибия (III. 54. 1) и Ливия (XXI. 35. 6), а также указаниям Варрона (I. 28), переход Ганнибала через Альпы пришелся примерно на 15–29 октября 218 г. до н.э. О проблемах, связанных с интерпретацией данных, сообщаемых древними авторами, см.: Beer 1955, 100; Walbank 1957, 390; De Sanctis 1964, 79; Billot 2009, 61–62.

²⁵ De Witt 1941, 60; Miles 2011, 268–269.

- Bonnet, C. 1988: *Melqart: cultes et mythes de l'Héraclès tyrien en Méditerranée*. Leuven.
- Brown, J.E. T. 1963: Hannibal's route across the Alps. *G&R* 1 (10), 38–46.
- Daniels, M. 2018: Annexing a Shared Past. Roman Appropriations of Hercules-Melqart in the Conquest of Hispania. In: M.P. Loar, C. MacDonald, D. Padilla Peralta (eds.), *Rome, Empire of Plunder. The Dynamics of Cultural Appropriation*. Cambridge, 237–260.
- De Beer, G. 1955: *Alps and Elephants: Hannibal's March*. London.
- De Sanctis, G. 1964: *Storia dei Romani*. III. 2. Firenze.
- De Witt, N.J. 1941: Rome and the «Road of Hercules». *TAPA* 72, 59–69.
- Dion, R. 1962: La voie héracléenne et l'itinéraire transalpin d'Hannibal. In: M. Renard (ed.), *Hommages à Albert Grenier*. Bruxelles–Berchem, 527–543.
- Fabrizi, V. 2015: Hannibal's March and Roman Imperial Space in Livy, Ab urbe condita, Book 21. *Philologus* 159 (1), 118–155.
- Händl-Sagawe, U. 1995: *Der Beginn des 2. Punischen Krieges. Ein historisch-kritischer Kommentar zu Livius Buch 21*. München.
- Hoyos, D. 2003: *Hannibal's Dynasty: Power and Politics in the Western Mediterranean, 247–183 BC*. London.
- Hoyos, D. 2006: Crossing the Durance with Hannibal and Livy: The Route to the Pass. *Klio* 88, 409–417.
- Hoyte, J. 1960: *Trunk Road for Hannibal: with an Elephant over the Alps*. London.
- Huss, W. 1986: Hannibal und die Religion. In: C. Bonnet, E. Lipiński, P. Marchetti (eds.), *Religio Phoenicia. Acta Colloquii Namurcensis habiti diebus 14 et 15 mensis Decembris anni 1984* (Studia Phoenicia 4). Namur, 233–238.
- Knapp, R.C. 1986: La uia Heraclea en el Occidente: mito, arqueología, propaganda, historia. *Emérita. Junta para Ampliación de Estudios. Centro de Estudios Históricos* 54(1), 103–122.
- Lancel, S. 1998: *Hannibal*. Oxford.
- Lancel, S. 1995: *Carthage: A History*. Oxford.
- Meltzer, von O. & Kahrstedt, von U., (eds). 1913: *Geschichte der Karthager*. Berlin.
- Miles, R. 2010: *Carthage Must Be Destroyed: The Rise and Fall of an Ancient Civilization*. London–New York.
- Miles, R. 2011: Hannibal and Propaganda. In: D. Hoyos (ed.), *A Companion to the Punic Wars*. Oxford, 260–279.
- Moeller, W.O. 1975: Once More the One-Eyed Man against Rome. *Historia* 24, 405–407.
- Picard, Ch. 1963: La religion d'Hannibal. *Revue de histoire des religions* 162, 123–124.
- Prevas, J. 1998: *Hannibal Crosses the Alps (The Enigma Re-examined)*. New York.
- Proctor, D. 1971: *Hannibal's March in History*. Oxford.
- Rawlings, L. 2005: Hannibal and Hercules. In: L. Rawlings, H. Bowden, (eds.), *Herakles and Hercules: Exploring a Graeco-Roman Divinity*. Swansea.
- Schrier, O.J. 2006: Hannibal, the Rhône and the “Island”: Some Philological and Metrological Notes. *Mnemosyne* 59, 506–517.
- Seibert, J. 1993: *Hannibal*. Darmstadt.
- Suvorov, A.V. 1990: *Pokhodi i srazheniya v pismakh i zapiskakh* [Campaigns and battles in letters and notes]. Moscow. [In Russ.].
- Walbank, F.W. 1956: Some reflections on Hannibal's Pass. *Journal of Roman Studies* 46, 37–45.
- Walbank, F.W. 1957–1979: *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. I–III. Oxford.
- Walbank, F.W. 1985: *Selected Papers Studies in Greek and Roman History and Historiography*. Cambridge.

HANNIBAL'S MARCH IN HISTORICAL AND MYTHOLOGICAL SPACE

Vladimir A. Kvashnin

Vologda State University, Vologda, Russia
kvashninv195@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the ideological struggle between Rome and Carthage during the Hannibal war. In the conditions of ancient society, it had a form of series of religious and mythological/ideological concepts. Carthaginian propaganda used a very famous cycle of myths about Heracles in the Greek world. Ideological support for Hannibal's campaign in Italy used the reinterpretation of the tenth feat of Hercules. The action of this myth took place on the territory of North Africa, Spain, and Italy. In historiography has long been noted that the initial stage of Hannibal's campaign in Italy coincides with the route of the so-called the so-called "Road of Heracles/Hercules". This way involves the crossing of the Alpine passes that allowed us to have direct parallels between Hannibal and Hercules. Among the elements of anti-Roman propaganda, the emphasis should be placed on the special mission of Hannibal, which was to protect and save the Italian communities from the tyrannical power of Rome. The main content of Carthage's propaganda campaign was the personification of Hannibal, including through coinage, as the new Hercules and liberator of Italy. This shows that religious images and stories during the war are subject to numerous transformations and reinterpretations, playing the role of ideological weapons in the struggle for the sympathy and loyalty of the Italian peoples.

Keywords: Roman history, Hannibal, "Road of Heracles", Punic wars

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 210–232
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 210–232
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-210–232

ЕВПАТРИДЫ И *DEMOU HEGEMONES*: АФИНСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ АРХАИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

В.Р. Гущин

*Национальный Исследовательский Университет Высшая Школа Экономики, Пермь,
Россия
valerii2012@yandex.ru*

Аннотация. В предлагаемой работе речь идет об афинской аристократии периода архаики. Если доверять афинской исторической традиции (Плутарх, Аристотель), аристократия возникает в результате так называемого синойкизма Тезея. Речь идет о формировании сословия евпатридов. Однако в исследовательской литературе с большой осторожностью относятся к мифологической информации. Сомнения вызывает трактовка этой корпорации как сословия. Кроме того, в последнее время все чаще высказывается предположение, что термин «евпатриды» вошел в обиход не ранее VI в. до н.э.

Другим важным источником информации об афинской аристократии периода архаики являются поэтические произведения Солона. В них афинский реформатор критикует сограждан за безудержную тягу к обогащению. Особо это касается аристократии и «народных вождей» (*demou hegemones*). В настоящей работе высказывается предположение, что *demou hegemones* – группа аристократии, обладавшая политической властью. А если вспомнить, что Аристотель называет государственное устройство Афин накануне реформ Солона олигархическим, уместно поставить вопрос о том, кто эти олигархи (в нашем случае – *demou hegemones*). Могли ли ими быть, например, Алкмеониды, о которых нам известно больше, чем о каком-либо другом аристократическом семействе.

Ключевые слова: Древняя Греция, Афины, аристократия, евпатриды, Солон, *demou hegemones*

Возникновение аристократии в Афинах – процесс, который начинается после так называемой Микенской катастрофы. Ее следствием стало то, что существовавшие ранее социальные и политические структуры, скорее всего, рухнули или деформировались и должны были восстанавливаться или формироваться заново. Кроме того, на этот процесс не могло не повлиять то, что Афины становятся убежищем для многочисленных переселенцев¹.

В VIII в. до н.э. обнаруживаются признаки, указывающие на складывание нового социального слоя – аристократии. Именно в это время в Афинах и Ат-

---

Данные об авторе: Гущин Валерий Рафаилович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального Исследовательского Университета Высшая Школа Экономики.

¹ См. об этом: Гущин 2020, 34 и сл.

тике появляются богатые захоронения, которые с уверенностью можно назвать аристократическими: кладбище Керамика, Дипилонские захоронения². Тогда же возникает культ героев (*tomb cults*), который хотя бы отчасти мог быть связан с процессом формирования аристократии³.

Заметим также, что процесс формирования аристократии затронул не только Афины, но и Аттику. Связано это с тем, что на рубеже IX–VII вв. до н.э. начинается процесс внутренней колонизации – освоения территории Аттики⁴. Археологами отмечается, что немалая часть захоронений, находящихся за пределами города, нередко оказываются богаче афинских⁵. Дж.Н. Колдстрим называет это децентрализацией богатства⁶. Помимо того, едва ли не каждое крупное поселение в Аттике, по мнению И. Морриса, имело свой собственный стиль погребений, что свидетельствует о возникавших не только социальных, но и региональных различиях⁷. Позднее отличия между Афинами и Аттикой – центром и периферией – будут только усиливаться, что приведет не только к формированию региональной аристократии, но, возможно, и к децентрализации Аттики⁸.

В мифологической традиции эта ситуация могла найти отражение в появлении упоминаемого античными авторами Кекропова Двенадцатиградия. «Кекроп, – пишет Страбон, – впервые поселил народ вместе в 12 городах; имена этих городов были: Кекропия, Тетраполь, Эпакрия, Декелея, Элевсин, Афидна (также употребляется Афидны – во множественном числе), Форик, Браврон, Кифер, Сфетт, Кефисия» (Strabo IX. 1.20 = FGrHist 328 F94, пер. Г. Стратановского)⁹. Мы оставляем в стороне вопрос об историчности данного сообщения, хотя о том же, в сущности, говорит и Фукидид: «Дело в том, что при Кекропе и первых царях до Тезея население Аттики жило постоянно отдельными городами, имевшими свои пританеи и правителей» (Thuc. II. 15. 2, пер. Ф. Мищенко)¹⁰. Этими «полисами» управляла своя аристократия или цари (*basileis*)¹¹. В источниках говорится именно о правлении царей: Паллант в Паллене, Кефал в Торики, Муних в Мунихии, Эвмолп в Элевсине и др.¹² В упомянутых «царях», скорее всего, следует видеть

² Roussel 1976, 56; Whitley 1991, 56–57, 182.

³ Р. Паркер и Д. Берингер датируют появление героических культов второй половиной VIII в. до н.э., а наибольшее развитие они получают в VII в. до н.э. (Parker 1996b, 33; Boehringer 2001, 103 sqq.). По мнению Р. Паркера, их появление стало результатом целого комплекса причин (Parker 1996b, 33–37; см. также: Polignac 1995, 128 ff.). Д. Берингер выделяет несколько типов героических культов, один из которых может быть связан с формирующейся аристократией (Boehringer 2001, 103).

⁴ Coldstream 1977, 87. Богатые захоронения найдены, например, в районе Анавассос – будущего афинского дема Анафлист (*ibid.*, 80).

⁵ Роскошные Дипилонские вазы были найдены не только в Афинах, но и в Аттике (Coldstream 1994, 86; см. также: Coldstream 1977, 133–134).

⁶ Coldstream 1977, 87.

⁷ Morris 1987, 195.

⁸ Гуцин 2020, 43.

⁹ Филохор говорит об объединении Кекропом жителей Аттики в двенадцать «городов» (см. также: Robertson 1992, 67; Humphreys 2018, 550 ff.; Гуцин 2020, 43 и сл.). Г. Алфёльди обращает внимание на то, что семь из называемых Страбоном «городов» находились в восточной части Аттики (Alföldy 1967, 27).

¹⁰ Гуцин 2020, 44 и сл.

¹¹ Sealey 1960, 166.

¹² Ленская 1999, 88. В мифологической традиции сохранились имена еще нескольких элевсинских царей – Келея (Hymn. Hom. II. 96–97) и Крокона (Paus. I.38.2, Lambert 2015, 179–180). Павсаний

представителей влиятельных аристократических родов¹³. А это в свою очередь означает, что аристократия изначально складывалась не как единая социальная группа, но как слой, разделенный, условно говоря, на столичную и региональную знать.

Реальность того, что можно назвать регионализацией (или децентрализацией) подтверждается археологическим материалом. Некоторые исследователи говорят о существовании нескольких региональных центров, которые могли обладать определенной автономией. По мнению Г. Алфёльди, одним из них была восточная часть Аттики – район Суний–Форик–Браврон – обширный и плотно населенный в период архаики регион¹⁴. К. Фламан разделяет этот район на две части, которые также могли обладать автономией или независимостью: южная Аттика – Суний–Форик и западная ее часть – Браврон–Веланидеза etc.¹⁵ По мнению Г. Андерсона, самостоятельность отдельных регионов Аттики сохранялась вплоть до реформ Клизфена¹⁶. Иной точки зрения придерживается Ж.–М. Люс, который считает, что гомеровский Каталог кораблей (Hom. II. II. 545–551) свидетельствует о том, что к моменту его составления Аттика была единой¹⁷.

И все же с большей долей уверенности можно говорить о том, что Аттика не была единой, либо это единство было формальным. В подтверждение нередко приводятся свидетельства источников, считающиеся следствием былой раздробленности. Это – и упоминаемые Фукидидом войны между Афинами и Элевсином (Thuc. II. 15), и отсутствие брачных связей между жителями Паллены и Гагнуса, а также то, что Марафонский Тетраполис направлял в Дельфы отдельное посольство¹⁸. Не был един и формирующийся слой аристократии, во всяком случае, первоначально. Можно предполагать существование определенных противоречий между региональной и столичной аристократией¹⁹. Другими словами, регионализм мог быть реальностью рассматриваемого периода²⁰.

Если это было так, неминуемо, на наш взгляд, вставал вопрос об объединении Аттики, т.е. политической (и не только) унификации. Его решение традиция связывает с именем афинского царя Тезея и проведенным им синойкизмом²¹. Его

сообщает, что в Потамах – афинском деме, расположенном вблизи Торика, находилась могила Иона (Paus. I.31.3; Alföldy 1967, 30).

¹³ Alföldy 1967, 27–28. Плутарх именует местную аристократию (царей) евпатридами. Вот что он рассказывает о недовольстве местной знати Тезеем: «...Менесфей, сын Петеоя, внук Орнея и правнук Эрехтея <...> старался возмутить и озлобить могущественных граждан, которые уже давно с трудом терпели Тесея, считая, что он, лишив знатных царской власти, принадлежавшей каждому из них в собственном деме (ἀρχὴν καὶ βασιλείαν ἀφῆρμένον ἐκάστου τῶν κατὰ δῆμον εὐπατριδῶν)» (Plut. Thes. 32, пер. С.Маркиш; Wade-Gery 1932a, 6).

¹⁴ Alföldy 1967, 22.

¹⁵ Flament 2011, 80–81.

¹⁶ Anderson 2003, 39 ff., 139 ff.

¹⁷ Luce 1998, 23.

¹⁸ Sealey 1960, 166; Alföldy 1967, 27; Luce 1998, 3–4.

¹⁹ См. об этом: Sealey 1960, 167.

²⁰ Sealey 1960, 168; Суриков 2000, 19; contra: Mossé 1964; Walters 1982. К. Уолтерс полагает, что региональные различия, если и имели место в действительности, довольно быстро уходят на второй план в процессе заселения Аттики и перемешивания населения. По его мнению, значительно большую роль в период архаики играли не региональные группы, а родственные группы – kinship-groups (Walters 1982, 18).

²¹ Подробнее об этом см.: Гушин 2020.

следствием Ж.–М. Люс считает переименование города в Афины²². Причем использование множественного числа в названии города должно было, по его мнению, стать символом объединения.

Нас в этой истории в большей мере интересует то, что результатом синойкизма становится появление евпатридов: «Он (Тезей – *В.Г.*), – рассказывает Плутарх, – не хотел, чтобы его народ представлял беспорядочную, бесформенную, стекшуюся со всех сторон нестройную толпу, поэтому он первым разделил его на сословия благородных, землевладельцев и ремесленников. Благородным он поручил заведование религиозными обрядами, высшие правительственные места, сделал их блюстителями законов и толкователями тайн божеских и человеческих; но в остальном права их были те же, что и других граждан, – благородные имели преимущество в том, что им оказывалось больше почету» (Plut. Thes. 25, пер. В. Алексеева)²³.

Таким образом, по словам Плутарха, евпатридами, по-видимому, становится вся знать, которая стекалась в Афины. Он к тому же, как уже было сказано, допускает, что евпатриды существовали и до Тезея, во всяком случае, этим термином он обозначает всякую знать (Plut. Thes. 32)²⁴.

Рассказ Аристотеля о возникновении евпатридов несколько отличается от того, что говорит Плутарх. В его изложении евпатриды были добавлены к существовавшим ранее сословиям – геоморов и демиургов (Arist. Ath. Pol. fr.3 = Schol. Plato. Axioch. 371 D)²⁵. Упомянутые сообщения можно дополнить близкими по содержанию рассказами Страбона, Дионисия Галикарнасского и Поллукса (Strabo. VIII. 7. 1; Dion. Halic. Ant. Rom. II. 8. 1–2; Pollux. VIII. 111)²⁶.

Судя по сообщениям древних авторов, синойкизм сопровождался переселением в Афины какой-то части региональной аристократии²⁷. Хотя не исключено, что некоторые известные аристократические семьи, например, Писистратиды и Филаиды, по-прежнему проживали за пределами Афин²⁸. О том, что какая-то часть знати продолжала жить вне Афин, свидетельствует и археологический материал – богатые захоронения, датируемые VII в. до н.э.²⁹

Очевидно, что сообщения о возникновении в Афинах социальных групп (сословий) – в большей мере мифологическая традиция. Не вызывает доверия у исследователей разделение на так называемые сословия, напоминающее деление по родам деятельности (*occupational groups*). Это расценивается как позднейшая философская спекуляция³⁰. С другой стороны, не исключено, что упоминание евпатридов могло быть исторической фикцией или позднейшей реконструкцией, не имевшей отношения к действительности. Замечено что о евпатридах молчат

²² Luce 1998, 26.

²³ Г. Альфёльди считает это основным содержанием традиции о синойкизме Тезея (Alföldy 1967, 14, 18; см. также: Rhodes 1993, 74 и сл.).

²⁴ См. выше прим. 13, а также: Wade-Gery 1931a, 6.

²⁵ Wade-Gery 1931a, 2–3; Sealey 1960, 178; Mossé 1964, 401–402; Rhodes 1993, 67.

²⁶ Анализ см.: Robertson 1992, 74–77.

²⁷ По мнению Г. Альфёльди, это касалось той части аристократии, которая проживала в восточной части Аттики (Alföldy 1967, 28–29; см. также: Sealey 1960, 165–166).

²⁸ Sealey 1960, 166; Roussel 1976, 56.

²⁹ См., например: Alföldy 1967, 19; Manville 1990, 73, note 10.

³⁰ Robertson 1992, 74 ff.; Humphreys 2018, 652–653.

Солон, Геродот и Фукидид³¹. С. Ламберт, например, называет евпатридов историко-графическим конструктом³². Однако этот термин мы находим в целом ряде текстов, относящихся к VI в. до н.э. – эпитафиях (e.g. I³, 1516), сколии (Arist. Ath. Pol. 19. 3), а также в сообщении Аристотеля об избрании в 579/8 гг. до н.э. десяти архонтов, в числе которых было пять евпатридов (Arist. Ath. Pol. 13. 2)³³. Все это, на наш взгляд, не позволяет отмахнуться от сообщений древних авторов.

Итак, если считать евпатридов исторической реальностью, возникает вопрос: что же они представляли собой³⁴. Имел ли этот термин технический или юридический смысл, обозначалась ли им вся знать или какая-то ее часть³⁵? По словам К. Робака, евпатриды – коллективное имя аристократии³⁶. Согласно приведенным сообщениям Аристотеля и Плутарха, группа семей, именующих себя евпатридами, обладала всей полнотой власти в Афинах вплоть до реформ Солона³⁷. Их влияние сохраняется и после них, но преимущественно в религиозной сфере³⁸. В литературе высказывались предположения, что евпатридами первоначально назывался узкий круг знатных семей – например, представителей прежней, микенской знати или тех, кто обладал правом занимать высшие государственные должности³⁹. С. Хэмфриз считает, что обладатели статуса евпатридов принадлежали к наиболее древним жителям Аттики и проживали вблизи Афин или в Элевсине⁴⁰. А. Фушар склонен видеть в евпатридах небольшую группу аристократов, считавших себя потомками мифического царя Эрехтея⁴¹.

В поздней традиции находим еще одну характеристику евпатридов. Оказывается это – автохтонная часть населения Афин и Аттики (Hesych. s.v. eupatridai; Schol. Soph. Electra 25)⁴². Известно, что тема автохтонии получает распространение и даже становится модной в V в. до н.э.⁴³ Этой характеристикой подчеркивается тот факт, что пришлая знать – потомки мессенских и ахейских переселенцев, о которых рассказывает мифологическая традиция (Thuc. I. 2. 7; Strabo. IX. 1. 7), – обладала меньшими правами⁴⁴.

В последнее время все чаще высказывается мысль о том, что термин евпатриды появляется не ранее VI в. до н.э. Именно к этому времени относятся самые ран-

³¹ Fouchard 1997, 148; Welwei 1992, 108; возражения на сей счет см.: Pierrot 2015, 148.

³² Lambert 2015, 171; см. также: Pierrot 2015, 159.

³³ Duplouy 2003, 11. Анализ сообщения Аристотеля см.: Roebuck 1974, 485 ff.; Rhodes 1993, 182–184; Figueira 1984.

³⁴ О евпатридах см., например: Hignett 1952, 78; Sealey 1960, 178–180; Sealey 1976, 116–119; Roebuck 1974, 485 ff.; Figueira 1984, 454–459; Ober 1989, 56–57; Duplouy 2003; Valdes Guia 2012; Pierrot 2015; Яйленко 1990, 18 и сл.; Ленская 1999.

³⁵ См.: Sealey 1960, 179; ср.: Mossé 1964, 406; Chambers 1990, 195–196.

³⁶ Roebuck 1974, 487.

³⁷ Pierrot 2015, 150. А. Пьерро говорит об олигархии, установленной в Афинах евпатридами.

³⁸ Pierrot 2015, 158.

³⁹ Davies 1971, 369; Roebuck 1974, 489; Rhodes 1993, 75; Valdes Guia 2012, 20 и сл.

⁴⁰ Humphreys 2018, 649.

⁴¹ А. Фушар приводит пример Каллия, который считался евпатридом, поскольку был потомком Эрехтея (Xen. Symp. 8.40; Fouchard 1997, 148 note 22). На этом же основании к евпатридам можно отнести и Этеобутадов – потомков Бута – брата Эрехтея (см.: Davies 1971, 349; Parker 1996, 290 ff.; Humphreys 2018, 631, 645–646). Как известно, представитель Этеобутадов – Ликург, сын Аристолаида, возглавил группировку педиеев (Herod. I. 59. 3; Arist. Ath. Pol. 13. 4; Plut. Sol. 29).

⁴² Alföldy 1967, 11.

⁴³ См.: Гушин 2019.

⁴⁴ Roebuck 1959, 26; Хаммонд 2003, 96; Гушин 2020, 34.

ние упоминания о *евпатридах*, зафиксированные в источниках (I3, 1516; Arist. Ath. Pol. 13. 2, 19. 3). Тогда же и даже несколько раньше, появляется уничижительный антоним – *kakopatrides/kakopatris* (например, по отношению к Питтаку)⁴⁵. Правда, его использование, на наш взгляд, придает понятию евпатриды преимущественно морально–этический смысл, хотя в нем ощущается стремление противопоставить претендующих на подлинно аристократическое происхождение остальной знати.

По мнению Т. Фигейры, в VI в. до н.э. евпатридами называла себя определенная группа афинской аристократии – противников тирании, которая позднее получит наименование педиеев⁴⁶. К.–В. Вельвай также считает, что термин евпатриды мог появиться лишь после реформ Солона⁴⁷. До них, т.е. в VII в. до н.э., большее значение имело не происхождение, а имущественные различия, в частности, размеры землевладения, что позднее станет основанием для разделения на имущественные разряды⁴⁸. Сходную трактовку предложил не так давно А. Дюплуи. Он, также, как и предыдущие исследователи, обратил внимание на то, что самые ранние упоминания евпатридов датируются VI вв. до н.э. и относятся преимущественно к противникам тирании⁴⁹. Помимо того, А. Дюплуи предлагает иную (весьма спорную, на наш взгляд) этимологию термина *eupatridai*, которое, по его мнению, имеет в корне не *patris* (отец), а *patria* (родина)⁵⁰.

А. Пьерро высказывает сомнения в том, что данный термин возникает не ранее VI в. до н.э. По сообщению Поллукса, филобасилеи (цари фил), упоминаемые в религиозном календаре солоновского времени, избирались из числа евпатридов (Pollux. 8. 111). Таким образом, существование корпорации евпатридов можно предполагать, по крайней мере, в VII в. до н.э.⁵¹

Попробуем подвести итог сказанному выше. После микенской катастрофы формирование аристократии происходило преимущественно в Афинах, где была сконцентрирована основная масса населения. Трудно сказать, как это происходило в действительности, но можно предположить, что формирующийся слой аристократии не был монолитным и подразделялся на автохтонную (местную) и пришлую знать⁵². С началом процесса внутренней колонизации можно говорить о ее разделении на городскую и региональную. Не исключено, что городская (назовем ее – столичная) аристократии, в особенности та ее часть, которая проживала в городе изначально, ощущала свое превосходство над периферийной. При этом и сама Аттика вряд ли была единой. Процесс, который историческая традиция на-

⁴⁵ «A partisan jibe» – по словам Т. Фигейры (Figueira 1984, 454; см. также: Duplouy 2003, 9–10; Pierrot 2015, 156–157). По мнению М. Вальдес Гуйя и Р. Ганье, понятие *kakopatrides* могло относиться к аристократам, родившимся в результате смешанных браков (Valdes Guia 2012, 9–10; Gagné 2013, 214).

⁴⁶ Figueira 1984, 458–459. Он, кстати, полагает, что в различные исторические эпохи трактовки были различными (Figueira 1984, 458).

⁴⁷ Welwei 1992, 109; см. также: Fouchar 1997, 148–149.

⁴⁸ Welwei 1992, 108; см. также Schmitz 2008, 46. Заметим в этой связи, что раннеархаическая Греция не была «обществом равных возможностей». Обогащение опиралось не только на везение и удачу наиболее предприимчивых земледельцев, превращавшихся в аристократию. Необходимым условием обогащения была принадлежность к определенным стратификационным (статусным) группам.

⁴⁹ Duplouy 2003, 12 ff.; см. также: Figueira 1984, 454–455.

⁵⁰ Duplouy 2003, 14; критику см. также: Pierrot 2015, 154–157.

⁵¹ Pierrot 2015, 157–158.

⁵² Ленская 1999, 91.

зывает синойкизмом, можно назвать попыткой объединения аристократии в более или менее единую социальную группу (или сословие), которая в исторической традиции получила наименование евпатридов. Аристотель и Плутарх, как мы уже говорили, характеризуют евпатридов как сословие, что вызывает сомнения у исследователей⁵³. Нам неизвестно, действительно ли этот слой имел такое наименование или это было реконструкцией позднейших греческих авторов и антикваров. И все же мы не видим оснований сомневаться в его древности.

И еще один важный момент. На наш взгляд, следует различать процесс возникновения аристократии как таковой от того, что было предпринято в результате так называемого синойкизма. В последнем случае, как было сказано выше, ставилась задача объединить уже существующую аристократию в единое целое, корпорацию. Несмотря на предпринятую попытку консолидировать аристократию, новый слой не был монолитным. Другими словами, внутри слоя знати могли быть те, кто считал себя подлинной аристократией и использовал термин евпатриды для собственной характеристики. Возможно, этим подчеркивалось не только социально-статусное, но и моральное превосходство одной группы аристократии над остальной ее частью (отсюда и антонимы евпатриды-какопатриды).

И последнее. А. Пьерро допускает, что евпатриды доминировали в Афинах вплоть до реформ Солона⁵⁴. Мы полагаем, что накануне реформ Солона так оно и было. Но в целом политическая ситуация в Афинах периода архаики была более сложной и запутанной. Но об этом пойдет речь в следующем разделе.

* * *

Для продолжения разговора об афинской аристократии периода архаики обратимся ко времени, предшествующему реформам Солона. Наиболее значимым источником информации об Аттике этого периода являются, конечно же, стихотворения самого афинского реформатора. Первое, что обращает на себя внимание – часто упоминаемые в них и противопоставляемые категории – *agathoi* и *kakoi*. Эти группы, как правило, наделяют социальными чертами, видя в них аристократию и демос⁵⁵. Нам уже приходилось высказываться по этому поводу. Вряд ли оправдано видеть в *kakoi* исключительно бедняков, которых Солон наделил равными с аристократами (*agathoi*) правами⁵⁶. Нередко (хотя и не всегда) это морально-этические категории, характеризующие определенные модели поведения аристократии. Достаточно вспомнить богатеющих *kakoi* – тех, кто стремится обрести богатство любым, в том числе несправедливым путем, отказываясь ради него от доблести (*arete*) (Sol. fr. 4. 11–12 Diehl)⁵⁷. Обратим внимание на то, что упоминаемое в этом контексте понятие *arête* (доблесть) входит в традиционную для аристократии систему ценностей. Это не позволяет считать *kakoi* разбогатевшими неаристократами.

⁵³ E.g.: Fouchard 1997, 148.

⁵⁴ Pierrot 2015, 147, 151, 161.

⁵⁵ e.g.: Ober 1989, 58–59; Rhodes 1993, 137; Mitchell 1997, 138, note 22, 140–144; Туманс 2002, 214–215; Гушин 2011, 112 и сл. Эти же категории упоминает и Феогнид (Гушин 2011, 113 и сл.).

⁵⁶ Гушин 2011, 112 и сл.

⁵⁷ См. также: Hall 2014, 137.

В то же время нельзя не учитывать того факта, что противостояние демоса и аристократии было реальностью. Солон говорит о тех, кто оказался в долговой зависимости, кого он освободил в результате реформ. В этом контексте, на наш взгляд, следует понимать сказанное им об освобождении Матери черной Земли от долговых столбов (*horoī*), т.е. сисахфии (Sol. fr. 24. 5–6 Diehl)⁵⁸. А завершается этот отрывок упоминанием противостоящих друг другу групп:

«...А если б кто другой, как я,
Стрекало взял – недобрый, алчный человек, –
Народа б не сдержал он. Если б я хотел
Того, что нравилось тогда противникам,
Потом того, что указали б их враги,
Тогда мужей бы многих наш лишился град»
(Sol. fr. 24. 21–25 Diehl, здесь и далее пер. С. Радцига).

Очевидно, что речь здесь идет о противостоянии социально и экономически полярных групп – аристократии и демоса⁵⁹. При этом Солон не хочет поддерживать ни одну из сторон. Гражданская смута, по его мнению, была бы неизбежной («тогда мужей бы многих наш лишился град»), окажись он сторонником какой-то из противоборствующих групп. Та же мысль выражена им и в другом известном отрывке, который Солон завершает такими словами:

«Встал я могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других»
(Sol. fr. 5. 5–6 Diehl).

Заметим, что в приведенных выше отрывках Солон говорит скорее о последствиях проведенных (или проводимых) им реформ. Между тем в поэтических произведениях, которые предположительно могли быть отнесены ко времени, предшествующему реформам, мы почти ничего не слышим о противостоянии демоса и аристократии. Эта тема станет актуальной для Солона позднее.

Некоторые исследователи считают, что закабаление демоса, вызванное растущей задолженностью, еще не стало массовым⁶⁰. Х. Ван Веес высказывает предположение, что попадание демоса в зависимость от аристократии происходит незадолго до реформ Солона⁶¹. Мы бы предложили иное объяснение данному факту. Закабаление немалой части демоса (по свидетельству Аристотеля: *Arist. Ath. Pol.* 2.2) вряд ли произошло в исторически короткий промежуток времени. Скорее всего, начало ему было положено задолго до реформ Солона. Просто данная тема не сразу становится актуальной для самого поэта. Другими словами, дело не столько в сложившейся ситуации, сколько в приоритетах автора.

⁵⁸ О сисахфии высказываются разные точки зрения. Традиционная точка зрения: Forsdyke 2006, 339. К.-В. Вельвай не считает *horoī* закладными камнями. Они, полагает исследователь, стояли на участках тех, кто назывался гектеморами (Welwei 2005 35–3; см. также: Harris 1997, 2002; L'Home-Wery 1999, 2004).

⁵⁹ Mossé 1964, 407 и сл.; Lavelle 2005, 73 и сл.; Ellis, Stanton 1968, 95–96; van Wees 2006, 351.

⁶⁰ По мнению К.-В. Вельвая, афиняне не поддержали заговор Килона, угрожавший господствовавшим тогда группам аристократии, только потому что противоречия между аристократией и демосом в 30-е гг. VII в. до н.э. еще не были настолько обострены (Welwei 1992, 136).

⁶¹ van Wees 2006, 379. Он связывает это с насильственными действиями аристократов, присвоивших право распоряжаться большей частью земли (van Wees 2006, 379–380; см. также Hignett 1952, 87; contra Forrest 1956, 40; Ellis, Stanton 1968, 99).

В конце VII в. до н.э. в афинянах (и не только в них) просыпается небывалая тяга к обогащению, которая захватила как аристократию, так и демос⁶². Именно это более всего беспокоило Солон:

«Ясных пределов нигде не положено людям в наживе.
Кто между нами сейчас разбогател больше всех,
Вдвое еще тот стремится...»

(Sol. fr. 1. 71–73 Diehl)⁶³.

И еще:

«Но неразумьем своим сами граждане (ἄστοι) город великий
Ввергнуть в погибель хотят ради корысти одной»

(Sol. fr. 3, 5–6 Diehl).

Немалую часть тех, кого обуял дух стяжательства, кто стремится обрести богатство, в том числе несправедным путем, безусловно, составляли аристократы⁶⁴. Кстати, если оставить в стороне противопоставление несправедно богатеющих и тех, кто сохраняет приверженность традиционным ценностям, то в стихах Солон не содержится намеков на противостояние различных групп аристократии, не говоря уже о региональных группировках. Не упоминаются в них и евпатриды⁶⁵.

Критика Солон, как мы уже говорили, адресована преимущественно тем, кого охватил дух стяжательства. Но главный упрек адресован, пожалуй, тем, кого он называет *demou hegemones*. Продолжим цитировавшийся выше отрывок:

«И у народных вождей (δῆμου θ' ἡγεμόνων) преисполнены думы лукавства
Горестей много их ждет ради надменности их.

Спеси своей ведь они подавлять не умеют и радость,

Данную ныне, венчать в тихом кругу за столом...

Только о деньгах мечты их, владеть, хоть нечестно стремятся...

И богатеют они, злым предаваясь делам»

(Sol. fr. 3, 7–10 Diehl)⁶⁶.

Очевидно, что в упомянутых отрывках из «Евномии» Солон противопоставляет граждан (ἄστοι) и *demou hegemones*. Некоторые исследователи видят в *demou hegemones* разбогатевшую часть афинян, т.е. нуворишей⁶⁷. Мы полагаем, что это – представители аристократии, точнее говоря – ее часть⁶⁸. Обратим внимание на

⁶² Из последних работ см.: Stein-Hölkeskamp 2019; Seaford 2020.

⁶³ Гушин 2011, 110 и сл.; Welwei 2005, 32; Noussia-Fantuzzi 2010, 289; Gagné 2013, 241 и сл.,

⁶⁴ Donlan 1980, 71 ff.

⁶⁵ Fouchard 1997, 148

⁶⁶ Р. Сили, впрочем, считает упоминаемых Солонem *astoi* – горожанами и противопоставляет их *demou hegemones*, в которых он видит представителей региональных элит (Sealey 1960, 168).

Созвучные солоновским идеи высказывает Феогнид, который упрекает «вождей» в том, что они уподобляются *kakoi*:

«Граждане – те еще здравы умом, зато вожди

Готовы уж впасть во всяческое зло

(*hegemones de ... es kakoteta pesein*)»

(Theogn. 41–42, пер. А.Гаврилова; см. также: Nagy 1983, 83–84; Гушин 2011, 114 и сл.).

⁶⁷ Дж. Феррара считает *demou hegemones* «новым классом», противостоящим традиционной знати (Ferrara 1954, 339–344) М. Нуссия-Фантуцци также не исключает, что речь может идти о тех, кто выдвинулся на лидирующие позиции благодаря богатству (Noussia-Fantuzzi 2010, 289, 300; см. также Figueira 2015, 29).

⁶⁸ См.: Donlan 1970, 338; Nagy 1983, 84 and note 8; Welwei 2006, 33, Anm. 14; van Wees 2006, 351; Hall 2014, 137, 218; Гушин 2011, 115.

то, что в приведенном выше отрывке поэт апеллирует к традиционным аристократическим образам и ценностям – совместная трапеза (пир) представляется поэтом как символ социального порядка, идеальный способ разрешения возникающих в среде аристократии конфликтов и противоречий⁶⁹. Солон беспокоит то, что спесь (*hybris*) *demou hegemones* несет угрозу городу и его гражданам – рабство, которое пробуждает гражданскую смуту (*Sol. fr. 3.19–20 Diehl*). И дело здесь не только в их безудержном стремлении к богатству. «Народные вожди» (или вожаки), которым адресованы приведенные выше строки, явно имеют отношение к власти⁷⁰. Солон грозит им выйти из повиновения. Вряд ли приведенные ниже слова были адресованы нуворишам:

«Вы же в груди у себя успокойте могучее сердце:
Много досталось вам благ, ими пресытились вы.
Знайте же меру надменному духу: не то перестанем
Мы покоряться, и вам будет не по сердцу то»
(*Sol. fr. 4. 4–8 Diehl*).

Здесь упомянутая нами группа не названа, но речь, думается, идет именно о ней. А вот другой отрывок, где описывается та же ситуация:

«Будет тогда лишь народ всего лучше идти за вождами
(*δῆμος δ' ὧδ' ἄν ἄριστα σὺν ἡγεμόνεσσιν ἔλοιτο*),
Коль не живет без узды, не угнетен выше сил.
От пресыщенья родится надменность, коль средства большие
Людям приходят таким, меры не знает, чей нрав»
(*Sol. fr. 5, 7–10 Diehl*)

Последний отрывок цитируется в той части «Афинской политики», в которой речь идет о последствиях реформ Солон (Arist. Ath. Pol. 12. 2)⁷¹. Возникает ощущение, что Солон в нем обращается к тем, кто был у власти. Он подвергает критике существовавшее (или еще существующее) политическое устройство и говорит о том, что следует учесть, чтобы избежать социальных потрясений. А если это так, то в упомянутых «народных вождях» следует видеть тех, кто составляет правящую группу, недовольство которой и станет причиной разразившегося в Афинах кризиса.

А теперь поставим вопрос о том, каким было политическое устройство Афин накануне реформ Солон? В «Афинской политике» Аристотель называет его олигархическим (Arist. Ath. Pol. 2.2). Подтверждение этому находим и в «Политике», где говорится, что Солон «упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа <...>» (Arist. Pol. 1273 b36–37, пер. С. Жебелева)⁷². Следовательно, солоновские *demou hegemones* имеют прямое отношение к этой олигархии.

Естественно, возникает другой вопрос: кто эти афинские олигархи? Представители каких знатных родов или семей могли хотя бы предположительно выступить в этой роли? В числе первых, наверное, следовало бы упомянуть Алкмеонидов, сведениями о которых, к изумлению Д. Русселя, переполнены работы

⁶⁹ См.: Schmitt-Pantel 1990, 21.

⁷⁰ А.Фушар сравнивает их с феакийскими «вождями и советчиками» (Hom.Od XIII. 186; Fouchard 1997, 47; ср.: Welwei 1992, 94–95, 105, 151).

⁷¹ См. также: Noussia-Fantuzzi 2010, 289.

⁷² См. об этом: Chambers 1990, 143.

древних авторов⁷³. Уже поэтому их можно считать одной из самых влиятельных групп. В частности, Алкмеониды были главными участниками подавления Килоновского мятежа, закончившегося убийством части заговорщиков – так называемой «Алкмеонидовой скверной» (Herod. V. 71; Thuc. I. 126).

Об их влиянии говорит уже то, что, несмотря на упомянутую «скверну», они сохраняли свои позиции в течение длительного времени, вплоть до суда над ними и последовавшего затем изгнания. Дж. Эллис и Дж. Стэнтон считают, что Алкмеониды были самой влиятельной группой в Афинах вплоть до реформ Солона⁷⁴. Быть может, объяснение этому следует искать в продолжавшемся длительное время конфликте с Мегарами. И сам заговор Килона, и участие в нем мегарян также могут рассматриваться в контексте длительного афино–мегарского противостояния, активную роль в котором играли именно Алкмеониды (Thuc. I. 126)⁷⁵. Но об этом мы поговорим позднее.

А начнем мы с разговора о том, что же представляли собой Алкмеониды. Иногда их называют представителями региональной элиты, поскольку один из представителей данного семейства – Мегакл – становится лидером паралиев (Arist. Ath. Pol. 13. 4). На этом основании Алкмеонидов нередко связывают с одноименным регионом Аттики, расположенном в южной ее части⁷⁶. Действительно, на юге Аттики могли находиться владения этого семейства. Чаще всего называется афинский дем Анафлист – современный Анависсос⁷⁷. Известно, кстати, что в деме Анафлист находились Лаврионские рудники⁷⁸. Их разработка, судя по сведениям археологов, велась с перерывами начиная с Бронзового века⁷⁹. Однако на данный момент нам ничего не известно о связи Алкмеонидов с разработкой Лаврионских рудников⁸⁰. Ч. Элиот, кстати, связывает их не с Анафлистом, а с сельским демом Эгилия (Aigilia) (e.g.: Strabo. IX. 1. 21)⁸¹.

Итак, предполагается, что исконные владения Алкмеонидов находились именно в Паралии. В то же время известно, что в момент реформ Клисфена Алкмеониды были связаны и городскими демами – Алопека, Ксипет⁸². На этом основании высказывается мысль о том, что со временем они перебираются в город⁸³. Г. Андерсон полагает, что движение было в обратном направлении – из города на юг Аттики, и связывает это с высылкой Алкмеонидов в период тирании⁸⁴.

⁷³ Roussel 1976, 62.

⁷⁴ Ellis, Stanton 1968, 99.

⁷⁵ Hopper 1961, 210–211; Piccirilli 1978, 6 ff.; Lavelle 2005, 36 ff.

⁷⁶ Hopper 1961, 196–197. Однако Р. Хоппер не считает их региональной группой (Hopper 1961, 207). См. также: Davies 1971, 372; Суриков 2000, 51 и сл.

⁷⁷ Anderson 2000, 393 ff.

⁷⁸ Eliot 1962, 108; Flament 2011, 82 sqq.

⁷⁹ Osborne 1985, 111.

⁸⁰ К. Фламан, впрочем, допускает связь Алкмеонидов с Лаврионом в период борьбы с тиранией (Flament 2011, 82–83). Если это так, остается неясно, почему мы ничего не слышим об этом, например, в V в. до н.э. В это время с Лаврионскими рудниками будут связаны такие известные личности, как Каллий и Никий (Osborne 1985, 111–112).

⁸¹ Eliot 1962, 69, 108 ff.; см. также: Eliot 1967.

⁸² Hopper 1961, 196; Anderson 2000, 388.

⁸³ см. об этом: Anderson 2000, 393.

⁸⁴ Anderson 2000, 394 ff.

На наш взгляд, динамика движения некоторых аристократических семей, включая Алкмеонидов, могла быть несколько иной. Примем во внимание, что после микенской катастрофы Афины остаются едва ли не единственным населенным пунктом, куда стекалось население Аттики и окрестных регионов⁸⁵. Павсаний называет Алкмеонидов выходцами из Пилоса (Paus. II. 18. 9; ср.: Herod. VI. 125.). Р. Хоппер не исключает такой возможности, полагая, что появившиеся в Афинах знатные переселенцы могли быть отнесены к так называемой «новой знати»⁸⁶. Как бы то ни было, тогда Алкмеониды становятся афинянами и у них могли появиться городские владения⁸⁷.

В IX в. начинается внутренняя колонизация Аттики, которая приводит к освоению новых территорий. Быть может, именно тогда у Алкмеонидов появляются владения на побережье, а сами они превращаются в регионалов. В процессе так называемого синоикизма Тезея Алкмеониды подтвердили (или обрели) свой аристократический статус. В позднейших источниках, кстати, сообщается об обретении Алкмеонидами аристократического статуса в результате реформ Тезея – *apo tou Alkmeonos tou kata Thesea* (Suda. s.v. Alkmaionidai)⁸⁸.

Отдельно следует поставить вопрос о принадлежности Алкмеонидов к словию евпатридов. Г. Уэйд-Гери ставит под сомнение евпатридский статус Алкмеонидов, ссылаясь на Геродота, который называет их семейством (*oikie*), а не *genos* (род)⁸⁹. Он обращает внимание на отсутствие связи Алкмеонидов с определенным религиозным культом, в чем, по его мнению, и состоит отличие *oikie* от *genos*⁹⁰. Отмечается также, что Алкмеониды, разбогатевшие лишь в VI в до н.э., вряд ли могут быть названы исконно богатым семейством⁹¹. Правда, Геродот называет их богатым и издревле знаменитым семейством, но эта характеристика была дана в связи с их строительной деятельностью в Дельфах в период тирании (Herod. V. 62; VI. 125).

Некоторые исследователи все же считают Алкмеонидов евпатридами. Основанием для такого суждения служит то, что представители этого семейства избирались на должность архонтов⁹². Однако заметим, что для избрания на эту должность не требовалось иметь отношение к евпатридам (Arist. Ath. Pol. 3. 1; ср.: 3.6). Другими словами, мы полагаем, что можно было принадлежать к аристократии, но не быть евпатридом.

⁸⁵ Гуцин 2020, 34 и сл.

⁸⁶ Hopper 1961, 196 note 82; см. также Davies 1971, 369.

⁸⁷ Flament 2011, 83.

⁸⁸ Davies 1971, 369; Суриков 2000, 50.

⁸⁹ Wade-Gery 1931b, 82; см. также: Dickie 1979; Figueira 1984, 458–459; Parker 1996b, 319; Суриков 2000, 49 и сл. Напомним в этой связи любопытное сообщение Исократ о том, что Алкивиад по отцу был евпатридом, а по линии матери имел отношение к Алкмеонидам (Isocr. XVI. 25). Дж. Дэвис сомневается в том, что Исократ говорит о реально существовавшем в Афинах роде Евпатридов (Davies 1971, 10–11; contra Parker 1996b, 323; Pierrot 2015, 162, note 21; cf.: Wade-Gery 1931b, 82). Если Исократ упоминает сословие, можно говорить о противопоставлении евпатридов и Алкмеонидов (Figueira 1984, 456). Но, тогда как объяснить, задает вопрос Д. Руссель, что последние избирались на высшие государственные должности (Roussel 1976, 64, note 3).

⁹⁰ Gene, помимо прочего, представляли собой религиозные корпорации (Wade-Gery 1931b, 82; см. также: Roussel 1976, 62 ff.; Thomas 1989, 146; возражения см.: Ленская 2006, 193–194).

⁹¹ Wade-Gery 1931b, 82; Davies 1971, 369–370; Thomas 1989, 146; Seaford 2020, 57 ff.

⁹² Davies 1971, 369, см. также: Anderson 2003, 27.

Быть может, более весомым аргументом в пользу евпатридского статуса Алкмеонидов служат строки так называемого *Leipsydrion–skolion* :

«Ах, Липсидрий, ах, друзей предатель!

Ты каких воителей отважных

Погубил там – знать–то все какую

(ἀγαθοῦς τε καὶ εὐπατρίδας).

Впрямь они там род свой оправдали!»

(Arist. Ath. Pol. 19.3, пер. С. Радцига)⁹³.

Речь в нем идет о неудачной попытке афинских аристократов, возглавляемых Алкмеонидами, свергнуть тиранию в Афинах. В этом отрывке борцы с тиранией, среди которых были и Алкмеониды, названы евпатридами. Можно было бы назвать этот факт косвенным свидетельством, каковым он, на наш взгляд, и является. Но дело, думается, не только в этом. В приведенном отрывке, с одной стороны, подчеркивается принадлежность погибших не столько к корпорации евпатридов, сколько к аристократии как таковой, а с другой акцент делается на их героическом благородстве⁹⁴.

Как бы то ни было, Алкмеониды, безусловно, принадлежали к аристократии. Не вызывает сомнений и то, что они сохраняли свое влияние вплоть до суда и последовавшего за ним изгнания, о чем мы теперь и поговорим. Как известно, Алкмеонидами была жестоко пресечена попытка захвата власти Килоном и его сподвижниками. Если воспользоваться датировкой С. Хорнблауэра, происходит это в 636 г. до н.э.⁹⁵ Но спустя много лет они все же были привлечены к суду, который предположительно датируется 600 г. до н.э.⁹⁶

Что нам известно об этом событии? Вот что рассказывает Плутарх: «Оставшиеся в живых сообщники Килона опять вошли в силу и постоянно враждовали с партией Мегакла. В описываемое время этот раздор достиг высшей точки, и народ разделился на два лагеря. Солон, уже пользовавшийся тогда большой известностью, вместе с знатнейшими гражданами выступил посредником между ними; просьбами и убеждениями он уговорил так называемых «проклятых» подвергнуться суду трехсот знатнейших граждан. Обвинителем выступил Мирон из Флии. Они были осуждены; остававшиеся в живых были изгнаны, а трупы умерших были вырыты и выброшены за пределы страны» (Plut. Sol. 12, пер. С. Соболевского)⁹⁷.

А вот рассказ Аристотеля: «...<Судили их (Алкмеонидов – В.Г.) триста судей> из благородных родов, принеся присягу над жертвенными животными, <причем обвинял> Мирон. Когда осуждено было кощунство, преступники были выброшены из могил, а род их изгнан в вечное изгнание. Критянин Эпименид по этому поводу совершил очищение государства» (Arist. Ath. Pol. 1, пер. С. Радцига).

Аристотель и Плутарх упоминают Мирона как главного обвинителя. Плутарх замечает, что Мирон происходил из афинского дема Флия (Plut. Sol. 12), что ино-

⁹³ См. об этом: Bornitz 1967.

⁹⁴ E.g. Bornitz 1967, 36; Pierrot 2015, 154.

⁹⁵ Hornblower 1991, 206.

⁹⁶ Develin 1989, 33; Anderson 2000, 397. И.Е. Суриков принимает датировку Дж. Райта и датирует это событие 615 г. до н.э. (Wright 1892, 71; Суриков 2000, 37).

⁹⁷ М. Чамберс полагает, что они подверглись *atimia* (Chambers 1990, 141).

гда расценивается как указание на то, что данное событие относится к концу VI в. до н.э., т.е. ко времени возникновения системы демов⁹⁸. Однако Дж. Ботсфорд резонно, на наш взгляд, замечает, что демоны могли существовать и до реформ Клисфена⁹⁹. Не исключено, что Мирон принадлежал к древнему и весьма влиятельному роду Ликомидов, имеющих отношение к мистериальным религиозным культам¹⁰⁰. Последнее наводит на мысль о евпатридах, тесно связанных с религиозной сферой¹⁰¹. Известно, помимо прочего, что в V в. до н.э. Ликомиды, к одной из ветвей которых принадлежал, например, Фемистокл, были последовательными противниками Алкмеонидов¹⁰².

Трудно сказать, почему суд состоялся по прошествии многих лет. В.С. Ленская полагает, что повода для него уже не было¹⁰³. Вряд ли с этим можно согласиться. Быть может, судебный процесс был отодвинут законодательством Драконта¹⁰⁴. Дж. Форрест вообще предлагает не связывать «скверну» и суд над Алкмеонидами с их последующим изгнанием¹⁰⁵. Суд, по его мнению, в большей мере отражал изменившуюся политическую ситуацию – усиление сторонников Килона и той части аристократии, которая не могла и не желала *aristokrateisthai* по-другому, пользуясь выражением Дж. Форреста¹⁰⁶. Среди них были как противники Алкмеонидов, так и те, кто не хотел продолжения войны с Мегарами. Но все же этот суд был связан с кошунством (*asebeia*) – «Алкмеонидовой скверной», т.е., несмотря на возможную политическую подоплеку, мог иметь сугубо религиозный характер¹⁰⁷. А это опять-таки наводит на мысль о евпатридах, участвовавших в судебном процессе.

Несмотря на религиозный характер судебного процесса, основанием для него, как полагает Б. Лавелль, могли послужить неудачи в борьбе с Мегарами и, в частности, захват мегарянами о. Саламин¹⁰⁸. Павсаний упоминает хранившийся в мегарском Олимпие медный нос афинской триеры, относящийся ко времени борьбы за Саламин (Paus, I. 40.5). Это, по мнению некоторых исследователей, может служить материальным свидетельством неудач афинян на море¹⁰⁹. Напомним в этой связи слова Плутарха об утомлении афинян этой длительной и тяжелой войной (Plut. Sol. 8).

Итак, военные неудачи вполне могли стать поводом для привлечения Алкмеонидов к суду за их давние прегрешения. Если доверять сообщению Плутарха, то Солон был одним из тех, кто склонил Алкмеонидов к суду. Другой стороной, добивавшейся осуждения Алкмеонидов, были те, кого Плутарх называет «вошед-

⁹⁸ Botsford 1897, 19 note 3.

⁹⁹ Botsford 1897, 19-20.

¹⁰⁰ Botsford 1897, 20; Parker 1996, 305; см. также: Davies 1971, 36-347; Welwei 1992, 94; Lambert 2015, 179.

¹⁰¹ Humphreys 2018, 649.

¹⁰² Welwei 1992, 94.

¹⁰³ Ленская 2006, 194.

¹⁰⁴ Подробнее об этом см.: Суриков 2000, 125 и сл.

¹⁰⁵ Forrest 1956, 41, 49.

¹⁰⁶ Forrest 1956, 40.

¹⁰⁷ Суриков 2000, 119.

¹⁰⁸ Б. Лавелль считает, что территориальные потери стали следствием «Алкмеонидовой скверны» (Lavelle 2005, 41).

¹⁰⁹ Piccirilli 1978, 7; Lavelle 2005, 41.

шими в силу сообщниками Килона» (Plut. Sol. 12). В отличие от Солона, они могли быть противниками конфликта с Мегарами. Отсюда и последовавший затем запрет на продолжение войны, вызвавший недовольство афинян и Солона. В том, что касается борьбы с Мегарами, Солон и Алкмеониды, надо полагать, были союзниками¹¹⁰. Не удивительно поэтому, что в своих стихах будущий реформатор называет этот запрет позорным:

«На Саламин поспешимте, сразимся за остров желанный,
Чтобы скорее с себя тяжкий позор этот снять»

(Sol. fr. 2. 7–8 Diehl, пер. С.И. Радцига).

Некоторые исследователи полагают, что возвращение Саламина предшествовало суду над Алкмеонидами. По мнению А. Френча, захват Саламина, благодаря которому Солон получил известность, происходит до суда¹¹¹. Действительно, у Плутарха экспедиция на Саламин предшествует рассказу о суде над Алкмеонидами (Plut. Sol. 8–9). А стимулом для нее становится, судя по всему, запрет продолжать военные действия. Если бы это было именно так, инициаторами запрета на продолжение военных действий следовало, пожалуй, считать Алкмеонидов. Но в это, если принять сказанное выше, верится с трудом.

На наш взгляд, Плутарх допускает в своем изложении событийную и хронологическую путаницу, поместив сообщение о захвате Саламина ранее рассказа о суде над Алкмеонидами¹¹². Мы предполагаем иную последовательность событий. Военные неудачи повлекли за собой суд над Алкмеонидами, а затем и запрет на продолжение войны с Мегарами, активными участниками которой они были. Лишь после этого состоялась упомянутая Саламинская экспедиция, которую Ф. Фрост называет «пиратской»¹¹³.

Итак, экспедиция на Саламин, на наш взгляд, состоялась после судебного процесса. Согласно хронологическими построениями Р. Девелина, суд над Алкмеонидами и захват Саламина афинянами отделяет небольшой промежуток времени. По его мнению, эти события могли произойти в один год – 600/599 гг. до н.э.¹¹⁴

Далее Плутарх рассказывает о приглашении критянина Эпименида и очищении Афин и Аттики, а также о начале спора о государственном устройстве (Plut. Sol. 12–13)¹¹⁵. Не исключено, что именно с процедурой «очищения» связано «выбрасывание из могил» кого-то из умерших представителей Алкмеонидов (а возможно, и не только)¹¹⁶. Последнее, несмотря на возможную связь с процедурой «очищения», – крайне недружественный акт по отношению к осужденным¹¹⁷. Сохранившиеся свидетельства не позволяют надежно датировать это событие. Если придерживаться ранней версии, то оно может быть отнесено к 44 или 46 олим-

¹¹⁰ Hopper 1961, 212. Дж. Форрест пишет о близости позиций Солон и Алкмеонидов (Forrest 1956, 40).

¹¹¹ French 1957, 241.

¹¹² E.g. Hopper 1961, 212 note 211.

¹¹³ Скорее по организации, нежели по характеру (Frost 1984, 289).

¹¹⁴ Develin 1989, 33.

¹¹⁵ Rhodes 1993, 81. Хоппер сомневается в том, что захват Саламина предшествовал «очищению». Последнее, по его мнению, должно было стать следствием суда (Hopper 1961, 212 note 212).

¹¹⁶ Так происходило, например, при «очищении» Делоса в 426 г. до н.э. (Thuc. I. 8. 1: Hornblower 1991, 30; Parker 1996a, 163).

¹¹⁷ И.Е. Суриков на основании более ранней датировки судебного процесса считает «очищение» проалкмеонидовской мерой (Суриков 2000, 39).

пиадам – 604/3–601/600 или 596/5–593/2 гг. до н.э. соответственно¹¹⁸. Р. Девелин датирует «очищение» Аттики 596/595 гг. до н.э.¹¹⁹ Есть ощущение, что Плутарх в своем рассказе об этом событии хронологически сближает суд над Алкмеонидами и «очищение» (Plut. Sol. 12)¹²⁰. Если суд датировать 600/599 гг. до н.э., то более предпочтительной датой «очищения» представляется 601/600 гг. до н.э.¹²¹

А теперь вернемся к ранее поставленному вопросу. Могли ли Алкмеониды быть *demou hegemones* – теми, кого в упоминавшихся поэтических отрывках критиковал Солон? Напомним, что Солон в своих стихах упрекает аристократов (и не только), которых обуряла жажда наживы. Возможно, среди них были и Алкмеониды, богатевшие, говоря словами Солона, «злым предаваясь делам» (Sol. fr. 1. 10). Но были ли они *demou hegemonies* – теми, в чьих руках была сосредоточена государственная власть? Составляли ли они основу той олигархической группы, о которой говорит Аристотель?

Подойдем к вопросу с другой стороны. Примем во внимание то, что над этим семейством тяготело проклятие – так называемая «Алкмеонидова скверна». И это, на наш взгляд, могло и даже должно было найти отражение в стихах Солона. А.И. Доватур в одной из своих работ высказывает предположение о том, что упреки в обретении богатства вопреки воле богов приводит к наказанию – к возникновению того, что он называет «наследственной виной»¹²². Упоминание о ней он считает намеком именно на «наследственную вину» Алкмеонидов, т.е. на так называемую «Алкмеонидову скверну». А вот Р. Ганье не уверен (хотя и допускает это), что упоминание «наследственной вины» имело отношение именно к Алкмеонидам¹²³. По его мнению, «наследственная вина» – один из значимых религиозных постулатов. Нарушение божеских установлений, т.е. грех, не только неизбежно влечет за собой расплату, но может передаваться потомкам, становясь «наследственной виной»:

«Все же возмездье придет: неповинные после страдают –
Дети ли этих людей, или позднейший их род»

(Sol. fr. 1. 31–32 Diehl)¹²⁴.

Однако «наследственная вина» Алкмеонидов («Алкмеонидова скверна»), как известно, состояла в другом, т.е. не имела никакого отношения к неправомерно обретенному богатству. Поэтому выскажем сомнения в том, что упреки поэта адресованы Алкмеонидам.

Попробуем подвести итоги. Сказанное выше, очевидно, свидетельствует о том, что Алкмеониды оставили заметный след в афинской истории конца VII в. до н.э. Но их влияние заканчивается после суда и изгнания. Мало того, из-за упоминавшихся выше неудач в войне с Мегарами влияние Алкмеонидов могло ослабеть еще до суда. По этой причине мы не можем с уверенностью сказать, что именно

¹¹⁸ Зайков 2003, 111, прим. 4. См. также: Rhodes 1993, 81–83; Chambers 1990, 141–142.

¹¹⁹ Develin 1989, 34.

¹²⁰ По мнению М. Джеймсона, визит Эпименида последовал за высылкой Алкмеонидов (Jameson 1965, 167, note 3).

¹²¹ Эту датировку считает предпочтительной и В. Буркерт (Burkert 1994, 37).

¹²² Доватур 1977, 38.

¹²³ Gagné 201, 244.

¹²⁴ См. также: Gagné 2013, 228 ff., 237 ff.

Алкмеониды были теми неназванными *demou hegemones*, которых критикует Солон в своих стихах, т.е. теми, кто установил в Афинах олигархический режим.

К концу VII в. до н.э. политическая ситуация в Афинах, как мы говорили выше, кардинально изменяется. Возобновляется противостояние Алкмеонидов и их противников, которых Плутарх называет вошедшими в силу сторонниками Килона. В этих условиях суд над Алкмеонидами виделся Солону единственным способом избежать гражданского конфликта. Однако власть в итоге оказывается под контролем группы знатнейших представителей аристократии – тех, кто участвовал в суде над Алкмеонидами (евпатридов?). Именно этой группе высказывает свои претензии Солон, называя их *demou hegemones*. Он упрекает их не только в приобретении богатств несправедливыми путями, но и в том, что, контролируя власть, не считаясь с мнением большинства афинян (запрет на войну с Мегарами), они пробуждают стасис, провоцируя гражданскую смуту. Если искать проявления доминирования евпатридов, о чем шла речь в первом разделе, их можно, пожалуй, обнаружить в кратковременном правлении этой группы, установившей олигархию в Афинах¹²⁵.

Взятие Саламина и избрание Солона архонтом, а главное, проведенные им реформы изменяют ситуацию. Но лишь на время. Те, кто считали себя подлинной аристократией, оказались уравнены с остальной знатью. Поэтому неудивительно, что после реформ эта группа аристократии попытается вернуть себе утраченные позиции¹²⁶. Итогом этих попыток, впрочем, станет установление тирании.

ЛИТЕРАТУРА

- Гущин, В.Р. 2011: Цензовая реформа Солона и кризис в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н.э. *ВДИ* 3, 107–122.
- Гущин, В.Р. 2019: Образ прошлого как политический миф: афинская *автохтония* (V–IV вв. до н.э.). *Schole* 13.1, 180–197.
- Гущин, В.Р. 2020: Контуры эволюции социальной организации Афин: от Микенской катастрофы до синоикизма Тезея. *ПИФК* 1, 33–52.
- Доватур, А.И. 1977: Наследственная вина в представлении Солона, Феогида, Эсхила. *Philologia Classica* 1, 36–45 (= Доватур, А.И. 1989: *Феогид и его время*. Ленинград, 102–113).
- Зайков, А.В. 2002: Эпименид в Спарте (критская экстатическая мантика и становление «спартанского космоса»). *ВДИ* 4, 110–130.
- Ленская, В.С. 1999: Эвпатриды: начало истории. *ПИФК* 8, 88–99.
- Ленская, В.С. 2006: Два афинских рода: люди и судьбы (опыт социально-психологической характеристики). *Мнемон* 5, 183–205.
- Суриков, И.Е. 2000: *Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох*. М.
- Туманс, Х. 2002: *Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла*. СПб.
- Хаммонд, Н. 2003: *История Древней Греции*. М.
- Яйленко, В.П. 1990: *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.
- Alföldy, G. 1967: Der Attische Synoikismos und die Entstehung des Athenischen Adels. *Revue Belge de Philologie et d'histoire* 47, 5–36.

¹²⁵ О доминировании евпатридов см.: Pierrot 2015, 161.

¹²⁶ См., например: Wade-Gery 1931a, 1; Pierrot 2015, 158.

- Anderson, G. 2000: Alkmeonid "Homeland", Political Exile, and the Unification of Attica. *Historia* 49, 387–412.
- Anderson, G. 2003: *The Athenian Experiment. Building an imagined Political Community in Ancient Attica, 508–490 B.C.* Ann Arbor.
- Boeringer, D. 2001: *Heroenkulte in Griechenland von der geometrischen bis zur klassischen Zeit.* Berlin.
- Bornitz, H.–F. 1967: Die politische Aktivität der Alkmeoniden und die sogenannte Schlacht um Leipshydion. In: H.–F. Bornitz (ed.), *Herodot-Studien. Beiträge zum Verständnis der Einheit des Geschichtswerks.* Berlin.
- Botsford, G.W. 1897: The Trial of the Alcmeonidae and the Cleisthenean Constitutional Reforms. *HSCP* 8, 1–22.
- Burkert, W. 1994: Casualité religieuse: la faute, le signes, les rites. *Mètis* 9–10, 27–40.
- Chambers, M. 1990: *Aristoteles. Staat der Athener.* Berlin.
- Coldstream, J.N. 1977: *Geometric Greece.* London.
- Coldstream, J.N. 1994: Warriors, chariots, dogs and lions: a new Attic Geometric Amphora. *BICS* 39, 85–94.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families. 600–300 B.C.* Oxford.
- Develin, R. 1989: *Athenian Officials. 684–321 B.C.* Cambridge.
- Dickie, M.W. 1979: Pindar's Seventh Pythian and the Status of Alcmaeonids as "Oikos" or "Genos". *Phoenix* 33.3, 193–209.
- Donlan, W. 1970: Changes and Shifts in the meaning of Demos in the literature of the Archaic period. *La Parola del Passato* 135, 381–395.
- Donlan, W. 1980: *The Aristocratic Ideal in Ancient Greece.* Lawrence.
- Duploux, A. 2003: Eupatrides d'Athènes "Nobles Défenseurs de leur patrie". *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 14, 7–22.
- Ellis, J.R., Stanton, G.R. 1968: Factional Conflict and Solon's Reforms, *Phoenix* 22.2, 95–110.
- Eliot, C.W.J. 1962: *Coastal Demes of Attika. A Study of the Policy of Kleisthenes.* Toronto.
- Eliot, C.W.Th. 1967: Where did the Alkmaionidai Live? *Historia* 16, 279–286.
- Ferrara, G. 1954: Solone ed i capi del popolo, *La Parola del Passato* 37, 334–344.
- Figueira, T.J. 1984: The Ten Archontes of 579/8 at Athens/ *Hesperia* 53, 447–473.
- Figueira, T.J. 2015: Solon in Fifth-Century Lyric. In: G. Nagy and M. Noussia-Fantuzzi (eds.), *Solon in the Making. The Early Reception in Fifth and Fourth Centuries.* Berlin–New York, 24–42.
- Flamant, C. 2011: Le Laurion et la cite d'Athènes à la fin de l'époque archaïque. *L'Antiquité Classique* 80, 73–94.
- Forrest, G. 1956: The First Sacred War. *BCH* 80, 33–52.
- Forsdyke, S. 2006: Land, labor and economy in Solonian Athens: breaking the impasse between archaeology and history In: J. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens. New historical and philological approaches* (Mnemosyne, Supplementum 272). Brill–Leiden, 334–350.
- Fouchard, A. 1997: *Aristocratie et Démocratie. Idéologies et Sociétés en Grèce ancienne.* Besançon.
- French, A. 1957: Solon and the Megarian Question. *JHS* 77, 238–246.
- Gagné, R. 2013: *Ancestral Fault in Ancient Greece.* Cambridge.
- Hall, J.M. 2014: *A History of the Archaic Greek World. Ca 1200–479 BCE.* Wiley–Blackwell. 2nd Edition.
- Harris, E.M. 1997: A New Solution to the Riddle of the *seisachtheia*. In: L. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.), *The development of the polis in Archaic Greece.* London, 103–112.
- Harris, E.M. 2002: Did Solon abolish debt-bondage? *CQ* 52, 415–430.
- Hignett, C. 1952: *A History of the Athenian Constitution to the end of the 5th Century B.C.* Oxford.

- Hornblower, S. 1991: *A Commentary on Thucydides*. Vol.1. Oxford.
- Hopper, R.J. 1961: «Plain», «Shore», and «Hill» in Early Athens. *ABSA* 56, 189–219.
- Humphreys, S.C. 2018: *Kinship in Ancient Athens. An Anthropological Analysis*. Oxford. Vol.1–2.
- Jameson M.H. 1965: Notes on Sacrificial Calendar from Erchia. *BCH* 89, 154–172.
- Lambert, S. 2015: Aristocracy and the Attic Genos: A Mythological Perspective. In: N. Fisher, H. van Wees (eds.), *'Aristocracy' in Antiquity. Redefining Greek and Roman Elites*. Swansea, 169–202.
- Lavelle, B.M. 2005: *Fame, Money. And Power. The Rise of Peisistratos and "Democratic" Tyranny at Athens*. Ann Arbor.
- L'Home-Wery, L.–M. 1999: Eleusis and Solon's *Seisachtheia*. *GRBS* 40, 109–133.
- L'Home-Wery, L.–M. 2004: La législation de Solon: une solution à la crise agraire d'Athènes? *Pallas* 64, 145–155.
- Luce, J.–M. 1998: Thésée, le synoecisme et l'Agora d'Athènes. *Revue Archéologique* 1, 3–31.
- Manville, P.B. 1990: *The Origins of Citizenship in Ancient Athens*. Princeton.
- Mitchell, L.G. 1997: New wine in old wineskins: Solon, *arête* and *agathos*. In: L.G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.), *The development of the polis in Archaic Greece* London, 137–147.
- Morris, I. 1987: *Burial and Ancient Society. The rise of the Greek city-state*. Cambridge.
- Mossé, C. 1964: Classes sociales et régionalisme à Athènes au début du VI siècle. *L'Antiquité Classique* 33, 401–413.
- Nagy, G. 1983: Poet and Tyrant: "Theognidea" 39–52, 1081–1082b, *Classical Antiquity* 2.1, 82–91.
- Noussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden–Boston.
- Osborne, R. 1985: *Demos. The Discovery of Classical Attika*. Cambridge.
- Parker, R. 1996a: *Miasma. Pollution and Purification in early Greek Religion*. 2nd Edition. Oxford.
- Parker, R. 1996b: *Athenian Religion: A History*. Oxford.
- Piccirilli, L. 1978: Solone e la Guerra per Salamina, *ASNS* 8 1, 1–13.
- Pierrot, A. 2015: Who were the Eupatrids in archaic Athens? In: N. Fisher, H. van Wees (eds.), *'Aristocracy' in Antiquity. Redefining Greek and Roman Elites*. Swansea, 147–168.
- Rhodes, P.J. 1993: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford. 2nd Edition.
- Robertson, N. 1992: *Festivals and Legends*. Toronto.
- Roebuck, C. 1959: *Ionian Trade and Colonization*. New York.
- Roebuck, C. 1974: Three Classes (?) in Early Attica. *Hesperia* 43, 485–493.
- Roussel, D. 1976: *Tribu et Cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. Besançon.
- Schmitt-Pantel, P. 1990: Sacrificial Meal and *Symposion*: Two Models of Civic Institutions in the Archaic City? In: O. Murray (ed.), *Symptica. A Symposium on the Symposion*. Oxford, 14–43.
- Schmitz, W. 2008: Verpasste Chancen. Adel und Aristokratie im archaischen und klassischen Griechenland, In: H. Beck und U. Walter (Hrsg.), *Die Macht der Wenigen. Aristokratische Herrschaftspraxis, Kommunikation und 'edler' Lebensstil in Antike und Früher Neuzeit*. München, 35–70.
- Seaford, R. 2020: Aristocracy and Monetization: Plato, Parmenides, Herakleitos. and Pindar. *Greece and Rome* 67, 54–70.
- Sealey, R. 1960: Regionalism in Archaic Athens. *Historia* 9, 155–180.
- Sealey, R. 1976: *A History of the Greek City-States. 700–338 B.C.* Berkeley–Los Angeles.
- Stein-Hölkeskamp, E. 2019: "Geld macht den Mann": Reichtum als Distinktionsmerkmal antiker Eliten, *Klio* 101, 427–451.
- Thomas, R. 1989: *Oral Tradition and Written Record*. Cambridge.

- Valdes Guia, M. 2012: Exclusivismo político y religiosos de los Eupatrides en Atenas arcaica. *Dialogue d'Histoire Ancienne* 38.1, 9–36.
- Van Wees, H. 2006: Mass and elite in Solon's Athens: the property classes revisited. In: J. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens. New historical and philological approaches* Brill–Leiden, 351–389.
- Wade-Gery, H.T. 1931a: Eupatridai, Archons, and Areopagus. *CQ* 25, 1–11.
- Wade-Gery, H.T. 1931b: Eupatridai, Archons, and Areopagus. *CQ* 25, 77–89.
- Walters, K.R. 1982: Geography and Kinship as Political Infrastructures in Archaic Athens. *Flo-rilegium* 4, 1–31.
- Welwei, K.–W. 1992: *Athen. Vom neolitischen Siedlungsplatz zur archaischen Grosspolis*. Darmstadt.
- Welwei, K.–W. 2005: Ursachen und Ausmass der Verschuldung attischen Bauern um 600 v.Chr. *Hermes* 133, 29–43.
- Whitley, J.H. 1991: *Style and Society in Dark Age Greece*. Cambridge.
- Wright, J.H. 1892: The Date of Cylon. *HSCPh* 3, 1–74.

REFERENCES

- Alföldy, G. 1967: Der Attische Synoikismos und die Entstehung des Athenischen Adels. *Revue Belge de Philologie et d'histoire* 47, 5–36.
- Anderson, G. 2000: Alkmeonid “Homeland”, Political Exile, and the Unification of Attica. *Historia* 49, 387–412.
- Anderson, G. 2003: *The Athenian Experiment. Building an imagined Political Community in Ancient Attica, 508–490 B.C.* Ann Arbor.
- Boeringer, D. 2001: *Heroenkulte in Griechenland von der geometrischen bis zur klassischen Zeit*. Berlin.
- Bornitz, H.–F. 1967: Die politische Aktivität der Alkmeoniden und die sogenannte Schlacht um Leipsydrion. In: *Herodot-Studien. Beiträge zum Verständnis der Einheit des Geschichts-werks*. Berlin.
- Botsford, G.W. 1897: The Trial of the Alcmeonidae and the Cleisthenean Constitutional Re-forms. *HSCP* 8, 1–22.
- Burkert, W. 1994: Casualité religieuse: la faute, le signes, les rites. *Mètis* 9–10, 27–40.
- Chambers, M. 1990: *Aristoteles. Staat der Athener*. Berlin.
- Coldstream, J.N. 1977: *Geometric Greece*. London.
- Coldstream, J.N. 1994: Warriors, chariots, dogs and lions: a new Attic Geometric Amphora. *BICS* 39, 85–94.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families. 600–300 B.C.* Oxford.
- Develin, R. 1989: *Athenian Officials. 684–321 B.C.* Cambridge.
- Dickie, M.W. 1979: Pindar's Seventh Pythian and the Status of Alcmaeonids as “Oikos” or “Ge-nos”. *Phoenix* 33.3, 193–209.
- Donlan, W. 1970: Changes and Shifts in the meaning of Demos in the literature of the Archaic period. *La Parola del Passato* 135, 381–395.
- Donlan, W. 1980: *The Aristocratic Ideal in Ancient Greece*. Lawrence.
- Dovatur, A.I. 1977: Nasledstvennaya vina d predstavlenii Solona, Feognida, Eskhila [Ancestral Fault in representation of Solon, Theognis, Aeschylus]. *Philologia Classica* 1, 36–45 (= Dovatur, A.I. 1989: *Feognid I ego vremya [Theognis and his time]*. Leningrad, 102–113).
- Duploux, A. 2003: Eupatrides d'Athènes “Nobles Défenseurs de leur patrie”. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 14, 7–22.
- Ellis, J.R., Stanton, G.R. 1968: Factional Conflict and Solon's Reforms, *Phoenix* 22.2, 95–110.
- Eliot, C.W.J. 1962: *Coastal Demes of Attika. A Study of the Policy of Kleisthenes*. Toronto.
- Eliot, C.W.Th. 1967: Where did the Alkmaionidai Live? *Historia* 16, 279–286.

- Ferrara, G. 1954: Solone ed i capi del popolo, *La Parola del Passato* 37, 334–344.
- Figueira, T.J. 1984: The Ten Archontes of 579/8 at Athens/ *Hesperia* 53, 447–473.
- Figueira, T.J. 2015: Solon in Fifth-Century Lyric. In: G. Nagy and M. Noussia-Fantuzzi (eds.), *Solon in the Making. The Early Reception in Fifth and Fourth Centuries*. Berlin–New York, 24–42.
- Flamant, C. 2011: Le Laurion et la cite d'Athènes à la fin de l'époque archaïque. *L'Antiquité Classique* 80, 73–94.
- Forrest, G. 1956: The First Sacred War. *BCH* 80, 33–52.
- Forsdyke, S. 2006: Land, labor and economy in Solonian Athens: breaking the impasse between archaeology and history In: J. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens. New historical and philological approaches*. Brill–Leiden, 334–350.
- Fouchard, A. 1997: *Aristocratie et Démocratie. Idéologies et Sociétés en Grèce ancienne*. Besançon.
- French, A. 1957: Solon and the Megarian Question. *JHS* 77, 238–246.
- Gagné, R. 2013: *Ancestral Fault in Ancient Greece*. Cambridge.
- Gushchin, V.R. 2011: Tsenzovaya reforma Solona i krizis v Attike na rubezhe VII–VI vv. do n.e. [Solon's Census Reform and the Crisis in Attica in the Late 7th and Early 6th Century BC]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 3, 107–122.
- Gushchin, V.R. 2019: Obraz proshlogo kak politicheskii mif: afinskaya avtokhtoniya (V–IV vv. do n.e.) [The Image of the Past as a Political Myth: Athenian autochthony (the 5th and 4th cc. BC)]. *Schole* 13.1, 180–197.
- Gushchin, V.R. 2020: Kontury evolyutsii sotsial'noi organizatsii Afin: ot Mikenskoy katastrofy do sinoikisma Tezeyay [Outlines of the evolution of Athenian social organization: from Mycenaean Catastrophe to Theseus' synoecism]. *Problemi istorii, philologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 33–52.
- Hall, J.M. 2014: *A History of the Archaic Greek World. Ca 1200–479 BCE*. Wiley–Blackwell. 2nd Edition.
- Hammond, N. 2003: *Istoria Drevney Gretsii* [History of Ancient Greece]. Moscow.
- Harris, E.M. 1997: A New Solution to the Riddle of the *seisachtheia*. In: L. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.), *The development of the polis in Archaic Greece*. London, 103–112.
- Harris, E.M. 2002: Did Solon abolish debt-bondage? *CQ* 52, 415–430.
- Hignett, C. 1952: *A History of the Athenian Constitution to the end of the 5th Century B.C.* Oxford.
- Hopper, R.J. 1961: "Plain", "Shore", and "Hill" in Early Athens. *ABSA* 56, 189–219.
- Hornblower, S. 1991: *A Commentary on Thucydides*. Vol.1. Oxford.
- Humphreys, S.C. 2018: *Kinship in Ancient Athens. An Anthropological Analysis*. Oxford. Vol.1–2.
- Jameson M.H. 1965: Notes on Sacrificial Calendar from Erchia. *BCH* 89, 154–172.
- Lambert, S. 2015: Aristocracy and the Attic *Genos*: A Mythological Perspective. In: N. Fisher, H. van Wees (eds.), *'Aristocracy' in Antiquity. Redefining Greek and Roman Elites*. Swansea, 169–202.
- Lavelle, B.M. 2005: *Fame, Money. And Power. The Rise of Peisistratos and "Democratic" Tyranny at Athens*. Ann Arbor.
- Lenskaya, V.S. 2006: Dva afinskikh roda: lyudi i sud'by (opyt sotsial'no-psikhologicheskoi kharakteristiki [Two Athenian gene: peoples and fates] *Mnemon* 5, 183–205.
- Lenskaya, V.S. 1999: Eupatridy: nachalo istorii (Eupatrids: the beginning of history). *Problemi istorii, philologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 8, 88–99.
- L'Home-Wery, L.–M. 1999: Eleusis and Solon's *Seisachtheia*. *GRBS* 40, 109–133.
- L'Home-Wery, L.–M. 2004: La législation de Solon: une solution à la crise agraire d'Athènes? *Pallas* 64, 145–155.

- Luce, J.-M. 1998: Thésée, le synoecisme et l'Agora d'Athènes. *Revue Archéologique* 1, 3–31.
- Manville, P.B. 1990: *The Origins of Citizenship in Ancient Athens*. Princeton.
- Mitchell, L.G. 1997: New wine in old wineskins: Solon, *arête* and *agathos*. In: L.G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.), *The development of the polis in Archaic Greece* London, 137–147.
- Morris, I. 1987: *Burial and Ancient Society. The rise of the Greek city-state*. Cambridge.
- Mossé, C. 1964: Classes sociales et régionalisme à Athènes au début du VI siècle. *L'Antiquité Classique* 33, 401–413.
- Nagy, G. 1983: Poet and Tyrant: "Theognidea" 39–52, 1081–1082b, *Classical Antiquity* 2.1, 82–91.
- Noussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden–Boston.
- Osborne, R. 1985: *Demos. The Discovery of Classical Attika*. Cambridge.
- Parker, R. 1996a: *Miasma. Pollution and Purification in early Greek Religion*. 2nd Edition. Oxford.
- Parker, R. 1996b: *Athenian Religion: A History*. Oxford.
- Piccirilli, L. 1978: Solone e la Guerra per Salamina, *ASNS* 8 1, 1–13.
- Pierrot, A. 2015: Who were the Eupatrids in archaic Athens? In: N. Fisher, H. van Wees (eds.), *'Aristocracy' in Antiquity. Redefining Greek and Roman Elites*. Swansea, 147–168.
- Rhodes, P.J. 1993: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford. 2nd Edition.
- Robertson, N. 1992: *Festivals and Legends*. Toronto.
- Roebuck, C. 1959: *Ionian Trade and Colonization*. New York.
- Roebuck, C. 1974: Three Classes (?) in Early Attica. *Hesperia* 43, 485–493.
- Roussel, D. 1976: *Tribu et Cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. Besançon.
- Schmitt-Pantel, P. 1990: Sacrificial Meal and *Symposion*: Two Models of Civic Institutions in the Archaic City? In: O. Murray (ed.), *Symptotica. A Symposium on the Symposion*. Oxford, 14–43.
- Schmitz, W. 2008: Verpasste Chancen. Adel und Aristokratie im archaischen und klassischen Griechenland, In: H. Beck und U. Walter (Hrsg), *Die Macht der Wenigen. Aristokratische Herrschaftspraxis, Kommunikation und 'edler' Lebensstil in Antike und Früher Neuzeit*. München, 35–70.
- Seaford, R. 2020: Aristocracy and Monetization: Plato, Parmenides, Herakleitos. and Pindar. *Greece and Rome* 67, 54–70.
- Sealey, R. 1960: Regionalism in Archaic Athens. *Historia* 9, 155–180.
- Sealey, R. 1976: *A History of the Greek City-States. 700–338 B.C.* Berkeley–Los Angeles.
- Stein-Hölkeskamp, E. 2019: "Geld macht den Mann": Reichtum als Distinktionsmerkmal antiker Eliten, *Klio* 101, 427–451.
- Thomas, R. 1989: *Oral Tradition and Written Record*. Cambridge.
- Valdes Guia, M. 2012: Exclusivismo político y religiosos de los Eupatrides en Atenas arcaica. *Dialogue d'Histoire Ancienne* 38.1, 9–36.
- Van Wees, H. 2006: Mass and elite in Solon's Athens: the property classes revisited. In: J. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens. New historical and philological approaches* Brill–Leiden, 351–389.
- Wade-Gery, H.T. 1931a: Eupatridai, Archons, and Areopagus. *CQ* 25, 1–11.
- Wade-Gery, H.T. 1931b: Eupatridai, Archons, and Areopagus. *CQ* 25, 77–89.
- Walters, K.R. 1982: Geography and Kinship as Political Infrastructures in Archaic Athens. *Flo-rilegium* 4, 1–31.
- Welwei, K.-W. 1992: *Athen. Vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Grosspolis*. Darmstadt.
- Welwei, K.-W. 2005: Ursachen und Ausmass der Verschuldung attischen Bauern um 600 v.Chr. *Hermes* 133, 29–43.
- Whitley, J. 1991: *Style and Society in Dark Age Greece*. Cambridge.

- Wright, J.H. 1892: The Date of Cylon. *HSCPh* 3, 1–74.
- Yailenko, V.P. 1990: *Arkhaicheskaya Gretsia i Blizniy Vostok* [*Archaic Greece and Near East*]. Moscow.
- Zaikov, A.V. 2002: Epimenid v Sparte (kritskaya ekstatische mantika I stanovlenie “spartanskogo kosmosa”) [Epimenides in Sparta (the Cretan extatic mantics and the Genesis of the “Spartan Cosmos”]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 110–130.

EUPATRIDS AND DEMOU HEGEMONES: ARCHAIC ATHENIAN ARISTOCRACY

Valeriy G. Gushchin

National Research University Higher School of Economic, Perm, Russia
valerii2012@yandex.ru

Abstracts. This paper deals with Athenian aristocracy of Archaic period. According to the historical tradition (Plutarch, Aristotle), aristocracy arises as a result of the so-called synoecism of Theseus. We are talking about the class of Eupatrids. In the literature this information is treated with great caution. The interpretation of this corporation as a class is questionable. Moreover, in recent years it has been suggested that the term Eupatrids came into use not earlier than the 6th century BC. Solon’s poems are undoubtedly an important source of information about Archaic Athenian aristocracy. In his poems the Athenian reformer criticizes fellow citizens for the unrestrained passion for enrichment. This is especially true of the aristocracy and certain *demou hegemones*. In this paper it is suggested that *demou hegemones* were the part of the aristocracy that had state power. It is well known that Aristotle calls the political system of Athens on the eve of Solon’s reforms as oligarchic. Therefore, it makes sense to raise the question of who these oligarchs (i.e. *demou hegemones*) were? Could they be, for example, the Alcmeonids, about whom we know more than of any other aristocratic family?

Keywords: Ancient Greece, Athens, aristocracy, Eupatrids, Solon, *demou hegemones*

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-233–242

ЛУЦИЙ ДОМИЦИЙ ВАЛЕРИАН (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103): ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Е.А. Гуськов

*Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара,
Россия*
guskovea@mgpu.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой первую часть исследования биографии рядового воина VI Железного легиона, затем переведенного в X преторианскую когорту, Луция Домиция Валериана, родом из Капитолиады, который воздвиг в 208 г. алтарь Гению центурии для Геркулеса Защитника в Риме. В данной части рассматриваются вопросы его этнического и социального происхождения. Его родина – Капитолиада – представляла собой молодой город, населенный различными семитскими народами и греками, в то время как римляне составляли в нем меньшинство. Выходцев из этого города стали привлекать к службе в римской армии не позднее времени Траяна. Скорее всего, Валериан не был италийским мигрантом, однако точно определить его этническую идентичность невозможно, поскольку текст его памятника не дает никакой информации на этот счет, а ни в каких других источниках, которые могли бы пролить свет на его семью, он больше не упоминается. Рассмотрены различные возможные варианты происхождения его семьи. Его связь с другими известными нам Домициями Валерианами, следы которых зафиксированы на Дунае, в Малой Азии и на Ближнем Востоке, крайне маловероятна. Социальный статус Валериана может быть определен только косвенно, исходя из того факта, что его служба в Капаркотне ограничилась лишь рядовым составом легиона, куда он поступил, практически не имея шансов на перевод в столичную гвардию. Самое вероятное, что он принадлежал к бедным или максимум к средним слоям своего города.

Ключевые слова: просопография, преторианские когорты, VI Железный легион, Л. Домиций Валериан, *dilectus*, *missio honesta*, реформы Септимия Севера

Одним из наиболее интересных памятников северовского времени является мраморная стела преторианца X-й когорты Луция Домиция Валериана, представляющая собой воинскую дедикацию, воздвигнутую богам по случаю окончания службы (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103). Дело обычное. Необычно в этой стеле то, что она была воздвигнута современником и участником гражданской войны 193–197 гг., свидетелем и, даже более того, бенефициаром реформ Септимия Севера, карди-

---

Данные об авторе: Гуськов Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Все даты в статье, кроме оговоренных отдельно, – н. э.

нально изменивших римскую военную систему. Ее важность подчеркивает наличие прямых и косвенных данных о ходе второй гражданской войны периода Империи. Текст стелы следующий:

CIL VI. 210 = ILS 2103: pro salute dd. nn. Augg., | Herculem defensorem | Genio centyriae ex voto posuit | L. Domitius Valerianus | domo Kapitolia de, stip. XVIII, | mil. coh. X pr. p. v. ѿ Fl. Caralitani, | lectus in praetorio dd. nn. | ex leg. VI Ferr. f. c., | missus honesta missione, | VII idus Ianuar. dd. nn. | Imp. Antonino Aug. III et | Geta nobilissimo Caes. II cos¹.

«За здоровье наших владык Августов (алтарь) для Геркулеса Защитника Гению центурии посвятил по обету Луций Домиций Валериан из дома Капитолиады, прослуживший 18 лет, воин X-й преторианской когорты, благочестивой и охраняющей, из центурии Флавия Каралитана, переведенный в преторий наших владык из VI Железного легиона, верного и непоколебимого, отправленный в почетную отставку, в 7-й день перед январскими идами в консульство наших владык Императора Антонина Августа третье и Геты благороднейшего Цезаря второе»².

Всему, что мы знаем о Луции Домиции Валериане, мы обязаны исключительно его собственной стеле, поскольку ни в каких других источниках – ни в дипломах, ни в латеркулах, ни в нарративе – он больше не упоминается или не идентифицирован. В связи с этим наша осведомленность о его происхождении, жизни и службе оставляет желать лучшего; вдобавок информация о нем неравномерна.

Почти обо всем, что касается происхождения нашего героя, приходится строить более-менее правдоподобные догадки. Единственный достоверный факт – родиной Валериана была Капитолиада, *Capitolias* (совр. Бейт-Рас в Иордании), получившая статус города всего лишь в 97/98 г.³ Название молодому городу дал его главный храм, посвященный Юпитеру Капитолийскому. Несмотря на римское наименование и некоторые архитектурные элементы, присущие римскому городу, здешнее население было смешанным и разнородным: в местной ономастике сильны семитские (арамейские, арабские, набатейские) и греческие элементы, а в некрополе присутствуют арабские захоронения, видимо, связанные с часто бывавшими в здешних местах купцами из Хиджаза и Месопотамии⁴. Местные семитские жители, стараясь приобщиться к высокой культуре римлян и греков, начали давать своим детям греческие и латинские имена. По необычной структуре номенклатуры иногда можно понять, что за этими именами скрываются отнюдь не римляне, в других случаях на «неримскость» намекают имена родителей, а в остальном – полная неизвестность⁵. Несомненно, римляне в Капитолиаде составляли абсолютное меньшинство.

¹ Разумеется, пунктуация в оригинале отсутствует; соблюдена в соответствии с изданием Г. Дессау, но с исправлением в 9-й строке (об этом ниже).

² Пунктуация в переводе соответствует пунктуации приведенного выше латинского текста с учетом исправления.

³ К сожалению, полномасштабных раскопок города пока еще не было. Территория будущей Капитолиады была заселена не позднее второй половины II в. до н. э.: Lenzen, Knauf 1987, 24–25; Lenzen 2003, 74–75.

⁴ Lenzen, Knauf 1987, 27.

⁵ Ibid. Само собой, эта ситуация не уникальна. См. аналогичные примеры с другим этнолингвистическим субстратом – Tomas 2017, 234 ff.

Структура имени нашего героя – Луция Домиция Валериана – включает классический римский трехчленный композит (*tria nomina*), каждый элемент которого ономастически является типично римским или, во всяком случае, итальянским. Учитывая демографическую специфику города, естественно возникает вопрос о том, кем Валериан был этнически? Можно не сомневаться, что, как и для большинства жителей восточных провинций Империи, греческий язык для него, скорее всего, был родным или, по крайней мере, вторым родным⁶. Но мог ли он быть римлянином или, если взять шире, итальянцем? Ответ на этот вопрос упирается в его семейные связи.

Поскольку сам Валериан ничего не сообщает о своих родственниках (в тексте неожиданно нет даже патронимика), о его семье приходится судить только по его имени. Существует несколько эпиграфических зон локализации Домициев на территории Римской Империи. Номен *Домиций* особенно часто встречается в Цизальпинской и Нарбоннской Галлиях⁷. Обычно его распространение в данном регионе связывают с деятельностью Гнея Домиция Агенобарба, консула 122 г. до н.э.⁸ Представлявшие собой второстепенный род во II в. до н.э. Домиции значительно усилили свои позиции в последний век Республики, и к середине I в. до н.э. они располагали здесь обширной клиентелой⁹. Немало носителей этого имени отмечено и в гораздо более восточных областях. В III в. н.э. эпиграфикой засвидетельствован очень влиятельный род Домициев в восточной Вифинии: в городах *Prusias ad Hypium* (расположенном к востоку от Никомедии) и *Bithynion (Claudiopolis)*¹⁰. Здесь гражданство местным семьям незадолго до падения Республики мог предоставить или наместник Вифинии Гней Домиций Агенобарб (консул 32 г. до н.э., правнук предыдущего и прадед императора Нерона), или проконсул Азии Гней Домиций Кальвин (консул в 53 и 40 гг. до н.э.)¹¹.

Перед нами открываются два варианта: 1) Валериан принадлежал к провинциальной семье, которая изначально имела римское гражданство (что, в принципе, было бы неудивительно, так как род Домициев имел множество ответвлений, которые с трудом или вообще не отслеживаются¹²), т. е. это могли быть мигранты

⁶ На эту мысль, помимо общих рассуждений, наталкивает и греческая каппа, использованная при написании названия Капитолиады на стеле Валериана, которую, таким образом, можно отнести на счет не резчика, а ее непосредственного заказчика. Написание города через С см. в коллективном посвящении (латеркуле) CIL VI. 32533, b, fr. 9, l. 4.

⁷ См. комментарий к AE 1972. 328; также 2007. 429.

⁸ О некоторых аспектах его пребывания в Галлии см. Duval 1989; Hermon 1978, 143 ff.

⁹ Marie-Claire 2010, 167–168.

¹⁰ Fernoux 2004, 174; Madsen 2009, 70 ff.; Christol 1997, 305–306; Rémy 1989, 168–169.

¹¹ Madsen 2009, 86; Fernoux 2004, 174, 223.

¹² Вот только некоторые семейства: 1) Domitii Agrippae (AE 1928. 95), 2) Domitii Antonini (конец III – начало IV вв.; AE 1897. 127), 3) Domitii Apri (AE 1947. 84), 4) Domitii Aponii (AE 1946. 195), 5) Domitii Aumurae (AE 1929. 66), 6) Domitii Cornelianii (AE 1922. 124), 7) Domitii Dextri (AE 1933. 214), 8) Domitii Eutropii (вторая половина IV в.; AE 1898. 55, 56, 57), 9) Domitii Florii (AE 1927. 100), 10) Domitii Fuscii (AE 1949. 76), 11) Domitii Leontii (AE 1892. 8), 12) Domitii Marcelli (AE 1954. 144), 13) Domitii Marsiani (AE 1960. 167), 14) Domitii Materni (AE 1955. 238), 15) Domitii Paulli (39 г.; AE 1898. 139), 16) Domitii Perpetui (AE 1930. 22), 17) Domitii Philippi (CIL VI 1092; AE 1948. 121), 18) Domitii Pompeiani (AE 1954. 261), 19) Domitii Primigenii (CIL VI. 13434; 16963), 20) Domitii Primi (CIL VI. 12868; 34106b), 21) Domitii Prisci (CIL VI. 25546a, b; 16966), 22) Domitii Saturnini (AE 1959. 257), 23) Domitii Secundi (AE 1921. 95), 24) Domitii Secundini (AE 1936. 58), 25) Domitii Severi (AE 1949. 169), 26) Domitii Suriaci (AE 1946. 105), 27) Domitii Tauri (AE 1958. 271), 28) Domitii Tellules

из Италии; 2) семья Валериана принадлежала к одной из местных общин и очень давно (до начала Империи) получила права римского гражданства от галльского/вифинского/азиатского наместника, полностью восприняв римскую традицию имянаречения; при этом нет никакой возможности установить, откуда предки Валериана переселились в Палестину. Конечно, куда более очевидным вариантом является Вифиния или Азия, нежели далекая Галлия. Как бы то ни было, если принять второй вариант как более вероятный, мы не знаем их этнической принадлежности, а также изначального статуса его предков до получения гражданства – были ли они свободными членами местных общин, вольноотпущенниками-клиентами или рабами.

Когномен *Валериан* относится к числу наиболее популярных. Пик его наибольшего распространения приходится как раз на вторую половину II–III вв.¹³ Связка номен–когномен *Домиций Валериан*, разумеется, более редкая и зафиксирована только на Востоке. Не считая нашего героя, все известные *Domitii Valeriani* так или иначе локализуются в *Prusias ad Hyrium* или в относительной близости от него. От времени Северов сохранилось несколько памятников, принадлежавших лицам, которые обладают таким же набором *nomen*’а и *cognomen*’а, что и наш герой. Между 209 и 211 гг. Тит Домиций Валериан (Т. Δομίτιος Οὐαλεριανός) воздвиг во Флавиополе (близ совр. Гереде, Турция, т.е. на территории римской провинции Понта–Вифинии) посвященную стелу *Доброй Судьбе* (Ἀγαθῇ Τυχῇ / *Bonae Fortunae*) в честь побед Септимия Севера и его старшего наследника в Британии¹⁴. Этот Валериан, вне всяких сомнений, принадлежал к местной элите, поэтому гипотетически имел возможность лично увидеть Севера во время его краткого пребывания в *Prusias ad Hyrium* в 194 г.¹⁵

Более подробные, хоть и в виде простого перечня постов, сведения имеются о карьере Марка Домиция Валериана (PIR² D. 168), который был трибуном-латинским в III Галльском легионе, квестором, скорее всего, эдилом¹⁶, легатом XII Молниеносного в Каппадокии и VII Клавдиева легиона в Верхней Мезии, затем

(AE 1929. 65), 28) Domitii Tertii (AE 1928. 117), 29) Domitii Theophili (AE 1922. 135), 30) Domitii Tingitani (AE 1948. 115), 31) Domitii Titi (AE 1923. 58), 32) Domitii Valentes (AE 1933. 18), 33) Domitii Verecundi (CIL VI. 32737; 35126) и множество других. Некоторые из них, вне всяких сомнений, не могли быть кровно связаны с двумя главными ветвями (например, 5, 11, 16, 18, 25, 27, 29, 31), представляя собой вольноотпущенников и их потомков.

В одной только гвардии служило несколько Домициев из различных итальянских городов: 1) L. Domitius [...], служивший в 119–136 гг. (CIL VI. 32515, fr. e, col. b, l. 22); 2) L. Domitius Secundus из Iurias, служивший во II-й когорте в 143–160 гг. (CIL VI. 32520, fr. a, col. b, l. 23); 3) C. Domitius C. f. Pol. Sabi[nus] – рядовой преторианец VII-й когорты в 155–172 гг. (CIL VI. 32522, fr. a, col. c, l. 8) и 4) C. Domitius Vi[ctor/talis], родной город которого неизвестен и который был современником нашего героя (CIL VI. 32533, b, fr. 1, l. 8). Известен еще один современник Валериана, родом из Caesarea Mazaca, – L. Domitius L. f. Firmus, вышедший в отставку в 210 г. после службы в VIII-й когорте (RMD III. 191).

¹³ Dean 1916, 56.

¹⁴ Christol 1997, 305.

¹⁵ Birley 1999, 113.

¹⁶ В его посвящении в данном месте лакуна, но эдилитет – наиболее подходящий вариант для ее заполнения как с точки зрения размещения и объема текста, так и с точки зрения последовательности постов: Okoń 2007, 109.

корректором *civitatum Pamphylicae*¹⁷, после – проконсулом Сицилии¹⁸, наместником (*leg. Aug. pr. pr.* и *praeses*) Галатии (примерно в 230–232 гг.)¹⁹, Киликии²⁰, Аравии (в 238/240 г.) и, наконец, стал консулом-суффектом *in absentia* (вероятнее всего, в 238 или 239 г.)²¹. Перед нами образцовая преторская карьера. Из всех известных нам носителей этого имени Марк – самый влиятельный и успешный.

В 231 г. в *Aquae Iasae* в Верхней Паннонии (совр. Вараждинске-Топлице в Хорватии) центурион. «Сдвоенного легиона Тит Флавий Домиций Валериан, сын Тита, из Папириевой трибы, сделал алтарь с посвящением Августовой Фортуны» (AE 1976. 540), атрибуты культа которой прослеживаются на его малой родине – в Эске (*Colonia Ulpia Oescensium*, совр. с. Гиген в Болгарии), где при Коммоде был построен храм богини Фортуны²². Может быть, посвящение было связано с исполнением обета за выздоровление, учитывая, что данное местечко славилось своими лечебными источниками, над которыми были возведены термы, или с более прозаичной причиной – карьерным достижением, отмеченном в посвящении именно с этой целью. Относительно недавно обнаружена благодарственная дедикация, воздвигнутая *Fortun(ae) Aug(ustae)* предположительно вольноотпущенницей или непосредственно самого Флавия Домиция, или его какого-то близкого родственника – Домицией Пусиллой (AE 2008. 1078). Быть может, перед нами следы семейного почитания этой богини?²³

При Гордиане III некий Гай Домиций Валериан был *legatus Augusti pro praetore* (AE 1898. 17: *per C. Dom. Valerianum*), если, конечно, в тексте нет ошибки и перед нами не Марк²⁴. Во всяком случае никаких дальнейших сведений о нем у нас нет.

К III в. относится памятник, упоминающий неизвестного нам фламينا Максима Хея Домиция Валериана Гая, [*M*]aximus Heius Domitius Valerianus Gaius (AE 1927. 170). Содержащееся в тексте уточнение о том, что он был римским всадником (IIIPEA ΡΩΜΑΙΩΝ), намекает на то, что он влился во второе римское сословие первым в своей семье, а римский *praenomen* в качестве второго когномена выдает в нем, по всей видимости, грека.

Можно ли говорить о родственной связи рядового воина VI Железного легиона Луция Домиция Валериана с этими людьми? В их родство верится с трудом. Набор классических римских преноменов (Тит, Марк, Гай и Луций) и допущение о том, что они получили их привычным для римлян поздней Республики и ранне-

¹⁷ Guerber 1997, 217, n. 24.

¹⁸ Forni 1987, 335, 342.

¹⁹ Rémy 1998, 195; 1989, 169.

²⁰ Hicks 1890, 246–247.

²¹ Последовательность служб М. Домиция Валериана хорошо зафиксирована в эпиграфике (AE 1891. 28; 1907. 67; 1957. 44; CIL III. 14149; SEG XIV. 772 = XX. 28), но их датировки, включая даже консульство, вызывают разногласия среди исследователей: Fernoux 2004, 473–474; Sherk 1979, 173; Christol 2002, 266; Christol, Drew-Bear, Taşlıalan 2003, 347.

²² Иванов 2005, 113 слл.

²³ Migotti 2005, 265.

²⁴ Памятник, несущий имя этого Гая, представляет собой милевой столб, найденный на дороге из Петры в Герасу, т.е. на территории римской Аравии, и этим фактом указывает на провинцию, в которой Домиций Валериан был легатом, – ту же самую, где и Марк Домиций. Вдобавок ср. CIL III. 14149 (текст практически идентичен, однако преномен опущен). Таким образом, высока вероятность того, что мы имеем дело то ли с ошибкой резчика, то ли с поздним дефектом камня.

го принципата способом передачи имен²⁵, конечно, могло бы привести нас к такому выводу, но сам контекст надписей говорит о том, что это почти невозможно. Расчет лет показывает, что военная служба Марка Домиция Валериана началась где-то в 210–215 гг., т.е. он родился примерно тогда же, когда Луций Домиций Валериан был зачислен на службу в VI легион. Поскольку Марк стал трибуном-латиклавием, его отец, приходившийся нашему легионеру–преторианцу ровесником, в это время, скорее всего, уже был сенатором. В любом случае Тит, Марк и Гай Домиции входили как минимум в круг элиты своего города, а последние двое из них точно принадлежали к сенаторскому сословию, с которым едва ли можно соотнести нашего простого воина, поэтому их родство с ним маловероятно. Марк и Гай Домиции Валерианы – почти наверняка родственники (братья?) или даже одно и то же лицо: уж слишком многое их объединяет. Современник Луция Домиция Тит, который посвятил стелу в честь британской победы Севера и Каракаллы, возможно, также приходился им родственником – скорее всего, отцом²⁶, а значит, должен был быть сенатором (поскольку его предполагаемый сын стартовал с должности трибуна-латиклавия)²⁷.

Что же касается Флавия Домиция, который дослужился лишь до чина центуриона, то его можно считать социально близким нашему герою. В тексте его памятника специально уточняется, что Валериан был (*centurio legionarius factus at suffragium legionis* (сткк. 5–7). Уточнение этого обстоятельства, важное для дедиканта, может быть свидетельством отсутствия высоких покровителей. Вероятно, он принадлежал к условному среднему классу на своей родине (раз уж у него были либертины), и это резко отделяет его от вышеперечисленных фигур. Надо отметить, что Эск, со времени Августа или Тиберия представлявший собой военный лагерь V Македонского легиона, получил статус колонии в 102/112 гг. – примерно в то же время, когда Капитолиада получила городской статус²⁸, т.е. в обоих случаях – и с Титом Флавием, и с Луцием – мы имеем дело с потомками переселенцев. Тем не менее принадлежность к разным городам и провинциям, хоть и встречающаяся даже среди близких родственников, а также различная структура имен²⁹ все же дает мало надежд на его родственную связь с Луцием.

²⁵ Т.е. с сохранением *nomina* и *cognomen* при изменяющемся в ходе межпоколенной трансляции *praenomen*, причем старший сын мог целиком усвоить имя отца, или с изменением *cognomen* при постоянном *nomine* и относительно стабильном *praenome*. В последнем случае родственную связь установить затруднительно, поскольку мы не знаем, по каким принципам у римлян императорской эпохи отец давал своим сыновьям *cognomina*. Зачастую, как это видно на сохраненных по счастливой случайности в античном нарративе примерах (Suet. Claud. 27. 1; SHA. Pert. 1. 1; Did. Iul. 7. 2 и т.д.), при выборе имен для себя и/или детей римляне руководствовались совершенно личными (а потому чаще всего документально не фиксируемыми) мотивами.

²⁶ Okoń 2007, 109; Rémy 1989, 169. Эту и другие версии о том, кто мог быть отцом Марка, см. Fernoux 2004, 474.

²⁷ Таким образом, новые эпиграфические находки, которые подтвердили бы сенаторский статус Тита Домиция Валериана, стали бы весомым аргументом в пользу его родства с Марком. Вообще на рубеже II–III вв. вифинские *Domitii* были широко представлены в сенате: из *Prusias ad Hypium* – M. Domitius Candidus, M. Domitius Paulianus Falco и, весьма вероятно, его отец – M. Domitius Stratocles, из *Claudiopolis* – M. Domitius Euphemus и M. Ulpius Domitius Aristaeus Arabianus (Madsen 2009, 70–71).

²⁸ Tomas 2017, 238; Иванов 2005, 36.

²⁹ Так, у Тита Флавия *Valerianus* – это *agnomen*, что намекает на то, что с Луцием Домицием их имена совпали, возможно, по чистой случайности. К сожалению, вариантов того, каким образом

Однако остается открытым другой вопрос – не вифинским ли Домициям обязан своим именем Луций Валериан? Мог ли он или его отец быть их вольноотпущенником? К сожалению, однозначного ответа дать нельзя, поскольку самый ранний известный нам Домиций Валериан – Тит – является его ровесником. В отличие от многих греков, удостоившихся римского гражданства, Валериан получил свой когномен явно иным способом – неотличимым от того, как наследовались имена у римлян³⁰, а это может означать, что его родители обладали римскими юридическими правами.

Немногое можно сказать и о социальном статусе нашего будущего преторианца. Провинциальная элита, особенно если она имела права римского гражданства, смотрела на рядовую легионную службу примерно так же, как и элита римская. К II в. н.э. уже давно ушло в прошлое то патриотическое отношение к военной службе, которое имело место в годы Республики и самого раннего принципата, когда военная служба была высокой почестью гражданина. Теперь для социальных низов служба рядовым была, возможно, в первую очередь средством получения гражданства и каким-никаким источником пропитания, для более же обеспеченных слоев – признаком низкого происхождения и статуса. Поэтому едва ли Луций Домиций Валериан имел отношение к элите своего города.

Таким образом, Луций Домиций Валериан стоит особняком в ряду известных нам Домициев Валерианов, однако совсем исключить их родство, несмотря на его маловероятность, нельзя. Гипотетически можно допустить, что Луций принадлежал к обедневшей ветви этой семьи, отделившейся от линии Марка до того, как дела последних пошли в гору. Главным препятствием для этой гипотезы остается, пожалуй, идентичность их *cognomina*.

Совпадение имен у незнатного легионера и представителей элиты не должно удивлять. В конце концов, у нас есть и примеры куда более поразительного сходства. Например, Луций Валерий Валериан. С одной стороны, это известнейший государственный деятель антониновского и северовского времени, один из тех полководцев, что привели Севера к победе в гражданской войне³¹, а с дру-

получилось такое сложносоставное имя, несколько: во-первых, можно допустить, что Тит когда-то был усыновлен из семьи Флавиев (принятых в число граждан в правление Веспасиана или его наследников) или, если считать, что роль сыграла еще старая республиканская традиция, из семьи Валериев; во-вторых, матримониальный союз его родителей или более отдаленных предков с кем-то из Флавиев. Обе версии недоказуемы.

³⁰ Обычный способ заключался в присвоении лицу, принимаемому в число римских граждан, *praenomen* и *nomen* наместника/императора, а личное имя реципиента, каким он обладал прежде, превращалось в *cognomen* (McLean 2002, 123–124; Stauner 2011, 47–48). Возможно, впрочем, что потомки римских переселенцев целенаправленно брали себе греческие имена в качестве когномена, чтобы не выделяться из местной среды (Fernoux 2004, 199). При этом ставшее, например, у греков когноменом личное имя, как правило, оставалось неизменным при передаче от поколения к поколению и не использовалось для различения членов семьи, поэтому нередко опускалось в надписях. У Валериана же традиционная римская трехчленная структура имени, поэтому маловероятно, что в тексте стелы опущена какая-то часть его имени (правда, совсем такую возможность исключить нельзя).

³¹ Во время войны Септимия Севера против Песценния Нигера Валерий Валериан был препозитом вексиляции (*AE* 1985. 829, 11. 57 *praepositus vexillationis adversus hostes publicos*) под общим командованием *dux exercitus* Корнелия Ануллина, с которым вдвоем сыграли большую роль в тяжелой победе североанцев в битве при Иссе. Валериан тогда командовал кавалерией. Во время месопотамской кампании 195 г. мы видим его уже в качестве *praepositus summae expeditionis*, а когда Север

гой – рядовой воин столичного гарнизона, зачисленный на службу в 183 г. (AE 1933. 95, l. 12)³². Не может быть сомнений, что перед нами два разных человека, кровно не связанных между собою³³. Интересен еще один случай. Тит Флавий Домициан, *T. Flavius Domitian(us)*, из Гадары – преторианец, служивший в III когорте в центурии Комиция в III в. (CIL VI. 32536, c. fr. 7+11, l. 25). Гентиликий представителей второй императорской династии, конечно, встречается чрезвычайно часто, поскольку Веспасиан и его наследники весьма активно предоставляли права гражданства провинциалам (много их было в Испании, в Паннониях и Далмации³⁴). Удивляет другое – в номенклатуре этого рядового воина полностью «восстановилась» структура имени последнего представителя династии Флавиев, с которым он не был никак связан.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Avi-Yonah, M. 1966: Lucius Valerius Valerianus, Governor of Syria-Palaestina. *IEJ*, 16, 2, 135–141.
 Birley, A.R. 1999: *Septimius Severus. The African Emperor*. London–New York.
 Christol, M. 1997: Hommages à Septime Sévère et Caracalla provenant de Cretia-Flaviopolis en Bithynie (résumé). *Bulletin de la Société française d'études épigraphiques sur Rome et le monde romain. Année 1996* 8, 305–306.
 Christol, M. 2002: C(aius) Macrinus Decianus, gouverneur de Numidie, et l'histoire militaire de la province au milieu du IIIe siècle. *ZPE* 138, 259–269.
 Christol, M., Drew-Bear, Th., Taşlıalan, M. 2003: Lucius Egnatius Victor Lollianus, proconsul d'Asie. *Anatolia Antiqua* 11, 343–359.
 Dean, L.R. 1916: *A Study of the Cognomina of Soldiers in the Roman Legions*. PhD diss. Princeton.

воевал против Клодия Альбина, Валериан, как предполагает М. Шпейдель, руководил Нисибисом (Speidel 1985, 323). На этом его карьера при Севере, кажется, прерывается и возобновляется только при его преемниках, когда он достигает самых высоких наместнических постов, доступных всадникам, – прокуратора Сирии Палестины и префекта Месопотамии и Осроены (Mennen (ed.) 2011, 206). Биографию Валериана см. Avi-Yonah 1966.

³² Правда, возникла путаница с тем, в какой именно из частей он служил. Дело в том, что начало и конец латеркула, который сохранил нам его имя, утрачены. В досеверовскую эпоху преторианцы и урбаникианцы, набираемые по одному принципу и даже служившие в одном лагере, делали совместные посвящения по поводу окончания службы, при этом воины городских когорт продолжали список воинов преторианских когорт. Даже в дипломах они перечислялись совместно. Последний известный на сегодня «совместный» диплом датирован промежутком 180–184 гг. (AE 1985. 390 = RMD II. 124). В L'Année épigraphique уцелевший фрагмент назван «преторианским», поскольку один из воинов (l. 8) в нем помечен как *sp(eculator)*, которых, как считается, не было в городских когортах. Однако по всем остальным признакам это могут быть только урбаникианцы, поскольку временной охват набора в четыре года был характерен только для них (у преторианцев в нормальном режиме – 2 года). Вдобавок годы набора – со 182 по 186-й – не оставляют сомнений в том, что это не могут быть преторианцы: набранные в этом промежутке воины претория были с позором уволены в июне 193 г. и не могли в начале III в. (этот список, если смотреть на даты зачисления, не может датироваться временем раньше 202 г.) сделать посвящение богам об успешном завершении карьеры.

³³ В отличие от урбаникианца-италийца, препозит Валериан, возможно, происходил из Паннонии – Fitz 1969, 137 f.; Magioncalda 1982. О других Луциях Валериях Валерианах см. Duncan-Jones 1969, 229, n. 7, который, кстати, склоняется к тому, что препозит северовского времени Луций Валерий Валериан и префект с тем же именем при Каракалле – разные лица. Против см. Mennen (ed.) 2011, 206.

³⁴ Migotti 2017, 117.

- Duncan-Jones, R. 1969: Praefectus Mesopotamiae et Osrhoenae. *CPh* 64 (4), 229–233.
- Duval, P.M. 1989: Le milliaire de Cneus Domitius Ahenobarbus. In: *Travaux sur la Gaule (1946-1986)*. Rome, 765–793.
- Fernoux, H.-L. 2004: *Notables et élites des cités de Bithynie aux époques hellénistique et romaine (IIIe s. av. – IIIe s. ap. J.-C.)*. Essai d'histoire sociale. Lyon.
- Fitz, J. 1969: La carrière de L. Valerius Valerianus. *Latomus* 28 (1), 126–140.
- Forni, G. 1987: Sui proconsoli della Sicilia in età imperiale. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 36.3, 333–342.
- Guerber, E. 1997: Les correctores dans la partie hellénophone de l'empire Romain du règne de Trajan à l'avènement de Dioclétien: étude prosopographique. *Anatolia Antiqua* 5, 211–248.
- Гуськов, Е.А. 2020: Воин XIX преторианской когорты Ме[ти]лий Пудент. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия История* 65 (3), 350–367.
- Hermón, E. 1978: Le problème des sources de la conquête de la Gaule Narbonnaise. *Dialogues d'histoire ancienne* 4, 135–169.
- Hicks, E.L. 1890: Inscriptions from Eastern Cilicia. *JHS* 11, 246–247.
- Ivanov, T. 2005: *Grazhdanska bazilika i khram na Fortuna [Civil Basilica and the Temple of Fortune]*. (Ivanov T., Ivanov R., Ulpiya Eskus = Ulpia Oescus: Rimski i rannovizantiyski grad [Ulpia Oescus: Roman and Early Byzantine City]. Book 34). Sofia.
- Иванов, Т. 2005: *Гражданска базилика и храм на Фортуна*. (Иванов Т., Иванов Р. Улпия Ескус = Ulpia Oescus: Римски и ранновизантийски град. Кн. 34). София.
- Lenzen, C.J. 2003: Ethnic Identity at Beit Ras/Capitolias and Umm al-Jimāl. *Mediterranean Archaeology* 16, 73–87.
- Lenzen, C.J., Knauf, E.A. 1987: Beit Ras/Capitolias. A Preliminary Evaluation of the Archaeological and Textual Evidence. *Syria* 64, 1-2, 21–46.
- Madsen, J.M. 2009: *Eager to be Roman: Greek Response to Roman Rule in Pontus and Bithynia*. London–New York.
- Magioncalda, A. 1982: Testimonianze sui prefetti di Mesopotamia. *Studia et documenta historia et iuris* 48, 167–238.
- Marie-Claire, F. 2010: Lucius Domitius Ahenobarbus (cos. 16 a.C.), un dignitaire turbulent. In: *Des déserts d'Afrique au pays des Allobroges*. Hommages offerts à François Bertrand. F. Delrieux, F. Kayser (dir.). T. 1. Savoie, 165–180.
- McLean, B.H. 2002: *An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great Down to the Reign of Constantine (323 B.C. – A.D. 337)*. Ann Arbor.
- Mennen, I. (ed.) 2011: *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden–Boston.
- Migotti, B. 2005: An Inscription to Fortuna from Aquae Iasae, Dedicated by a Centurion from Oescus. In: *Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на ст. н. с. Милко Мирчев*. Варна, 259–268.
- Migotti, B. 2017: The Population of Aquae Balissae (Pannonia Superior). *SAA* 23 (1), 83–124.
- Okoń, D. 2007: *Album senatorum. Vol. I. Senatores ab Septimii Severi aetate usque ad Alexandrum Severum (193 – 235 AD)*. Szczecin.
- Rémy, B. 1989: *Les carrières sénatoriales dans les provinces romaines d'Anatolie au Haut-Empire (31 av. J.-C. – 284 ap. J.-C.) (Pont-Bithynie, Galatie, Cappadoce, Lycie-Pamphylie et Cilicie)*. Istanbul–Paris.
- Rémy, B. 1998: L'apport de la numismatique aux fastes de la province de Galatie au Haut-Empire. *Anatolia Antiqua* 6, 195–201.
- Sherk, R.K. 1979: A Chronology of the Governors of Galatia: A.D. 112–285. *AJP* 100, 1, 166–175.
- Speidel, M.P. 1985: Valerius Valerianus in Charge of Septimius Severus' Mesopotamian Campaign. *CPh* 80 (4), 321–326.

Stauner, K. 2011: The funerary inscription of Gaius Tarquinius. *Gephyra* 8, 45–54.

Tomas, A. 2017: Life on the Frontier: Roman Military Families in Lower Moesia. *Studia Europaea Gnesnensia* 16, 225–257.

LUCIUS DOMITIUS VALERIANUS (CIL VI. 210 = ILS 2103)' ORIGIN

Evgeniy A. Guskov

Samara Branch of Moscow City University", Samara, Russia
guskovea@mgpu.ru

Abstract. This paper is the first part of a study of Lucius Domitius Valerianus' biography, who was a soldier of the VI Ferrata Legion, and then he was transferred to the X Praetorian Cohort. In AD 208, this native of Capitolias erected an altar dedicated to the Genius of the century for Hercules the Protector in Rome. This paper deals with issues of Valerianus' ethnic and social origin. Capitolias was a young city inhabited by various Semitic peoples and Greeks, while the Romans were a minority. Natives of the city began to be attracted to serve in the Roman army no later than the time of Trajan. Most likely, Valerian was not an ethnic Latin, but it is impossible to determine his nationality more precisely, since the text of his monument does not provide any information on this subject, and in any other sources that could shed light on his family, he is no longer mentioned. The paper discusses various possible variants of the origin of his family. His connection with other known Domitii Valeriani, which are recorded on the Danube, in Asia Minor and in the Middle East, is extremely unlikely. The social status of Valerian can only be determined indirectly, based on the fact that his service was limited only to the rank and file of the legion, where he entered, practically having no chance of being transferred to the Guard. Most likely, he belonged to the poor or, at most, to the middle strata of his city.

Keywords: prosopography, praetorian cohorts, legio VI Ferrata, L. Domitius Valerianus, dilectus, missio honesta, Septimius Severus' reforms

---

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОБЛАСТИ ВИЗАНТИНИСТИКИ

В 2020 г. сотрудниками НИУ «БелГУ» были опубликованы две монографии, посвященные различным аспектам начального периода истории Византийской империи. Автором первой «От гетеры до игуменьи. Женщина в Ранней Византии: мир чувств и жизнь тела»¹ является заведующий кафедрой всеобщей истории, профессор Н.Н. Болгов. Это не первая работа данного автора в области гендерной истории Восточно-Римской империи. В 2009 г. им была издана монография «Частная жизнь женщины в Ранней Византии»². Рецензируемая книга представляет собой переработанный, дополненный и популярный ее вариант. Это делает книгу более доступной для широкого читателя. Отметим, что исследования «женского аспекта» византийской истории достаточно редки для отечественной историографии и их следует приветствовать.

Работа «От гетеры до игуменьи. Женщина в Ранней Византии: мир чувств и жизнь тела» состоит из шести глав, освещающих различные аспекты истории и положения женщины в Ранней Византии. Автор определяет рассматриваемый им хронологический период (IV – первая половина VII в.) как позднеантичный «во многих отношениях», когда значительная часть населения Восточно-Римской империи переживали изменения в мировоззрении, вызванные, главным образом, принятием христианства и усилением влияния этой религии на все стороны жизни тогдашнего общества. Тогда и «происходил процесс формирования основ византийской восточно-христианской цивилизации, включая культуру, социальные отношения и менталитет».

Основные выводы, к которым пришел Н.Н. Болгов и которые непосредственно определяли положение и роль женщины в ранневизантийском обществе следующие:

- место женщины (матери, жены, дочери) в семье было традиционно высоким и почетным. Обычная для античности некоторая изолированность и самостоятельность женской половины дома не изменилась с принятием христианства. Более того, такая роль женщины соответствовала представлениям христианской морали;

- материальная и бытовая жизнь византийской женщины напрямую зависела от статуса ее супруга в конкретный период;

- в обществе постепенно усиливалось влияние государства на женщин – представительниц византийской элиты. При этом, чем такая женщина находилась на большем расстоянии от императорского дворца, тем ее собственный внутренний мир более влиял на ее поведение;

- распространения и усиление норм христианской морали практически исключало наготу и привело к внешней закрытости тела. Однако секс в жизни женщины тогда, естественно кроме мо-

---

Данные об авторе: Могаричев Юрий Миронович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования.

¹ Болгов 2020.

² Болгов 2009.

нахинь и придерживавшихся аскетических норм, продолжал играть важную роль и имел различные формы. Проституция в Ранней Византии была достаточно обычным явлением;

- поведение женщины в обществе, во многом, зависело от ее статуса: гетера, свободная девушка, замужняя женщина;

- распространение христианства приводило к усилению аскетизма в частной жизни византийской женщины и формированию женского монашества. Женщины-аскеты уходили не только в исключительно женские монастыри. Среди монахинь, как явление, выделяются женщины, подвизавшиеся под видом евнухов в мужских монастырях;

- правовая культура в отношении женщин имела христианскую основу, но она не всегда могла регулировать личную жизнь конкретной женщины. При этом, чем более женщина вела христианский образ жизни, тем значительнее на ее частную жизнь влияла церковь;

- характерным явлением ранневизантийского общества было стремление к самоизоляции и уходу женщины в частную жизнь;

- вне зависимости от половой принадлежности, византийцы полагали, что женщина мало годится для полноценной общественной жизни.

По нашему мнению, все указанные положения подкреплены достаточной источниковой базой и логически обоснованы.

Особо хотелось бы обратить внимание, на Главу 4, названную автором «Лица и лики», которая отсутствовала в работе «Частная жизнь женщины в Ранней Византии». Здесь Н.Н. Болгов представил удачную и достаточно полную характеристику десяти выдающимся и влиятельным женщинам Ранней Византии – женам императоров и великих полководцев.

Как нам представляется, определенным изъяном рецензируемой работы является отсутствие раздела «женщины-святые Ранней Византии», который мог бы стать неотъемлемой частью третьей главы «От гетеры до игуменьи». Конечно, автор раскрывает многие моменты истории византийских женщин, связанные с христианством. В том числе, достаточно удачно им показаны особенности женского монашества, в первую очередь в Египте и Палестине и специфику женских монашеских практик. Однако, такой важный аспект: какие христианские подвиги, в первую очередь, определяли «путь к святости» той или иной женщины, всегда ли условием канонизации было монашество практически остался практически без внимания. Кроме того, видится необходимым перечень женщин-святых IV – нач. VII вв.

Вторая монография – это работа И.В. Денисовой «Славяне в Греции и Малой Азии (VI–X вв.)³». В ней рассмотрен процесс проникновения и расселения славян на территории Греции и Малой Азии в ранневизантийский период. Кроме того, особо исследуются причины и пути ассимиляции пришлых славян в среде местного населения. Основной вывод, к которому приходит автор, состоит том, что «славянские переселения в Грецию и Малую Азию отличались от германской инфильтрации на территорию западных провинций империи. Третий (славянский) этап Великого переселения народов был в значительной степени деструктивным по отношению к империи. При этом выделим три этапа взаимоотношений славян и Византии: 1) этап набегов и грабежей славян на Грецию: с 517 до 580-х гг.; 2) этап колонизации: с 580-х гг. по VIII в.; 3) с сер. VIII в. по сер. X в. – целенаправленная политика империи по интеграции славян, оставшаяся незавершенной». По мнению И.В. Денисовой, роль славянского населения в системе мультинациональной и поликультурной Византии отличалась от места иных этносов и конфессиональных групп: «Славяне в Византии сохраняли собственные самоуправление, территории, язычество и не стремились интегрироваться в империю. Славянская колонизация носила военно-аграрный характер. Городская культура у славян в Греции так и не возникла».

Несомненно, две указанные монографии привлекут внимание как специалистов, так и всех, кто интересуется историей Византийской империи, гендерной историей средневековья, и различными аспектами славянской колонизации Балкан.

³ Денисова 2020.

ЛИТЕРАТУРА

- Болгов, Н.Н. 2009: *Частная жизнь женщины в Ранней Византии*. Белгород.
Болгов, Н.Н. 2020: *От гетеры до игуменьи. Женщина в Ранней Византии: мир чувств и жизнь тела*. Москва.
Денисова, И.В. 2020: *Славяне в Греции (VI–X вв.)*. Белгород.

REFERENCES

- Bolgov, N.N. 2009: *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v Ranney Vizantii* [*The Private Life of a Woman in the Early Byzantine Empire*]. Belgorod.
Bolgov, N.N. 2020: *Ot getery do igumen'i. Zhenshchina v Ranney Vizantii: mir chuvstv i zhizn' tela* [*From Hetaira to Hegumenia. Woman in the Early Byzantine Empire: the Universe of Feelings and Life of the Body*]. Moscow.
Denisova, I.V. 2020: *Slavyane v Gretsii (VI–X vv.)* [*The Slavs in Greece (the 6th to 10th centuries)*]. Belgorod.

Yuriy M. Mogarichev
Institute of Archaeology of the Crimea Russian
Academy of Sciences, Crimean Republican Institute
for Post-graduate Pedagogical Education,
Simferopol, Russia
mogara@rambler.ru

Ю.М. Могаричев
Институт археологии Крыма РАН,
Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического образования,
Симферополь, Россия
mogara@rambler.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРТ – Археологические раскопки в Таджикистане. Душанбе
АСГЭ – Археологический Сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
Влияния ахеменидской культуры 2012 – М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский (ред.), Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1–2. М., 2012
ВМУ – Вестник Московского Университета. Серия 8: История. Москва.
ДД – Донские древности. Азов
ИА – Институт археологии РАН. Москва
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург.
ИМАКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КСИА – Краткие сообщения института археологии. Москва
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
РА – Российская археология. Москва
СА – Советская археология. Москва
САИ – Свод археологических источников. Москва
Труды ГИМ – Труды Государственного исторического музея. Москва
Труды ЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
- ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden–Boston
AE – L'Année épigraphique. Paris
AJPh – The American Journal of Philology. Baltimore
Anatolia Antiqua – Anatolia Antiqua. Eski Anadolu. Paris
Archaeomalacology 2005 – D.E. Bar-Yosef Mayer (ed.), Archaeomalacology: Molluscs in Former Environments of Human Behaviour. Oxf., 2015.
Archaeomalacology 2014 – K. Szabó, C. Dupont, V. Dimitrijevic, L.G. Gastelum, N. Serrand (eds.), Archaeomalacology: Shells in the Archaeological Record (BAR International Ser. 2666). Oxf., 2014.
BAR – British Archaeological Reports
BCAA – Bonn Contributions to Asian Archaeology
BJb – Bonner Jahrbücher. Bonn
Bull. – Bulletin épigraphique. (Suppl. Revue des Études Grecque). Paris
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini
CIRB – Struve, V. et. al. (ed.). Corpus inscriptionum regni Bosporani. Moscow–Leningrad, 1965
CLE – A. Riese, F. Bücheler, and E. Lommatzsch (eds.), Carmina Latina Epigraphica. Vol. II. Anthologia Latina sive Poesis Latinae supplementum. Leipzig, 1868–1926
CPh – The Classical Philology. Chicago
CRAI – Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
EG – Kaibel, G. Epigrammata graeca ex lapidibus coniecta. Berolini, 1878
Ephem. epigr. lat. – Ephemeris epigraphica, corporis inscriptionum latinarum supplementum. G. Henzen, J.B. Ross, Th. Mommsen, G. Wilmanns (ed.). Vol. I–II. Berolini, 1872–1874
GPh – A.F. Gow, D.L. Page. The Greek Anthology. Pt. 2. The Garland of Philip and Some Contemporary Epigrams. Cambridge, 1968
GVI – Peek, W. Griechische Vers-Inschriften. I. Grab-Epigramme. Berlin, 1955
HE – Gow, A.F., Page, D.L. 1965: The Greek Anthology. Pt. 1. Hellenistic Epigrams. Cambridge

-
- IEJ – Israel Exploration Journal. Jerusalem
- IGUR – Moretti, L. Inscriptiones graecae urbis Romae. Vol. I–IV. Rome, 1968–1990
- IG – Inscriptiones Graecae. Berolini.
- IK Ephesos – Die Inschriften von Ephesos. Vol. I–VIII. Bonn, 1979–1984
- ILS – Hermann Dessau. Inscriptiones latinae selectae. 3 vols. in 5 partes. Berlin, 1892–1916.
- IMagn. – Kern, O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900
- JHS – Journal of Hellenistic Studies. Cambridge.
- JHS – The Journal of Hellenic Studies. London
- JRS – The Journal of Roman Studies. Cambridge.
- LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford
- LSJ – H.G. Liddell, R. Scott, H.St. Jones (eds.), Ancient Greek Lexicon With a Revised Supplement. Oxford, 1996
- MAMA X – Levick, B., St. Mitchell, J. Potter, and M. Waelkens (eds.), Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. X. Monuments from the Upper Tembris Valley, Cotiaeum, Cadi, Synaus, Ancyra, and Tiberiopolis recorded by C.W.M. Cox, A. Cameron, and J. Cullen. London, 1993
- P. Cair. Zen. IV – Edgar, C.C. (ed.), Zenon Papyri, Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. IV. (Cat. 90). Nos. 59532–59800. Cairo, 1931
- PAM – Polish Archaeology in the Mediterranean. Warsaw
- PIR² – Prosopographia Imperii Romani. Editio secunda. Vol. I–VIII. Berolini, 1933–2015.
- RE – Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., et al. (Hrsg.), Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894–1980
- RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz
- Rigsby – Rigsby, K.J. *Asylia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London, 1996
- SAA – Studia Antiqua et Archaeologica
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden–Boston
- Syll³ – Dittenberger, W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. 3rd Edition. Vol. 1–4. Leipzig, 1915–1924
- Xiongnu Archaeology 2011 – U. Brosseder, B.K. Miller (eds.), Xiongnu Archaeology Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia (BCAA 5). Bonn, 2011.
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – Горгиппийские черепичные клейма с легендой ΑΡΧΕΙΑ	7
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн) – Раковины морских моллюсков в погребениях кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии	22
<i>Винокуров Н.И., Фесенко А.В.</i> (Москва) – Оленья траншея с захоронением поросенка и черепа свиньи – новый жертвенный комплекс античного времени городища Артезиан в Крымском Приазовье	59
<i>Петровский В.М.</i> (Саратов) – Кораблекрушение VI в. до н.э. у мыса Тузла	98
<i>Антонов Е.Е.</i> (Москва) – «Пирамидальный» пояс крепости Тарпанчи (Северо-Западный Крым)	109
<i>Тузбеков А.И., Камалеев Э.В.</i> (Уфа) – Поливная кашинная керамика XIII–XV вв. с территории Башкирского Приуралья	126
<i>Кулаков В.И.</i> (Москва) – Особенности иконографии прусского геральдического орла	140
<i>Елисеева Л.Г., Андреева Е.Н.</i> (Москва) – «Здесь теперь я отдыхаю под землей, о хозяин, много потрудившись»: место собаки в жизни древнегреческого ойкоса на материале надгробных надписей	149
<i>Зубарева А.В.</i> (Санкт-Петербург) – Лунное затмение апотропеический шум в древнеримской магии	164
<i>Шарнина А.Б.</i> (Санкт-Петербург) – Панэллинские празднества в дипломатической деятельности эллинистических полисов (Магнесия на Меандре)	176
<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – Коммагенские этнарии по надписи из Селевкии-на-Евфрате	193
<i>Квашинин В.А.</i> (Вологда) – Поход Ганнибала в историческом и мифологическом странстве	200
<i>Гуцин В.Р.</i> (Пермь) – Евпатриды и demou hegemones: афинская аристократия архаического периода	210
<i>Гуськов Е.А.</i> (Москва) – Луций Домиций Валериан: происхождение	233

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Могаричев Ю.М.</i> (Симферополь) – Новые исследования сотрудников Белгородского Государственного Национального исследовательского Университета в области византистики	243
--	-----

CONTENTS

<i>S.Yu. Saprykin</i> (Moscow) – Roof-Tile Stamps with the Inscription <i>Αρχετα</i> from Gorgippia	7
<i>M.Yu. Treister</i> (Bonn) – Shells of Sea Molluscs from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia in the Context of Trade in Exotic Materials in Eurasia.....	22
<i>N.I. Vinokurov, A.V. Fesenko</i> (Moscow) – Ash Trench with the Burial of Piglet and Pig Skull – A New Sacrificial Complex of Antique Time at Artezian Settlement (The Crimean Azov Region).....	59
<i>V.M. Petrovskiy</i> (Saratov) – Sixth-Century BC Shipwreck at Cape Tuzla.....	98
<i>E.E. Antonov</i> (Moscow) – “Pyramidic” Belt of Tarpanchi Fortress (the Northwestern Crimea).....	109
<i>A.I. Tuzbekov, E.V. Kamaleev</i> (Ufa) – The 13 th –15 th cc. Glazed Kashin Pottery from the Bashkir Urals	126
<i>V.I. Kulakov</i> (Moscow) – Features of the Iconography of the Prussian Heraldic Eagle.....	140
<i>L.G. Eliseeva, E.N. Andreeva</i> (Moscow) – “Here I Lie Under the Ground, oh Lord, after Having Toiled a Lot”: a Dog’s Place in Ancient Greece as Described in Epitaphs	149
<i>A.V. Zubareva</i> (Saint Petersburg) – A Lunar Eclipse and an Apotropaic Noise in Roman Magic.....	164
<i>A.B. Sharnina</i> (Saint Petersburg) – Panhellenic Festivals in the Diplomacy of Hellenistic Poleis (Magnesia on the-Maeander).....	176
<i>S.V. Obukhov</i> (Moscow) – Ethnarchs of Commagene in the Inscription from Seleucia-on-Euphrates.....	193
<i>V.A. Kvashnin</i> (Vologda) – Hannibal’s March in Historical and Mythological Space.....	200
<i>V.G. Gushchin</i> (Perm) – Eupatrids and Demou Hegemones: Archaic Athenian Aristocracy	210
<i>E.A. Guskov</i> (Samara) – Lucius Domitius Valerianus (CIL VI. 210 = ILS 2103) Origin.....	233

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>Yu.M. Mogarichev</i> (Simferopol) – New Byzantine Studies Of Belgorod National Research University Scholars	243
--	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 53б, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S. Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma s fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	‘		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2021

Сдано в набор 10.03.2021. Подписано в печать 15.03.2021.

Дата выхода 30.03.2021.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.